

Религиозная организация
— духовная образовательная организация высшего образования
**«МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ»**

На правах рукописи

Красников Сергей Васильевич (диакон)

**Религиозно-нравственная проблематика в творческом наследии
М. М. Пришвина**

5.11.3. Практическая теология
(по исследовательскому направлению: православие)

**Диссертация на соискание учёной степени
кандидата теологии**

Научный руководитель:
кандидат богословия, кандидат филологических наук
Дмитрий Сергеевич Барицкий (иерей)

Сергиев Посад, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМА БОГОИСКАТЕЛЬСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ М. М. ПРИШВИНА.....	22
1.1. Поиск «радостного бога»: от пантеизма к христианскому сознанию.....	22
1.2. Молитва как средство связи с неведомым «божеством».....	96
1.3. Специфика писательской веры в Бога.....	114
ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМА РЕЛИГИОЗНОГО ДИССИДЕНТСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ М. М. ПРИШВИНА.....	144
2.1. «Я не религиозный человек, а просто любопытный»: религия, как альтернатива поиска истины.....	144
2.2. Проблема антицерковности М. М. Пришвина.....	174
2.3. Особенности авторского восприятия эсхатологии.....	191
ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМА ПРИШВИНСКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ПИСАТЕЛЯ.....	227
3.1. «На руинах браков»: специфика авторского восприятия любви.....	227
3.2. Категории добра и зла в нравственном поле М. М. Пришвина.....	248
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	291
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	298
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	321

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. В Советском Союзе в среде писателей, критиков и читателей М. М. Пришвина воспринимали преимущественно как писателя-натуралиста, анималиста, этнографа, человека, который в основном работает в жанрах «охотничьих очерков» и рассказов о природе. По свидетельству самого автора, в литературных кругах его окрестили лириком и «бесчеловечным писателем»¹, избегающим в своих произведениях мира людей и актуальных общественно-политических проблем. Однако его интересовала не только природа, но и сам человек. В своем творческом наследии М. М. Пришвин старался «гармонически сочетать человека и природу»². Так, для писателя природа стала универсальным метаязыком, неким общечеловеческим «Lingua Naturae», изучение, анализ и познание которого рождает искусство и возводит к вечному³. С помощью природы он стремился познать Творца, мир и самого себя.

Читатели не имели возможности обратить внимание на религиозно-философскую проблематику творчества Пришвина по причине отсутствия в свободном доступе корпуса дневников с 1905 по 1954 г. По причине критики со стороны советских издательств автор также был вынужден скрывать религиозно-нравственную проблематику в своих произведениях. Для этого он использовал особый аллегорический, образный, притчевый язык, обильно применяя скрытые библейские и евангельские аллюзии и реминисценции.

В связи с отсутствием полного издания дневников, во многом объясняющего и дополняющего художественные произведения, ранние исследователи могли видеть в писателе язычника-пантеиста, философа, но никак не христианина.

Так, в отечественном литературоведении советского периода за М. М. Пришвиным закрепилась репутация автора рассказов о живой и неживой природе. Отношение к М. М. Пришвину как преимущественно к художнику-

---

¹ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. Кн. 3. М. : Московский рабочий, 1995. С. 268.

² См.: Пришвин М. М. Дневники. 1946–1947. М. : Новый хронограф, 2013. С. 699.

³ См.: Лейбниц Г. В. Анагогический опыт исследования причин // Собр. соч. : в 4 т. М. : изд-во «Мысль», 1984. Т. 3. С. 127–128.

натуралисту весьма ограничивает тот смысловой потенциал, которым обладают его произведения. Также это не позволяет адекватно определить то место, которое они занимают в контексте русской литературы и шире — в контексте христианской культурной традиции.

Важно отметить, что благодаря такой постановке проблемы и такому целеполаганию исследование приобретает междисциплинарный характер — оно совмещает в себе теологический, а также филологический аспекты. Теологический, поскольку предполагает анализ, соотнесение и оценку произведений писателя с доминантами восточно-христианской аксиологии. Филологический, поскольку предполагает взаимодействие с публицистическими и художественными текстами, которые живут по законам литературного жанра, а также теми их компонентами, работа с которыми традиционно осуществляется в рамках литературоведческого анализа.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена необходимостью целостного изучения творческого наследия писателя: дневников, публицистических и художественных произведений — на предмет выявления религиозно-нравственной проблематики.

Объект исследования — система религиозно-философских взглядов и мироощущение М. М. Пришвина, отраженных в его творчестве⁴.

---

⁴ Главным критерием при выборе тех или иных произведений в рамках указанных жанров было наличие явной религиозно-нравственной проблематики в заголовке, центральной теме или идее. При этом приоритет отдавался более распространенным жанрам и наиболее характерным произведениям, т. к. объем кандидатской диссертации не позволяет бесконечно расширять рамки исследования. Так, сюда вошли следующие произведения М. М. Пришвина за 1905–1954 гг.: **1) Дневники (1905–1954 гг.).** Приводятся в следующих изданиях: Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. Кн. 1. М.: Московский рабочий, 1991; Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. Кн. 2. М.: Московский рабочий, 1994; Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. Кн. 3. М.: Московский рабочий, 1995; Пришвин М. М. Дневники. 1923–1925. Кн. 4. М.: Русская книга, 1999; Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. Кн. 5. М.: Русская книга, 2003; Пришвин М. М. Дневники. 1928–1929. Кн. 6. М.: Русская книга, 2004; Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931. Кн. 7. СПб.: Росток, 2006; Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. СПб.: Росток, 2007; Пришвин М. М. Дневники. 1932–1935. Кн. 8. СПб.: Росток, 2009; Пришвин М. М. Дневники. 1936–1937. СПб.: Росток, 2010; Пришвин М. М. Дневники. 1938–1939. СПб.: Росток, 2010; Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. М.: Изд-во РОССПЭН, 2012; Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. М.: Изд-во РОССПЭН, 2012; Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. М.: Новый хронограф, 2013; Пришвин М. М. Дневники. 1946–1947. М.: Новый хронограф, 2013; Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949. М.: Новый хронограф, 2014; Пришвин М. М. Дневники. 1950–1951. СПб.: Росток, 2016; Пришвин М. М. Дневники. 1952–1954. СПб.: Росток, 2017. **2) Публицистические произведения:** «Крыса» (1912), «В законе отчет» (1913), «Церковь невидимого града» (1913), «Обрадованная Россия» (1914), «Отзвуки войны» (1914), «На братскую линию» (1914), «Отзвуки боя» (1915), «Православный с загулочей улицы» (1915), «Закон вышел!» (1915), «Дела и случаи» (1915), «Быстрое время» (1916), «Вернисаж» (1917), «От земли и городов» (1917), «Поверочный молебен» (1917), «Самогон» (1917), «Земля и власть» (1917), «Война слов» (1917), «Не робейте, за нас индейцы!» (1917),

Предмет исследования — религиозно-нравственная проблематика творческого наследия М. М. Пришвина.

Цель исследования — выявить взаимосвязь творческого наследия писателя с духовно-нравственными ценностями и идеалами Православной культуры.

Задачи исследования:

1) выявить доминантные религиозно-нравственные темы в творческом наследии М. М. Пришвина 1905–1954 гг.;

2) проследить и отразить особенности религиозных и этических взглядов писателя на материале дневниковых записей, а также избранных публицистических и художественных произведений;

3) выявить внешние и внутренние факторы, которые могли повлиять на возникновение и изменение религиозных и нравственных взглядов писателя;

4) определить жанровые формы и средства выражения авторской проблематики в тексте;

5) выявить особенности религиозно-нравственной проблематики, поднимаемой в творчестве М. М. Пришвина, и дать им богословскую оценку.

Степень изученности проблемы. Творческое наследие М. М. Пришвина выделяется многообразием форм, с которыми работал автор, и тех вопросов, которые он поднимал в своих произведениях. Это объясняет живой интерес к

«О бесстрашии» (1917), «Хрустят косточки» (1917), «Земля и власть» (1917), «Чающие и обещающие» (1917), «Смех обезьян» (1917), «Убивец» (1917), «Красный гроб» (1917), «Поцелуйте боженьку под хвостик!» (1917), «Раздел» (1917), «Подзаборная молитва» (1917), «Овчее дело» (1917), «Князь тьмы» (1917), «Посещение фараона» (1917), «Невидимый град» (1917), «Папиросное войско» (1917), «В защиту слова» (1917), «Молитва пастуха» (1917), «Сила вещей» (1917), «Перестаньте, я вас застрелю!» (1917), «Испытание вином» (1917), «Крест и цвет» (1917), «Мать-земля» (1917), «Пахота» (1917), «Праздник рыжего таракана» (1917), «Опрос писателей» (1918), «Капитан Аки» (1918), «Самоопределение коров» (1918), «Касьяны-именинники» (1918), «В черных очках» (1918), «Последний ответ» (1918), «Насыщение пятью хлебами» (1918), «Тьма-тьмушая» (1918), «Кровавый гусак» (1918), «Гробы повапленные» (1918), «В телячьем вагоне» (1918), «От земли и городов» (1918), «На посевах» (1918), «Русский чан» (1918), «В саду» (1918), «Наша культура» (1918), «Распни!» (1918), «Земля и власть» (1918), «Красная горка» (1918), «Обыск» (1918), «От земли и городов» (1922), «Милость мира» (1923), «Сопка Маира» (1923), «Школьная Робинзонада» (1924), «Охрана природы» (1947), «К выступлению на слете юных туристов» (1948), «Материалы к выступлению на Втором всесоюзном совещании молодых писателей» (1951). Публицистика приводятся по изданиям: Пришвин М. М. Цвет и крест / Сост., вступ. статья, подготовка текста и коммент. В. А. Фатеева. СПб. : Росток, 2004; Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. М. : Художественная литература, 1983. Т. 5. **3) Художественные произведения:** «Сашок» (1906), «В краю непуганых птиц» (1907), «За волшебным колобком» (1908), «У стен града невидимого» (1909), «О братцах» (1910), «Круглый корабль» (1911), «Крутой зверь» (1911), «Никон Староколенный» (1912), «Саморок» (1912), «Спас-Чекряк» (1913), «Астраль» (1914), «Цепочка Иисусова» (1915), «Страшный суд» (1917), «Мирская чаша» (1922), «Слепая Голгофа» (1924), «Заутреня» (1928), «Журавлиная родина» (1928), «Рассказы о ленинградских детях» (1943), «Кладовая солнца» (1945), «Повесть нашего времени» (1946). Художественные произведения приводятся по изданию: Пришвин М. М. Собр. соч. : в 8 т. М. : Художественная литература, 1982–1986. Т. 1–8.

личности писателя и его наследию в XX и в XXI вв. самых разных исследователей, среди которых можно встретить философов, этнографов, культурологов и других специалистов. С публикацией рядом издательств оригинальных авторских дневников его труды стали особенно часто изучать в канве религиозно-философских установок и теорий. Также стали предприниматься попытки анализа и осмысления отдельных произведений в контексте христианской культуры, однако до настоящего момента никто из исследователей не проводил комплексной работы по выявлению религиозно-нравственной проблематики всего творческого наследия М. М. Пришвина.

Среди исследователей, изучающих дневники писателя как форму художественного творчества, можно выделить (здесь и далее в алфавитном порядке): А. Н. Варламова⁵; К. Д. Гордович⁶; А. Е. Горинова⁷; Я. Гришину, В. Гришину⁸; О. Н. Денисову⁹; П. Б. Ибрагимову¹⁰; М. П. Качалову¹¹; Е. Ю. Кнорре¹²; В. В. Круглеевскую¹³; А. М. Колядину¹⁴; А. В. Никандрову¹⁵;

⁵ Варламов А. Н. Жизнь как творчество в дневнике и художественной прозе М. М. Пришвина : автореф. дис. ... доктора филол. наук : 10.01.01. М., 2003. 42 с; Варламов А. Н. Пришвин. Серия : ЖЗЛ. М. : Молодая гвардия, 2021. 560 с.

⁶ Гордович К. Д. Дневники М. Пришвина как универсальный текст // Михаил Пришвин : актуальные вопросы изучения творческого наследия : Материалы международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения писателя. 2003. Вып. 2. С. 131–137.

⁷ Горинов А. Е. К вопросу о жанрово-стилевом своеобразии ранних дневников М. Пришвина (1905–1914) // Михаил Пришвин : актуальные вопросы изучения творческого наследия : Материалы международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения писателя. 2003. Вып. 2. С. 138–140.

⁸ Гришина Я., Гришин В. Дневник как форма самопознания художника // Человек. 1995. № 5. С. 162–166.

⁹ Денисова О. Н. Метафизика любви в дневниковом и художественном дискурсе М. М. Пришвина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Елец, 2015. 21 с; Денисова О. Н. Эрос и пол в дневниковых книгах М. М. Пришвина // Вестник Костромского государственного университета. 2014. Т. 20. № 2. С. 127–130.

¹⁰ Ибрагимова П. Б. Концептосфера авторской картины мира (на материале дневников М. М. Пришвина и В. Д. Пришвиной «Мы с тобой. Дневник любви») : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Махачкала, 2011. 24 с.

¹¹ Качалова М. П. Природа в «Дневниках» М. М. Пришвина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Магниторск., 2011. 24 с.

¹² Кнорре Е. Ю. Идеал нового «Мы» в дневниках и художественных произведениях М. Пришвина 1914–1928-х гг. // Соловьевские исследования. 2015. Вып. 3 (47). С. 130–142.

¹³ Круглеевская В. В., Рязанова Л. А. Блок в дневнике Пришвина и вновь найденное письмо Блока Пришвину // Литературное наследство. 1987. Т. 92. № 4. С. 328–336.

¹⁴ Колядина А. М. Специфика дневниковой формы повествования в прозе М. Пришвина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Самара, 2006. 20 с.; Колядина А. М. Принципы организации текста в дневниках М. Пришвина (диахронический аспект) // Михаил Пришвин : актуальные вопросы изучения творческого наследия : Мат-лы междунауч. конф., посвящ. 130-летию со дня рожд. пис. 2003. Вып. 2. С. 99–103.

¹⁵ Никандрова А. В. Издательская судьба дневников М. М. Пришвина // Михаил Пришвин : диалоги с эпохой : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 135-летию со дня рождения писателя. 2008. С. 138–144.

О. В. Никифорову¹⁶; Ю. В. Розанова¹⁷; М. Н. Сову¹⁸; Р. А. Соколову¹⁹;
М. П. Шустова²⁰; Л. Н. Юрченко²¹ и др.

Отдельно следует выделить исследователей, которые в своих работах затрагивают религиозно-философский контекст дневников или же изучают их в ключе христианской культуры. Такой подход использовали в своих трудах Н. В. Борисова²²; Ж. А. Зубова²³; Г. П. Климова²⁴; Е. Криволапова²⁵; Е. Ю. Кнорре²⁶; М. А. Ковыршин²⁷; Е. Ю. Константинова²⁸; В. И. Матушкина²⁹; А. М. Подоксенов³⁰; И. В. Попова³¹; Я. В. Сарычев³²; В. А. Фатеев³³ и др. Каждый

¹⁶ Никифорова О. В. Мотив движения в дневниковых записях М. М. Пришвина дальневосточного периода // Литература и культура Сибири, Дальнего Востока и Восточного зарубежья. Проблемы межкультурной коммуникации. 2018. С. 13–16.

¹⁷ Розанов Ю. В., Попова Н. В. Дневники М. М. Пришвина в контексте дневниковой прозы писателей первой половины XX века // Родная словесность. 2015. Вып. 5 (11). С. 60–66.

¹⁸ Сова М. Н. Дневники М. М. Пришвина в современных исследованиях // Вестник ТвГУ. 2015. № 1. С. 361–366.

¹⁹ Соколова Р. А. «Дневники» М. Пришвина // Вековая история как фундамент дальнейшего развития : материалы научно-практической конференции преподавателей РГУ имени С. А. Есенина. 2015. С. 744–748.

²⁰ Шустов М. П. Дневники М. Пришвина как разновидность художественного творчества // Михаил Пришвин : диалоги с эпохой. 2008. С. 172–176.

²¹ Юрченко Л. Н. Дневник как жанровая форма у И. А. Бунина и М. М. Пришвина // Михаил Пришвин : диалоги с эпохой. 2008. С. 80–88.

²² Борисова Н. В. Художественное бытие мифа в творческом наследии М. М. Пришвина : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01. Елец, 2002. 34 с.; Борисова Н. В. Михаил Пришвин : от эсхатологии к «миру преображенному» // Филологос. 2013. 3 (18). С. 15–20; Борисова Н. В. Преподобный Амвросий Оптинский и святитель Тихон Задонский в дневниках и прозе М. М. Пришвина // «Любовью и единением спасемся» (Преподобный Сергей Радонежский). 2015. С. 36–38.

²³ Зубова Ж. А., Анзина М. А. Библейская фразеология в художественных произведениях М. М. Пришвина // Вестник Костромского гос. ун-та. 2015. Т. 21. № 3. С. 137–140.

²⁴ Климова Г. П. Творчество И. А. Бунина и М. М. Пришвина в контексте христианской культуры : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.02. М., 1993. 53 с.

²⁵ Криволапова Е. Поиски Бога в ранних дневниках Михаила Пришвина // Roczniki humanistyczne. 2022. Т. LXX. № 7. С. 87–100.

²⁶ Кнорре Е. Ю. Евангельский сюжет о возвращении блудного сына в дневниках М. М. Пришвина 1917–1920 гг. // Творческое наследие Михаила Пришвина в системе современного гуманитарного знания. 2018. С. 130–139; Кнорре Е. Ю. Сюжет о благоразумном разбойнике в дневниках М. Пришвина периода революции и гражданской войны в контексте религиозно-философских исканий «китежан» 1920-х гг. (С. Дурьлина, П. Флоренского, В. Муравьева) // Новозаветные образы и сюжеты в культуре русского модернизма. 2018. С. 476–491.

²⁷ Ковыршин М. А. Соотношение религиозно-философских взглядов М. Пришвина и Д. Мережковского (к постановке проблемы) // Михаил Пришвин : актуальные вопросы изучения творческого наследия : Мат. междунар. науч. конф., посв. 130-летию со дня рожд. пис. 2003. Вып. 2. С. 140–143.

²⁸ Константинова Е. Ю. Философия творческой личности в дневниках и художественных произведениях М. Пришвина 1920-х годов (религиозно-философский контекст) // Михаил Пришвин и XXI век : Мат. всерос. науч. конф., посв. 140-летию со дня рожд. пис. 2013. С. 75–82; Константинова Е. Ю. Персонализм и космизм в дневниках М. М. Пришвина 1920–1930-х гг. (религиозно-философский контекст) // Булгаковские чтения. 2014. № 8. С. 139–143; Константинова Е. Ю. Идея творческого воздействия на мир в дневниках М. М. Пришвина 1926–1929 гг. в контексте диалога с Н. Федоровым и А. Горским // Литературоведческий журнал. 2011. № 29. С. 129–147.

²⁹ Матушкина В. И. Душа природы и человека в философских воззрениях М. Пришвина и Л. Леонова // Михаил Пришвин : актуальные вопросы изучения творческого наследия : Мат. междунар. науч. конф., посв. 130-летию со дня рожд. пис. 2003. Вып. 2. С. 152–157.

³⁰ Подоксенов А. М. Философско-мировоззренческий дискурс и культурный контекст творчества М. М. Пришвина : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 24.00.01. Белгород, 2008. 36 с.; Подоксенов А. М. Пришвин М. М. о большевизме как религиозном сектантстве в «Дневниках» 1914–1922 годов и в «Мирской чаше»

из исследователей в рамках работы выделяет одну или несколько значимых религиозно-нравственных тем. Однако достаточно проработанным остается лишь дореволюционный и революционный периоды. Последующие годы освещались менее детально или не затрагивались вообще.

Так, Н. В. Борисова поднимает тему эсхатологических настроений М. М. Пришвина, связанных с революционными потрясениями и чаянием простым народом конца света. Г. П. Климова выявляет христианские мотивы в творчестве и дневниках писателя. Однако по причине незавершенности публикации дневников М. М. Пришвина охватить их в своем исследовании в полном объеме она не смогла. Е. Ю. Кнорре рассматривает дневники и творческое наследие М. М. Пришвина через призму Евангелия, уделяя особое внимание сюжету о блудном сыне, а также эсхатологической проблематике града Божия. О религиозных исканиях писателя в контексте его диалога с Д. С. Мережковским пишет М. А. Ковыршин, отмечая особый религиозный синкретизм писателя и роль революции в его писательской деятельности. Проблему житнетворчества М. М. Пришвина по материалам дневников и художественных произведений поднимает Е. Ю. Константинова, неразрывно связывая ее с авторским религиозным восприятием мира. Вопрос о религиозно-философских особенностях убеждений М. М. Пришвина поднимает В. И. Матушкина, выделяя в личности писателя интерес как к пантеизму, так и к религиозным темам, которые он поднимал в течение всей своей жизни. Качественный анализ философско-мировоззренческой проблематики в творчестве и отчасти в дневниках писателя проводит А. М. Подоксенев. Однако исключительный интерес исследователя вызывает скорее философия и связь

// Религиоведение. 2004. № 3. С. 113–124; Подоксенев А. М. О проблеме «богоискательства» в мировоззрении и творчестве М. М. Пришвина // Религиоведение. 2007. № 4. С. 79–89; Подоксенев А. М. Михаил Пришвин. Философско-мировоззренческие контексты творчества // М. Пришвин и XXI век : мат. Всерос. науч. конф., посв. 140-летию со дня рожд. пис. 2013. С. 3–16.

³¹ Попова И. В. Христианский контекст в творчестве М. М. Пришвина // Наука и образование. 2019. № 4. С. [н. д.]; Попова И. В. Религиозные искания в «Раннем дневнике» (1907–1913) М. М. Пришвина // Духовно-нравственные основы русской литературы. Сборник научных статей. 2014. С. 146–151.

³² Сарычев Я. В. «Новое религиозное сознание» и М. Пришвин // Михаил Пришвин : актуальные вопросы изучения творческого наследия : Мат. междунар. науч. конф., посв. 130-летию со дня рожд. пис. 2003. Вып. 2. С. 175–183.

³³ Фатеев В. А. Христианские мотивы в «Дневниках» М. М. Пришвина // Актуальные вопросы современного богословия и церковной науки. 2018. С. 277–282.

взглядов М. М. Пришвина и мыслителей XX в., а не собственно религиозно-нравственный контекст его творчества. И. В. Попова обращает внимание на эволюцию мировоззрения писателя в контексте христианства. Однако в работах исследователь представляет М. М. Пришвина скорее как православного, чем как религиозного писателя и потому обходит стороной в его миропонимании нравственные и религиозно неоднозначные моменты. О мировоззренческой эволюции писателя в 1908–1909 гг. также пишет Я. В. Сарычев, фокусируя внимание на его философском пантеизме и роли Религиозно-философского общества Д. С. Мережковского в формировании взглядов М. М. Пришвина. В. А. Фатеев предпринимает попытку изучения христианских мотивов писателя в контексте всех дневниковых записей и предлагает трехэтапную хронологическую систему изучения его дневников. Автор обращает особое внимание на главную причину писательства М. М. Пришвина — поиск истины и духовное искание Бога, приведшее его к Православию.

При всем этом работы, комплексно изучающие весь корпус дневников М. М. Пришвина в религиозно-нравственном аспекте, отсутствуют.

Наименее изученной частью трудов остается публицистическое наследие писателя, которым занимались Н. В. Новикова³⁴, А. М. Подоксенов³⁵ и др. Однако целенаправленного анализа газетных публикаций М. М. Пришвина через призму религиозно-нравственной проблематики не проводилось.

Среди исследователей, изучавших художественные произведения³⁶ М. М. Пришвина преимущественно вне религиозного контекста, можно выделить А. А. Алехину³⁷; Ю. Ю. Афанасьева³⁸; О. Н. Денисову³⁹; Д. Н. Дюсекенева⁴⁰;

³⁴ Новикова Н. В. Забытый Пришвин: журнальные очерки начала 1910-х годов // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи («Смирновские чтения»). 2015. С. 120–130.

³⁵ Подоксенов А. М. Михаил Пришвин: художник и время (социокультурные контексты повести «Мирская чаша») // Credo new. 2014. № 1 (77). С. 1.

³⁶ Художественная литература является самой проработанной областью в пришвиноведении. Здесь можно выделить целый пласт качественных исследований, однако наиболее изученными остаются такие произведения М. М. Пришвина, как «В краю непуганых птиц» (1907), «За волшебным колобком» (1908), «У стен града невидимого» (1909), «Мирская чаша» (1922), «Кашеева цепь» (1928), «Журавлиная родина» (1928), «Женьшень» (1933), «Фацелия» (1940), «Кладовая солнца» (1945), «Осударева дорога» (1952) и «Корабельная чаша» (1953). Прочие же очерки, повести и небольшие рассказы писателя оставались вне поля зрения большинства исследователей.

³⁷ Алехина А. А. Книга рассказов М. М. Пришвина «Лисичкин хлеб»: взгляд на мир ребенка и взрослого // Мировая словесность для детей и о детях. 2017. С. 19–24; Алехина А. А. Особенности мифотворчества

Н. Д. Есикову⁴¹; Н. Я. Жабиную⁴²; Н. Н. Иванову⁴³; Е. В. Карасеву⁴⁴;
 Е. Н. Карташову⁴⁵; О. А. Ковыршину⁴⁶; Н. А. Криничную⁴⁷; Н. Н. Кульчицкую⁴⁸;
 Н. И. Лишову⁴⁹; С. В. Логвиенко⁵⁰; А. Р. Лукинову⁵¹; Е. А. Лысюк⁵²;

М. Пришвина на материале поэмы «Фацелия» // Творческое наследие Михаила Пришвина в системе современного гуманитарного знания. 2018. С. 20–24.

³⁸ Афанасьев Ю. Ю. Диалог свободы и необходимости в романе М. Пришвина «Осударева дорога» // Известия Российского гос. педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 117. С. 181–185.

³⁹ Денисова О. Н. Лунарный миф в ром. М. М. Пришвина «Кашеева цепь» // *Philologos*. 2012. № 4. С. 17–22.

⁴⁰ Дюсекенев Д. Н. «Путешествие из Павлодара в Каркаралинск» М. М. Пришвина в контексте ориентального дискурса // Диалог культур : поэтика локального текста. 2018. С. 40–49.

⁴¹ Есикова Н. Д. К проблеме народ и интеллигенция (на основе очерка М. Пришвина «Радий») // Материалы областной научной конференции по проблемам гуманитарных наук. 2014. С. 205–208.

⁴² Жабина Н. Я. Найти свой женшень (Михаил Пришвин на Дальнем Востоке) // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2013. № 3. С. 101–106.

⁴³ Иванов Н. Н. Мифопоэтика повести М. Пришвина «У стен града невидимого» // Ярославский педагогический вестник. 2010. Т. 1. № 4. С. 255–257; Иванов Н. Н. Нравственные деформации советской эпохи как предмет художественной рецепции М. Пришвина // Наука и общество : проблемы и перспективы развития. 2018. С. 89–95; Иванов Н. Н., Волкова С. Н. Образы невидимого града в прозе Михаила Пришвина // Дошкольное и начальное образование : современные методические подходы. 2015. С. 245–292; Иванов Н. Н. У стен града невидимого (мотивы и сюжеты) // Философия, эстетика и поэтика творчества Михаила Пришвина. 2020. С. 63–71; Иванов Н. Н., Зимина Л. И. Царство «небесно-земное, духовно-плотское» : рецепция мотивов Гете в творческой эволюции М. Пришвина // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2. С. 43–48.

⁴⁴ Карасева Е. В. Отражение национального характера в паремиях (на материале произведений М. Пришвина) // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка. 2019. С. 343–348; Карасева Е. В. Чувство стыда как регулятор поведения человека в обществе (на материале произведения М. М. Пришвина «Кашеева цепь») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12–3 (90). С. 529–532.

⁴⁵ Карташова Е. Н. Философские мотивы в поэме М. М. Пришвина «Фацелия» интерпретация, анализ, комментарий // Учитель — начало всех начал : школа в современной России. 2018. С. 272–276.

⁴⁶ Ковыршина О. А. Время в пространстве всеединства : очерк М. М. Пришвина «За волшебным колобком» // Елецкий креатив : жизнь и судьба учащихся и учителей Елецкой мужской гимназии. 2010. С. 105–114; Ковыршина О. А. Личность и историческое время в романе М. Пришвина «Осударева дорога» // Творческое наследие Михаила Пришвина в системе современного гуманитарного знания. 2018. С. 139–144.

⁴⁷ Криничная Н. А. Легенды о невидимом граде Китеже : мифологема взыскания сокровенного града в фольклорной и литературной прозе // Проблемы исторической поэтики. 2005. № 7. С. 53–66.

⁴⁸ Кульчицкая Н. Н. Резерв будущего в растущем человеке («Рассказы о ленинградских детях» М. М. Пришвина) // Образ будущего : Сборник тезисов Второй международной научно-практической конференции. 2022. С. 236–240.

⁴⁹ Лишова Н. И. «Можжевелевая тайна» в художественном дискурсе Михаила Пришвина (на материале романа «Кашеева цепь») // Михаил Пришвин и XXI век : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя. 2013. С. 232–235; Лишова Н. И. Мотив пути в романе М. Пришвина «Кашеева цепь» : композиционно-структурное своеобразие // *Philologos*. 2011. № 1. С. 48–54; Лишова Н. И. Путешествие-странствие в повести М. М. Пришвина «Черный араб» // Вестник Костромского государственного университета. 2013. Т. 19. № 6. С. 81–85.

⁵⁰ Логвиенко С. В. Леса к роману М. М. Пришвина «Осударева дорога» // Диалог пространства и культуры в национальном самосознании : материалы Всероссийской научной конференции. 2014. С. 39–44; Логвиенко С. В. «Прощание с детством» как центральный этап инициации в романе М. М. Пришвина «Осударева дорога» // Материалы областной научной конференции по проблемам гуманитарных наук. 2014. С. 173–177; Логвиенко С. В. Диалектика свободы и необходимости в романе М. М. Пришвина «Осударева дорога» : путь обретения любви // Материалы областного профильного семинара «Школа молодых ученых» по проблемам гуманитарных наук. 2015. С. 36–39; Логвиенко С. В. Дорога к всеединству : становление сознания как заключительный этап инициации в романе-мифе М. М. Пришвина «Осударева дорога» // *Philologos*. 2014. № 3. С. 49–53; Логвиенко С. В. История создания романа М. М. Пришвина «Осударева дорога» // *Philologos*. 2011. № 3 (10). С. 60–66; Логвиенко С. В. Пространственная модель мира в романе М. М. Пришвина «Осударева дорога» // *Philologos*. 2013. № 1. С. 46–49; Логвиенко С. В. Пространство «души-сознания» в романе М. М. Пришвина «Осударева дорога» // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 36 (290). С. 25–30; Логвиенко С. В. Роман Михаила Пришвина «Осударева дорога» : философия пространства. Елец : Елецкий гос. ун-т им. И.А. Бунина, 2017. 151 с.

О. А. Машкину⁵³; Б. Г. Меркина⁵⁴; Н. А. Меркурьеву⁵⁵; И. Г. Минералову⁵⁶;
 М. В. Михайлову⁵⁷; Р. И. Монзину⁵⁸; М. Х. Морозову⁵⁹; Л. А. Мямлину⁶⁰;
 И. Г. Новоселову⁶¹; Л. В. Овчинникову⁶²; Ю. И. Ольховскую⁶³;
 Г. П. Охотникову⁶⁴; А. М. Подоксенова⁶⁵; М. В. Сапрыкину⁶⁶; Я. В. Сарычева⁶⁷;

⁵¹ Лукинова А. Р. Образы природы как отражение души в романе М. М. Пришвина «Кашеева цепь» // Пушкинские чтения — 2019. Художественные стратегии классической и новой словесности : жанр, автор, текст. 2019. С. 140–149.

⁵² Лысюк Е. А. Черный и белый цвета в творчестве М. М. Пришвина на примере сборника «В краю непуганых птиц» // Актуальные проблемы современной филологии : Материалы X Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и школьников. 2020. С. 73–75.

⁵³ Машкина О. А. Роман М. М. Пришвина «Осударева дорога» в литературно-философском контексте эпохи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Томск, 2000. 22 с.

⁵⁴ Меркин Б. Г. Авторское определение жанра как ключ к пониманию идеи произведения. М. М. Пришвин «Кладовая солнца» // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 3. С. 43–51.

⁵⁵ Меркурьева Н. А. Образ «Бедного Евгения» в философской прозе М. М. Пришвина // Славянский сборник. 2016. С. 107–112; Меркурьева Н. А. Тургеневские традиции в изображении праведниц М. М. Пришвина // Ученые записки Орловского государственного университета. 2016. № 1 (70). С. 112–115.

⁵⁶ Минералова И. Г. Образ солнца в прозе М. М. Пришвина // Литература в школе. 2023. № 5. С. 26–36.

⁵⁷ Дин Лили, Михайлова М. В. Цикл очерков М. Пришвина «В краю непуганых птиц» : поиски жанра // Вестник Московского университета. 2021. Серия 9. № 2. С. 122–131.

⁵⁸ Монзина Р. И. «Если я о природе пишу, то пишу о самом человеке» (изучение «Лесной капли») М. М. Пришвина на уроках литературы в 5–6 классах // Филологический класс. 2003. № 9. С. 57–61.

⁵⁹ Морозова М. Х. Мифологическая семантика образа озера Светлояр в очерке М. Пришвина «У стен града невидимого» // Филоlogos. 2018. № 38. С. 26–30.

⁶⁰ Мямлина Л. А. Михаил Пришвин о любви земной и небесной // Вестник Костромского государственного университета. 2007. Т. 13. № 4. С. 190–192; Мямлина Л. А. Смысл любви в творческом наследии М. Пришвина // Вестник Тамбовского университета. 2007. № 4 (48). С. 134–138.

⁶¹ Новоселова И. Г. Духовный космос в произведениях М. М. Пришвина начала 1930-х годов // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2004. № 1. С. 123–137.

⁶² Овчинникова Л. В. «Современность в ее высшем смысле» («Корабельная чаша» М. М. Пришвина как сказочно-идеологическая повесть) // Вестник Костромского гос. университета. 2009. Т. 15. № 1. С. 88–93.

⁶³ Ольховская Ю. И. Притчевое начало в очерке М. М. Пришвина «Адам и Ева» // Текст как единица филологической интерпретации. 2015. С. 249–253.

⁶⁴ Охотникова Г. П. Мифическая картина мира в очерковой прозе М. Пришвина // Литературоведение на современном этапе : Теория. История литературы. Творческие индивидуальности. 2014. С. 304–310.

⁶⁵ Подоксенов А. М. Василий Розанов в жизни, мировоззрении и творчестве Михаила Пришвина // Вопросы литературы. 2016. № 6. С. 189–230; Подоксенов А. М. З. Фрейд в жизни и творчестве М. М. Пришвина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2008. С. 18–29; Подоксенов А. М. Идеи Ф. М. Достоевского в произведении Михаила Пришвина «Повесть нашего времени» // Философия и культура. 2020. № 2. С. 34–49; Подоксенов А. М. Михаил Пришвин и Анри Бергсон : философский контекст творчества // Философия и культура. 2019. № 1. С. 49–58; Подоксенов А. М. Михаил Пришвин и Максим Горький : тайна прототипа огородника Крыскина из повести «Мирская чаша» // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2011. Т. 23. С. 97–105; Подоксенов А. М. Мотивы Ф. М. Достоевского в романе Михаила Пришвина «Кашеева цепь» // Филоlogos. 2017. № 32. С. 39–45; Подоксенов А. М. Образ коммуны в «Мирской чаше» и дневнике М. М. Пришвина // Филоlogos. 2007. № 1–2. С. 243–258; Подоксенов А. М. Повесть М. М. Пришвина «Мирская чаша» : герменевтика творчества. Елец : Елецкий гос. ун-т. им. И. А. Бунина, 2012. 429 с.; Подоксенов А. М. Розановские мотивы в «Мирской чаше», итоговой книге Михаила Пришвина о революции // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2012. Т. 18. № 25. С. 75–83; Подоксенов А. М. Розановские мотивы в повести Михаила Пришвина «Мирская чаша» // Credo New. 2018. № 3. С. 1–2; Подоксенов А. М. Философские идеи Г. В. Плеханова в мировоззрении и творчестве М. М. Пришвина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2008. С. 120–132; Подоксенов А. М. Философско-мировоззренческий контекст переключки идей Достоевского, Маркса и Ницше в повести Пришвина «Мирская чаша» // Credo new. 2024. № 1. [Электронный ресурс]. URL : <https://credonew.ru/archives/2617> (дата обращения 11.02.2024).

⁶⁶ Сапрыкина М. В. Символика названия книги М. М. Пришвина «Незабудки» // Международный академический вестник. 2015. № 2. С. 38–40.

А. В. Святославского⁶⁸; Н. А. Сомову⁶⁹; Н. А. Трубицину⁷⁰; А. Л. Фокеева⁷¹;
Е. А. Фролову⁷²; З. Холодову⁷³; Е. А. Худенко⁷⁴ и др.

Среди авторов, которые хотя бы отчасти отмечали религиозно-
нравственную проблематику отдельных художественных произведений писателя,
можно выделить И. Н. Александрова⁷⁵; Н. Ф. Александрову⁷⁶; Л. Ф. Алексееву⁷⁷;
Н. В. Борисову⁷⁸; Е. Р. Боровскую⁷⁹; Н. А. Воропаеву⁸⁰; В. П. Визгина⁸¹;

⁶⁷ Сарычев Я. В. «У стен града невидимого»: метафизические резиньяции по поводу сюжета // Творческое наследие Михаила Пришвина в системе современного гуманитарного знания. 2018. С. 238–247.

⁶⁸ Святославский А. В., Алехина А. А. Творческая личность на рубеже эпох к дискуссии вокруг повести М. Пришвина «Мирская чаша» // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 1. С. 234–238.

⁶⁹ Сомова Н. А. Хрящева Н. П. Мотив природы как зеркала авторского «я» в книге М. М. Пришвина «Глаза земли» // Филологический класс. 2017. № 1 (47). С. 68–73.

⁷⁰ Трубицина Н. А. Культурный неомиф Михаила Пришвина (на материале повести «Жень-шень») // Filologos. 2011. № 2 (9). С. 78–89; Трубицина Н. А. Провинциальный текст Елец в романе М. Пришвина «Кашеева цепь» // Вестник Пермского университета. 2012. № 2. С. 156–163; Трубицина Н. А. Художественный образ Франции в романе Михаила Пришвина «Кашеева цепь» // Вестник Воронежского государственного университета. 2017. № 3. С. 80–83; Трубицина Н. С. Водная стихия как доминанта «Карельского текста» в книге Михаила Пришвина «В краю непуганых птиц» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2013. № 3 (132). С. 74–77; Трубицына Н. А. Диалог петербургского и крымского текстов в повести Михаила Пришвина «Славны бубны» // Пушкинские чтения. 2012. № XVII. С. 88–93.

⁷¹ Фокеев А. Л. Документально-художественная специфика очерков М. М. Пришвина (В краю непуганых птиц) // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук и образования: сущность, концепции, перспективы. 2019. С. 335–339.

⁷² Фролова Е. А. Семантические трансформации в поэме М. Пришвина «Фацелия» // Русский язык в школе. 2018. № 2. С. 47–51; Фролова Е. В. М. М. Пришвин. Идейные и художественные искания. Новосибирск: Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет, 2007. 172 с.; Фролова Е. В. Образная символика в повести М. Пришвина «Мирская чаша» // Труды Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета (Сибстрин). 2004. Т. 7. № 2. С. 149–153; Фролова Е. В. Человек и война в дореволюционных текстах М. М. Пришвина // Актуальные проблемы философского и филологического знания. 2013. С. 86–91; Фролова Л. В. Структура синкретичных концептов в тексте романа М. М. Пришвина «Кашеева цепь» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 1. № 2. С. 158–161; Фролова Л. В. Художественный концепт «воздух» в романе М. М. Пришвина «Кашеева цепь» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 76–1. С. 356–359.

⁷³ Холодова З. Синтегизм художественного наследия М. Пришвина // Русская словесность. 2018. № 3. С. 3–9.

⁷⁴ Худенко Е. А. Игровой роман М. Пришвина «Журавлиная родина» // Культура и текст. 1998. № 4. С. 101–108.

⁷⁵ Александров И. Н. Экология природы и «экология души» в рассказах М. М. Пришвина // Теория и практика образования в современном мире. 2014. С. 112–113.

⁷⁶ Александрова Н. Ф. Значение лирических миниатюр М. Пришвина в духовно-нравственном воспитании обучающихся СПО // Творческое наследие Михаила Пришвина в системе современного гуманитарного знания. 2018. С. 13–20.

⁷⁷ Алексеева Л. Ф. Противостояние идей, характеры и судьбы мужчин и женщин в «Повести нашего времени» (1944) М. М. Пришвина // Вестник Московского гос. обл. университета. 2023. № 1. С. 8–18.

⁷⁸ Борисова Н. В. «Мирская чаша» М. Пришвина: моление о свете // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8–1 (50). С. 31–33; Борисова Н. В. Власть бессознательного в рассказе М. Пришвина «Крутоярский зверь» // Filologos. 2012. № 12. С. 10–17; Борисова Н. В. М. Пришвин «Мирская чаша»: цвет и крест России // Filologos. 2007. № 1–2. С. 142–152; Борисова Н. В. Михаил Пришвин: от эсхатологии к «Миру преображенному» // Filologos. 2013. № 3. С. 15–20; Борисова Н. В. Преподобный Амвросий Оптинский и святитель Тихон Задонский в дневниках и прозе М. М. Пришвина // «Любовью и единением спасемся» (Преподобный Сергей Радонежский). 2015. С. 36–38; Борисова Н. В. Мифопоэтика хронотопа в рассказе М. Пришвина «Крутоярский зверь» // Filologos. 2012. № 4. С. 10–16; Борисова Н. В. Михаил Пришвин. Россия, 19-й год XX столетия (на материале повести «Мирская чаша») // «Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его» (Мф. 6, 33): Материалы XII международного форума. 2017. С. 116–118.

Т. Я. Гринфельд-Зингурс⁸²; Е. В. Демчеву⁸³; О. Н. Денисову⁸⁴; А. А. Дырдина⁸⁵;
 Н. Д. Есикову⁸⁶; Н. В. Зайцеву⁸⁷; Н. Н. Иванова⁸⁸; Е. В. Карасеву⁸⁹;
 Г. П. Климову⁹⁰; Е. Ю. Кнорре⁹¹; Н. И. Лишову⁹²; С. В. Логвиенко⁹³;

⁷⁹ Боровская Е. Р., Пошина С. А. Христианские ценности в «Кладовой солнца» М. М. Пришвина // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2010. № 19. С. 26–42; Боровская Е. Р. Притча о блудном сыне во внутренней форме «Кладовой солнца» М. М. Пришвина // М. М. Пришвин в контексте современного гуманитарного знания : Материалы Всероссийской научной конференции. 2023. С. 53–58.

⁸⁰ Воропаева Н. А. Победа над собой : осмысление конфликта между детьми в сказке-были М. М. Пришвина «Кладовая солнца» // Литература в школе. 2010. № 12. С. 33–34.

⁸¹ Визгин В. П. Пришвин и Дурылин о св. местах России // Философские науки. 2017. № 4. С. 117–128.

⁸² Гринфельд-Зингурс Т. Я. Диалектика души в образах природы : «Глаза земли» М. Пришвина // М. Пришвин и природа. К развитию пейзажа в прозе XX века. 2017. С. 8–46; Гринфельд-Зингурс Т. Я. Ритм прозы «Корабельная чаша» М. Пришвина // М. Пришвин и природа. К развитию пейзажа в прозе XX века. 2017. С. 212–230.

⁸³ Демчева Е. В. Формирование представления о милосердии у младших школьников на примере творчества М. М. Пришвина // Седьмые Пюхтицкие чтения. 2018. С. 499–503.

⁸⁴ Денисова О. Н. Метафизика любви в дневниковом и художественном дискурсе М. М. Пришвина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Елец, 2015. 22 с.; Денисова О. Н. Эрос и пол в дневниковых книгах М. М. Пришвина // Вестник Костромского государственного университета. 2014. Т. 20. № 2. С. 127–130.

⁸⁵ Дырдин А. А. Русская философская проза после 1917 года : А. П. Платонов, М. М. Пришвин, Л. М. Леонов (символика мысли) : Дис. ... доктора филол. наук : 10.01.01. Ульяновск, 2001. 407 с.

⁸⁶ Есикова Н. Д. Символические мотивы и образы в цикле М. М. Пришвина «Слепая Голгофа» // Творческое наследие Михаила Пришвина в системе современного гуманитарного знания. 2018. С. 89–97.

⁸⁷ Зайцева Н. В. Идея всеобъемлющего гуманизма в рассказах Михаила Пришвина для детей // Михаил Пришвин и XXI век : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя. 2013. С. 136–139; Зайцева Н. В. Идея добра в произведениях М. М. Пришвина // Творческое наследие Михаила Пришвина в системе современного гуманитарного знания. 2018. С. 97–99; Зайцева Н. В. Этико-гуманистические проблемы творчества М. М. Пришвина для детей // Перспективы развития науки и образования. 2013. С. 126–127.

⁸⁸ Иванов Н. Н. Нравственные деформации советской эпохи как предмет художественной рецепции М. Пришвина // Наука и общество : проблемы и перспективы развития. 2018. С. 89–95; Иванов Н. Н., Зимина Л. И. Царство «небесно-земное, духовно-плотское» : рецепция мотивов Гете в творческой эволюции М. Пришвина // Верхневолжский филолог. вестник. 2020. № 2. С. 43–48.

⁸⁹ Карасева Е. В. Чувство стыда как регулятор поведения человека в обществе (на материале произведения М. М. Пришвина «Кашеева цепь») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12–3 (90). С. 529–532.

⁹⁰ Климова Г. П. Творчество И. А. Бунина и М. М. Пришвина в контексте христианской культуры : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.02. М., 1993. 53 с.

⁹¹ Кнорре Е. Ю. Сюжет «пути в невидимый град» в творчестве М. М. Пришвина 1900–1930-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. М., 2019. 46 с.; Кнорре Е. Ю. «Бог есть существо лицеродящее и противозаконное» : концепция «истинной революции» в персонализме М. Пришвина // Поиск истины как аксиологическая парадигма гуманитарного знания : прошлое, настоящее, будущее : материалы по итогам VII Иоанновских научных чтений. 2018. С. 192–198; Кнорре Е. Ю. Евангельский сюжет о возвращении блудного сына в дневниках М. М. Пришвина 1917–1920 гг. // Творческое наследие Михаила Пришвина в системе современного гуманитарного знания. 2018. С. 130–139; Кнорре Е. Ю. Сюжет о благоразумном разбойнике в дневниках М. Пришвина периода революции и гражданской войны в контексте религиозно-философских исканий «китежан» 1920-х гг. (С. Дурылина, П. Флоренского, В. Муравьева) // Новозаветные образы и сюжеты в культуре русского модернизма. 2018. С. 476–491.

⁹² Лишова Н. И. Религиозные поиски народа и интеллигенции в очерке М. М. Пришвина «За волшебным колобком» // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 32. С. 71–73.

⁹³ Логвиенко С. В. Религиозные мотивы в романе М. М. Пришвина «Осударева дорога» // «Любовью и единением спасемся» (Преподобный Сергей Радонежский) : Материалы X Международного форума «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения». 2015. С. 139–141; Логвиенко С. В. «Христианский социализм» в романе М. М. Пришвина «Осударева дорога» (на примере образа Волкова) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 2–1. С. 129–131; Логвиенко С. В. Библиейские реминисценции в романе М. М. Пришвина «Осударева дорога» // Актуальные направления фундаментальных и прикладных исследований. 2014. С. 220–226; Логвиенко С. В. Духовная культура славянского народа в ранних очерках М. М. Пришвина // Елец в историко-культурном пространстве России. 2016. С. 35–39; Логвиенко С. В. Роман М. М. Пришвина «Осударева дорога» как «педагогическая поэма» (на примере образа Куприяныча) // От учительского института — к классическому университету : опыт и перспективы развития системы высшего образования. 2014. С. 114–120.

С. А. Ломакину⁹⁴; Л. А. Мямлину⁹⁵; И. Г. Новоселову⁹⁶; А. Ю. Павлову⁹⁷;
 А. М. Подоксенова⁹⁸; И. В. Попову⁹⁹; Т. Р. Пчелкину¹⁰⁰; Р. А. Соколову¹⁰¹;
 Н. А. Сомову¹⁰²; В. А. Телкову¹⁰³; Д. Б. Терешкину¹⁰⁴; Н. А. Трубицину¹⁰⁵;
 И. С. Урюпина¹⁰⁶; Е. А. Федорову¹⁰⁷; Т. Г. Фирсову¹⁰⁸; Е. В. Фролову¹⁰⁹;

⁹⁴ Ломакина С. А. М. Пришвин и Г. Успенский к проблеме нравственно-этических исканий // Михаил Пришвин и XXI век : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя. 2013. С. 104–110.

⁹⁵ Мямлина Л. А. Михаил Пришвин о любви земной и небесной // Вестник Костромского государственного университета. 2007. Т. 13. № 4. С. 190–192; Мямлина Л. А. Смысл любви в творческом наследии М. Пришвина // Вестник Тамбовского университета. 2007. № 4 (48). С. 134–138.

⁹⁶ Новоселова И. Г. Духовный космос в произведениях М. М. Пришвина начала 1930-х годов // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2004. № 1. С. 123–137.

⁹⁷ Павлова А. Ю. Художественная концепция личности и нравственно-философские контексты ее становления в прозе М. М. Пришвина советского периода : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Краснодар, 2011. 24 с.; Павлова А. Ю. Национально-религиозное пространство в «Повести нашего времени» М. М. Пришвина // Культурная жизнь Юга России. 2010. № 4. С. 84–87; Павлова А. Ю. Христианизированный контекст становления личности в романе-сказке М. М. Пришвина «Осударева дорога» // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 1. С. 83–85.

⁹⁸ Подоксенов А. М. Философско-мировоззренческий дискурс и культурный контекст творчества М. М. Пришвина : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 24.00.01. Белгород, 2008. 35 с.; Подоксенов А. М. Библейские мотивы в повести «Мирская чаша» и дневнике М. М. Пришвина // Credo new. 2014. № 2. С. 1–2; Подоксенов А. М. Идеи Ф. М. Достоевского в повести Михаила Пришвина «Мирская чаша» и тайна прототипа огородника Крыскина // Credo new. 2017. № 2 (90). С. 1–4; Подоксенов А. М. Миросоззренческий контекст повести М. М. Пришвина «Мирская чаша» (опыт герменевтического исследования). Белгород, 2007. 326 с.; Подоксенов А. М. Михаил Пришвин «Богоискательский» период в жизни и творчестве // Credo new. 2015. № 2–1. С. 1–2; Подоксенов А. М. Михаил Пришвин философско-мировоззренческие контексты творчества // Михаил Пришвин и XXI век : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя. 2013. С. 3–16; Подоксенов А. М. О проблеме «богоискательства» в мировоззрении и творчестве М. М. Пришвина // Религиоведение. 2007. № 4. С. 79–89; Подоксенов А. М. Пришвин М. М. о большевизме как религиозном сектантстве в «Дневниках» 1914–1922 годов и в «Мирской чаше» // Религиоведение. 2004. № 3. С. 113–124; Подоксенов А. М. Розановский контекст «пути к Богу» в мировоззрении и творчестве М. Пришвина (Часть 1) // Credo New. 2020. № 4. С. 1; Подоксенов А. М. Розановский контекст «пути к Богу» в мировоззрении и творчестве М. Пришвина (Часть 2) // Credo New. 2021. № 1. С. 1–2.

⁹⁹ Попова И. В. Христианский контекст в творчестве М. М. Пришвина // Наука и образование. 2019. Т. 2. № 4. С. 189–193; Попова И. В. Религиозные искания в «Раннем дневнике» (1907–1913) М. М. Пришвина // Духовно-нравственные основы русской литературы. 2014. С. 146–151;

Попова И. В. Нравственный идеал милосердия в «Ленинградских рассказах» М. М. Пришвина // Наука и обр. 2020. Т. 3. № 2. С. 9. [Электронный ресурс]. URL : <http://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/1941/1939> (дата обращения 12.02.2024).

¹⁰⁰ Пчелкина Т. Р., Байтов Б. М. Нравственно-этическая основа философии М. Пришвина (на материале лирико-философских миниатюр «Лесная капля» и «Фацелия») // Останай мемлекеттик педагогикалы институтыны. 2013. С. 52–55.

¹⁰¹ Соколова Р. А. Нравственные аспекты взаимодействия человека с природой в творчестве А. Солженицына и М. Пришвина // Наследие А. И. Солженицына в современном культурном пространстве России и зарубежья. 2014. С. 148–154.

¹⁰² Сомова Н. А. Черты притчи в лирических миниатюрах М. М. Пришвина // Уральский филологический вестник. 2016. № 5. С. 122–130.

¹⁰³ Телкова В. А. Воспитательный потенциал произведений М. Пришвина в процессе обучения русскому языку младших школьников // Гражданское воспитание младших школьников в условиях культурно-образовательной среды региона. 2014. С. 393–398.

¹⁰⁴ Терешкина Д. Б. Традиции русской словесности в повести М. М. Пришвина «Никон Староколенный» // Национальный стиль Русской литературной классики. 2021. С. 54–62.

¹⁰⁵ Трубицина Н. А. Православная символика в романе М. М. Пришвина «Кашеева цепь» // «Любовью и единением спасемся» (Преподобный Сергей Радонежский). 2015. С. 137–137.

¹⁰⁶ Урюпин И. С. Библейский миф об Адаме и Еве в романе М. М. Пришвина «Кашеева цепь» // Михаил Пришвин и XXI век : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя.

Е. А. Худенко¹¹⁰ и др. Из этого списка следует указать некоторых авторов, наиболее значимых для нашего исследования.

Так, Н. В. Борисова проводит важный для настоящего исследования анализ рассказов «Крутоярский зверь» (1911) и «Мирская чаша» (1922), отмечая в их сюжетах глубочайшие религиозно-нравственные причины происходящего и нравственную борьбу главного героя между светом и тьмой. Е. Р. Боровская выделяет в «Кладовой солнца» (1945) обилие христианских категорий и религиозного подтекста, находя в самом тексте произведения и нравственных причинах поступков героев прямое христианское наполнение, что также отмечают в своих исследованиях Е. А. Федорова и Т. Г. Фирсова. В. П. Визгин показывает особенности пришвинского видения святости и восприятия веры в его ранних произведениях, таких как «В краю непуганых птиц» (1907), «За волшебным колобком» (1908) и «У стен града невидимого» (1909). Н. Н. Иванов в тех же ранних произведениях М. М. Пришвина обращает внимание на тему небесного града как пути к Богу, указывая на личную заинтересованность автора в богопознании. Этим Н. Н. Иванов объясняет большое количество аллюзий, цитат, параллельных мест и символов из Священного Писания в тексте. Анализ произведений М. М. Пришвина в контексте христианской культуры проводит Г. П. Климова, отмечая в религиозной составляющей его творчества живую потребность ищущей Бога души, по причине которой тексты и изобилуют религиозной проблематикой. Е. Ю. Кнорре, так же как и материалы дневников, рассматривает художественные произведения писателя 1900–1930-х гг. через призму Евангелия, особо останавливаясь на сюжетах невидимого града и возвращения блудного сына. О религиозном поиске М. М. Пришвина в

2013. С. 54–60; Урюпин И. С. Ветхозаветный контекст и метатекст повести М. М. Пришвина «Мирская чаша» // Балт. гум. журнал. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 157–160.

¹⁰⁷ Федорова Е. А. Проблема нравственного выбора в сказке-были М. М. Пришвина «Кладовая солнца» // Литература в школе. 2017. № 3. С. 2–5.

¹⁰⁸ Фирсова Т. Г., Комарова Е. А. Духовно-нравственные мотивы в произведении «Кладовая солнца» М. М. Пришвина // Проблемы филологического образования. 2018. С. 83–92.

¹⁰⁹ Фролова Е. В. Генезис религиозной мысли М. Пришвина // Труды Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета (Сибстрин). 2007. Т. 10. № 1. С. 161–168; Фролова Е. В. Категория духовности в творчестве М. Пришвина // Труды Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета (Сибстрин). 2000. Т. 3. № 3. С. 201–209.

¹¹⁰ Худенко Е. А. Псалом 138 Давида в идейно-философской структуре романа М. М. Пришвина «Осударева дорога» // Евангельский текст в русской словесности. 2020. С. 368–370.

произведении «За волшебным колобком» (1908) пишет Н. И. Лишова. Л. А. Мямлина предпринимает попытку выявления и нравственной оценки пришвинского восприятия любви в контексте всего творческого наследия писателя, однако без учета его религиозной стороны. В связи с этим возникает необходимость пересмотра ряда ее выводов уже с учетом прочтения текстов писателя в религиозно-нравственном ключе. И. Г. Новоселова проводит анализ произведений М. М. Пришвина начала 1930-х годов, выделяя в них темы рая и ада, духовных исканий и совести. А. Ю. Павлова изучает творчество писателя в контексте нравственности и культуры, анализируя важные для исследования произведения «Мирская чаша» (1922), «Кладовая солнца» (1945), «Повесть нашего времени» (1946). Существенный вклад для настоящего исследования внес А. М. Подоксенов. Несмотря на тенденцию к философско-мировоззренческому осмыслению творчества писателя, исследователь подробно останавливается на богоискательстве М. М. Пришвина в его дневниках, художественном наследии и отчасти публицистическом. Целенаправленное выявление христианского контекста в творчестве писателя осуществляет И. В. Попова, отмечая в материалах дневников и произведений признаки приверженности писателя православному мироощущению и христианским идеалам нравственности. Ветхозаветные мотивы в произведении «Мирская чаша» (1922) исследует И. С. Урюпин. Отдельно следует упомянуть труд А. А. Дырдина. В своей диссертации автор выявляет связь художественной мысли писателя с основополагающими принципами христианства и православной традиции, составляющими значимую часть образной символики творчества М. М. Пришвина.

Несмотря на весомый вклад данных исследователей в дело изучения наследия писателя, их работы не ставят своей задачей охватить все творчество М. М. Пришвина и проанализировать его всесторонне в религиозном и нравственном ключе.

Научная новизна диссертации обусловлена тем, что впервые предпринимается попытка целостного осмысления религиозно-нравственной

проблематики в творческом наследии писателя. До настоящего момента его отдельные сочинения изучали в философском, культурологическом, религиозном контексте; проводили исследования произведений в области поэтики, краеведения и прочих аспектов, но специальных работ, которые бы комплексно затрагивали весь пласт дневниковых записей, публицистических и художественных произведений (посвященных религиозной и этической проблематике) в религиозно-нравственном ключе, написано не было. В рамках настоящего исследования выявляются религиозно-этические взгляды писателя и их отражение в творчестве; предлагается систематическое изложение и анализ религиозно-нравственной проблематики в художественном наследии М. М. Пришвина.

Методология исследования. Поскольку исследование несет междисциплинарный характер, совмещая теологический и филологический аспекты, методологическая база включает в себя как литературоведческие, так и не литературоведческие методы. Так, к общенаучным методам можно отнести: анализ, синтез, сравнение, обобщение, индукцию, дедукцию. Среди частных литературоведческих методов в отдельных местах исследования использовались элементы описательного, социологического — в отражении социальных аспектов в жизни автора повлиявших на его литературу, психологического — при анализе связей между процессами в психике писателя и конкретным явлением искусства, психоаналитического — при рассмотрении особенностей авторского понимания любви и связанных с ней аксиологических доминант, формального — при исследовании поэтики произведений М. М. Пришвина и структурно-семиотического метода — при изучении структуры текста и выявлении заложенного в нем смысла.

Среди прочих методов важными для настоящей работы выступают: биографический, который применяется в анализе жизни М. М. Пришвина, а также системы его нравственно-религиозных взглядов. Данный метод позволяет проследить изменения мировоззрения автора и показывает влияние определенных жизненных ситуаций и людей на формирование основных тем и направлений

творчества. Главным источником данных служат дневники за 1905–1954 гг., включенные в состав дневников письма, автобиографии писателя, а также мемуары и свидетельства современников М. М. Пришвина.

Поскольку литературная деятельность писателя проходила во время двух мировых войн, революции 1917 г., последующей за ней гражданской войны и репрессий, также важным для исследования является историко-хронологический метод. Он позволяет сформировать цельный взгляд на творчество М. М. Пришвина в контексте исторических событий, оказавших значительное влияние на его произведения и религиозно-этические взгляды.

Аксиологический метод задействуется: при поиске и анализе религиозно-нравственных доминант (основанных на восточно-христианской традиции) в творчестве писателя; при определении специфики авторского восприятия тех или иных ценностей и отображении динамики изменений в их оценке автором с течением времени (в плоскости религиозно-нравственной системы координат, основанной на православной традиции).

Герменевтический метод применяется при непосредственной интерпретации авторского текста дневников, публицистических и художественных произведений, написанных метафоричным, образным языком. Также данный метод используется при выявлении смысла в многочисленных аллюзиях и отсылках к текстам Священного Писания.

Культурологический метод задействуется при определении места М. М. Пришвина в контексте культуры (в частности — православной).

К не литературоведческим, но одним из важнейших методов исследования можно отнести богословский метод. Ввиду его различных трактовок, в работе будет применяться метод в его изложении К. О. Польсковым: «...богословский метод — это соотнесение культурно-исторического явления с нормой религиозного сознания, формализованной в рамках конкретной традиции, с целью выявления его предельных смыслов»¹¹¹. По замечанию автора статьи, данный

---

¹¹¹ Польсков К. О. О возможности применения богословского метода в социальных исследованиях // Ученые записки Орловского гос. у-та. 2012. С. 460.

метод позволяет «...усмотреть в изучаемом объекте новые грани, глубже проникнуть в связь социальных структур с идеями, их породившими или оказавшими на них влияние»¹¹². Благодаря данному методу также можно проследить нравственно-религиозную динамику взглядов М. М. Пришвина на каждом этапе его творческой деятельности в ее отношении к восточно-христианскому богословию.

В отдельных частях работы задействуется ряд особых методологических установок, основанных на подходах таких исследователей, как прот. Александр Шмеман (принцип отнесенности к евангельской истине¹¹³), П. Б. Михайлов (синонимичность теологии и богословия; исследование через призму причастности к таинствам Церкви, Священному Писанию и Преданию¹¹⁴), М. М. Дунаев (изучение произведений с точки зрения духовных критериев Православия¹¹⁵), И. А. Есаулов (концепция доминирования христианской аксиологии в произведениях русских писателей¹¹⁶), А. М. Любомудров (метод «духовного реализма», основанный на «художественном восприятии и отображении реального присутствия Творца в мире»¹¹⁷).

Теоретическая значимость данного диссертационного исследования связана с выявлением нравственных, религиозных взглядов М. М. Пришвина и динамики их изменения по материалам дневников, публицистических и художественных произведений. Результаты работы позволяют осмыслить творчество писателя в новом религиозно-нравственном ракурсе, определить, как оно соотносится с вероучением Православной Церкви и нормами христианской морали, что, в свою очередь, может способствовать более глубокому пониманию личности М. М. Пришвина.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в рамках литературоведческих курсов; при разработке

¹¹² Польсков К. О. О возможности применения богословского метода в социальных исследованиях. С. 463.

¹¹³ См.: Шмеман А., прот. Дневники. 1973–1983. М. : Русский путь, 2005. С. 372–373.

¹¹⁴ См.: Михайлов П. Б. Начала богословского знания // Вестник ПСТГУ. Серия I. 2011. № 3 (35). С. 8.

¹¹⁵ См.: Дунаев М. М. Православие и русская литература. Сергиев Посад : МДА, 2009. С. 9.

¹¹⁶ См.: Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М. : Кругъ, 2004. С. 85.

¹¹⁷ См.: Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья : Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб. : «Дмитрий Буланин», 2003. С. 6.

междисциплинарной методологии изучения художественного текста и семинаров по религиозной проблематике русской литературы XX века. Результаты диссертации также могут быть использованы в научных работах по теологической эстетике и богословию культуры.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и приложения. Внутренняя структура параграфов обусловлена жанровым подходом (проводится последовательный анализ дневников, публицистики и художественных произведений).

Первая глава сосредоточена на проблеме богоискательства в творчестве М. М. Пришвина. В ней проводится анализ условного пути писателя от пантеизма к Православию; исследуется проблема авторского восприятия личности Христа; анализируется авторский способ связи с Богом и пришвинский скепсис по отношению к религиозной вере.

Вторая глава посвящена проблеме религиозного диссидентства в творчестве М. М. Пришвина. В рамках данной главы исследуется специфика авторского восприятия религии и Православия; анализируется проблема антицерковности М. М. Пришвина и выявляются особенности его отношения к смерти.

Третья глава отводится проблеме пришвинского имморализма в творческом наследии писателя. Здесь выявляется проблема писательской апологии греха; анализируется специфика авторского восприятия любви; исследуются корреляции взглядов М. М. Пришвина в области этики и его системы ценностей.

В заключении делаются выводы, соответствующие целям и задачам исследования.

Гипотеза исследования заключается в том, что, несмотря на сложное отношение М. М. Пришвина к Православию и Церкви, религиозно-нравственная проблематика является магистральной в его творчестве, сам же писатель, несмотря на приверженность идеям пантеизма, был человеком, мысль которого постепенно все больше и больше восходила к христианству.

Положения, выносимые на защиту:

1) в своем творчестве М. М. Пришвин регулярно поднимает множество религиозных и нравственных тем, которые занимают значимое место в его мировоззренческой системе;

2) тематика произведений и их семантическая наполненность напрямую вытекает из религиозно-нравственной проблематики, которая глубоко волновала писателя на протяжении всей его жизни;

3) произведения писателя отражают глубинные процессы в душе М. М. Пришвина, являются свидетельством его религиозных поисков;

4) для выражения своих взглядов и особого семантического насыщения текста автор обильно использует Священное Писание и обращается к православной культуре;

5) динамика изменений религиозных и этических взглядов в творческом наследии писателя выражается как постепенный переход от пантеизма к Православию;

б) в формировании взглядов писателя значительную роль играют богоискательство, а также события личной жизни.

Апробация темы исследования.

Статьи из научных рецензируемых изданий, рекомендованных ВАК:

1. Красников, С. В. Религиозная проблематика в ранней публицистике М. М. Пришвина 1909–1913 гг. / С. В. Красников // Богословско-исторический сборник. — 2023. — № 3 (30). — С. 192–201.

2. Красников, С. В. Религиозная проблематика в ранних дневниках М. М. Пришвина 1908–1913 гг. / С. В. Красников // Богословско-исторический сборник. — 2023. — № 4 (31). — С. 175–187.

3. Красников, С. В. Представление М. М. Пришвина о Боге на материалах дневниковых записей / С. В. Красников // Богословский вестник. — 2023. — № 4 (51). — С. 296–313.

Статьи в иных изданиях:

1. Красников, С. В. Православная Церковь в дневнике М. М. Пришвина 1905–1954 гг. / С. В. Красников // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. — 2021. — № 1 (3). — С. 80–92.

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМА БОГОИСКАТЕЛЬСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ

М. М. ПРИШВИНА

1.1. Поиск «радостного бога»: от пантеизма к христианскому сознанию

Дневники (1905–1953 гг.)

Дневник М. М. Пришвина является особенным памятником, единственным и неповторимым в своем роде. В течение почти пятидесяти лет автор неукоснительно делал пространные записи, отмечая волнующие его темы, мысли и переживания. Для писателя это занятие имело исключительную значимость. По мемуарам Валерии Дмитриевны Лиорко, М. М. Пришвин «...жил своим дневником, — это было его второе, отраженное существование...»¹¹⁸. Супруга писателя утверждает, что «с дневником он не расставался ни ночью, ни днем»¹¹⁹; через дневники он пытался понять «...окружающую жизнь и собственную душу...»¹²⁰.

Говоря о степени авторского присутствия в дневниках следует отметить, что разделение между образом автора и биографическим автором в тексте не имеет кардинальных различий. Это стало возможным благодаря тому, что у М. М. Пришвина был собственный оригинальный стиль ведения дневника, непохожий на все прочие образцы жанра. Как замечает о себе писатель в записи от 10 июня 1940 г.: «Я долго учился записывать за собой прямо на ходу и потом записанное дома переносить в дневник. <...> Я не первый, конечно, создатель этой формы... Но я приспособил ее к своей личности, и форма маленьких записей в дневник стала, быть может, больше моей формой, чем всякая другая»¹²¹.

В некотором смысле дневник автора — это точная стенограмма его жизни и тончайших движений души, по которым возможно реконструировать биографию

¹¹⁸ Пришвина В. Д. Война // Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Воспоминания современников / сост., вступ. ст., коммент. Л. А. Рязанова и Я. З. Гришина. СПб. : Росток, 2005. С. 206.

¹¹⁹ См.: там же. С. 207.

¹²⁰ Там же. С. 205.

¹²¹ Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 187.

писателя. Так, в ряде записей М. М. Пришвин констатирует: «Разбирал дневники... Наряду с глупостями и невозможной откровенностью иногда есть ценные записи, а кроме того по ним возможно восстановить фактическую жизнь...»¹²² — 29 сентября 1927 г.; «Если в моем опыте скопится много такого, о чем необходимо рассказать, то прежде всего мне хочется рассказать точно, как это было. ...представляется мне — если вернее, точнее описывать свой опыт, то и моя поэзия будет действительней»¹²³ — 1 июля 1935 г.; «...я никогда не сочиняю, а пишу дневник в полном равенстве себя самого с тем, что записываю: пишу прямо вслед за собой»¹²⁴ — 26 сентября 1940 г.

В этом смысле весьма показателен настрой писателя, с которым он приступал к работе над дневниками. Так, в записи от 30 августа 1940 г. он пишет: «Начинать дневник надо, как молитву, т. е. как будто в своих поступках и мыслях даешь отчет Богу»¹²⁵.

Композиция дневников представляет собой самостоятельные, законченные, разные по объему и содержанию записи с датировками, оформленные в хронологической последовательности от 1905 г. до 1954 г.

Можно выделить три основных глобальных части, входящих в состав дневника писателя. По свидетельству самого автора, это — «фиксирование фактической повседневности, как материал для биографии; материал для раздумья и материал для литературы»¹²⁶. В первую группу входят хозяйственно-бытовые заметки писателя, ведение финансов, черновики писем разным лицам, а также подробные записи обстоятельств жизни М. М. Пришвина.

Вторая группа содержит множество размышлений писателя на религиозно-философскую и нравственную проблематику. Именно эта часть отражает динамику взглядов, поднимаемые автором проблемы, идеологические и религиозные вопросы. По замечанию автора — это «записи фактов движения

¹²² Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. С. 478.

¹²³ Пришвин М. М. Дневники. 1932–1935. С. 736.

¹²⁴ Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 276.

¹²⁵ Там же. С. 259.

¹²⁶ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949. С. 264.

моей души (автобиография)»¹²⁷; «...как в эту безликую текущую механическую минуту часов складывается моя собственная живая душа»¹²⁸. Благодаря этому записи на религиозно-нравственную проблематику имеют характер «фотографичности» — они в моменте четко передают настрой души писателя, благодаря чему возможно проследить динамику изменений во взглядах М. М. Пришвина.

Третья значительная составная часть дневника отводится материалам для литературы. Здесь автор выстраивает леса для своих будущих произведений, которые также как и сам дневник, как правило, отличается достоверностью написанного. Так, в записи от 29 апреля 1935 г. М. М. Пришвин раскрывает свой принцип создания художественных произведений из материалов дневников: «...я давным-давно приучил себя все записывать. ...в лесу я за лесом, за животными наблюдаю, а в дневнике за собой. <...> Лучшим средством следить за собой я считаю, это вести дневник, записывать в нем и что наблюдал, и как показалось. Много лет я так работаю и всегда замечал так: если выйдет, что и мое наблюдение (научное), и запись о том, как мне показалось (художественное впечатление), совпадают, одно усиливая другое, то и запись моя становится ценной не для меня одного, а и для всех. Тогда я бросаю перо, достаю пишущую машинку и отстукиваю свой рассказ для печати»¹²⁹. Именно такой подход закрепился при создании рассказов о природе и очерков писателя.

Примечательно, что преобладающее большинство дневниковых записей оформлены от первого лица. Лишь изредка повествование ведется от лица Алпатова — alter-ego писателя. Данную особенность объясняет сам автор. В записи от 1 июля 1935 г. он пишет: «...любимейшая моя форма — это дневник, записки. Не раз, однако, мне случалось переходить через эту форму, писать повесть от третьего лица, и тогда оказывалось, что это ложно и что я обманываюсь

¹²⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949. С. 270.

¹²⁸ Пришвин М. М. Дневники. 1950–1951. С. 404.

¹²⁹ Пришвин М. М. Дневники. 1932–1935. С. 630.

в чем-то...»¹³⁰. Так, одним из обязательных условий и установок М. М. Пришвина при работе с текстом стало соответствие написанного правде.

Общая тональность дневника отмечается преобладанием лирики над всем прочем. Автору — «певцу природы» присущ акцент на описании красоты мира, воспеванию прекрасного. Однако в ряде случаев, особенно в годы Первой мировой войны, революции 1917 г, гражданской и Великой Отечественной войны общий тон повествования смещается в сторону трагической и минорной тональностей.

Внутренняя полемика в дневнике выражена как конфликтом автора с самим собой, так и с окружающим его обществом, идеологией, доминантной культурной и религиозной традициями. Так, дневник М. М. Пришвина выделяется противоречивостью суждений (с течением времени) в рамках одних и тех же тем, частой постановкой вопросов, постоянным поиском истины. В записи от 20 сентября 1951 г. писатель отмечает: «...дневники пишутся с целью самопознания... процесс писания таких дневников есть разговор с самим собой»¹³¹.

Благодаря всему этому дневник писателя становится не просто еще одним образцом жанра, но гораздо бóльшим — неповторимым памятником, свидетелем его жизни и духовных исканий, источником вдохновения при создании произведений и ключом к пониманию всего творческого наследия М. М. Пришвина.

Ввиду отсутствия вымысла в дневниках, их монументальности и особого авторского подхода к их составлению, «пишу как живу»¹³², В. Д. Лиорко причисляет дневники М. М. Пришвина к категории документальной литературы, которая «...не сочиняется, а рождается самой жизненной нуждой, переживаниями ли души или внешними обстоятельствами»¹³³. Жена писателя также отмечает, что «в дневнике Пришвин с предельной искренностью, беспощадной трезвостью и

¹³⁰ Пришвин М. М. Дневники. 1932–1935. С. 736.

¹³¹ Пришвин М. М. Дневники. 1950–1951. С. 506.

¹³² Пришвина В. Д. Наш дом // Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Восп. современников / сост., вступ. ст., коммент. Л. А. Рязанова и Я. З. Гришина. СПб. : Росток, 2005. С. 416.

¹³³ Там же. С. 387.

остротой раскрывается перед собственным нравственным сознанием. Это дневник живого, меняющегося, напряженно ищущего и растущего человека. Поэтому как не надуманное, а подлинное отражение жизни, он исполнен и света, и тени, и ошибок, и прозрений»¹³⁴.

Писатель, говоря об этих особенностях своих дневников и, как их охарактеризовала В. Д. Лиорко, «голой правде»¹³⁵, в письме А. К. Воронскому замечает: «Есть вещи, которые вдвоем шепотом не посмеешь назвать своим именем. Я пишу такое обыкновенно у себя в дневниках... Там напишу, но в письме не могу...»¹³⁶. Благодаря подобной авторской позиции дневники становятся важным документальным свидетельством его религиозно-нравственных взглядов, не зная которых, как замечает А. А. Дырдин, «объективно невозможно постичь всю глубину художественной философии Пришвина...»¹³⁷. На необходимость изучения дневников при анализе наследия писателя также указывает А. Н. Варламов. Он замечает, что «...судить о творчестве Пришвина, не зная его Дневника, значило и значит судить о нем весьма приблизительно»¹³⁸.

Особенную ценность дневника составляют содержащиеся в нем религиозные и нравственные вопросы, которые также проявляются в публицистических и художественных произведениях писателя. А. А. Дырдин отмечает: «...надо подчеркнуть, что дневники — первоисточник всех сюжетов и смысловых значений образной системы писателя... с широким полем религиозно-мифологических ассоциаций»¹³⁹.

Как правило, проблематика творческого наследия напрямую зависела от событий, которые переживал автор. По этой причине для более глубокого понимания дневников и их верной интерпретации также следует отмечать

¹³⁴ Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. С. 4.

¹³⁵ См.: Пришвина В. Д. Наш дом. С. 387.

¹³⁶ Пришвин М. М. Дневники. 1928–1929. С. 34.

¹³⁷ Дырдин А. А. Русская философская проза после 1917 года : А. П. Платонов, М. М. Пришвин, Л. М. Леонов (символика мысли) : Дис. ... доктора филол. наук : 10.01.01. Ульяновск, 2001. С. 204.

¹³⁸ Варламов А. Н. Пришвин. Серия : ЖЗЛ. М. : Молодая гвардия, 2003. С. 386.

¹³⁹ Дырдин А. А. Русская философская проза после 1917 года : А. П. Платонов, М. М. Пришвин, Л. М. Леонов (символика мысли). С. 218.

наиболее значимые моменты биографии М. М. Пришвина. В частности, одной из таких важных вех в его жизни был период увлечения пантеизмом.

М. М. Пришвин вспоминает о нем в дневнике в конце Великой Отечественной войны. 2 ноября 1944 г. он пишет: «Перечитывая старые писания... заметил неуклюжую свою игру в какого-то мужицкого Пана с самооправданием в Шекспире. Вот когда только заметил!»¹⁴⁰. Упоминание о Панае (пантеизме) в связке с Шекспиром неслучайно. На начало ведения дневника М. М. Пришвин буквально ставил Шекспира в один ряд со Христом¹⁴¹, а его произведения считал «Библией искусства»¹⁴². Влияние классика на молодого писателя было столь велико, что он обожествлял Шекспира, читал и перечитывал его произведения в течение всей жизни. По замечанию А. А. Дырдина, Шекспир наряду с Гете, Пушкиным, Гоголем, Л. Толстым и Достоевским занимал особое место в жизни М. М. Пришвина¹⁴³.

Примечательно, что одно из произведений классика, «Король Лир», которое писатель упоминал в дневниках в последние годы своей жизни на фоне завещаний и раздела наследства между сыновьями¹⁴⁴ и с героем которого, вероятно, отождествлял себя, содержит в себе объяснение его ранних «языческих» увлечений. Герой Шекспира Кент, словно обращаясь к молодому М. М. Пришвину, говорит:

Совсем не знак бездушья молчаливость.

Гремит лишь то, что пусто изнутри¹⁴⁵.

Так, внутреннюю душевную пустоту, обусловленную крушением идеала марксизма (в который он горячо верил) и психическим расстройством на фоне безответной первой любви к Варваре Петровне Измалковой, можно определить в качестве основных причин ранней увлеченности радостным «язычеством». Признаки душевного дискомфорта писателя находим не только в материалах

¹⁴⁰ Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 317.

¹⁴¹ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931. С. 589; Пришвин М. М. Дневники. 1938–1939. С. 268.

¹⁴² См.: Пришвин М. М. Дневники. 1936–1937. С. 38.

¹⁴³ См.: Дырдин А. А. Русская философская проза после 1917 года : А. П. Платонов, М. М. Пришвин, Л. М. Леонов (симв. мысли). С. 251.

¹⁴⁴ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1950–1951. С. 43; Пришвин М. М. Дневники. 1952–1954. С. 447–448.

¹⁴⁵ Шекспир У. Король Лир // Полное собр. соч. в 8 т. М. : Искусство, 1960. Т. 6. С. 435.

дневников, но и в свидетельствах тех, кто знал писателя лично. Так, Ефросинья Павловна Смогалева, первая жена писателя, сообщает о нем следующее: «...верткий, болтал много и курил. Со стороны посмотреть — пустой человек»¹⁴⁶; «...был непоседливый, беспокойный»¹⁴⁷; «...горяч, в гневе несдержан»¹⁴⁸. В мемуарах В. Д. Лиорко, второй жены писателя, читаем: «...его несло куда-то, он напряженно искал что-то насущнейшее, и благополучным устойчивым людям был тягостен...»¹⁴⁹. К. Н. Давыдов, зоолог-фаунист, выделяет в писателе «мятущуюся душу»¹⁵⁰, его перманентную внутреннюю неустроенность: «...у него всегда какая-нибудь белиберда в голове»¹⁵¹, а также особенную тягу к языческому примитивизму¹⁵².

Более остро «язычество» М. М. Пришвина характеризует его современник, писатель И. С. Соколов-Микитов. В своих воспоминаниях он пишет: «Человеколюбцем назвать его трудно, но великим жизнелюбцем и “самолубцем” он был несомненно. Эта языческая любовь к жизни, словесное мастерство — великая его заслуга»¹⁵³; «Пришвин <...> на своем эгоизме, со своей эгоистической философией, отдавал сердце лишь самому себе и “своим книгам”...»¹⁵⁴. Черты «язычества» писателя также отмечали хорошо знавшие М. М. Пришвина А. М. Ремизов и К. Г. Паустовский. Так, первый сравнивает его с «луном, медведчиком и волхвом»¹⁵⁵, а второй прямо предостерегает: «...смотрите, чтобы он не запутал вас. Начнет колдовать, берегитесь. Колдун!»¹⁵⁶.

На формирование взглядов писателя также влияли события личной жизни. Остро нуждаясь в каком-либо самоутверждении, в 1902 г. М. М. Пришвин

¹⁴⁶ Пришвина Е. П. Моя жизнь с Михаилом Михайловичем // Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Восп. современников / сост., вступ. ст., коммент. Л. А. Рязанова и Я. З. Гришина. СПб. : Росток, 2005. С. 36.

¹⁴⁷ Там же. С. 37.

¹⁴⁸ Там же. С. 38.

¹⁴⁹ Пришвина В. Д. Наш дом. С. 420.

¹⁵⁰ См.: Давыдов К. Н. Мои воспоминания о М. М. Пришвине // Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Восп. современников / сост., вступ. ст., коммент. Л. А. Рязанова и Я. З. Гришина. СПб. : Росток, 2005. С. 40.

¹⁵¹ Там же. С. 41.

¹⁵² См.: там же. С. 46.

¹⁵³ Соколов-Микитов И. С. Слово о Пришвине // Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Восп. современников / сост., вступ. ст., коммент. Л. А. Рязанова и Я. З. Гришина. СПб. : Росток, 2005. С. 65.

¹⁵⁴ Там же. С. 66.

¹⁵⁵ См.: Ремизов А. М. М. М. Пришвин // Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Воспоминания современников / сост., вступ. ст., коммент. Л. А. Рязанова и Я. З. Гришина. СПб. : Росток, 2005. С. 68.

¹⁵⁶ Паустовский К. Г. Цит. по: Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Воспоминания современников / сост., вступ. ст., коммент. Л. А. Рязанова и Я. З. Гришина. СПб. : Росток, 2005. С. 302.

окончил обучение в Лейпциге на агрономическом отделении и далее в течение трех лет работал по специальности. В 1903 г., несмотря на протест матери, он сошелся с замужней крестьянской женщиной Е. П. Смогалева¹⁵⁷.

В 1905 г. к тридцати двум годам, когда он пережил многое: раннюю смерть отца, исключение из гимназии, тюремное заключение за революционную марксистскую деятельность и неразделенную несчастную любовь к В. П. Измалковой (в 1902 г.) начинает вести свою писательскую деятельность сначала как корреспондент от газет, затем пробует писать собственные рассказы. В том же 1905 г. М. М. Пришвин пробует делать первые дневниковые записи, но они пока несут лишь непостоянный и временный характер. В 1908 г. вступает в религиозно-философское общество Д. С. Мережковского, а также знакомится с сектой хлыстовского толка П. М. Легкобытова. С этого момента дневниковые записи становятся более частыми.

Начиная с 1914 г. М. М. Пришвин подходит к ведению дневника систематически и уже регулярно оставляет в нем записи. Отчасти причина этого заключалась в переживаниях из-за смерти матери, М. И. Пришвиной, которая умерла 1 ноября 1914 г., и в обостренном чувстве одиночества. Также постоянному ведению записей способствовало начало Первой мировой войны, последующая поездка писателя на фронт в 1915–1916 гг. в качестве военного корреспондента и революционные потрясения 1917 г. По замечанию А. Н. Варламова, в эти и последующие годы гражданской войны у писателя возникает мысль о богооставленности и пробуждается обостренное религиозное чувство, вызванное желанием приблизиться к истинному Богу¹⁵⁸.

В начале 1918 г. писатель переживает кратковременное тюремное заключение в Петербурге, что также способствует ведению дневниковых записей, в которых он дает оценку происходящему как «Страшному суду»¹⁵⁹ и концу времен. В этом же году у него начинается роман с Софьей Павловной Коноплянцевой, и до 1920 г. он временно оставляет свою семью. С 1922 г.

¹⁵⁷ См.: Варламов А. Н. Пришвин. С. 525.

¹⁵⁸ См.: там же. С. 171.

¹⁵⁹ Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. С. 14–15.

получает квартиру в Москве и начинает публиковаться в газетах и журналах как автор рассказов о природе. В 1926 г. приобретает дом в Загорске (Сергиевом Посаде) и до 1939 г. плотно занимается литературной деятельностью. За данный период М. М. Пришвин получает квартиру в писательском доме и фактически разрывает отношения с Е. П. Смогалевой.

Одним из наиболее значимых событий, оказавшим влияние как на самого писателя, так и на характер его дневниковых записей, явилось знакомство с В. Д. Лиорко. Именно 1940 г. можно считать переломным и в личной жизни М. М. Пришвина, и в его религиозных взглядах, что нашло яркое отражение в дневнике.

В 1941–1954 гг. основополагающую роль в актуализации всей религиозной и нравственной проблематики сыграла Великая Отечественная война. Именно она стала главной причиной переосмысления многих устоявшихся взглядов писателя и привела его к деятельному участию в жизни Церкви. По свидетельству Н. В. Реформаторской, за почти три года жизни в эвакуации М. М. Пришвин заметно изменился, стал «...каким-то очень серьезным... озабоченным, задумчивым»¹⁶⁰. В. Д. Лиорко, которая находилась все время рядом с писателем, вспоминает: «...не прошли бесследно прожитые в тревоге годы войны. Отныне он уже не хочет скрываться в кажущейся беззаботности “певца природы”, в образе Пана, отмеченном еще дореволюционной критикой»¹⁶¹.

Так, переход от пантеизма к христианству во время войны можно выделить не просто как новое религиозно-философское увлечение, но как насущную потребность, сознательный процесс, которому автор посвятил последующие годы жизни. Примечательно, что причину подобной радикальной перемены взглядов сам писатель видел в разрушении прежнего привычного уклада жизни. В записи от 14 августа 1948 г. читаем: «...самое главное в человеке есть Бог, и это именно после каждой катастрофы нас и успокаивает: мы очищаемся от привязанности к человеческому... всякому “изму”, приближаясь к самому главному в человеке, к

¹⁶⁰ Реформаторская Н. В. О Пришвине // Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Воспоминания современников / сост., вступ. ст., коммент. Л. А. Рязанова и Я. З. Гришина. СПб. : Росток, 2005. С. 161.

¹⁶¹ Пришвина В. Д. Война. С. 193.

его Богу»¹⁶². Так, А. Н. Варламов выражает мысль, что война привела его к переоценке жизни¹⁶³ и помогла стать «...совершенно иным, просветленным и смиренным и не ищущим счастья человеком...»¹⁶⁴, без чего сознательного перехода к христианству могло бы и не произойти.

К важным второстепенным причинам, актуализировавшим для автора дневников религиозные и нравственные вопросы, можно отнести: продолжительную болезнь его тещи, Н. А. Лиорко; старческие болезни самого писателя; смерть его первой супруги Е. П. Смогалевой. Также одним из факторов, способствующих размышлениям на христианскую и нравственную тематики, стало приобретение в 1946 г. дома в д. Дунино, где вдали от столичной суеты он особенно часто задавался подобными вопросами.

В дневниковых записях первое осознанное упоминание **о Боге** происходит в 1908 г., когда автор впервые задается вопросом о Его сущности. Одной из причин заинтересованности данной темой стала неразделенная любовь писателя. Уже после разрыва отношений с В. П. Измалковой в письме за 1912 г. он пишет: «По-моему, “лучшее” и не во мне, и не в Вас, а в Боге»¹⁶⁵. Однако на тот момент восприятие М. М. Пришвиным Бога было далеким от церковного понимания. Являясь невоцерковленным человеком, вчерашним марксистом (разочарование в марксизме произошло после обучения в Лейпцигском университете в 1900–1902 гг.), он на начальном этапе своей жизни приходит к Его познанию самостоятельно, без участия Церкви. Так, в 1908 г. он воспринимает Бога лишь как тайну, ему недоступную¹⁶⁶. В связи с этим Бог познается им постепенно, путем индукции. После вступления в Религиозно-философское общество Д. С. Мережковского (далее — РФО), писатель дает первое определение: «Истина — Бог... Что есть истина без правды? Ложь, дьявольское наваждение»¹⁶⁷.

¹⁶² Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949. С. 217.

¹⁶³ См.: Варламов А. В. Пришвин. С. 440.

¹⁶⁴ Там же. С. 440.

¹⁶⁵ Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 147.

¹⁶⁶ См.: там же. С. 34.

¹⁶⁷ Там же. С. 257.

Поскольку РФО не смогло дать ответов на интересующие М. М. Пришвина теологические вопросы о божественной сущности, он вступает на путь личного, как называет сам автор, «богоискательства»¹⁶⁸. По мнению Я. В. Сарычева, именно разочарование обществом Д. С. Мережковского послужило началом пантеистического восприятия мира¹⁶⁹. Современник писателя К. Н. Давыдов отмечает, что на тот момент «его мятущаяся душа сливалась с душой природы, проникалась ее порывами, ее размахом»¹⁷⁰. Это чувствовали и знакомые писателя, небезосновательно видя в нем проповедника «родовой пантеистической душевности»¹⁷¹. В дневнике за 1944 г. автор сам укажет на свои заблуждения и напишет: «...понял все свое писание о природе тоже как “пантеизм”, т.е. признание родового чувства священным (“язычество”»)¹⁷².

Однако характерной чертой «язычества» писателя можно отметить другое, а именно антропоморфизм природы в лице Христа. А. М. Подоксенов отмечает, что на данном этапе пантеизм отождествляется со Христом, являя «...светлого, “зеленого” и “солнечного”, милостивого природного Христа — Великого Пана, радостно провозглашающего: “Ни в чем нет греха”»¹⁷³. Так, пантеизм писателя заключается в особом, радостном восприятии жизни и природы и в его личном, не церковном понимании соотносится с Христом. Перемена взгляда и переход к цельному теистическому восприятию мира начнет осуществляться лишь с началом Первой мировой войны, но даже после нее, по свидетельству того же А. М. Подоксенова, пантеистические символы и образы будут находить свое отражение в творчестве писателя¹⁷⁴.

Возможная причина подобных взглядов М. М. Пришвина в 1908 г. кроется в том, что на тот момент в Православии он видит лишь мрачного бога страданий, греха и безысходности и потому во всем противопоставляет его Пану. Он считал, что бог, основанный на страхе смерти, понятии греха и внешнем культе, является

¹⁶⁸ См.: Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 581.

¹⁶⁹ См.: Сарычев Я. В. «Новое религиозное сознание» и М. Пришвин. С. 178.

¹⁷⁰ Давыдов К. Н. Мои воспоминания о М. М. Пришвине. С. 40.

¹⁷¹ См.: Федотов Г. П. Русский человек // Киносценарии. 1989. № 4. С. 180.

¹⁷² Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 50–51.

¹⁷³ Подоксенов А. М. О проблеме «богоискательства» в мировоззрении и творчестве М. М. Пришвина. С. 80.

¹⁷⁴ См.: там же. С. 81.

лишь грубой церковной интерпретацией радостного бога природы. В это время писатель совершает для себя разделение Бога на истинного бога жизни, света и радости в пантеизме и ложного «темного» бога в Православной Церкви. В связи с этим отношение к Богу становится двояким. Богу красоты, радости и жизни М. М. Пришвин выказывает свое расположение, благоговение и любовь, а для «церковного Бога неудачников» оставляет критику¹⁷⁵. На данном этапе (1908–1913 гг.) соотнести между собой этих двух богов и прийти к теистическому восприятию мира ему не удастся. Он пишет: «Русский Бог [прим.: Православной Церкви] страшен тем, что требует поглощения личности»¹⁷⁶; «Я горд. Он требует смирения... Нет, никакие объяснения невозможны мне с Ним»¹⁷⁷. Поэтому он по-прежнему сохраняет свое расположение к богу, которого нашел для себя в пантеизме, и продолжает держать дистанцию от Бога, Которого исповедует Церковь.

Вследствие этого певец радости жизни приходит к мнению, что настоящий Бог находится не в храмах и не в обрядах Церкви, но в природе и рядом с каждым человеком. Поэтому, по мнению автора, «...искать Его нужно совсем близко от себя, а не в иконах и храмах»¹⁷⁸; «...на границе природы и человека...»¹⁷⁹, а также в творчестве. Последнее писатель ставил особенно высоко. Именно творчество, в представлении М. М. Пришвина, является путем опытного познания Бога. Так, в 1912 г. автор дневников познает Бога именно в процессе творения, о чем пишет в дневниковой записи от 4 декабря: «О Боге я думаю так, что Он должен быть в действии, что Он — живое творческое начало и, чтобы постигнуть Его, — [надо] действовать, как Он...»¹⁸⁰ — т.е. творить.

Если в 1908 г. он считал, что Бога следует искать «...на границе природы и человека...»¹⁸¹, то уже в 1915 г., в записи от 28 апреля, отмечает, что «...существо совершенное и высшее, перед которым боишься, стыдишься, стесняешься — не в

¹⁷⁵ См.: Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 593.

¹⁷⁶ Там же. С. 592.

¹⁷⁷ Там же. С. 236.

¹⁷⁸ Там же. С. 151.

¹⁷⁹ Там же. С. 28.

¹⁸⁰ Там же. С. 151.

¹⁸¹ Там же. С. 28.

людях, а лишь почивает на людях»¹⁸². Подобное отношение М. М. Пришвина также начинает прослеживаться и в восприятии природы, которая осознается уже не как божество, но как творение Бога¹⁸³. Однако, несмотря на отход от пантеистического восприятия мира, сугубо христианское понимание Бога приходит к нему не сразу. В частности, об этом говорит в своей статье Н. И. Лишова, замечая, что на раннем этапе творчества писателя пантеистические мотивы не исчезают, но становятся для него «...оригинальным способом соединения языческих и христианских символов и образов»¹⁸⁴. В связи с этим подлинные христианские взгляды формируются постепенно, со временем, под воздействием внешних факторов. В частности, таковыми являлись начало Первой мировой войны и поездка на фронт в качестве военного корреспондента в 1915–1916 гг. Так, в непосредственной близости от смерти, испытывая многочисленные неудобства, он в записи от 6 мая 1916 г. замечает следующее: «Чтобы принять Его, нужно домучиться до Него, и вот как ясно становится все: нужно думать о другом, как о себе»¹⁸⁵. Ключевыми моментами он выделяет именно претерпевание мучения и заботу о ближнем, что становится особенно актуальным в военное время. Данную мысль о значительной роли личного страдания в вопросе постижения писателем Бога также выделяет в своей статье¹⁸⁶ И. В. Попова.

В 1917 г., вследствие Октябрьской революции, писатель вновь приближается к пониманию Бога таким же эмпирическим путем. В записи от 31 октября он подытоживает пережитое в революцию и отмечает особое чувство непостижимого небесного заступничества: «Не знаю, как называется тот Бог, с которым я, оказывается, всю свою жизнь советовался, к которому прибегал, который вел меня...»¹⁸⁷. Данное откровение подводит его в 1918 г. уже к христианскому

¹⁸² Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. С. 163.

¹⁸³ См.: там же. С. 164.

¹⁸⁴ Лишова Н. И. Религиозные поиски народа и интеллигенции в очерке М. М. Пришвина «За волшебным колобком». С. 72.

¹⁸⁵ Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. С. 233.

¹⁸⁶ См.: Попова И. В. Христианский контекст в Творчестве М. М. Пришвина. С. [н. д.].

¹⁸⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. С. 382.

пониманию Бога как Отца, Сына и Святого Духа¹⁸⁸, что можно воспринимать началом сознательного теистического восприятия мира и отхода от пантеизма.

Поиски Бога в Его православном понимании также проходили постепенно. В 1919 г. в контексте советской антирелигиозной риторики М. М. Пришвин выделяет в Боге такие качества, как совершенство¹⁸⁹, любовь¹⁹⁰ и красоту¹⁹¹. Совершенно особым в вопросе постижения Бога является 1920 г., когда писатель окончательно разрывает отношения с С. П. Коноплянцевой и возвращается к своей семье. Так, дневниковая запись от 26 мая — пространное обращение-исповедь к Богу, в котором автор описывает собственный опыт богоискательства и богообщения: «Я жду Тебя и очень тоскую, когда Ты долго не приходишь, но счастью моему нет предела, когда Ты являешься... приход Твой всегда мне бывает нечаянной радостью»¹⁹². Данное откровение писателя является не случайным. Как замечает в своей диссертации Н. В. Борисова, тема Бога является для певца природы одной из глубинных и важнейших, вокруг нее он и разворачивает свое творчество¹⁹³.

Также в отличие от периода пантеизма М. М. Пришвин теперь воспекает не природу, но через нее — Самого Бога. Так чувство божественного посещения в природе теперь сравнивается им с действием Святого Духа в праздник Пятидесятницы. В той же записи от 26 мая (за четыре дня до самого праздника) он пишет: «...на серых ветвях остается лишь несколько красных листиков, эти листики мне становятся как огненные языки Духа Святого на головах апостолов, и Ты ко мне являешься»¹⁹⁴. Примечательно, что при поиске Бога в природе автор также не оставлял попыток найти Его в Православной церкви. Дневник свидетельствует, что он посещал храм в Великую пятницу, однако не смог почувствовать там Бога: «...Ты стал черным, как мощи, и вот собираются толпы

¹⁸⁸ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. С. 61.

¹⁸⁹ См.: там же. С. 228.

¹⁹⁰ См.: там же. С. 248.

¹⁹¹ См.: там же. С. 334.

¹⁹² Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. С. 69.

¹⁹³ См.: Борисова Н. В. Художественное бытие мифа в творческом наследии М. М. Пришвина. С. 21.

¹⁹⁴ Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. С. 70.

людей со свечками и с ладаном, и гроб золотой возле Тебя. Я делаю усилие и вхожу в ту церковь: нет в церкви Тебя...»¹⁹⁵.

Не иначе как богоискательством М. М. Пришвин объясняет и свой роман с С. П. Коноплянцевой. Об этом он пишет: «Иногда я видел Тебя в женщине и любил Тебя в ней, но Ты уходил, и женщина оставалась ненужная мне...»¹⁹⁶. Писатель отмечает, что подобные явления Бога через людей он замечал во многих, но не мог этого ясно осознать. Уже теперь он понимает, что Бог был рядом с ним во всех критических моментах, граничащих со смертью: в опасностях на фронте в 1915–1916 гг. и в личном конфликте с комиссаром Ростовцевым в 1920 г., едва не приведшем к расстрелу. Осознавая свои жизненные ошибки М. М. Пришвин задается вопросом, на который также пытается найти ответ. Он пишет: «Что же, или мне вовсе не нужно искать Тебя, ведь Ты не бываешь там, где я ищу Тебя? ...Ты приходишь как бы на зов мой, но совсем с другой стороны и не в то время, когда я зову Тебя. Да, я встречаю Тебя иногда в своих мерзостях, но если я стану делать мерзости, я наверно не найду Тебя»¹⁹⁷. В подобном умозаключении прочитывается аллюзия к посланию апостола Павла к Римлянам (Рим. 5, 20 – 6, 1), с которым писатель явно соглашается.

Впервые испытав Божественное откровение и осознав всю ценность пребывания с Богом, М. М. Пришвин предпринимает попытки удержать это состояние или найти путь, где Его можно отыскать. Однако проблема заключается в том, что Церковь с ее Таинствами писатель еще не воспринимает, и потому данный вопрос остается для него неразрешенным. Итак, почувствовав присутствие Бога явным образом спустя годы исканий и жизненных ошибок, он заключает: «Я пленник, Ты мой освободитель»¹⁹⁸.

После 1920 г. записи на тему Бога заметно сокращаются. Вероятно, это вызвано тем, что главный вопрос, связанный с богоискательством, для него был уже разрешен. В связи с этим писатель обращает свое внимание уже на

¹⁹⁵ Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. С. 71.

¹⁹⁶ Там же. С. 70.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ Там же. С. 71.

взаимоотношение человека и Бога. Так, в 1921 г. он размышляет на тему истинной свободы и рабства, после чего заключает: «Мы все рабы, только те, кто знает своего господина и любит, называются свободными, а кто не знает и ненавидит, настоящими рабами...»¹⁹⁹. В 1924 г. он приближается к некоторым догматическим истинам, отвечающим учению Православной Церкви. Автор дневников пишет о Боге, как о «Бесконечном, Непознаваемом, одном в трех лицах, в двух [ипостасях] и во всем едином»²⁰⁰.

Однако на пути постижения Бога М. М. Пришвину было свойственно и сомнение. В апреле 1925 г. записи начинаются именно деистическими рассуждениями. Писатель признает бытие Бога, однако считает Его совершенно незаинтересованным в Своем творении и обособленным от всего окружающего мира. Вероятно, данное мнение было вызвано картиной разорения и поругания многих старинных Переславль-Залесских монастырей и храмов. В записи от 8 мая автор дневников замечает, что осмотрел «забытые Богом» «...Федоровский монастырь, Даниловский, Никольский, Борисоглебский, Никитский, гор. Клещин, Александрову гору»²⁰¹. По этой причине он заключает: «...я не то что не верю в Бога, а не очень люблю Его и потому отбрасываю думу о вере в Бога как пустое занятие»²⁰². Однако совершенно оставить рассуждения на тему Бога М. М. Пришвин не может. Наиболее характерно это показывает запись от 30 октября, во время той же продолжительной командировки в Переславль-Залесский. Он пишет: «...я до того привык к Нему, и так Он вошел в мой труд, в мою жизнь, во всю мою природу, что я совершенно не отделяю Его от себя самого»²⁰³.

В 1927 г. писатель совершает множество выписок из учения индийского гуру Рамакришны Парамахамсы. Специфика данных выписок в том, что М. М. Пришвин пытается приблизиться к более деятельному познанию Бога. Однако после констатации Рамакришной невозможности прикосновения к Богу и

¹⁹⁹ Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. С. 184.

²⁰⁰ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1923–1925. С. 196.

²⁰¹ Там же. С. 283.

²⁰² Там же. С. 285.

²⁰³ Там же. С. 343.

единения с Ним²⁰⁴ автор дневников перестает вести конспект и заключает: «...боюсь сказать, есть Бог или нет, знаю, ...если Бог есть, то Он придет ко мне Сам, и я увижу Его...»²⁰⁵. В 1929 г. напряженное ожидание Бога рождает в М. М. Пришвине уверенность, что «Он, Милосердный, является со временем, с годами»²⁰⁶, и потому он на время прекращает вести записи. В 1932 г. в Сергиевом Посаде писатель вновь делает заметку, в которой пытается приблизиться к Его познанию. В записи от 14 ноября после прочтения «Фауста» Гете он заключает: «Бог — это все, что есть, а черт — все, что кажется. Бог — это образ сущего, черт — образ ничто. Бог — правда, черт — обман»²⁰⁷. Так автор дневника предпринимает попытки собственного познания Бога вне церковной храмовой и евхаристической традиции.

В частности, на пути самостоятельного познания писатель также обращается к текстам Священного Писания. В дневнике за 1937 г., в записи от 26 июня, он отмечает ключевое место в деле личного познания Бога в послании апостола Павла: «Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы...» (Рим. 1, 20)²⁰⁸. Так, писатель-художник вновь понимает Бога как Творца и посредством личной творческой деятельности старается проложить к Нему путь. В 1938 г. он открывает знание о Боге уже через прочтение Экклезиаста. В записи от 31 августа М. М. Пришвин заключает: «Именно у Экклезиаста и отдается вся жизнь суете ради подтверждения реальности Бога: только Бог не суета... [но] То “настоящее”, что ты сам чувствуешь во всякой суете»²⁰⁹.

В 1939 г. представления писателя о Боге формируются как антитеза пантеизму. Так, если животное «хочется» он связывает с пантеистическим началом, то аскетическое «надо» — с Богом²¹⁰. М. М. Пришвин даже заключает,

²⁰⁴ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. С. 518.

²⁰⁵ Там же. С. 524.

²⁰⁶ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1928–1929. С. 364.

²⁰⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1932–1935. С. 316.

²⁰⁸ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1936–1937. С. 653.

²⁰⁹ Пришвин М. М. Дневники. 1938–1939. С. 162.

²¹⁰ См.: там же. С. 344.

что «“Надо” — это есть Бог»²¹¹. Здесь следует обратить внимание на то, что ключевым моментом в познании Бога он видит действенность и активность самого человека. При таком прочтении «надо» становится причиной действия и важным условием сообщения между Богом и человеком, неким аналогом синергии²¹².

Однако в 1940 г., с началом отношений с В. Д. Лиорко, писатель коренным образом пересматривает свои предыдущие взгляды и рассуждения о Боге. Наиболее ярко показывает перемену во взглядах дневниковая запись от 11 апреля, его диалог со своей православной домработницей: «Вы же веруете в Бога? — Верую, но считаю того бога, которому жертва нужна, как ты говоришь, Сатаной. Я же тому Богу служу, который творит любовь на земле»²¹³. Теперь он временно отрекается от своего же мнения о пути познания Бога через труд и усилие и задается вопросом: «Страстная радость жизни... — почему это не от Бога, и даже просто не чудо явления Бога? Почему радостью жизни нельзя постигать Бога, а непременно только страданием?»²¹⁴.

С 1941 г., находясь в эвакуации в д. Усолье, Ярославской области, и слыша неутешительные новости с фронта, автор дневника с новой силой сосредотачивает свое внимание на теме Бога²¹⁵. В это время он впервые целиком прочитывает Библию, в результате чего на страницах дневников появляется множество ветхозаветных и евангельских образов. 2 ноября он пишет: «...страна пуста, как во время татар. А вот книжечки эти, Евангелие, Исаак Сириянин... — не уничтожишь. Значит, вот где реальность, в слове, а не в чугуне. <...> Да, Слово, “и Слово бе к Богу”... вот теперь это нам надо, и этого довольно: Слово к Богу»²¹⁶. Так, на новом месте М. М. Пришвин обращает особый взор на проявления Бога в жизни людей.

²¹¹ Пришвин М. М. Дневники. 1938–1939. С. 344.

²¹² См.: там же. С. 359.

²¹³ Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 135.

²¹⁴ Там же. С. 227.

²¹⁵ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 111.

²¹⁶ Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 660.

В красоте природы и окружающих его ярославских пейзажах он, как художник слова, узнает руку самого первого Художника — Творца²¹⁷. В среде же человеческого общества замечает Его спасительную десницу в судьбоносных решениях и поступках людей²¹⁸. В связи с этим писатель также обращает свое внимание на тему чуда — «непосредственного действия силы Божией»²¹⁹.

Проводя параллели между современностью и Ветхим Заветом²²⁰, автор дневника особенно выделяет в Боге такое свойство, как любовь. Именно ее певец природы воспринимает в Боге как созидательную, живительную силу и видит в Нем ее единственный источник²²¹.

Знаковая перемена в чувствовании Бога произошла для писателя в 1943 г., что также совпало с переломным моментом в сторону победы СССР в Великой Отечественной войне. В это время он перестает представлять Бога исключительно в рамках собственной души и по-новому открывает Его через образ Солнца, милосердно согревающего своими живительными лучами все людские сердца²²². В связи с этим автор дневника также пересматривает собственные представления о природе вдохновения. Теперь он относит посещение «музы» не к личному гению писателя, но к действию Творца. В записи от 7 марта он замечает об этом так: «Когда напишется хорошо и поймешь, что действительно вышло хорошо, то всегда бывает — себя не узнаешь, а как будто не от себя или сверх себя это пришло. Вот это-то “сверх” и есть Божья милость, и я лично верю — это делает Бог»²²³. Данное озарение также приводит М. М. Пришвина к новому взгляду на природу происхождения Евангелия и иконописи. Теперь он убеждается, что подобные памятники не могут являться лишь вымыслом художников кисти и слова, но являются настоящими свидетельствами бытия Бога²²⁴.

²¹⁷ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 689.

²¹⁸ См.: там же. С. 713; Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 316.

²¹⁹ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 713–714.

²²⁰ См.: там же. С. 692–696.

²²¹ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 319.

²²² См.: там же. С. 403, 613.

²²³ Там же. С. 445.

²²⁴ См.: там же. С. 543.

В 1944 г. писатель продолжает рассуждать об истинной природе всякого таланта и 22 сентября заключает: «...все такое чудесное, что и мы творим, начинается в Боге, а не в нас. ...Господи, научи мя творить волю Твою»²²⁵. С этого момента Бог становится для автора дневника не грозным Судией, не отвлеченным абстрактным понятием, но близким его пониманию Творцом, бесконечно любящим каждое Свое творение и большее из них — человека²²⁶. В связи с новым представлением о Боге М. М. Пришвин также по-новому начинает относиться и к процессу творчества, видя в нем синергию Творца и человека²²⁷.

После победы в Великой Отечественной Войне он в своем ощущении Бога переходит на качественно новый уровень. 11 сентября 1946 г. автор дневника оставляет запись: «Вообще-то, говоря “Бога нет”, разумеют, как дикарь разумеет о воздухе: раз не видно, значит и нет»²²⁸. Теперь писатель находит подтверждение бытия Божия во всем окружающем его мире, природных стихиях и человеческих взаимоотношениях²²⁹.

Особенную роль в деле познания Бога он отдает именно природе. В своем рассуждении от 8 декабря 1946 г. он, как и прп. Феодор Студит²³⁰, подходит к вопросу видения Бога через образ зеркала. Отличие в подходе М. М. Пришвина заключается лишь в том, что функцию иконы, отражающей славу Бога и подтверждающей Его пришествие в мир, в большей степени исполняет природа, а не икона. Сам он пишет об этом так: «Природа, как зеркало Божье... в природе, как в зеркале, мы видим себя, конечно, и Бога, поскольку и Бог живет с нами, а если Бог нас оставит, то едва ли мы и его увидим в природе»²³¹. Автор дневника приходит к вполне христианскому умозаключению и даже апеллирует к Катехизису свт. Филарета, замечая, что «...существо Божье постигается в разглядывании предметов нерукотворной природы»²³².

²²⁵ Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 278.

²²⁶ См.: там же. С. 394.

²²⁷ См.: там же. С. 644; Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949. С. 432.

²²⁸ Пришвин М. М. Дневники. 1946–1947. С. 282.

²²⁹ См.: там же. С. 278.

²³⁰ См.: Феодор Студит, прп. Творения. Т. 1. СПб.: изд-во СПДА, 1907. С. 234.

²³¹ Пришвин М. М. Дневники. 1946–1947. С. 379; См. так же: Пришвин М. М. Дневники. 1950–1951. С. 173.

²³² Пришвин М. М. Дневники. 1950–1951. С. 513.

Но самая яркая запись, отражающая личное и конечное отношение писателя к Творцу, содержится в дневнике от 3 июня 1953 г. В ней, незадолго до смерти, он пишет: «Если бы я мог сразу написать о том всем, что во мне содержится и чего всего мне самому хочется, то в этом само собой сказалось бы и все мое отношение к Богу, и, может, был бы сам Бог»²³³.

Первые обособленные записи на тему **понимания Христа** автор дневников делает 21 октября 1908 г. в контексте диалога с Д. С. Мережковским. Именно в религиозно-философском обществе писатель составляет множество выписок о Христе из речей его участников, однако, как правило, воздерживается от собственных комментариев. В этот момент тема Христа становится центральной. Это обуславливалось тем, что личность Христа для него была совершенно непонятна, поскольку он плохо знал текст Евангелия, а к Церкви относился с осторожностью. Поэтому момент вступления в общество Д. С. Мережковского можно по праву считать первым шагом в его изучении христологии.

Однако членство в религиозном кружке не дало писателю желаемого результата, как и ясного представления о Христе. Он писал: «Этот Христос [прим.: Христос религиозных обществ] не объединяет, а разъединяет, скажи только слово “Христос” и тебя другой в шею... а настоящий Христос — правильность всеобщего объединения, а не то что одного кружка»²³⁴. Также он заключает, что общество декадентов, хлыстов, оккультистов и теософов не способно верно чувствовать Христа в отличие от простого народа и детей²³⁵. По этой причине М. М. Пришвину пришлось приступить к поискам собственного понимания Христа, отличного от определений обществ. Он верно указывает на один из основных признаков, присущих Христу, — это соборность, объединение. Также к его верным суждениям в данном периоде можно отнести представления о Христе как о Враче всего мира²³⁶.

²³³ Пришвин М. М. Дневники. 1952–1954. С. 362.

²³⁴ Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 631.

²³⁵ См.: там же. С. 189.

²³⁶ См.: там же. С. 170.

Путь самостоятельного познания Христа также не обошелся и без явных отклонений от учения Церкви. На стыке (1908–1909 гг.) М. М. Пришвин приходит к мнению: «...если пойти за Христом [прим.: церковным], то нужно бросить все и как бы умереть, и раз я этого не могу, то и нечего мне и говорить о Христе, ибо я Его противник»²³⁷. Данное мнение было обусловлено его увлечением пантеизмом. Поскольку жизнь с ее радостью являлась для писателя первейшей ценностью, то он восставал против всего, что лишало его радости жизни, даже против Бога. Однако 22 марта 1911 г., накануне Пасхи, М. М. Пришвин снова обращается в своем дневнике к теме христологии. Он пересматривает свое отношение ко Христу, найдя в Нем олицетворение пантеистического начала и торжества жизни. Так, певец природы воспринимает Христову смерть через понятный ему образ — как естественный природный цикл, видя в Нем «умирающего Бога весны, жизни животной»²³⁸. Данное соединение пантеизма и христианства лучше всего выражает современный писателю литературный критик Р. В. Иванов-Разумник. Он замечает: «...светлый Христос его оказывается на одно лицо с Великим Паном [прим: язычеством, пантеизмом]»²³⁹.

С этого времени, после долгого перерыва с 1909 по 1911 гг., писатель продолжает развивать свои собственные суждения о Христе. Он приходит к мнению, что Христос, о Котором учат в храме, является лишь церковной интерпретацией²⁴⁰; что настоящий Христос всегда был в природе и может прийти к каждому, независимо от принадлежности к Церкви²⁴¹. Также он допускает во Христе лишь абстрактную, «принятую на веру величину и точку смысла»²⁴², а не реальную историческую Личность. Помимо этого, писатель воспринимает церковного Христа как слабость, и потому считает, что «...сильный во Христе не нуждается...»²⁴³, допуская для себя признание церковного Христа лишь на пороге

²³⁷ Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 305.

²³⁸ См.: там же. С. 584.

²³⁹ Иванов-Разумник Р. В. Великий Пан. СПб.: «Энергия», 1913. Т. 2. С. 68.

²⁴⁰ См.: Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 635–636.

²⁴¹ См.: там же. С. 588.

²⁴² См.: там же. С. 591.

²⁴³ Там же. С. 588.

смерти, в старческой немощи, когда жизнь земная с ее радостью потеряет для него, как для пантеиста, всякую ценность.

В 1912 г. появляются новые особенности в понимании писателем Христа. Он — источник радости, поскольку в Его лице даже физическая смерть теряет свою силу²⁴⁴. Так, М. М. Пришвин начинает усматривать в христианстве те же ценности, что и в пантеизме. По его мнению, природный Христос был во все времена в самой природе и из среды природы был взят Церковью²⁴⁵: «...Христа узнаешь в церковных напевах, в богослужении, в этой мистерии, взятой из глубины стихии...»²⁴⁶. Данный взгляд писателя разрешает его раннюю проблему негативного восприятия церковного Христа. Он пишет: «...противоречие: Церковь не имеет Христа — и Церковь несет Его? Быть может, так: Христос в природе, Церковь взяла это начало из природы и только распорядилась не так...»²⁴⁷. После того как церковный Христос перестает быть для него противником пантеизма, он начинает более лояльно относиться к Церкви и заключает: «Чего же бояться Христа? Чего сопротивляться Ему? Почему “язычество” право в своей борьбе? Разве Христос помешает язычнику в делах его?»²⁴⁸. Данные риторические вопросы в конце периода (1905–1913 гг.) так и остаются для М. М. Пришвина без ответа, и тема понимания Христа находит свое дальнейшее развитие уже в военное и революционное время.

Характерно, что первое сознательное упоминание о Христе как о Миротворце М. М. Пришвин делает еще до Октябрьской революции, в период усиления революционных настроений. Он замечает об этом в записи от 19 мая 1917 г.: «Во все времена всякой революции вы слышите голос человека, не приставшего ни к какой партии... Но вот пройдут времена, и голос этот услышат люди, и вспомнят, и узнают в нем голос Распятого Бога: “Придите ко Мне все труждающиеся, обремененные, и Аз упокою вы”»²⁴⁹. В конце 1919 г. он обращает

²⁴⁴ См.: Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 632.

²⁴⁵ См.: там же. С. 636.

²⁴⁶ Там же. С. 627.

²⁴⁷ Там же. С. 636.

²⁴⁸ Там же. С. 637.

²⁴⁹ Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. С. 288–289.

свое внимание на удивительное свойство посредничества Христа между любым человеком и Богом²⁵⁰. Выделение писателем именно посредничества и объединения всех во Христе является не случайным. Весь 1919 г. он живет вдали от своей семьи, в сожительстве с С. П. Коноплянцевой. В это время он переживает смерть своего брата Н. М. Пришвина, сестры Л. М. Пришвиной и своего сводного сына Якова (от первого брака Е. П. Смогалевой). Так, находясь в физической разлуке со своей семьей и потеряв всех братьев и сестер, он вновь актуализирует для себя личность Христа и рассуждает о Его человеческой природе и страданиях.

В 1920 г., после окончательного разрыва отношений с С. П. Коноплянцевой и возвращения к своей семье, он продолжает развивать собственные представления на тему христологии. Так, 18 января, в Крещенский сочельник, автор дневника делает следующую запись: «Мы рождаемся или выходим из животного мира, ...но вот пришел человек и сказал: “Я выхожу не от мира сего, Я не рожден от животной плоти, Я рожден от Духа Святого и Я Дух, переходящий в ваши дела...”²⁵¹. С одной стороны, М. М. Пришвин признает во Христе совершенно особое начало, преображающее человека и возносящее его от земли на небо, что прямо соотносится с учением Церкви. К особенным же мнениям на данном этапе следует отнести признаки восприятия Христа с позиции докетизма, в акценте на нематериальности Христа и Его духовной природе.

В 1922 г., в связи с победой Красной Армии в гражданской войне, писатель вновь пересматривает свой взгляд в понимании Христа и делает совершенно не церковные выводы. Он считает, что Христос требуется лишь тем людям, которые находятся на грани гибели и смерти, и даже заключает, что «...Христос — это смерть»²⁵². Вследствие данного мнения его восприятие Христа становится двояким. В записи от 27 ноября 1923 г. автор дневников формулирует его следующим образом: «...в слове “Христос” мне есть два бога: один впереди через ужас в предсмертный час, другой назад, родное милое существо...»²⁵³. Но уже

²⁵⁰ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. С. 343–334.

²⁵¹ Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. С. 130.

²⁵² Там же. С. 255.

²⁵³ Пришвин М. М. Дневники. 1923–1925. С. 64.

через год, в противовес советской антирелигиозной пропаганде, М. М. Пришвин предпринимает попытку цельного восприятия Христа. 1 мая 1924 г. он пишет: «Величайшая перемена в человечестве была совершена Христом, т.е. личностью. Всякая личность знаменует и конец и начало, смерть и воскресение»²⁵⁴. Так, писатель находит для себя решение главной проблемы неприятия смерти в личности Христа и впервые начинает воспринимать Его цельно.

В 1929 г. он вновь поднимает для себя тему понимания Христа — уже в контексте христорочества В. В. Розанова. В записи от 29 марта автор дневника рассуждает о том, что, независимо от людских мнений и Церкви, «...Христос: был, есть и будет»²⁵⁵. С подобным мнением М. М. Пришвин впервые подходит и к Евхаристии, отмечая в Ней средство спасения. Однако помимо спасительного действия он также выделяет в Телe и Крови Христовых такие качества, как отраву — для тех, кто не желает принять Его, и губительную власть — для священнослужителей. Единственным условием достойного принятия Причастия писатель видит общее для всех расположение духа: «...со страхом Божиим и верою...»²⁵⁶, в чем обнаруживается соответствие с учением Церкви.

Далее, до 1937 г., он почти не задается вопросами христологии и вновь актуализирует их через год, после поездки в Кабардино-Балкарию. Особая культура Кавказа и размышления о новом советском человеке подталкивают М. М. Пришвина к мыслям о месте Христа в современном обществе. В записи от 12 марта он приходит к устойчивому мнению, что современный мир разделен на два противоположных полюса: «...с Христом и без Христа»²⁵⁷. Позиционируя себя на христовой стороне, автор дневников замечает: «...Христа, Его воскресение и дарованное Им спасение мы не можем оторвать от нашей жизни... В Христе нельзя додуматься до чего-нибудь и заключить его в рассуждение... В Христе надо жить...»²⁵⁸. Так, в вопросе понимания Христа он признает слабость человеческого ума и несостоятельность постижения Бога лишь рациональным

²⁵⁴ Пришвин М. М. Дневники. 1923–1925. С. 113.

²⁵⁵ Пришвин М. М. Дневники. 1928–1929. С. 385.

²⁵⁶ Там же. С. 385.

²⁵⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1936–1937. С. 488.

²⁵⁸ Там же. С. 704.

образом. По этой причине приходит к новому для себя мнению: люди естественным образом приходят ко Христу, сами, испытав на себе тяготы жизни, несправедливость и ложь²⁵⁹.

В 1938–1939 гг. общий тон рассуждений М. М. Пришвина о Христе меняется, и у него появляется особенное, отличное от учения Церкви мнение. Его тезис 1937 г. — человек через несправедливость жизни сам приходит ко Христу — приводит к мысли о том, что Христос — персонифицированное олицетворение идеала и добродетели в несправедливом мире, самая великая идея, созданная человечеством²⁶⁰. Подобный взгляд меняет отношение и к понятию «христианин». Так, писатель-художник заключает, что христианином является не тот, кто исповедует Христа, но тот, кто ищет «личности и творческого начала в жизни»²⁶¹, а Сам Христос становится примером эволюции человека в Богочеловека²⁶². Следует заметить, что в этот период М. М. Пришвин фактически удаляется от своей семьи и посвящает себя сугубо литературной деятельности в личной четырехкомнатной квартире в Москве.

Однако в 1940 г., с началом сожительства с В. Д. Лиорко его личные размышления о Христе меняются коренным образом. Столь резкую перемену взглядов писатель объясняет в записи от 7 марта: «...как живую личность я Его не чувствую: это у нее [прим: имеется в виду В. Д. Лиорко] Он, как живой. И я могу воспринять Его только через нее. Сильнее и сильнее любя ее, я могу приближаться к Нему»²⁶³. Так, он совершенно отходит от своих прежних христологических взглядов и с 1940 г. находит для себя новый путь познания Христа — через женщину.

На заключительном этапе ведения дневника рецепция писателем Христа сначала проходит вне традиционного церковного учения, причиной чего послужили его особые взгляды относительно высокого идеала православной семьи.

²⁵⁹ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1936–1937. С. 797.

²⁶⁰ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1938–1939. С. 133, 477.

²⁶¹ См.: там же. С. 313.

²⁶² См.: там же. С. 346.

²⁶³ Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 85.

Так, в марте 1941 г. автор дневника неоднократно ставит под сомнение категорическое следование христианским нормам брака. В своем суждении писатель основывается на повсеместном милостивом отношении Христа к блудницам в тексте Евангелия. В записи от 9 марта он замечает, что «...верующая блудница Ему ближе благополучной брачной пары»²⁶⁴. 11 марта в заметках, оставленных во время чтения Евангелия от Матфея, можно обнаружить не явную бинарную оппозицию фарисеев-законников (современных православных), осуждаемых Богом, и грешников-блудников, оправданных Христом. Так, писатель приходит к заключению, что «...Его любезнейшие дети — это кающиеся блудники, которых Он, конечно, предпочитает строго исполняющим закон о браке»²⁶⁵.

В связи с этим роль искупительной смерти Христа также приобретает для автора дневника соответствующие смысловые коннотации. Помимо канонического учения Церкви о даровании Христом спасения от смерти М. М. Пришвин особо выделяет в Нем «независимость от природы и рода»²⁶⁶, чем также достигается его свобода и смелость суждений относительно церковных норм брака.

С началом Великой Отечественной войны акценты писателя в теме христологии начинают смещаться в сторону православного понимания. Он обращает свое внимание на такие аспекты, как соотношение Христа и природы любви; актуальное понимание значения спасения; условия и путь верного понимания Христа, а также осознание факта Воскресения.

Одним из актуальнейших вопросов, который особенно задел писателя с началом войны, стало верное понимание источника любви и ее настоящей природы. В записи от 30 сентября 1941 г., рассуждая о смерти и сострадании в первые месяцы войны, он заключает, что Христос не может являться источником любви, но лишь только ее побудителем через личное страдание каждого и

---

²⁶⁴ Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 399.

²⁶⁵ Там же. С. 400.

²⁶⁶ См.: там же. С. 404.

сострадание ближним²⁶⁷. Однако в 1943 г. со знаковой переменной в сторону победы в Великой Отечественной войне он заключает, что «Христос есть самый источник любви»²⁶⁸, а впоследствии и вовсе определяет Христову любовь как начало всего созидательного в мире²⁶⁹.

В связи с этим он также вновь актуализирует для себя тему спасения Христом и его значения для человека. Если до начала Великой Отечественной войны он видит в нем лишь «независимость от природы, от рода, от физики земной, от смерти...»²⁷⁰, то с ее началом усматривает в спасении глубоко христианские смыслы. В записи от 23 декабря писатель указывает на возможность богообщения и обожения человечества через спасение во Христе²⁷¹; 5 марта 1943 г. выделяет принципиально-безграничную свободу во Христе каждого верующего²⁷²; 2 февраля 1945 г. отмечает избавление от страданий за грехи²⁷³, а 26 марта 1948 г. заключает, что Спаситель у врачевал слабую человеческую волю и в Себе даровал подлинную свободу всем живущим²⁷⁴.

Наряду с данной тематикой, с началом Великой Отечественной войны М. М. Пришвин также поднимает вопрос о верном понимании личности Христа и Его подлинном значении для человека. Так, в записи от 27 декабря 1941 г. он определяет Его как «...путь каждого к Богу...»²⁷⁵ через личное усилие, страдание и труд. После же Великой Отечественной войны певец природы еще больше приближается к пониманию Христа и осознает его через уже понятный ему образ Солнца. И если Творца он образно воспринимает как само Солнце, то Его Сына — как свет, благодаря которому можно видеть окружающий человека мир во всей его красоте. В записи от 13 ноября автор дневника заключает следующим образом: «...Он только свет, и страшен только тому, кто не может выносить света: Он

²⁶⁷ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 610, 616, 622.

²⁶⁸ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 641.

²⁶⁹ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 161.

²⁷⁰ Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 404.

²⁷¹ См.: там же. С. 739.

²⁷² См.: Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 443.

²⁷³ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 424.

²⁷⁴ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949. С. 97.

²⁷⁵ Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 743.

светом страшен, а не тенью, тень — это мы»²⁷⁶. Так писатель приближается к трихотомическому пониманию Бога в духе учения отцов Церкви.

Однако не все его христологические рассуждения с началом Великой Отечественной войны стали соответствовать учению Церкви. Одним из наиболее острых вопросов для писателя после прочтения Четвероевангелия было осознание факта Воскресения. 5 апреля 1942 г. М. М. Пришвин записывает следующее: «...Евангелия соответственные прочитал и хорошо думал о Воскресении Христа. Я вывел из поля зрения физический факт Воскресения так же, как вывожу уничтожающие Евангелие чудеса»²⁷⁷. Так он обходит стороной все неудобные для понимания евангельские места и сверхъестественные чудеса Спасителя, в чем прочитывается влияние на писателя взглядов Л. Н. Толстого, которого М. М. Пришвин ставил в один ряд с Гете и Шекспиром²⁷⁸.

Лишь 7 сентября 1950 г., являясь уже больным человеком, он пришел к заключению о действительности воскресения, которое уже не подвергал сомнению до самой своей смерти: «...Екклезиаст сказал: “Все было”. Христос, напротив, дает нам то, чего не было (Воскресение). Значит, на этом следует нам и остановиться...»²⁷⁹. Примечательно, что после данного откровения писатель более не поднимает христологических вопросов, что обуславливается, вероятно, разрешением всех проблемных тем.

Публицистика (1913–1917 гг.)

В отличие от дневника, который М. М. Пришвин считал своим важнейшим трудом и делом всей жизни, публицистика имела второстепенный характер. Основной объем произведений относится преимущественно к 1909–1924 гг. Это обусловлено тем, что работа в периодических изданиях для писателя никогда не являлась самоцелью, но была лишь средством: способом отвлечения от

²⁷⁶ Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949. С. 647.

²⁷⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 123.

²⁷⁸ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. С. 163.

²⁷⁹ Пришвин М. М. Дневники. 1950–1951. С. 196.

несчастливого опыта любви и самовыражения, реакцией на происходящие потрясения и перемены в мире и попыткой осмысления их, а также возможностью заработать в условиях крайней нужды.

Говоря об образе автора в публицистических произведениях, следует заметить, что его проекция также, как и в материалах дневников, лишена заметных расхождений с «биографическим автором». В большинстве статей писатель пишет от первого лица, как военный корреспондент и делегат Временного комитета Государственной думы — непосредственный очевидец и свидетель описываемых событий. В советское время — как признанный писатель. В связи с этим авторская оценка происходящего (преимущественно войн, революции 1917 г., гражданской войны и нравственной деградации общества) явная, не двусмысленная с четкой личной позицией.

Публикуясь в газетных изданиях, автор стремился сохранить высокий литературный стиль. Основная претензия писателя к языку газет заключалась в том, что он не возвышал и воспитывал читателя, а напротив, унифицировал все многообразие и богатство русского языка к ограниченному набору штампов и словоформ, тем самым искажая и обедняя его. В дневниковой записи от 12 октября 1928 г. М. М. Пришвин пишет: «Надо сделать, чтобы газетные литераторы не уродовали речь... <...> Свою деятельность литератора я считаю деятельностью истинного ликвидатора неграмотности потому, что стремлюсь создать нечто более прочное и чистое...»²⁸⁰. На данную не решенную проблему автор обращает внимание и в конце своей жизни. В записи от 2 марта 1950 г. он пишет: «Нынешнее торжество газетного языка имеет в себе целую философию, потому что газетный язык является у нас связующим языком всех национальностей и передает всем содержание социалистическое... Но содержание (газетный язык) так давит на форму, что расплющивает ее, и получается язык газетный»²⁸¹. Так, 15 мая 1950 г. писатель заключает: «...для победы национального художественного языка, в смысле его продвижения по пути к

²⁸⁰ Пришвин М. М. Дневники. 1928–1929. С. 285.

²⁸¹ Пришвин М. М. Дневники. 1950–1951. С. 40.

единству, необходимо строгое разграничение национального языка от газетного»²⁸² — чего и старался добиться всю свою жизнь, облакая свои газетные статьи исключительно в высокую литературную форму.

Композиционно публикации М. М. Пришвина напоминают простые очерки или небольшие рассказы, основанные на материалах дневников. Особый акцент в статьях делается именно на проблемной теме, которая нередко вводится уже в самом заголовке или же в первых строках статьи, и заключении, в котором писатель излагает свою авторскую мысль.

Проблематика публицистических произведений в основном затрагивает злободневные нравственные и этические вопросы современного ему общества: показывает торжество и безнаказанность зла, смерть, деградацию личности, утрату культурных, религиозных и общечеловеческих ценностей (в более поздних статьях советского периода общая тональность произведений меняется в сторону нейтральной лирики). Как отмечает А. А. Дырдин, «каждый жизненный факт в рамках рассматриваемых им религиозных понятий добра и зла получает свою нравственно-философскую авторскую оценку»²⁸³. Однако наибольшее развитие получила тема наступившей революции и порожденных ею форм зла, которые автор решительно осуждает в своих публикациях, в связи с чем тональность большинства статей приобретает минорную или трагическую окраску.

Эмоциональная окраска произведений яркая, метафоричная, обильно наполненная библейскими и евангельскими аллюзиями, несущими глубокий семантический смысл.

Система персонажей обусловлена временем и местом каждой конкретной публикации. Так, можно выделить несколько условных групп: военнотружущие на фронте, революционеры в столице, жители провинции.

Идеологический вектор первых публикаций можно определить, как антимилитаристический, яркий антиреволюционный и антикоммунистический. В этом смысле особое значение в статьях играли заголовки. По замечанию

²⁸² Пришвин М. М. Дневники. 1950–1951. С. 95.

²⁸³ См.: Дырдин А. А. Русская философская проза после 1917 года : А. П. Платонов, М. М. Пришвин, Л. М. Леонов (симв. мысли). С. 18–19.

А. А. Дырдина, они заслуживают отдельного внимания, поскольку вступают в диалог с текстом, являются своеобразными ключами, аллегориями и символами, помогающими читать между строк²⁸⁴, а также «утаивать и выявлять правду»²⁸⁵. Лишь в позднейших публикациях писатель сглаживает свою жесткую риторику и показывает лояльность к новой власти.

Несмотря на столь резкую и явную критику, М. М. Пришвину удалось избежать гонений со стороны большевиков. Во многом тому способствовал ряд факторов: всем известное революционное прошлое писателя, его весомый вклад в дело перевода с немецкого труда Августа Бебеля «Женщина и социализм», распространение запрещенной литературы в студенческие годы и последующее тюремное заключение.

Также немаловажную роль сыграли связи писателя. Им открыто восхищался А. М. Горький²⁸⁶, который способствовал его вхождению в новую литературную среду и отчасти продвигал его, а одноклассник по Елецкой гимназии Н. А. Семашко, нарком здравоохранения, помогал устраивать бытовые вопросы.

При этом, по замечанию А. Н. Варламова, «...Пришвин интуитивно чувствовал личностное и более чем опасное расхождение с новой властью. Он ходил, как и все, по лезвию ножа, и хотя репрессии не коснулись писателя ни тогда, ни позднее, они глубоко ранили его...»²⁸⁷. Так, Л. Д. Троцкий высказывался о его «Рабе обезьян» как о сплошной контрреволюции²⁸⁸, а в среде пролетарских писателей он пренебрежительно именовался «беленьким Пришвиным»²⁸⁹.

Возможно, поэтому в конце своей жизни автор даст себе следующую неутешительную характеристику, раскрывающую его сложные взаимоотношения с властью и писательским миром: «...вообще терпим, но не рекомендуется»²⁹⁰.

²⁸⁴ См.: Дырдин А. А. Русская философская проза после 1917 года : А. П. Платонов, М. М. Пришвин, Л. М. Леонов (симв. мысли). С. 12.

²⁸⁵ См.: там же. С. 17.

²⁸⁶ См.: Варламов А. В. Пришвин. С. 224.

²⁸⁷ Там же. С. 307.

²⁸⁸ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. С. 267.

²⁸⁹ См.: Варламов А. В. Пришвин. С. 226.

²⁹⁰ Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949. С. 485.

После 1918 г. интерес М. М. Пришвина к публицистике начинает резко охладевать, и к 1924 г. он уже совершенно оставляет подготовку статей в периодические издания, всецело сосредоточившись лишь на литературной карьере писателя²⁹¹.

В 1909–1913 гг. объем его публицистических работ (на религиозную тематику) представлен всего четырьмя статьями в таких периодических изданиях, как «Слово», «Новая земля», «Заветы» и «Русские ведомости». Заинтересованность религиозной проблематикой в начале публицистической деятельности, не свойственная для более поздних годов, объясняется тем, что с 1908 г. М. М. Пришвин являлся членом РФО Д. С. Мережковского.

Следует отметить, что среди всех участников общества наибольшее влияние на писателя оказал именно В. В. Розанов, который, по утверждению А. М. Подоксенова, «сыграл важную роль в религиозно-духовных исканиях М. М. Пришвина в дореволюционные годы»²⁹². Как замечает в своем дневнике за 1911 г. сам писатель, в тот момент он пребывает в состоянии «богоискательства»²⁹³, поэтому в своих статьях «Крыса»²⁹⁴, «В законе отчет»²⁹⁵ и «Церковь невидимого града»²⁹⁶ сосредотачивается лишь на религиозной тематике.

Н. В. Новикова в своей статье замечает, что в этот период для писателя «...исторически и нравственно значимыми являются “заветы старины”, национальные памяти и — библейские заповеди, буквально Ветхий и Новый заветы»²⁹⁷. Возможно поэтому в своих первых публикациях автор выделяет преимущественно религиозные вопросы: проблему понимания лиц Святой Троицы; влияние института монашества на христианство и истинное понимание

²⁹¹ Прим: отчасти на данное решение повлияло существенное улучшение уровня жизни: речательством М. Горького, считающего М. М. Пришвина «...оригинальнейшим русским художником...» [Горький и советские писатели : Неизданная переписка // Литературное наследство. 1963. Т. 70. С. 329.] его признали в литературных кругах и выделили жилье в Доме писателя в Москве на Тверском бульваре. Данное событие можно считать решающим в прекращении занятия публицистикой, поскольку после этого М. М. Пришвин сосредотачивает свое внимание лишь на художественных произведениях.

²⁹² См.: Подоксенов А. М. Василий Розанов в жизни, мировоззрении и творчестве Михаила Пришвина. С. 189.

²⁹³ См.: Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 581.

²⁹⁴ См.: Пришвин М. М. Крыса // Новая земля. 1912. № 13–14. С. 10–12.

²⁹⁵ См.: Пришвин М. М. В законе отчет // Заветы. 1913. № 3. С. 57–67.

²⁹⁶ См.: Пришвин М. М. Церковь невидимого града // Русские ведомости. 1913. № 279. С. 7.

²⁹⁷ Новикова Н. В. Забытый Пришвин : журнальные очерки начала 1910-х годов. С. 124.

христианства; современное восприятие православной традиции иконопочитания и Церкви.

В отличие от довоенного периода, когда публицистика в творчестве М. М. Пришвина носила явно второстепенный характер, в 1914–1940 гг. она становится одной из значимых форм самовыражения автора. Так, за 26 лет он подготавливает более ста публикаций в такие периодические издания, как «Русские ведомости»²⁹⁸; «Речь»²⁹⁹; «День»³⁰⁰; «Новая жизнь»³⁰¹; «Дело народа»³⁰²; «Воля народа»³⁰³; «Воля вольная»³⁰⁴; «Воля свободная»³⁰⁵; «Воля страны»³⁰⁶; «Наш век»³⁰⁷; «Новый вечерний час»³⁰⁸; «Раннее утро»³⁰⁹; «Воля земли»³¹⁰;

²⁹⁸ **Русские ведомости**: Отклики жизни. 1914. № 76. С. 4; Обрадованная Россия. 1914. № 187. С. 3; Провинциальные картинки. 1914. № 200. С. 3; Отзвуки боя. 1915. № 51. С. 3.

²⁹⁹ **Речь**: Отзвуки войны. 1914. [н. д.]; На братскую линию. 1914. № 293. С. 2; Православный с загулочей улицы. 1915. № 217. С. 2–3; Закон вышел! 1915. № 326. С. 2; Дела и случаи. 1915. № 331. С. 2; Быстрое время. 1916. № 228. С. 2; Сахар. 1916. № 236. С. 3; По хозяйству. 1916. № 261. С. 2; Письма в провинцию. 1916. № 313. С. 3; Батюшке о переменах. 1916. № 320. С. 3; Про горох и фасоль и солонину без костей. 1916. № 327. С. 3.

³⁰⁰ Вернисаж // **День**. 1917. № 49. С. 3.

³⁰¹ **Новая жизнь**: От земли и городов. 1917. № 19. С. 3; Освобождение Пришвина. 1918. № 12. С. 6.

³⁰² Земля и власть // **Дело народа**. 1917. № 151. С. 5.

³⁰³ **Воля народа**: Поверочный молебен. 1917. № 115. С. 2; Самогон. 1917. № 118. С. 2; Земля и власть. 1917. № 123. С. 2; Война слов. 1917. № 124. С. 1; Не робейте, за нас индейцы! 1917. № 126. С. 1; Письма в провинцию. 1917. № 128. С. 1–2; О бесстрашии. 1917. № 132. С. 1; Египетские ночи. 1917. № 136. С. 2; Хрустят косточки. 1917. № 140. С. 1; Земля и власть. 1917. № 145. С. 2; Мертвая зыбь. 1917. № 151. С. 1; Чающие и обещающие. 1917. № 155. С. 1; Порождение ехидны. 1917. № 156. С. 1; Смех обезьян. 1917. № 157. С. 1; Убивец. 1917. № 159. С. 6; Красный гроб. 1917. № 164. С. 1; Поцелуйте боженьку под хвостик! 1917. № 165. С. 2; Ключ и замок. 1917. № 167. С. 1; Раздел. 1917. № 168. С. 1; Подзаборная молитва. 1917. № 170. С. 2; Овчее дело. 1917. № 172. С. 1; Князь тьмы. 1917. № 173. С. 1; Посещение фараона. 1917. № 175. С. 2; Невидимый град. 1917. № 176. С. 2; Папиросное войско. 1917. № 180. С. 1; Сила вещей. 1917. № 182. С. 1; Перестаньте, я вас застрелю! 1917. № 184. С. 1; Хождение в народ. 1917. № 185. С. 1; Испытание вином. 1917. № 186. С. 1; Крест и цвет. 1917. № 189. С. 1; Разбойнику благоразумному. 1917. № 190. С. 2; На чем земля стоит. 1917. № 196. С. 1; Праздник рыжего таракана. 1917. № 205. С. 1.

³⁰⁴ **Воля вольная**: В защиту слова. 1917. № 1. С. 1; Молитва пастуха. 1917. № 1. С. 1.

³⁰⁵ В борьбе — право // **Воля свободная**. 1917. № 1. С. 1.

³⁰⁶ **Воля страны**: Мать-земля. 1917. XII. [н. д.]; Пахота. 1917. XII. [н. д.]; О детях и детям. 1917. XII. [н. д.]; Про зверя ужасного вида. 1917. XII. [н. д.]; Обыск и аресты в редакции и конторе «Воли народа». 1918. № 1. С. 1; Капитан Аки. 1918. № 5. С. 1; Станок соглашений. 1918. № 7. С. 2; Суд есть сила греха. 1918. № 8. С. 1; Россия не погибнет. 1918. № 11. С. 1; Самоопределение коров. 1918. № 11. С. 1; Касьяны-именинники. 1918. № 13. С. 1; Большевик из балаганчика. 1918. № 16. С. 1.

³⁰⁷ «Скифь» перекликаются // **Наш век**. 1918. № 8. С. 1.

³⁰⁸ **Новый вечерний час**: Опрос писателей. 1918. № 4. С. 4; Голодные рассказы. 1918. № 36. С. 3; Насыщение пятью хлебами. 1918. № 36. С. 3.

³⁰⁹ **Раннее утро**: Жизнь есть эволюция. 1918. № 22. [н. д.]; В черных очках. 1918. № 23. С. 2; Последний ответ. 1918. № 28. [н. д.]; Тьма-тьмушная. 1918. № 44. С. 1; Кровавый гусак. 1918. № 46. С. 1; Гробы поваленные. 1918. № 48. С. 1; Разговоры гостей. 1918. № 54. [н. д.]; Детский крик. 1918. № 55. С. 4; Лепешки «Земля и Воля». 1918. № 55. С. 4; Фурсик. 1918. № 55. С. 4; Сон: Почки на сковородке. 1918. № 55. С. 4; Колечки. 1918. № 55. С. 4; Черная весна. 1918. № 59. С. 1; От земли и городов. 1918. № 79. С. 3; На посевах. 1918. № 83. С. 1; Буржуй и пролетарии. 1918. № 84. [н. д.]; Русский чан. 1918. № 87. С. 1; При иностранном сословии. 1918. № 88. С. 1; Наша культура. 1918. № 88. С. 1; Второй Адам. 1918. № 88. С. 1; Распни! 1918. № 90. С. 1; Земля и власть. 1918. № 95. С. 1; Детский рай. 1918. № 124. С. 1; Старушка Vita. 1918. № 116. С. 1; Красная горка. 1918. № 119. С. 1; Голыши. 1918. № 120. С. 2; Обыск. 1918. № 122. С. 1.

³¹⁰ Павел // **Воля земли**. 1918. № 1. С. 2.

«Жизнь»³¹¹; «Москва»³¹²; «Накануне»³¹³; «Новая Россия»³¹⁴; «Огонек»³¹⁵; «Народный учитель»³¹⁶ и «Красная новь»³¹⁷.

В занятии публицистикой можно выделить несколько новых факторов, обусловивших именно написание актуальных газетных материалов на злобу дня. К ним можно причислить трудоустройство М. М. Пришвина в Петрограде в 1916–1918 гг. в Министерстве торговли и промышленности; как делегата Временного комитета Государственной Думы, а затем как редактора литературного отдела газеты партии правых эсеров «Воля народа», в которой он также активно печатался. Нахождение в Северной столице позволило писателю своими глазами увидеть русскую революцию 1917 г., оказавшую на него колоссальное влияние. Автор глубоко переживал случившееся, что как раз нашло непосредственное отражение в его публицистике. Тема революции и русского бунта стала главным лейтмотивом его статей, с помощью которых он пытался осмыслить случившееся и дать моральную и этическую оценку происходящему.

После тюремного заключения в 1918 г. М. М. Пришвин покидает Петроград и скрывается в провинции, в которой становится свидетелем черного передела всего, что также отражает в газетах «Раннее утро» и «Жизнь».

Условия крайней нужды, разорение его родового имения и отсутствие постоянной работы также послужили причинами публикаций писателя в периодических изданиях, дававших ему средства к существованию.

В это время (1917–1918 гг.) он особенно подробно разбирает актуальные формы зла: революцию, грабеж и воровство, власть, пьянство, убийство и большевизм. Из мемуаров Н. И. Дедкова узнаем, что тогда писатель только и говорил «...о революции, о большевиках, о судьбах России»³¹⁸. Причину чего

³¹¹ **Жизнь**: В телячем вагоне. 1918. № 10. С. 3; В саду. 1918. № 19. С. 3; Бумажный змей. 1918. № 33. С. 3.

³¹² Солнечный круг // **Москва**. 1922. № 7. С. 9–10.

³¹³ **Накануне**: Никола Сидящий. 1923. № (276). № 42. С. 1–2; Милость мира. 1923. № (288). № 44. С. 1–2; Сопка Маира. 1923. № 344. С. 2–3.

³¹⁴ От земли и городов // **Новая Россия**. 1922. I. № 2. С. 89–92; 1922. II. № 2. С. 8–10.

³¹⁵ Червячки // **Огонек**. 1923. № 28. С. 2–4.

³¹⁶ Школьная робинзоида // **Народный учитель**. 1924. № 2. С. 82–87.

³¹⁷ **Красная новь**: Голубиная книга. 1924. № 2. С. 228–236; Жильцы. 1924. № 7–8. С. 319–323.

³¹⁸ Дедков Н. И. Учитель // Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Воспоминания современников / сост., вступ. ст., коммент. Л. А. Рязанова и Я. З. Гришина. СПб. : Росток, 2005. С. 79.

Н. И. Дедков видит в следующем: «Будущее ее [прим.: России] для него было темно, как я сейчас понимаю, он боялся гибели культуры и ее ценностей»³¹⁹.

Главным источником, который раскрывает особенности восприятия М. М. Пришвиным Бога на раннем этапе его публицистической деятельности, является статья «В законе отчет», опубликованная в «Заветах» за 1913 г. Центральным вопросом в ней ставится розановская проблема конфликта в почитании Бога Отца и Бога Сына. Сам автор формирует вопрос следующим образом: «...если лица Св. Троицы равны, если их земные отображения равны, то почему же отдавать предпочтение Новому Завету перед Ветхим?»³²⁰. Чтобы найти ответ на данный вопрос, писатель рассматривает отдельно каждое Лицо Троицы и соотносит их между собой.

Так, для М. М. Пришвина **Бог Отец** в первую очередь является главенствующим патриархальным началом, основой и причиной всего в мире. Исходя из данного положения, автор приходит к выводу, что «раз Он Отец, то все земное должно получить свое отечество по образу Отца Небесного»³²¹. Чему находит подтверждение в Послании апостола Павла к ефесянам: «Для сего преклоняю колени мои пред Отцом Господа нашего Иисуса Христа, от которого именуется всякое отечество на небеси и на земли»³²²»³²³. Так он приходит к выводу, что отцовство заключает в себе божественную, высшую природу: оно даровано Самим Богом людям и является по своей сути продолжением божественного творчества³²⁴.

Восприятие М. М. Пришвиным Бога Сына было неразрывно связано с его представлениями о Христе и идеями В. В. Розанова. Он, так же как и его учитель, восстает против «маски Христовой»³²⁵ и «темного Лица»,³²⁶ которые, по мнению

³¹⁹ Дедков Н. И. Учитель. С. 79.

³²⁰ Пришвин М. М. В законе отчет // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 453.

³²¹ Там же. С. 452.

³²² Автор также подчеркивает главенство Отца через апеллирование к другим текстам Священного Писания: (Быт. 9, 1), (2 Цар. 12, 8), (Мф. 5, 18) и (Откр. 4, 10).

³²³ Пришвин М. М. В законе отчет. С. 452.

³²⁴ См.: там же.

³²⁵ См.: Пришвин М. М. В законе отчет. С. 451.

³²⁶ См.: Розанов В. В. Темный Лик. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1911. С. 479–522.

М. М. Пришвина, нарушили баланс в почитании Отца и Логоса и привели к ложному пониманию Христа. Он считает, что проповеданная Церковью идея бессеменного зачатия послужила причиной всеобщего устремления к новому неосуществимому идеалу, результатом которого стало забвение Отца, Ветхого Завета и презрение к браку.

Вглядываясь во **второе Лицо Святой Троицы**, автор приходит к следующему мнению: «Если же Он, по божественной своей природе, только — Сын, то по человеческой — девственник. Эта девственность не есть его какая-нибудь особенная заслуга, а просто Он таким должен быть, иначе Он и не мог бы быть»³²⁷. Так, писатель заключает, что никакой сверхъестественной заслуги в девстве нет, что это всего лишь одна из доступных форм бытия, которую может на себя принять человек, но которая не должна являться правилом для всего человеческого рода. Христос, в представлении М. М. Пришвина, становится Богом лишь для девственников, составляющих его «...стадо Христово»³²⁸, тогда как для всего остального мира Богом по-прежнему должен оставаться Отец. Подтверждение своему мнению автор находит в тексте Откровения (Откр. 14, 4), где под образом 140 тысяч поющих на гусях усматривает ограниченное количество девственников, избравших для себя путь следования за Христом. Именно им, как замечает писатель, следует неукоснительно соблюдать Его заповеди и идти за Ним во всем, в отличие от тех, кто продолжает заповедь Бога Отца о продолжении рода и наполнении земли.

Аргументом в пользу допустимости служения лишь Отцу, а не Сыну становится само Евангелие. Он замечает, что «Христос нигде не обличил ветхозаветную семью, а ведь как Он обличал: “Горе вам, книжники, фарисеи и лицемеры!” <...> Нигде в Евангелии Господь ни одним словом не осудил библейскую семью»³²⁹. Основываясь на Евангелии, М. М. Пришвин также обращает внимание на непреложность ветхозаветного Закона: «...истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна черта не прейдет из закона, пока не

³²⁷ Пришвин М. М. В законе отчем. С. 452.

³²⁸ Там же.

³²⁹ Там же. С. 453.

исполнится все» (Мф. 5, 18)³³⁰. Однако решающим аргументом в пользу вариативности в почитании лиц Святой Троицы становится сама крещальная формула. Он пишет: «...нас трижды опускали в купель, а не один раз во имя только Сына; на деле же выходит, будто мы крестимся только во имя Сына»³³¹.

О Святом Духе писатель почти не упоминает, замечая лишь то, что в Его почитании человек, как и Сам Дух, абсолютно свободен и потому не нуждается в «религиозных подмостках»³³².

Так, в отрыве от традиционного христианского учения о Святой Троице автор заключает, что почитание любого из трех Лиц абсолютно равнозначно, и поэтому совершать выбор между Ветхим и Новым Заветами следует на основании личного предпочтения³³³. Для писателя подобные умозаключения становятся логичными потому, что в довоенное время он не воспринимает Христа как Спасителя, но лишь как историческое лицо. По этой причине такие христианские понятия, как «первородный грех», «искупление» и «спасение», не поднимаются им вовсе. Также нехристианский взгляд писателя на Троицу был обусловлен временем его активного увлечения пантеизмом, и потому рассуждения его о Боге философски отвлеченные, без желания действительного вступления в Церковь.

С наступлением Первой мировой войны и последующей за ней революции 1917 г. вектор взглядов М. М. Пришвина о Боге претерпевает существенное изменение. Причиной тому послужила война 1914 г., которую он, как военный корреспондент, увидел собственными глазами, и в большей степени революция 1917 г., разрушившая старый мир с его привычным укладом жизни. Так, реальность конца времен натолкнула писателя на пересмотр его взглядов **о Христе**, Который, в его представлении, уже не только учитель нравственности и основатель христианства, но и Бог, явившийся в мир для его суда.

Свои размышления М. М. Пришвин отразил в миниатюрной статье «Посещение фараона» (1917). В ней писатель повествует о неожиданном

³³⁰ Пришвин М. М. В законе отчете. С. 455.

³³¹ Там же.

³³² См.: там же. С. 456.

³³³ См.: там же. С. 453.

появлении в их закрытом литературном обществе человека, о котором никто ничего не знал. Внезапность его появления на фоне общего страха быть схваченными большевиками, такой же внезапный уход незнакомца и последующие впечатления от ситуации натолкнули М. М. Пришвина на сравнение пережитого с событиями Евангелия от Ин. 20, 27.

Он замечает: «...посетил нас очень хорошо знакомый покойник и, вложив наши персты в свои раны, сказал, что воскрес и ныне жив. <...> ...Если мы так чувствуем себя, то значит, он воистину воскрес и всюду является...»³³⁴.

Ожидание конца света и Второго пришествия повлияло на область затрагиваемой автором религиозной проблематики, которую он в своих публикациях за 1914–1940 гг. сводит к минимуму.

Художественные произведения (1908–1928 гг.)

Становление М. М. Пришвина как писателя началось в 1906 г. в возрасте 33 лет. Однако его путь к писательской деятельности лежал через многие трудности, непосредственно отразившиеся на его художественном наследии. Так, в своем письме к Яценко от 25 сентября 1922 г., повествующем о его пути литератора, писатель замечает, что необразованность, бунтарство и гнетущая душевная смута, вызванная разрушением фундаментов его мировоззрения — марксизма, веры в женщину, а также несчастная любовь привели к сильнейшему кризису, заставившему взяться за перо³³⁵. Так, по всей видимости, не жажда славы и общественного признания стали причиной художественной деятельности, но острая необходимость заглушить внутреннюю боль каким-либо занятием.

В автобиографическом рассказе **«Охота за счастьем» (1926)** писатель повествует, что, поселившись в Петербурге, «разбитый в своих надеждах написать сложную психологическую вещь... я выбрал себе медленный, какой-то тележный этнографический путь к литературе...»³³⁶. Именно этот путь

³³⁴ Пришвин М. М. Посещение фараона // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 121.

³³⁵ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. С. 275.

³³⁶ Пришвин М. М. Охота за счастьем // Собр. соч. : в 8 т. М. : Художественная литература, 1983. Т. 3. С. 14.

сформировал из М. М. Пришвина очеркиста, поднимавшего не выдуманные и часто лично выстраданные проблемы. Он удачно вписывал в ткань своих произведений собственные впечатления, мысли и переживания, о чем замечал следующим образом: «...я понял себя, что по природе я не литератор, а живописец, ведь я мало смею выдумать, я работаю по натуре...»³³⁷.

Для более глубокого понимания художественного творчества М. М. Пришвина следует подробнее остановиться на его самобытном пути к писательской деятельности. По замечанию А. Н. Варламова, в литературных кругах (как в дореволюционное, так и в советское время) писатель всегда чувствовал себя одиноким, непонятым и лишним человеком³³⁸. Его не воспринимали всерьез ни в салоне А. М. Ремизова, в котором он познакомился с писательским миром³³⁹, ни в обществе Д. С. Мережковского, где автор впервые серьезно задался религиозным вопросом богоискательства.

Во многом своей литературной карьере он был обязан Р. В. Иванову-Разумнику, который прославил начинающего писателя в своей статье «Великий Пан» (1910)³⁴⁰. Однако, несмотря на возникшую известность, как вспоминает К. Н. Давыдов, «его по-прежнему мало кто понимал»³⁴¹.

Ситуация не изменилась и в советское время с протекцией А. М. Горького. Как свидетельствует П. С. Оршанко, общавшийся с писателем в последние годы его жизни, «Пришвин не был модным писателем, а конъюнктура ему была чужда»³⁴². Его современник, писатель И. С. Соколов-Микитов, замечает, что «и в человеческой, и в писательской жизни шел Пришвин извилистым сложным путем...»³⁴³. Он всегда оставался «писателем-единоличником»³⁴⁴, своеобразным «...кулаком от литературы»³⁴⁵, отказывающимся подчиняться официальному

³³⁷ Пришвин М. М. Охота за счастьем. С. 16.

³³⁸ См.: Варламов А. В. Пришвин. С. 352.

³³⁹ См.: там же. С. 102.

³⁴⁰ См.: там же. С. 116.

³⁴¹ См.: Давыдов К. Н. Мои воспоминания о М. М. Пришвине. С. 43.

³⁴² Оршанко П. С. О дружбе // Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Восп. современников / сост., вступ. ст., коммент. Л. А. Рязанова и Я. З. Гришина. СПб.: Росток, 2005. С. 462.

³⁴³ Соколов-Микитов И. С. Слово о Пришвине. С. 65.

³⁴⁴ См.: Варламов А. В. Пришвин. С. 308.

³⁴⁵ Там же. С. 303.

идеологическому государственному заказу³⁴⁶. Он продолжал писать лишь на те проблемные темы, которые затрагивали и интересовали лично его. В. Д. Лиорко отмечает, что «в повестях, рассказах и “географических очерках” Пришвина все объединено человеком — беспокойным, думающим человеком с открытой и смелой душой»³⁴⁷, в описании которого можно усмотреть личность самого автора, или его alter ego.

Однако, несмотря на свою принципиальную бескомпромиссность, М. М. Пришвин смог найти для себя безопасное решение, дающее ему возможность свободно заниматься писательской деятельностью в советской литературе. Поскольку его раннее творчество «подвергалось атакам со стороны архиреволюционных групп»³⁴⁸, о чем свидетельствовал Н. И. Дедков, писатель перестал публиковать свои прошлые произведения на острые общественно-политические и религиозные темы и более не упоминал о них³⁴⁹. По замечанию А. А. Дырдина, «...он уходит в мир природы. Пришвину приходится... “спрятаться в охотничьи рассказы”»³⁵⁰.

Также можно выделить его особый подход в писательской деятельности, который заключался в смещении акцента в сторону аполитичности³⁵¹, использовании особого метафорического языка образов и переходе к детской литературе. Для этого М. М. Пришвин начинает работать преимущественно в жанре очерка. Он позволял писателю безнаказанно писать обо всем, что видит своими глазами, и при желании скрытно выражать свои мысли на религиозные темы через анималистическую форму природных явлений, тем самым избегая личных оценочных комментариев и последующей критики со стороны редакторов и власти.

Однако, как замечает А. А. Дырдин, проблема писателя оставалась неразрешенной в самом своем корне. Основа его художественного символизма

³⁴⁶ См.: Реформаторская Н. В. О Пришвине. С. 156.

³⁴⁷ Пришвина В. Д. Наш дом. С. 302.

³⁴⁸ См.: Дедков Н. И. Учитель. С. 83.

³⁴⁹ См.: Варламов А. В. Пришвин. С. 233.

³⁵⁰ Дырдин А. А. Русская философская проза после 1917 года: А. П. Платонов, М. М. Пришвин, Л. М. Леонов (символика мысли). С. 241.

³⁵¹ См.: Варламов А. В. Пришвин. С. 231–232.

по-прежнему была неразрывно связана с христианской традицией³⁵², а «творческой почвой» выступала духовная проблематика, пусть и не всегда соответствующая православной догматике³⁵³. Несмотря на эти нежелательные для советского писателя качества, усилий М. М. Пришвина оказалось достаточно, чтобы легализоваться в советской литературе в числе «попутчиков»³⁵⁴, как «...добросовестный творческий очеркист...»³⁵⁵.

Следует заметить, что открытое нежелание автора всецело примкнуть к советской литературной среде, обязывающей включать в свои произведения идеологический подтекст, не осталось незамеченным со стороны власти. В отличие от прочих писателей М. М. Пришвин ни разу не становился лауреатом сталинских премий, а также не был номинирован на получение престижных государственных наград. В дневнике писателя от 2 февраля 1939 г. читаем: «Положение лишнего человека? Презираю их и в то же время обижен, что не сижу на их месте»³⁵⁶. Причину подобного отношения ясно видит сам автор: «До тех пор, пока я в своих произведениях буду допускать неясности в отношении диктатуры — я никогда не буду официально признан “ведущим” писателем»³⁵⁷. А. А. Дырдин констатирует, что творчество М. М. Пришвина не вмещалось в рамки политической конъюнктуры того времени. Он оставался верным своим взглядам и потому писал произведения, ориентируясь на традиционную духовность, за что и терпел критику³⁵⁸.

Ввиду своей особой позиции автор не исключал в свой адрес и политических репрессий, о чем пишет в дневнике от третьего лица: «...наверно, не раз поднимался вопрос о Пришвине, не прибрать ли его к рукам. Но стеснялись Горького, ждали случая, за который можно бы ухватиться. И, возможно, даже был он, и решено было покончить со мной... Но... о Пришвине забыли... <...> По

³⁵² См.: Дырдин А. А. Русская философская проза после 1917 года : А. П. Платонов, М. М. Пришвин, Л. М. Леонов (символика мысли). С. 10.

³⁵³ См.: там же. С. 11.

³⁵⁴ Прим.: Попутчиками в советской литературной среде называли тех писателей, которые не состояли в партии, но показывали свою лояльность к власти.

³⁵⁵ Варламов А. В. Пришвин. С. 334.

³⁵⁶ Пришвин М. М. Дневники. 1938–1939. С. 271.

³⁵⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949. С. 485.

³⁵⁸ См.: Дырдин А. А. Русская философская проза после 1917 года : А. П. Платонов, М. М. Пришвин, Л. М. Леонов (симв. мысли). С. 8, 243.

существо мой “случай” есть Судьба или Промысел...”³⁵⁹. Осознание факта, что даже после смерти своего покровителя М. Горького он так и не был репрессирован, хотя на то было множество причин, вероятно, стало для М. М. Пришвина одним из весомых аргументов бытия Бога и поводом к религиозным размышлениям.

После ознакомления с художественным наследием писателя можно прийти к заключению, что религиозно-нравственная проблематика встречается почти в половине его произведений³⁶⁰. А. А. Дырдин утверждает: «Коренным свойством философской прозы Пришвина выступает последовательное использование в его произведениях религиозных (православно-христианских) тем, концептов и представлений»³⁶¹. Так, писатель действительно регулярно поднимает такие темы, как понимание Бога, молитва и вера, религия и Православие, Церковь, отношение к смерти, а также темы любви и воспитания, представления о природе добра и зла. А. А. Дырдин отмечает, что интерес автора к духовности и народной этике является «ключом к прочтению его творческого наследия»³⁶² в русле христианской традиции. Однако при этом М. М. Пришвина нельзя назвать христианским писателем, поскольку он «...принимает православное вероучение далеко не полностью, не исключительно в церковном обряде и культе, а в качестве морального закона и материала...»³⁶³. В связи с этим исследователь заключает, что «тщетно было бы искать в прозе Пришвина одно только христианство...»³⁶⁴.

Действительно, несмотря на обилие евангельских аллюзий, христианской символики и проблематики, большинство произведений при этом все-таки тяготеет к нерелигиозным темам, преимущественно повествуя о природе, охоте и путешествиях.

³⁵⁹ Пришвин М. М. Дневники. 1938–1939. С. 55–56.

³⁶⁰ Из 166 произведений, включенных в восьмитомное собрание сочинений 1982–1986 гг., религиозно-нравственная проблематика в большей или меньшей степени наблюдается в 76.

³⁶¹ Дырдин А. А. Русская философская проза после 1917 года: А. П. Платонов, М. М. Пришвин, Л. М. Леонов (симв. мысли). С. 225.

³⁶² См.: там же. С. 13–14.

³⁶³ Там же. С. 225.

³⁶⁴ Там же.

Так, в результате исследования художественного наследия М. М. Пришвина было выявлено 20 произведений с явной доминирующей религиозно-нравственной проблематикой в рамках трех основных жанров³⁶⁵: рассказов³⁶⁶, повестей³⁶⁷ и очерков³⁶⁸ писателя.

Следует отметить, что преобладающее большинство произведений было написано именно в жанре очерка. Для М. М. Пришвина это был основной, ведущий жанр творчества³⁶⁹, который позволял органично соединять в произведении натуралистические заметки и личные религиозно-философские размышления.

Как замечает о себе сам писатель, его очерки следует понимать не как традиционную литературную форму, но как особое отношение автора к материалу, как своеобразное исследование и поиск «чего-то». М. М. Пришвин пытался завуалированно объяснить это следующим образом: «...это что-то от ученого, а может быть, и от искателя правды...»³⁷⁰; «Начиная от своего первого очерка “В краю непуганых птиц”... Пришвин занимался исключительно тем, что старался расплавить в каждом своем очерке какое-то трудное что-то»³⁷¹. Под этим неназванным и таинственным «что-то» можно понимать поиск еще неведомой автору Истины — твердого мировоззренческого фундамента, воздвигаемого на руинах его некогда безусловной веры в марксизм и женщину. Этот поиск правды в конечном счете привел писателя к вопросу о бытии Бога и

³⁶⁵ В настоящей работе будет предложено деление избранных произведений на жанры по авторскому принципу, как их обозначал и надписывал сам М. М. Пришвин.

³⁶⁶ Так, в произведениях «Цепочка Иисусова» (1915) и «Заутреня (1928) он поднимает тему молитвы. В рассказе «Никон Староколенный» (1912) центральной темой выступает вера. В таких произведениях, как «Круглый корабль» (1911) и «Саморок» (1912), на передний план выходит тема религии. Группа рассказов «Сашок» (1906), «Крутоярский зверь» (1911), «Страшный суд» (1917) и «Слепая Голгофа» (1924) поднимает проблему бегства от страданий и смерти. Небольшие произведения, такие как «Рассказы о ленинградских детях» (1943), посвящены нравственной проблематике воспитания детей.

³⁶⁷ Так, в произведении «Журавлиная родина» (1928) можно обнаружить тему понимания Бога. В повести «Мирская чаша» (1922) доминирует тема смерти и воскресения. Тему религиозно-нравственного воспитания молодежи поднимает «Кладовая солнца» (1945), а «Повесть нашего времени» (1946) раскрывает особенность авторского представления о любви в ее связи с христианством.

³⁶⁸ В рамках данного жанра будут исследованы шесть произведений, в которых религиозная проблематика ярко выражена. Так, в очерках «За волшебным колобком» (1908) и «У стен града невидимого» (1909) в качестве центральной темы выступает понимание Бога. Произведение «В краю непуганых птиц» (1907) посвящено вопросу восприятия веры, а очерки «О братцах» (1910), «Астраль» (1914) и «Спас-Чекряк» (1913) раскрывают тему религиозных взглядов протестантов, сектантов и православных христиан.

³⁶⁹ См.: Дин Лили, Михайлова М. В. Цикл очерков М. Пришвина «В краю непуганых птиц»: поиски жанра. С. 129.

³⁷⁰ Пришвин М. М. Мой очерк // Собрание сочинений : в 8 т. М. : Художественная литература, 1983. Т. 3. С. 6.

³⁷¹ Там же. С. 7.

богоискательству, а вместе с тем и к другим религиозным вопросам, рассуждения по которым можно встретить в его многочисленных произведениях.

«...Чувство, когда усталый человек уходит в деревню, и вот даже растения ему ближе, и в мужиках, этом первоначальном мире, он видит уже нечто неразложимое... Примитивный человек, размышляющий о Боге. Как это красиво! Ведь самый чистый, самый хороший Бог является у порога от перехода к человеку... Но как его уловить?»³⁷² — эта дневниковая запись от 21 октября 1908 г. была оставлена писателем всего через две недели после вступления в РФО Д. С. Мережковского.

Как уловить Бога? Где Его искать? Какой бог настоящий? Эти и подобные вопросы возникали у М. М. Пришвина после каждого собрания богоискателей. Однако, вопреки ожиданиям открыть для себя Истинного в кругу петербургских мыслителей, писатель встретился лишь абстрактными рассуждениями, далекими от действительного и деятельного познания Бога. Так у автора дневников впервые возникла идея буквально отправиться на Его поиски с записной книжкой в руках. «Продолжай, мой милый брат, думать, искать, соединять, сочинять, писать, не заботясь о других! Надо писать так, как живешь: сначала для самого себя, а потом уж для близких...»³⁷³, — пишет он 7 января 1909 г. Таким образом, писательство стало своеобразной стенограммой богоискательства М. М. Пришвина, фактически отражая его духовный опыт. А. А. Дырдин отмечает, что «в произведениях Пришвина дневниковые материалы обрастают образной плотью с включением сюда самых малых деталей. ...он соотносил духовно-религиозные переживания с прочувствованными поэтическими образами...»³⁷⁴. По этой причине в ряде случаев более глубокому пониманию произведений будет способствовать обращение к материалам дневников как первопричине того или иного художественного образа.

³⁷² Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 177.

³⁷³ Там же. С. 201.

³⁷⁴ Дырдин А. А. Русская философская проза после 1917 года: А. П. Платонов, М. М. Пришвин, Л. М. Леонов (символика мысли). С. 209–210.

Считая, что Бога следует искать в девственной природе и простых людях, автор отправляется в поездку на Русский Север, что нашло свое отражение в очерке «За волшебным колобком». Здесь писатель предстает как пантеист, еще не нашедший Христа. Образы природы в произведении характеризуют авторское представление о Боге. Дальнейшие поиски продолжились в Заволжье. Как сообщает сам автор, данная поездка стала прямым следствием возросших разногласий в РФО: «Последняя причина моего путешествия в страну раскольников и сектантов — слышанные мною диспуты на религиозно-философских собраниях в Петербурге»³⁷⁵. Желая понять, кто прав и на чьей стороне истина, М. М. Пришвин знакомится со старообрядческими сектами и сопоставляет их учение с проповедью Д. С. Мережковского. Результатом поездки стало произведение «У стен града невидимого», которое автор посвящает анализу сектантского представления о Боге Отце и Христе. Особенность личного восприятия писателем Творца находим в повести «Журавлиная родина». Ключевой стороной произведения становится авторский подход без конфессионального пути к Богу и Его постижения через творчество. Однако данные шаги от пантеизма к теизму еще не приводят М. М. Пришвина к подлинно христианскому пониманию Творца, являясь по своей сути все теми же блужданиями во мраке.

Очерк **«За волшебным колобком» (1908)** представляет собой этнографический материал о народах Русского Севера, являющийся внешней стороной произведения, своеобразной оболочкой, скрывающей «ядро» — авторские рассуждения на тему понимания и представлений о Боге. М. М. Пришвин пишет о себе: «Мое занятие — этнография, изучение жизни людей. Почему бы не понимать его как изучение души человека вообще. <...> ...Какою она вышла из рук Творца»³⁷⁶. Так, через изучение частного: человеческой души, взглядов и идей, уклада жизни и самой северной природы — автор

³⁷⁵ Пришвин М. М. Собрание сочинений : в 8 т. М. : Художественная литература, 1982. Т. 1. С. 388.

³⁷⁶ Пришвин М. М. За волшебным колобком // Собр. соч. : в 8 т. М. : Художественная литература, 1982. Т. 1. С. 201.

пытается прийти к собственному, независимому от Церкви пониманию Творца. В этом смысле название произведения «За волшебным колобком» может быть интерпретировано как следование Пришвина-пантеиста за Богом по Его следам, оставленным в простых северных людях и нетронутой девственной природе. Как об этом замечает сам автор, «...мне представилось, будто кто-то мной руководил... Кто же это?.. И мне стало казаться, что я, как в сказке, шел по Северу за волшебным колобком»³⁷⁷ — за еще неизвестным ему истинным Богом. Этим заголовком, по замечанию Н. В. Борисовой, писатель завуалировано показывает «...абсолютную веру в Божий промысел»³⁷⁸.

На мысль о прочтении очерка в религиозном ключе богоискательства также наводит факт из жизни писателя. В 1908 г. М. М. Пришвин знакомит членов РФО с «Колобком». В частности, на религиозные искания М. М. Пришвина обратил внимание А. А. Блок. Он охарактеризовал их как «что-то», стоящее в сильной позиции по отношению к этнографическому тексту, и рекомендовал автору впредь писать либо на сугубо поэтические темы, либо об этом «что-то»³⁷⁹. Поскольку, помимо этнографической стороны, очерк содержит в себе авторские рассуждения на тему понимания Бога, можно предположить, что под этим «что-то» А. А. Блок подразумевал именно религиозную составляющую очерка. Данное замечание А. А. Блока произвело на М. М. Пришвина, как начинающего писателя, настолько сильное впечатление, что он сделал данное «что-то» своей авторской особенностью, характерной для всех последующих произведений, о чем он свидетельствует в автобиографическом анализе своего творчества «Мой очерк» (1933)³⁸⁰.

По своей структуре произведение представляет собой собрание в одной книге множества очерков, написанных автором за время путешествия по Северу и объединенных одной тематикой. Сюжет произведения, время и пространство целиком завязаны на пути — «дорожной карте» писателя, которую автор дает в

³⁷⁷ Пришвин М. М. За волшебным колобком. С. 183.

³⁷⁸ Борисова Н. В. Михаил Пришвин: сотворение мифа. С.10.

³⁷⁹ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. С. 257.

³⁸⁰ См.: Пришвин М. М. Мой очерк. С. 6–7, 10.

предисловии: «В половине мая 1907 года я по Сухоне и Северной Двине отправился в Архангельск. <...> ...Обошел я и объехал берег Белого моря до Кандалакши. Потом перешел Лапландию... до Колы, побывал в Печенгском монастыре, в Соловецком, на западном Мурмане и морем возвратился в Архангельск в начале июля»³⁸¹. Эту часть путешествия автор озаглавил как «Солнечные ночи». Именно в ней содержится большинство рассуждений на тему понимания Бога, тогда как вторая часть «К варягам» почти не содержит в себе религиозной проблематики. В связи с этим исследование будет проводиться преимущественно по первой части очерка.

Несмотря на то, что произведение написано в жанре очерка и путевых заметок, оно содержит в себе чрезвычайно глубокую образную систему в пейзаже и портретах людей, являющихся своеобразным аллегорическим выражением авторского восприятия Бога. Следует заметить, что на представление М. М. Пришвина о Творце существенно повлиял труд В. В. Розанова «Темный Лик. Метафизика христианства» (1911), в котором он утверждает, что христианство по своей сути является лишь черной религией смерти, проповедующей умирание. «Христос чужд естественной и природной жизни, а сама Церковь является лишь украшенным безжизненным гробом»³⁸² — вот один из основных посылов В. В. Розанова, перенятый М. М. Пришвиным. Однако, в отличие от взглядов своего учителя, М. М. Пришвин не отождествлял Христа и Бога лишь с Православием и прочими вероисповеданиями. Он считал, что Его, настоящего и не искаженного учением Церкви, можно отыскать в природе³⁸³ в русле пантеизма³⁸⁴ и людях, свободных от рамок мрачного церковного мышления. По этой причине этнографическое путешествие писателя становится не только изучением быта коренных народов и описанием Русского Севера, но и самым настоящим богоискательством, поиском подлинного Бога. Автор замечает: «Я размышлял о примитивной, стихийной душе, какую она выходит из рук

³⁸¹ Пришвин М. М. За волшебным колобком. С. 183.

³⁸² См.: Розанов В. В. Темный Лик. Метафизика христианства. С. 264–265.

³⁸³ См.: Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 636.

³⁸⁴ См.: Подоксенов А. М. Философско-мировоззренческий дискурс и культурный контекст творчества М. М. Пришвина. С. 18.

бога...»³⁸⁵. Так, можно выделить три типа людей, в рамках которых М. М. Пришвин проводил свои рассуждения о Творце, — это православные, старообрядцы и коренные северные народы.

Знакомство М. М. Пришвина с православным типом произошло в Соловецком монастыре, куда он прибыл целенаправленно вместе с беднейшими паломниками. Автор пишет: «...я настроен был серьезно, и меня очень смущала встреча с реальным выражением этой веры»³⁸⁶. Данное «исследование» душ православных монахов, а также христиан, прибывающих в обитель, произвело на писателя самые негативные впечатления за все время его поездки. Предваряя свои заметки о днях, проведенных на Соловках, он сразу отмечает: «...Вы ждете от меня каких-нибудь интимных переживаний в стенах этой знаменитой обители. Ничего подобного нет... мои переживания грубейшие»³⁸⁷; «...тяжелое, мрачное чувство»³⁸⁸. Причина подобной характеристики прочитывается при его последующем знакомстве с насельниками. Первое, что отмечает в них М. М. Пришвин, — это хитрость и подозрительность³⁸⁹; нескрываемый недружелюбный и оценочный взгляд³⁹⁰ и притворство, выраженное в «особой монастырской улыбочке»³⁹¹. Также он выделяет вопиющее заискивание перед богатыми и проявление физической грубости по отношению к бедным, что писатель показывает на собственном примере, явившись сначала в образе простого паломника: «Монах с отвращением смотрит на мой матрац и пинает его сапогом»³⁹²; «Возле одной двери монах довольно сильно толкнул меня в спину...»³⁹³, а затем в дорогом костюме: «— В каком вы номере? — спросил меня восхищенно монашек. <...> Через несколько минут я был в отдельном номере, недалеко от губернаторского семейства...»³⁹⁴; «...служили молебн для меня...»³⁹⁵

³⁸⁵ Пришвин М. М. За волшебным коlobком. С. 234.

³⁸⁶ Там же.

³⁸⁷ Там же. С. 233.

³⁸⁸ Там же. С. 251.

³⁸⁹ См.: там же. С. 235.

³⁹⁰ См.: там же. С. 247.

³⁹¹ См.: там же. С. 235, 236, 241.

³⁹² Там же. С. 247.

³⁹³ Там же. С. 248.

³⁹⁴ Там же. С. 249.

³⁹⁵ Там же. С. 242.

и предлагали вечное поминовение родственников. Помимо прочего, М. М. Пришвин отмечает в братии страсть корысти³⁹⁶, пьянства³⁹⁷ и курения³⁹⁸. Но самое худшее, по мнению автора, это проявляющаяся во всем неискренность³⁹⁹: «Стена фальши, искусственности...»⁴⁰⁰, возникающая даже в простой, ни к чему не обязывающей речи. В связи с этим писатель приходит к неутешительной мысли о черном духовенстве: «...оно низменно, практично, расчетливо...»⁴⁰¹; «они чтут память прежних подвижников, но сами живут иначе...»⁴⁰².

Контраст к их портрету составляет пейзаж. Автор повествует: «...сверкают озера и море... Самим богом предназначено это место для спасения души, потому что в этой природе, в этой светлости нет греха»⁴⁰³. Ввиду диссонанса между прекрасной природой и монахами писатель заключает: «...это гроб, и все эти озера, зеленые ели, весь этот дивный пейзаж — не что иное, как серебряные ручки к черной, мрачной гробнице»⁴⁰⁴. После посещения хибинских гор автор выражает мысль, что именно эта природа лучше всего отражает современное христианство: «Ущелье... разрезает черную каменную гряду... <...> ...Лес-то живой и все-таки будто мертвый. ...гробовая тишина! <...> Под ногами... будто заросшие мохом могильные плиты»⁴⁰⁵; «Медленная, чуть тлеющая жизнь. Тут непременно должен бы быть монастырь, непременно должны бы жить монахи. <...> Тут где-то живет смерть...»⁴⁰⁶.

Также через пейзаж М. М. Пришвин приводит сравнение Бога в Православии с потухающим, умирающим Солнцем: «Солнце почти потухло. <...> Большой красный мертвый диск. Иногда только шевельнется... но сейчас же потухнет, как конвульсия умирающего»⁴⁰⁷; «Везде... — разлита красная кровь.

³⁹⁶ См.: Пришвин М. М. За волшебным колобком. С. 243.

³⁹⁷ См.: там же. С. 239–240.

³⁹⁸ См.: там же. С. 241.

³⁹⁹ См.: там же. С. 237.

⁴⁰⁰ Там же. С. 238.

⁴⁰¹ Там же. С. 243.

⁴⁰² Там же. С. 245.

⁴⁰³ Там же. С. 239.

⁴⁰⁴ Там же.

⁴⁰⁵ Там же. С. 279.

⁴⁰⁶ Там же. С. 282.

⁴⁰⁷ Там же. С. 284.

Черные камни и кровь»⁴⁰⁸; «...пустыня покоится, и мертвый глаз вечно стоит над горизонтом, зорко следит, как бы кто-нибудь из мертвых здесь не восстал»⁴⁰⁹. Можно предположить, что для писателя Христос в Православии не воскресший Бог и победитель смерти. Он мертв и истекает кровью, а от Его Церкви осталась лишь пустая форма, подобная красивому гробу.

В данном взгляде, помимо учения В. В. Розанова⁴¹⁰, также прочитываются философские идеи Ф. В. Ницше. По замечанию А. А. Дырдина, теории Ницше были усвоены писателем за время обучения в Германии⁴¹¹, также автор мог столкнуться с ними во время нахождения в РФО⁴¹². Примечательно, что на близость взглядов с немецким философом М. М. Пришвину указывает не кто иной, как сам В. В. Розанов. «Это все от Ницше»⁴¹³, — заключает мыслитель, ознакомившись с путешествием писателя.

Подтверждение данному суждению можно обнаружить в дневнике М. М. Пришвина за 1927 г. В записи от 7 декабря, оформленной как ретроспекция, писатель действительно обнаруживает в себе экстремизм, свойственный философии Ф. В. Ницше⁴¹⁴. Также М. М. Пришвин признает за собой увлеченность идеей сверхчеловека, которая отчасти привела его к психическому расстройству⁴¹⁵. Впоследствии после посещения психотерапевта интерес автора к немецкому философу был замещен поиском личного счастья и радости, или, как иначе отмечал писатель, поиском таинственного «что-то»⁴¹⁶.

В этом смысле весьма показателен портрет большинства паломников Соловков, являющихся, по мысли писателя, своеобразной характеристикой Бога в Православии: «В этих лесах, на этом небе, в этой воде живет какой-то особенный, мрачный бог. Эти смиренные люди... не видят ни света, ни солнца,... а только в

⁴⁰⁸ Пришвин М. М. За волшебным коlobком. С. 285.

⁴⁰⁹ Там же. С. 286.

⁴¹⁰ См.: Розанов В. В. Темный Лик. Метафизика христианства. С. 264.

⁴¹¹ См.: Дырдин А. А. Русская философская проза после 1917 года : А. П. Платонов, М. М. Пришвин, Л. М. Леонов (симв. мысли). С. 202.

⁴¹² См.: Подоксенов А. М. О проблеме «богоискательства» в мировоззрении и творчестве М. М. Пришвина. С. 79.

⁴¹³ Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. С. 533.

⁴¹⁴ См.: там же.

⁴¹⁵ См.: там же.

⁴¹⁶ См.: Пришвин М. М. Мой очерк. С. 6–7, 10.

страхе стелются по своей родной земле»⁴¹⁷. Отсутствие света и радости, а также акцент на тьме наводит М. М. Пришвина на мысль, что Православие не является той верой, в которой теперь можно найти живого Бога. Подобно гробу, оно скрывает под своей сенью лишь не обладающих настоящей жизнью людей: черные, грязные, смердящие «трупы». Писатель так иллюстрирует данную мысль: «...спускаюсь вниз, в темную массу наших богомольцев на дне парохода. <...> Это какой-то тесный подвал, склад грязных котомок...»⁴¹⁸; «...пароход, битком набитый странниками. Еще далеко с моря доносился с него отвратительный запах. Когда я увидел... эту грязь, это настоящее истязание людей... я ужаснулся»⁴¹⁹. Теснота, темнота, зловоние и терпение мук приводит на ум автора образ ада — оставленного Богом места пребывания грешников.

Для М. М. Пришвина, помимо образов монахов и паломников, признаком отсутствия Бога в Православии также является черная икона, на которой уже не видно Христа, но лишь один ужасающий мрак. Еще не отправившись в свое путешествие, автор писал: «Я увижу черную икону с красным огоньком... На этой таинственной и страшной иконе нет лика. <...> ...Кажется мне, что на этой иконе написан не бог-сын, милосердый и всепрощающий, но бог-отец, беспощадно посылающий грешников в адский огонь? ...огонек лампы на черной безликой иконе всегда отражается красным, беспокойным, зловещим пламенем»⁴²⁰; «...я навсегда стал думать об Отце как о беспощадном, жестоком боге»⁴²¹. Так, Православие стало для писателя образом добровольно накладываемого на себя ада, с бесконечными муками, негасимым огнем, страхом смерти и жестокостью Бога Отца. В качестве примера он приводит святого просветителя края преподобного Трифона Печенгского, поселившегося на «северных ребрах»⁴²² — безжизненных черных горах, напоминающих собой ад Данте Алигьери⁴²³. Отчасти на данный стереотип М. М. Пришвина повлияло именно восприятие черной

⁴¹⁷ Пришвин М. М. За волшебным колобком. С. 212–213.

⁴¹⁸ Там же. С. 214.

⁴¹⁹ Там же. С. 249.

⁴²⁰ Там же. С. 185.

⁴²¹ Там же. С. 213.

⁴²² См.: там же. С. 282.

⁴²³ См.: там же. С. 281.

иконы. Для него такая икона не показывала Бога и помогала прийти к Нему, но, напротив, пугала и вводила в еще большее недоумение своей чернотой. По этой причине, покидая Соловецкий монастырь и его паломников, он заключает: «...все их странствование мне представляется поклонением той черной безликой иконе, на которой беспокойно дрожит отражение пламени. И полуночное солнце мне кажется лампадой, зажженной над мертвой пустыней»⁴²⁴.

Свои поиски Христа автор также проводит в среде старообрядцев, остановившись в доме зажиточного помора на побережье Белого моря. Автор описывает хозяина как «сухого костлявого старика с красными глазами и жидкой бородой»⁴²⁵, отмечает рядом с его домом большой поклонный крест, однако, так же как и в насельниках Соловецкого монастыря, совершенно не чувствует в нем присутствия Бога. Напротив, рядом с ним М. М. Пришвин испытывает «что-то недоброе...»⁴²⁶, сравнивая его с Кощеем Бессмертным и каменным бездушным истуканом⁴²⁷, чтущим не столько Бога, сколько свое богатство. К подобному заключению автор пришел после показательного случая, когда Кощей принял его за члена Государственной Думы и встретил с пудовой семгой в руках — источником их заработка со словами: «...полагается первая богу, ну, как ты у нас редкий гость, то господь и потерпит...»⁴²⁸. Старик просил передать им монастырские места промысла семги, однако, несмотря на личную антипатию к монахам Соловецкого монастыря, М. М. Пришвин решительно отказал в просьбе⁴²⁹.

Причина отказа становится понятна при последующей характеристике старообрядчества, раскрываемой автором через описание прибрежной природы: «...пузыри и черная мертвая водоросль. <...> ...Дерево, сухое, черное, выброшенное волной. <...> Из белой пены показывается черный мокрый конец чего-то большого. <...> Черные водоросли хрустят под ногами, будто я давлю

⁴²⁴ Пришвин М. М. За волшебным коlobком. С. 287.

⁴²⁵ См.: там же. С. 198.

⁴²⁶ Там же. С. 204.

⁴²⁷ См.: там же. С. 208.

⁴²⁸ Там же. С. 205.

⁴²⁹ См.: там же. С. 207.

что-то скользкое, полуживое. И пахнут чем-то не живым, мертвым. ...начинает чудиться, что... в этом белом сумраке, перепархивают души покойников...»⁴³⁰. Так, если в природе Соловецкого монастыря автор все еще ощущал признаки божественного, то на побережье Белого моря, в месте жительства поморских старообрядцев, чувствует лишь присутствие смерти и главенство хтонического начала. По этой причине М. М. Пришвин приходит к мысли, что они тоже исповедуют «какого-то черного мрачного бога, который ложится на верующих темным бременем, заражая все живое своей чернотой»⁴³¹.

Поиски чистой веры и настоящего Бога автор продолжает уже в Лапландии, месте жизни коренных северных народов — лопарей. До момента знакомства с Крайним Севером писатель воспринимал дикую природу в качестве единственного надежного источника познания Бога. Так, раннее утро до восхода солнца М. М. Пришвин воспринимал как некий аналог Литургии или пасхальной заутрени. Пение птиц заменяло ему церковный хор. Первые лучи были как золотой крест, явление восходящего солнца воспринималось как Воскресение Христово⁴³², а закат был как «Престол господний»⁴³³. Однако впервые познакомившись с лопарями, писатель также почувствовал нечто божественное и в этих не искушенных миром людях, живущих за счет оленеводства. Он описывает их как «взрослых детей, простодушных и доверчивых»⁴³⁴, «людей, могущих смеяться невинным детским смехом»⁴³⁵, пребывающих в гармонии с природой⁴³⁶. Но особенно удивляет автора то, что, несмотря на принятие ими христианства, они не утратили в себе своей природной чистоты, гармонично сочетают в себе религиозный и нравственный закон⁴³⁷. Исключительную праведность лопарей автор подчеркивает через ветхозаветный образ Ноя: «Мы скользим на лодке по прозрачной воде в прозрачном воздухе. <...> Вероятно, такой день был после

⁴³⁰ Пришвин М. М. За волшебным коlobком. С. 210.

⁴³¹ См.: там же.

⁴³² См.: там же. С. 193.

⁴³³ Там же. С. 208.

⁴³⁴ См.: там же. С. 277.

⁴³⁵ См.: там же. С. 274.

⁴³⁶ См.: там же. С. 281.

⁴³⁷ См.: там же. С. 265, 267–268.

потопа... Вся эта грешная земля, там, внизу, залита водой... Все успокоилось, потому что все умерло. <...> Наш ковчег скользит в тишине. <...> Хорошо бы теперь выпустить голубя! Быть может, он принесет зеленую ветвь»⁴³⁸. Тишина природы, отсутствие всякого волнения на прозрачной воде, а также прозрачный чистый воздух характеризуют северный народ как единственный, кто не запятнал себя пороками и имеет право именоваться христианами. Особенно контрастно звучит это сравнение после описаний людей на Соловках и на побережье Белого моря, семантически связываемых автором с библейскими грешниками движимыми страстью, находящимися вне спасительного ковчега и лишенными настоящей Жизни.

Заключение очерка о богоискательстве, так же как и его начало, отмечается мотивом пути. Как замечает Н. И. Лишова, «само название очерка... передает заложенную в нем идею: идею пути, поиска. Это и географический поиск, и религиозный, и мировоззренческий...»⁴³⁹. Однако, в отличие от начала, в концовке можно обнаружить скрытую евангельскую реминисценцию следования за рождественской звездой: «...сейчас произошло крупнейшее событие в моем путешествии. ...постепенно темнело. <...> Вдруг что-то блеснуло... Посмотрел туда, и что же! <...> Первая звезда, первая ночь за три месяца! <...> И все мое одинокое волшебное путешествие вдруг получило единый смысл, единое значение: я шел в страну без имени за волшебным колобком»⁴⁴⁰.

Так, следование Пришвина-пантеиста за неведомым ему Богом по Его следам, оставленным в простых северных людях и нетронутой девственной природе, семантически связывается с подобным ночным шествием к Богу евангельских волхвов, также руководствовавшихся явлением природы — своей путеводной звездой. Современник писателя А. А. Шахов замечает, что у М. М. Пришвина «в большинстве случаев природа являлась удобным предлогом,

⁴³⁸ Пришвин М. М. За волшебным колобком. С. 258.

⁴³⁹ Лишова Н. И. Религиозные поиски народа и интеллигенции в очерке М. М. Пришвина «За волшебным колобком». С. 73.

⁴⁴⁰ Пришвин М. М. За волшебным колобком. С. 385–386.

чтобы выразить свое мироощущение, показать отношение к людям, высказать свои мысли»⁴⁴¹.

Однако, несмотря на богоискательство, обнаруженное в произведении «За волшебным колобком», автор все еще сильно тяготеет к пантеизму и, по мысли А. В. Варламова, является своеобразным «блудным сыном в природе»⁴⁴². В этом смысле поездка на Русский Север не перевернула мировоззрения писателя коренным образом. Он по-прежнему остается ищущим, но не верующим человеком, опирающимся на безусловный авторитет «учителей», первым из которых следует выделить В. В. Розанова, о котором автор отзывался следующим образом: «В судьбе моей как человека и как литератора большую роль сыграл учитель елецкой гимназии и гениальный писатель В. В. Розанов»⁴⁴³. Помимо естественного уважения, была и другая причина привязанности к нему М. М. Пришвина. Сам автор пишет об этом: «С Розановым сближает меня страх перед кошмаром идейной пустоты... и благодарность природе, спасающей от нее»⁴⁴⁴.

Следует отметить, что лишь В. В. Розанов поддержал юного гимназиста Михаила Пришвина после его неудачного путешествия в Азию⁴⁴⁵, за что писатель проникся к нему уважением на всю оставшуюся жизнь и впоследствии высоко ценил его литературное наследие. Возможно, по этой причине в «Колобке» — очерке об удавшемся путешествии М. М. Пришвина — находим ту же религиозную проблематику, что и у его учителя географии⁴⁴⁶. Примечательно, что данную связь идейных взглядов признавал и сам автор, отмечая, что «Розанов — послесловие русской литературы, я — бесплатное приложение. И все...»⁴⁴⁷.

⁴⁴¹ См.: Шахов А. А. Взыскательный мастер слова // Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Восп. современников / сост., вступ. ст., коммент. Л. А. Рязанова и Я. З. Гришина. СПб. : Росток, 2005. С. 173.

⁴⁴² См.: Варламов А. В. Пришвин. С. 98.

⁴⁴³ Пришвина В. Д. Путь к слову. М. : Мол. гвардия, 1984. С. 43.

⁴⁴⁴ Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. С. 46.

⁴⁴⁵ См.: Нацкий Д. Н. Гимназия // Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Воспоминания современников / сост., вступ. ст., коммент. Л. А. Рязанова и Я. З. Гришина. СПб. : Росток, 2005. С. 23.

⁴⁴⁶ Прим.: в произведении В. В. Розанова «Темный Лик. Метафизика христианства».

⁴⁴⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1936–1937. С. 699.

Очерк «У стен града невидимого» (1909) появился уже на следующий год после поездки по Русскому Северу. Как и в «Колобке», автор использует этнографический подход в способе изложения материала и выделяет ту же тему понимания Бога. Однако если в предыдущем очерке одной из основных причин поездки было личное богоискательство, то причиной новой поездки стало желание выяснить, кто прав и на чьей стороне истина. Как сообщает М. М. Пришвин в самом начале произведения, на принятие решения о новом путешествии повлияли «...диспуты на религиозно-философских собраниях в Петербурге»⁴⁴⁸. Так, по мысли Г. П. Климовой, из-за разрозненных представлений о Боге в кругу РФО новой целью писателя становится именно обретение Истины⁴⁴⁹.

Также о цели и причине поездки можно узнать из дневника от 31 мая 1909 г. В нем писатель размышляет о проповеди Д. С. Мережковского об истинном Христе, обращенной к «сектантам Ветлужских лесов, потерявшим всякий смысл в поисках истинного Бога»⁴⁵⁰. М. М. Пришвин также решается отправиться к старообрядцам в Заволжье, чтобы лично сравнить их учения и затем выявить ошибочные взгляды сектантов и главы РФО⁴⁵¹. В произведении «Астраль» (1914), написанном уже после этого путешествия, автор вспоминает: «...я встретился с совершенно новым для меня миром мистического сектантства. Я видел там, как наивная народная вера в бога — дедушку с седой бородой и в Христа — адвоката грешников перед строгим Судьей исчезала у простых людей и заменялась верой в божественность своего личного “я”...»⁴⁵². Так, ключевой темой очерка «У стен града...» становится уже не личное богоискательство, как в «Колобке», но разбор и анализ сектантского понимания Бога, впервые заинтересовавший М. М. Пришвина в кругу РФО. Как замечает А. В. Варламов «для Пришвина

⁴⁴⁸ Пришвин М. М. У стен града невидимого // Собр. соч. : в 8 т. М. : Худ. литература, 1982. Т. 1. С. 388.

⁴⁴⁹ См.: Климова Г. П. Творчество И. А. Бунина и М. М. Пришвина в контексте христианской культуры. С. 33.

⁴⁵⁰ См.: Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 214.

⁴⁵¹ См.: Сарычев Я. В. «У стен града невидимого» : метафизические резиньяции по поводу сюжета. С. 245.

⁴⁵² Пришвин М. М. Астраль // Собрание соч. : в 8 т. М. : Художественная литература, 1982. Т. 2. С. 582–583.

сектантство не периферия, не странная прихоть и излом народной жизни, но ее жгучая сердцевина, здесь он ищет ответы на все вопросы»⁴⁵³.

Сюжет очерка хроникальный, последовательно излагающий путевые заметки и наблюдения писателя. Время в произведении соответствует весне и первому месяцу лета. Пространственно повествование начинается в имении его матери в Орловской губернии и продолжается в Заволжье, чем автор, в том числе на уровне природы, подчеркивает различие религиозных взглядов христиан Черноземья и раскольников.

По сравнению с «Колобком» произведение обладает менее выраженной образной системой. Описание природы и пейзажа как характеристика внутреннего мира раскольников и их религиозных взглядов уступает место непосредственной аналитике М. М. Пришвиным особенностей сектантского мышления. Однако имеющиеся в произведении «пейзажные детали», по замечанию Н. Н. Иванова, по-прежнему несут важную функцию, метафорически отражая взгляды героя⁴⁵⁴. Писатель анализирует представления о Боге в старообрядчестве преимущественно в рамках трех согласий: староверов, скрытников-бегунов и непоклонников-иконоборцев. Так, по замечанию Е. Криволаповой, именно опыт общения с «носителями веры»⁴⁵⁵ становится основой авторских суждений о Боге.

Следует заметить, что в системе представлений самого М. М. Пришвина крайние толки старообрядчества и выходящие из них секты являлись лишь еще одним типом исповедания «черного бога» Православной Церкви. Единственным близким для себя вариантом автор выделял восприятие Бога в русле пантеизма⁴⁵⁶, вне которого все прочие религии представляли собой разные оттенки «черного»: «Через... стену годов открывается окно в страну обетованную. Бегают там, кружатся светлые боги зеленые. Но там же были и черные боги»⁴⁵⁷. Следы этих черных богов М. М. Пришвин видит во всем: в образах родной природы —

⁴⁵³ Варламов А. В. Пришвин. С. 275.

⁴⁵⁴ См.: Иванов Н. Н. У стен града невидимого (мотивы и сюжеты). С. 65.

⁴⁵⁵ См.: Криволапова Е. Поиски Бога в ранних дневниках Михаила Пришвина. С. 89.

⁴⁵⁶ См.: Подоксенов А. М. Розановский контекст «пути к Богу» в мировоззрении и творчестве М. Пришвина (Часть 1). С. 1.

⁴⁵⁷ Пришвин М. М. У стен града невидимого // Собр. соч. : в 8 т. М. : Худ. литература, 1982. Т. 1. С. 391.

черноземной грязи⁴⁵⁸; в «черных, будто мертвых»⁴⁵⁹, садовых деревьях и живущих на них «черных птицах»⁴⁶⁰. Однако наиболее явным признаком принадлежности к «черному божеству» писатель считал «черную безликую икону»⁴⁶¹, несущую в себе особую печать мертвенности и безжизненности⁴⁶² и являющуюся, по его мнению, выражением грубых и примитивных представлений о Боге. «“Да, это боги, — думаю я, — настоящие боги”. Кто-то мне объяснял, кто-то учил, что это не боги, а их изображения, как фотографии. ...как фальшиво это объяснение. Сердце говорит мне, что это боги. Ребенком знал я их, чтил, боялся и поклонялся»⁴⁶³. Так, в качестве камертона, задающего тон в понимании Бога, М. М. Пришвин будет считать именно отношение к иконе, являющейся для него своеобразным индикатором степени религиозных заблуждений других людей.

Первыми, с кем писатель столкнулся в Заволжье, стали ветлужские староверы в г. Варнавине, собранные в «темном деревянном храме»⁴⁶⁴, где покоились мощи преподобного Варнавы Ветлужского — просветителя края. Еще не переступив порог храма, автор отмечает особую гнетущую атмосферу, выраженную в самой природе: «Седая река. Темные ели. Серое небо... Куда я попал?»⁴⁶⁵; «Какие-то сгустки тьмы осели на землю...»⁴⁶⁶. Такую же зловещую тьму М. М. Пришвин наблюдает и в самом храме: «Через решетчатое окно я еще вижу свет и даже обрывок радуги. Но в церкви темно... <...> Темнеет совсем... только угадываются темные углы с костлявыми и косматыми призраками. <...> Мрак в церкви... <...> Вокруг меня, как у Вяя, только тени и призраки. Жутко. Вечно дрожит и колышется пламя свечи от склоняющихся над гробом старых, уродливых лиц»⁴⁶⁷. Акцент на мраке и отсутствии света в храме рождает в писателе ощущение близости смерти и явного присутствия демонических сил, в отличие от светлой природы за окном, украшенной радугой. В этом

⁴⁵⁸ См.: Пришвин М. М. У стен града невидимого. С. 388.

⁴⁵⁹ См.: там же. С. 390.

⁴⁶⁰ См.: там же. С. 395.

⁴⁶¹ См.: там же. С. 391.

⁴⁶² См.: там же. С. 394.

⁴⁶³ Там же. С. 408.

⁴⁶⁴ См.: там же. С. 399.

⁴⁶⁵ Там же.

⁴⁶⁶ Там же. С. 403.

⁴⁶⁷ Там же. С. 400–402.

противопоставлении тьмы и света, смерти и жизни прочитывается взгляд Пришвина-пантеиста, считающего, что настоящего Бога можно найти лишь на лоне природы. Данное впечатление усиливается собирательным образом староверов, выраженным через уродливые тени, призраки и кости. При такой характеристике темный храм становится подобным гробу, скрывающим в себе лишенных жизни мертвецов.

Таким же показательным является взгляд староверов на Бога. М. М. Пришвин отмечает, что большее значение они отводят не столько знанию о Боге — источнике жизни, сколько исследованию последних времен и ожиданию апокалипсического зверя-антихриста⁴⁶⁸. Автор сообщает, что в их представлении Бог Отец является безжалостным судьей, жестоко карающим грешников, тогда как Христос буквально Спаситель от Отца, что писатель подтверждает услышанными диалогами: «Бог-то Саваоф непростимый. А Христос за нас смерть принял. ... в царство небесное с ним попадешь. <...> А бог-то непростимый: без Христа нельзя»⁴⁶⁹; «Иисус Христос — как адвокат за нас перед богом»⁴⁷⁰. В то же время автор выделяет интересную деталь в понимании ими Христа. По мнению староверов, «Бог один не спасет. Без угодников нельзя. <...> Мысленное ли дело ему одному без угодников со всеми управиться?»⁴⁷¹. Так, Христос признается ими за Спасителя, но ограниченного и не всемогущего, в связи с чем в их среде возникает особый культ спасающих черных праведников, живущих в невидимом подземном граде Китеже на дне Светлого озера⁴⁷². Автор отмечает, что для них считается за счастье попасть не столько в Царство Божие, сколько в этот невидимый град — старообрядческий рай, «иное царство»⁴⁷³, где «... все правильно, служба длинная, образа старинные...»⁴⁷⁴, в чем обнаруживается их истинное сектантское мышление. На данное отождествление невидимого града с градом Божиим обращают внимание и Е. Ю. Кнорее, выделяя в граде Китеже

⁴⁶⁸ См.: Пришвин М. М. У стен града невидимого. С. 401.

⁴⁶⁹ Там же. С. 403

⁴⁷⁰ Там же. С. 449.

⁴⁷¹ Там же.

⁴⁷² См.: там же. С. 446–447.

⁴⁷³ См.: Иванов Н. Н. У стен града невидимого (мотивы и сюжеты). С. 67.

⁴⁷⁴ Пришвин М. М. У стен града невидимого. С. 447.

явный райский топос⁴⁷⁵, и Н. А. Криничная, замечая, что «Китеж осмысливается то как рай, то как преддверие такового»⁴⁷⁶.

Следующими, с кем знакомится писатель, становятся скрытники-бегуны из «лесов Уренского края, населенных потомками сосланных при Петре I стрельцов»⁴⁷⁷. Как и у ветлужских староверов, автор отмечает в среде скрытников тот же мрачный апокалипсический дух, характерно показанный через пейзаж: «Курится сосна, подоженная молнией. Дым, как хвост десятирожного зверя, завернулся над лесом, тяжелый, спит»⁴⁷⁸. Безрадостное настроение также подчеркивается описанием темной кладбищенской часовни с запахом тлеющей древесины⁴⁷⁹ и глубоких земляных ям — места жительства скрытников⁴⁸⁰. Также весьма характерен портрет самих людей, темных и суровых под стать природе: «Косяки черных платков, острые носы, старые подбородки, недоверчивые лесные глаза... <...> Старик, черный и крепкий, как дуб, пролежавший сто лет в болоте...»⁴⁸¹. Подобная атмосфера мрака, застоя, тления и безжизненности проявляется и в религиозных взглядах скрытников.

Ввиду отсутствия в их среде света и естественной радости М. М. Пришвин сравнивает Бога скрытников с неким суровым языческим божеством: «И кто-то тяжелый... становится на дыбы, глядит, темный, нерадостный. <...> Бог этих лесов какой-то суровый, коренастый, глядит исподлобья, не доверяет и принимает молитвы не тремя, а двумя пальцами»⁴⁸². По мнению писателя, в вопросе почитания Бога скрытники имеют общие черты с язычниками, поклоняясь не Истинному Богу, но темным иконам как неким черным божествам, что автор иллюстрирует диалогом с хранителем часовни: «— Заведение хорошее... и книги, и божество. <...> Никола Явленный, — показывает мне радостно жрец на темную

⁴⁷⁵ См.: Кнорре Е. Ю. Сюжет «пути в невидимый град» в творчестве М. М. Пришвина 1900–1930-х гг. С. 23–24.

⁴⁷⁶ Криничная Н. А. Легенды о невидимом граде Китеже: мифологема взыскания сокровенного града в фольклорной и литературной прозе. С. 58–59.

⁴⁷⁷ См.: Пришвин М. М. У стен града невидимого. С. 404.

⁴⁷⁸ Там же.

⁴⁷⁹ См.: там же. С. 407.

⁴⁸⁰ См.: там же. С. 411.

⁴⁸¹ Там же. С. 404.

⁴⁸² Там же.

старую икону. <...> — Черный... — говорю я. — Ничего не понять»⁴⁸³; после чего заключает, что для них «иконы — это боги»⁴⁸⁴.

По причине их слепого почитания святыни и строгого следования букве закона⁴⁸⁵ М. М. Пришвин приходит к мысли, что они смогли сохранить лишь самобытную форму, но, как и православные христиане, уже не обладают живым Богом, в отличие от той же природы: «Живое солнце, живые деревья глядят на желтые листья, на славянские буквы. <...> Но нет самого главного: книга мертва. Бог ушел из нее. <...> Бог теперь не живет по пустыням»⁴⁸⁶. Лишь в одном скрытнике — «большом волосатом ребенке»⁴⁸⁷, «наивном лесном гноме»⁴⁸⁸ Петрушке, прожившем наедине с живой природой тридцать лет, автор смог почувствовать присутствие Бога⁴⁸⁹. Это объяснимо тем, что для Пришвина-пантеиста человек настолько соединился с природой, что сам стал похож на незлобивое лесное существо, одно из многочисленных «зеленых богов»⁴⁹⁰, олицетворявших, по ранним взглядам писателя, живого Бога. Присутствие в нем Жизни также подчеркивается солнечным рыжим цветом волос⁴⁹¹, контрастирующим с прочими «черными» членами общины, среди которых М. М. Пришвин, как правило, испытывал чувства дискомфорта, страха или неискренности⁴⁹².

В завершение встречи со скрытниками автор сообщает, что их представления о Боге оказываются еще более мрачными, чем взгляды ветлужских староверов. Так, если в Ветлуге Христос, в отличие от Отца, является Спасителем, то Христос скрытников даже против Своей воли посылает в огненную реку, что писатель иллюстрирует услышанным диалогом: «— Он же, бабушка, добрый. — Да он не рад. Не волен»⁴⁹³.

⁴⁸³ Пришвин М. М. У стен града невидимого. С. 408.

⁴⁸⁴ См.: там же. С. 408, 415.

⁴⁸⁵ См.: Пришвин М. М. Соболев // Соб. соч. : в 8 т. М. : Художественная литература, 1983. Т. 4. С. 457.

⁴⁸⁶ Пришвин М. М. У стен града невидимого. С. 409.

⁴⁸⁷ См.: там же. С. 413.

⁴⁸⁸ См.: там же. С. 452.

⁴⁸⁹ См.: там же. С. 410.

⁴⁹⁰ См.: там же. С. 391.

⁴⁹¹ См.: там же. С. 412.

⁴⁹² См.: там же. С. 404, 410.

⁴⁹³ Там же. С. 414.

Однако наиболее далекой от истинного понимания Бога М. М. Пришвин считает старообрядческую секту-согласие немоляк-непоклонников, ради которых он, собственно, и предпринял свое путешествие в Заволжье. Именно с их основателем Дмитрием Ивановичем лично встречался Д. С. Мережковский, проводил свои богословские беседы и впоследствии состоял в переписке⁴⁹⁴.

В отличие от прочих, первое знакомство с представителями непоклонников вызвало в писателе сугубо негативное впечатление: «— Какая ваша вера? — спросил я прямо старика. Он так и метнул на меня черными глазами... “Волк”, — подумал я...»⁴⁹⁵. Таким же отталкивающим портретом обладает и сам Дмитрий Иванович — глава сектантов. Автор описывает его как «посмеивающегося и похрюкивающего»⁴⁹⁶ «мужика в лаптях, с нечесаной, клочковатой бородой»⁴⁹⁷, с беспокойным и безумным взглядом: «Маленькие серые глазки косматого учителя сверлят воздух, как два острых буравчика»⁴⁹⁸. Отмечает особое чувство страха, которое появляется при толковании им Писания⁴⁹⁹. Также писатель выделяет в сектантах общую черту — отсутствие присущего старообрядцам высоконравственного образа жизни: «...теперь все курят, пьют»⁵⁰⁰ и особую «бездушность», по причине чего, замечает автор, их «...покинутая плоть потемнела и сморщилась, как продырявленный детский шар»⁵⁰¹. Старообрядцы характеризовали их как «иродовых детей», «слуг антихриста»⁵⁰² и иконоборцев⁵⁰³, а сами их жилища без икон, по свидетельству М. М. Пришвина, становились похожи на «пустые гробы из размытой могилы»⁵⁰⁴.

Несмотря на то, что и сам писатель выступал против поклонения иконам, с религиозными взглядами немоляк автор не находит ничего общего. Он пишет, что

---

⁴⁹⁴ См.: Пришвин М. М. У стен града невидимого. С. 450–451.

⁴⁹⁵ Там же. С. 442.

⁴⁹⁶ См.: там же. С. 462.

⁴⁹⁷ См.: там же. С. 450.

⁴⁹⁸ Там же. С. 456.

⁴⁹⁹ См.: там же. С. 457.

⁵⁰⁰ Там же. С. 468.

⁵⁰¹ Там же.

⁵⁰² См.: там же. С. 449.

⁵⁰³ См.: там же. С. 450.

⁵⁰⁴ См.: там же. С. 468.

по учению непоклонников Христос — «только Слово и Дух»⁵⁰⁵, не имеющий плоти. Сама мысль об обладании Бога телом видится ими как величайшее кощунство, недостойное Христа: «Коли Христос плотян, так он мужик, а коли мужик, так на что он нам нужен...»⁵⁰⁶. В связи с тем, что они совершенно отвергают боговоплощение, для них также упраздняется роль Богородицы. По их логике «всякий мужик может быть богородицей. <...> Богородица... значит, я сам же, рождающий Христа»⁵⁰⁷. Также абсолютно все Священное Писание является для них лишь иносказательной притчей, аллегорией, которую следует обращать на себя. По этой причине сектанты проповедуют лишь земную жизнь, понимая под Воскресением такую же аллегорию и иносказание: «...наступает разумение, Христово воскресение. <...> ...Библию всю на дух перевел, теперь я воскрес из мертвых, теперь у меня вечная Пасха»⁵⁰⁸. Так, в учении непоклонников обнаруживается сходство с гностическими ересями в области аллегоризма и акцента на скрытом знании для просвещенных. Отчасти докетизмом, ввиду учения о бестелесности Христа, и хлыстовством, по причине самообожествления через «рождение» в себе бога.

В конце очерка М. М. Пришвин приходит к мысли, что данная секта представляет собой пример нравственной и религиозной деградации, своеобразной инволюции старообрядчества. Он сравнивает данный разрушительный процесс с переходом «католичества к Реформации и последующим за ней разложением на секты»⁵⁰⁹. Повествователь заключает: «...тут за дух уходят куда-то так далеко, что плоть живет сама по себе. Дух сам по себе»⁵¹⁰; «...видел, как все это постепенно разлагалось на “я”»⁵¹¹ — такое же «я», что и у Д. С. Мережковского и всех остальных членов РФО в Петербурге, проповедующих: «Я — Бог»⁵¹². Так, по замечанию А. М. Подоксенова,

⁵⁰⁵ См.: Пришвин М. М. У стен града невидимого. С. 465.

⁵⁰⁶ Там же. С. 451.

⁵⁰⁷ Там же. С. 458.

⁵⁰⁸ Там же. С. 459.

⁵⁰⁹ См.: Визгин В. П. Пришвин и Дурылин о святых местах России. С. 123.

⁵¹⁰ Пришвин М. М. У стен града невидимого. С. 471.

⁵¹¹ Там же. С. 472.

⁵¹² Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 203.

М. М. Пришвин выражает идею, что настоящего Бога в действительности не имеют ни сектанты, ни декаденты во главе с Д. С. Мережковским по причине замещения ими настоящей веры в Бога «...нищепанской верой в божественность “я” человеческого»⁵¹³.

Повесть «**Журавлиная родина**» (1928) изначально задумывалась М. М. Пришвиным как роман о творчестве и как продолжение романа «Кашеева цепь» (1928). Как замечал в своем дневнике писатель, центральной темой романа должно было быть «...творчество, как делание жизни»⁵¹⁴. В процессе написания автор решил изменить жанр, дав следующий подзаголовок: «Повесть о неудавшемся романе»⁵¹⁵. Так текст произведения стал представлять собой «простейшие рассказы, из которых уже много написано и опубликовано...»⁵¹⁶, расположенные в фенологическом порядке с целью отражения естественного процесса творчества в природе, с авторскими заметками между ними.

На создание данного произведения, по замечанию Е. Ю. Константиновой⁵¹⁷ и Е. Ю. Кнорре⁵¹⁸, существенно повлияли идеи русских религиозных мыслителей Н. Ф. Федорова и А. К. Горского. В дневнике М. М. Пришвина находим, что он был знаком с трудами А. К. Горского⁵¹⁹ и разделял его взгляды на преображающее и приводящее к жизни творчество. Так, по первоначальной задумке автора, именно Н. Ф. Федоров и А. К. Горский должны были стать главными героями книги⁵²⁰. По свидетельству супруги писателя, через данных мыслителей «...Пришвин оказывается в русле русской философской традиции, для которой идея жизнетворчества — одна из фундаментальных»⁵²¹. Примечательно, что для автора данная идея нашла отражение не только в произведениях, но также и в

⁵¹³ Подоксенов А. М. О проблеме «богоискательства» в мировоззрении и творчестве М. М. Пришвина. С. 86.

⁵¹⁴ Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931. С. 301.

⁵¹⁵ Пришвин М. М. Журавлиная родина // Собрание соч. : в 8 т. М. : Художественная литература, 1983. Т. 3. С. 30.

⁵¹⁶ Там же. С. 31.

⁵¹⁷ См.: Константинова Е. Ю. Идея творческого воздействия на мир в дневниках М. М. Пришвина 1926–1929 гг. в контексте диалога с Н. Федоровым и А. Горским. С. 133.

⁵¹⁸ См.: Кнорре Е. Ю. Сюжет «пути в невидимый град» в творчестве М. М. Пришвина 1900–1930-х гг. С. 34.

⁵¹⁹ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1928–1929. С. 10.

⁵²⁰ См.: там же. С. 265.

⁵²¹ Пришвина В. Д. Наш дом. С. 434.

самой жизни. По воспоминаниям современника писателя К. Н. Давыдова, «он создал в своем подсознании особый мир, в реальность которого твердо верил и в нем жил»⁵²². В качестве иллюстрации можно привести диалог М. М. Пришвина с поэтом В. Б. Боковым, который просил писателя показать ему места, вдохновившие на написание «Журавлиной родины»: «— Полноте! — остановил он меня. — Что вы там увидите? Болота да грязь, да комары и слепни. Это я в сердце своем создал Золотой луг, который вы так любите, “Журавлиная родина” — это я сам!»⁵²³.

Несмотря на то что в конечный состав повести вошли многие произведения и прочие опубликованные и ранее не изданные рассказы, областью интереса для исследования являются лишь рассуждения писателя о творчестве, поскольку именно в них проводится параллель между деятельностью художника-писателя и Творца Бога. Указывая на исключительную важность и ценность для самого писателя подобных рассуждений, В. Д. Пришвина отмечает: «Новая природа, преображенная творческим духом человека, — вот тема Пришвина»⁵²⁴.

Выделяя в повести нетрадиционно сложную для данного жанра структуру и эклектичность, Е. А. Худенко обращает внимание на две основные части произведения — внешнюю оболочку, выполняющую функцию «обертки», и сам текст, несущий главную смысловую нагрузку: «“Ненаписанный” роман (“внутренний роман”) посвящен истории Алпатова, который пытается спасти... Клавдофору. “Внешний роман” организован размышлениями автора о творчестве...»⁵²⁵. В этом смысле ценность представляет именно «текст размышлений» — авторские рассуждения М. М. Пришвина о творчестве, являющиеся своеобразным путем постижения им Бога.

По форме изложения текста произведение напоминает очерк, и по этой причине в нем почти отсутствует вымысел и описание героя. П. М. Пришвин сообщает об этом следующее: «...я, с детства сопровождавший отца почти во всех

⁵²² Давыдов К. Н. Мои воспоминания о М. М. Пришвине. С. 43.

⁵²³ Боков В. Б. Великий Берендей // Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Восп. современников / сост., вступ. ст., коммент. Л. А. Рязанова и Я. З. Гришина. СПб. : Росток, 2005. С. 109.

⁵²⁴ Пришвина В. Д. Война. С. 198.

⁵²⁵ Худенко Е. А. Игровой роман М. Пришвина «Журавлиная родина». С. 101.

его путешествиях и охотах, знал, что многое, о чем пишет в своих произведениях отец, не фантазия. В основу всего его творчества положены действительные события, собственные наблюдения и впечатления»⁵²⁶. Так, главным действующим лицом в повести выступает сам М. М. Пришвин-Алпатов. Повествователь открыто беседует с читателем, делится с ним своими переживаниями, успехами и неудачами, подробно рассказывает о том, что видел своими глазами.

В. П. Визгин отмечает, что сюжетная сторона произведения, повествующая об Алпатове-инженере, по своей сути второстепенна. По мысли исследователя, главным в тексте, своеобразной сердцевиной «...всей философской мысли писателя»⁵²⁷, являются именно немногочисленные рассуждения М. М. Пришвина о творчестве, сокрытые сюжетом⁵²⁸.

Время в произведении изображено фенологически — последовательно по сезонам природы, а в качестве пространственной локации выбрана некая заболоченная местность «Журавлиная родина», бывшая в далеком прошлом «Золотой луговиной». Топологическим прообразом данного места стали окрестности Переславля-Залесского, где писатель жил с семьей в середине 20-х годов⁵²⁹.

Повесть состоит из восемнадцати глав⁵³⁰, вобравших в себя множество самостоятельных детских и охотничьих рассказов о природе, связанных между собой сюжетной линией инженера, стоящего перед нравственной дилеммой осушения болота ценой гибели уникального растения.

Следует отметить, что для М. М. Пришвина писательство было более чем ремеслом. «Это — сфера сверхъестественного или трансцендентного»⁵³¹, — замечает А. А. Дырдин. Создание произведений представляло собой некую тайну, сродную творению Богом земли. Эта мысль о Творце Боге и сотворце человеку

⁵²⁶ Пришвин П. М. В Загорском заповеднике // Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Восп. современников / сост., вступ. ст., коммент. Л. А. Рязанова и Я. З. Гришина. СПб. : Росток, 2005. С. 92.

⁵²⁷ Визгин В. П. Пришвин и философия. С. 51.

⁵²⁸ См.: там же. С. 53.

⁵²⁹ См: Варламов А. В. Пришвин. С. 244.

⁵³⁰ Поскольку философские рассуждения писателя о творчестве содержатся не в каждой главе, анализ будет проводиться на основе избранных глав, а именно: II «Заговор молчания», IV «Лишние мысли», V «“Муки творчества”: Творческий акт», VI «Клад», XIV «Клавдофора» и XVIII «Вечная игрушка».

⁵³¹ Дырдин А. А. Русская философская проза после 1917 года : А. П. Платонов, М. М. Пришвин, Л. М. Леонов (символика мысли). С. 363.

являлась своеобразным ключом и попыткой деятельного постижения неведомого ему Бога через творчество. Именно по этой причине всякое художество и писательство воспринималось автором как новое создание из небытия в бытие, как процесс творения, подобный Божественному, описанный в Книге Бытия. Как замечает Е. Ю. Константинова, «...он придает творчеству человека онтологический смысл... человек мыслится как проводник божественных сил, как продолжатель дела Христа, как со-работник Бога на земле»⁵³². Об этом также пишет А. М. Подоксенов: «...Пришвин провозглашает, что человек подобно Творцу мира... тоже должен участвовать в созидании...»⁵³³. Так, в главе «Заговор молчания» автор сообщает, что для него творец — «...это в отношении меня высшее существо, для которого я расчищаю путь...»⁵³⁴. М. М. Пришвин видит свое посредничество в процессе творчества как некую синергию Бога и человека, что также подтверждается материалами его дневников. В записи от 9 августа 1930 г. читаем: «...я раскрывал... поразительный мир творчества, не говоря прямо, что он происходит от Бога»⁵³⁵; 8–9 августа 1940 г.: «...искусство, зависит исключительно от таланта, значит, от Бога (“Дух веет, где хочет”)...»⁵³⁶, а в дневнике за 1942 г. в записи от 7 марта находим следующее: «Когда напишется хорошо и поймешь, что действительно вышло хорошо, то всегда бывает — себя не узнаешь, а как будто не от себя или сверх себя это пришло. Вот это-то “сверх”... я лично верю — это делает Бог»⁵³⁷.

Важным условием подобного со-творения автор выделяет труд и необходимое писателю ограничение, своеобразная «беременность» и «великий пост»⁵³⁸, добровольно накладываемый ради появления чего-то нового. В качестве антитезы данному типу писателей М. М. Пришвин выделяет «жрецов», преследующих личные корыстные цели, движимых жаждой власти над умами

⁵³² Константинова Е. Ю. Идея творческого воздействия на мир в дневниках М. М. Пришвина 1926–1929 гг. в контексте диалога с Н. Федоровым и А. Горским. С. 133.

⁵³³ Подоксенов А. М. Михаил Пришвин и Николай Лосский. С. 154.

⁵³⁴ Пришвин М. М. Журавлиная родина. С. 34.

⁵³⁵ Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931. С. 177.

⁵³⁶ Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 240.

⁵³⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 445.

⁵³⁸ См.: Пришвин М. М. Журавлиная родина. С. 34.

людей и служащих не Богу, но «обезьяне»⁵³⁹. В главе «Лишние мысли» автор отмечает эту проблему, когда недостойные писатели вместо восприятия таланта как действия в них Бога обожествляют себя самих, воспринимая себя как «...образ божий, икону»⁵⁴⁰. В качестве примера повествователь обращает внимание на Христа из поэмы А. А. Блока «Двенадцать», где Христос «...грациозный, легкий, разукрашенный розами, есть обожествленный сам Блок...»⁵⁴¹, а не Бог — источник жизни. По мнению автора, единственной точкой соприкосновения между писателем и Христом может быть лишь личная жертва и терпение мук ради жизни. В миниатюре «Творческий акт» М. М. Пришвин поясняет эту мысль следующим образом: «...творческий акт человека заключается в способности жертвовать частью своего бытия...»⁵⁴², подобно «великому посту» курицы, сидящей на яйцах⁵⁴³.

Своеобразную сердцевину авторских воззрений на природу творчества находим в главе «Клад». По мысли автора, в каждом писателе содержится некая «таинственная сила»⁵⁴⁴, не поддающаяся определению, но имеющая божественное происхождение. Многие представители поэтического сообщества понимали это «божественное» как «Я — бог»⁵⁴⁵, что в конечном счете приводило их к самообожествлению⁵⁴⁶. Сам же М. М. Пришвин свидетельствует, что это чувство неведомого ему Бога послужило началом активного богоискательства сначала в среде декадентов, сектантов, а уже в конце — в творческой деятельности⁵⁴⁷.

Цель этого творчества писатель понимал специфически. По его логике, для того чтобы узнать Бога, достигнуть и деятельно познать Его, нужно творить. Но творить не ради достижения своих целей, не прагматически, а как Бог — как бы играя, бескорыстно. В качестве примера подобного произведения Бога, своеобразной «игрушки» Творца, М. М. Пришвин приводит реликтовую

⁵³⁹ См.: Пришвин М. М. Журавлиная родина. С. 37.

⁵⁴⁰ Там же. С. 47.

⁵⁴¹ Там же.

⁵⁴² Там же. С. 62.

⁵⁴³ См.: там же.

⁵⁴⁴ См.: там же. С. 66.

⁵⁴⁵ Там же.

⁵⁴⁶ См.: Подоксенов А. М. Михаил Пришвин и Николай Лосский. С. 149.

⁵⁴⁷ См.: Пришвин М. М. Журавлиная родина. С. 66–68.

водоросль Клавдофору, имеющую причудливую форму круглого, зеленого и мохнатого шара, сохранившегося в болотах Дубны. Так повествователь приходит к мысли, что для того, чтобы постичь Бога через творчество, необходимо воспринимать творение не только как заповедь «В поте лица своего добывай хлеб»⁵⁴⁸, но и как игру, подобную игре детей. По этой причине одной из важнейших для человечества писатель считал заповедь «будьте как дети» и потому неоднократно интерполировал ее в свои произведения.

Неслучайно в заключительной главе «Вечная игрушка» он заявляет: «...всякий творец, в том числе и описанный в книге бытия, начинает создавать только себе на забаву, в силу той же самой внутренней ритмики, просто, как ребенок играет. <...> С этой игры можно будет и начать свою книгу бытия, постепенно через вечную игрушку переходя и к сознательному плану творчества: от создания света, деления воды и суши, постепенно от низших форм жизни к самым высоким»⁵⁴⁹. Так, через со-творение, минуя Церковь и религиозные конфессии, М. М. Пришвин надеется прийти к Богу и получить знания и четкие представления о Нем на основании собственного пережитого опыта. По этой причине автор завершает повесть отказом инженера Алпатова в осушении болота, чтобы не погибла «игрушка Бога» — водоросль Клавдофора и чтобы через ее гибель не лишиться надежды самому приблизиться к Творцу⁵⁵⁰.

Данная повесть, выполненная в «игровой форме»⁵⁵¹ на стыке многих литературных жанров: романа, повести, очерка, рассказа и дневника, обнаруживает важную особенность в понимании М. М. Пришвиным Бога в 1930-е годы. Для него творчество является альтернативным путем безконфессионального следования к Богу и своеобразным решением проблемы богоискательства. Воспринимая Бога преимущественно как Творца, автор через со-творчество пытается достигнуть с Ним единства и соединения с Христом самостоятельно, без участия в церковных Таинствах.

⁵⁴⁸ Пришвин М. М. Журавлиная родина. С. 109.

⁵⁴⁹ Там же. С. 147.

⁵⁵⁰ См.: там же. С. 148.

⁵⁵¹ См.: Худенко Е. А. Игровой роман М. Пришвина «Журавлиная родина». С. 101–108.

Таким образом, видим, что в период 1908–1928 гг. М. М. Пришвин так и не достигает своей главной цели — деятельного, опытного познания Бога. Подобно слепому, он пытается «наощупь» найти Христа в девственной природе и простых, не искушенных людях коренных народов севера и завожских старообрядцах. В его произведениях природа становится своеобразным аллегорическим метаязыком, указывающим на Христа, но не дающим подлинного знания о Нем. В связи с этим писатель предпринимает попытку богопознания через творчество, воспринимая Бога как Творца, Художника, играющего в бытие Ребенка.

Следует отметить, что в данный период М. М. Пришвин дистанцируется от восприятия Бога в русле православного христианства и старообрядчества. Отчасти на это повлияло раннее увлечение идеями В. В. Розанова, считающего современное Православие лишь украшенным гробом с мертвым богом внутри. Подобно своему учителю, писатель также выделяет для себя некоего черного и мрачного псевдобога христиан. Однако, в отличие от В. В. Розанова, он не отождествляет Его с Христом, считая, что настоящий Христос находится вне Церкви, в природе. В дневнике за 1912 г. находим подтверждение данной мысли: «Христос был всегда, во все времена в самой природе, и, быть может, то, что мы, христиане-церковники, называем Христом, вовсе не есть Христос»⁵⁵². При этом писателю также чуждо декадентско-сектантское восприятие Бога. Он считает, что данный путь богопознания разрушает личность, вводит в состояние сумасшествия и самообожествления, по причине чего навсегда оставляет РФО.

Подводя **итог по параграфу**, можно отметить, что одной из магистральных тем, получившей свое развитие как в дневниках, так и в публицистике и художественных произведениях, стал поиск и понимание Бога.

В процессе изучения религиозно-нравственной проблематики в творчестве М. М. Пришвина была обнаружена условная эволюция мировоззренческой позиции писателя от пантеистических взглядов к православному христианству. Однако данная эволюция имеет нестабильный характер. На каждом этапе у

---

⁵⁵² Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 636.

писателя сохраняется угроза срыва в прошлые представления под влиянием внешних и внутренних факторов. Автору была присуща амбивалентность внутреннего мира. Несмотря на движение в сторону христианского мировосприятия, он не отвергал пантеизм совершенно, поскольку последний являлся пищей для размышлений и выступал некой основой его мировоззренческой системы. В подобном дуализме (пантеизм-христианство) скрывается одна из серьезнейших проблем богоискательства М. М. Пришвина. С одной стороны, он чувствует незримое растворенное присутствие Бога в природе, но в то же время не может через природу познать Его опытно. С другой стороны — не чувствует Бога в Православной Церкви и потому не обращается к таинству Евхаристии. Не имея возможности удовлетворить свои насущные потребности в богообщении, обретении смысла жизни и личного бессмертия в пантеизме писатель был вынужден взаимодействовать с чуждыми ему религиями и сектами, опыт общения с которыми не приносил ему искомого, что заставляло писателя постоянно продолжать свои поиски. Этим объясняется столь значительная амплитуда колебаний и резкой перемены взглядов М. М. Пришвина, что нашло непосредственное отражение в текстах писателя.

Так, в вопросе понимания Бога можно обнаружить этапы, которые сначала соответствуют дуалистическому пониманию (бог страданий и бог жизни: природа, пантеизм), деизму и уже затем более близкому к христианскому пониманию Бога как Троицы. Подобная тенденция сохранялась и в восприятии Христа. В начале Он представляется автору даже не как историческая личность, но лишь абстрактная идея сверхчеловека, которая в его осмыслении становится метафорой умирающей и воскресающей природы. Согласно философским взглядам Ф. В. Ницше М. М. Пришвин считал, что Бог христиан мертв, а Церковь безжизненна. По этой причине автор воспринимал Христа как бога весны и олицетворение неумирающей природы. Затем, в условной середине жизни — как миротворца и персонифицированное олицетворение идеала и добродетели, а уже в последних произведениях, как Христа-Спасителя, Сына Божия.

В качестве предпосылок, значительно повлиявших на тему последующего богоискательства и понимания Бога, можно отметить совершенное оставление Православной веры в 1889 г. в четвертом классе гимназии и замене Бога революционными идеями. После глубокого разочарования марксизмом уже во время обучения в Лейпциге на агрономическом факультете в 1900–1902 гг. (при том, что ранее писатель претерпел тюремное заключение за распространение и отстаивание революционных идей) дальнейшие поиски истины проходят преимущественно в немецкой культурной среде. Так, в литературе автор проявляет глубокий интерес к творчеству немецкого писателя-пантеиста И. В. Гёте; в музыке — одержим В. Р. Вагнером (по свидетельству самого писателя, лишь оперу «Тангейзер» он посетил 43 раза)⁵⁵³; в философии — увлечен идеями Ф. В. Ницше. Вероятным следствием германизма писателя также стало «протестантство», выраженное в радикальном противопоставлении Православию собственных религиозных взглядов и идеях реформаторства.

При этом в последующей перемене взглядов писателя важную роль сыграли: этнографические поездки на Север и в Заволжье с целью непосредственного знакомства с жизнью старообрядческих согласий, сект и православного монашества; «богоискательство» писателя, вызванное поиском родовых духовных корней в старообрядчестве; Манифест о свободе вероисповедания от 17 октября 1905 г. и закон о свободе совести от 17 апреля 1908 г.; отсутствие единства религиозных взглядов в РФО Д. С. Мережковского; подверженность идеям В. В. Розанова; интерес к экзегетической традиции толкования Священного Писания в сектах; интерес к сектантскому пониманию личности Христа; смерть близких родственников; идеи русских религиозных мыслителей Н. Ф. Федорова и А. К. Горского; рассуждения о Творце и сотворчестве; Первая мировая война; революция 1917 г. и ожидание конца света; знакомство и дальнейшая жизнь с В. Д. Лиорко, а также Великая Отечественная война.

---

⁵⁵³ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1938–1939. С. 470.

Проблематика понимания Бога и богоискательства встречается во всех ведущих жанрах творчества М. М. Пришвина. Наиболее полно и подробно она изложена в дневниках писателя. Автор прямо ставит связанные с богоискательством вопросы, отмечает проблемные темы, к которым неоднократно возвращается на протяжении своей жизни.

В художественных произведениях в вопросе понимания Бога писатель задействует глубокую образную систему. Особую роль в этом несут пейзаж и портрет, выступающие зеркалом авторского восприятия Бога. В его произведениях природа становится своеобразным аллегорическим метаязыком, указывающим на Христа, но не дающим подлинного знания о Нем. Во всех случаях действующим лицом и рассказчиком выступает сам М. М. Пришвин.

С богословской точки зрения ранние взгляды автора на тему понимания Бога и богоискательства имеют множество отклонений от вероучительных положений Православной Церкви, особенно в начале и первой половине XX века. Проблема М. М. Пришвина заключалась в том, что он искал Бога вне Церкви и ее Таинств: в среде старообрядцев и сектантов, религиозных деноминациях, философских концептах, женщинах. Пытаясь удовлетворить свою насущную потребность в Боге, он совершал множество поступков, которые в конечном счете приводили его к страданиям и новым исканиям, свидетельством чего служит его творческое наследие.

Таким образом можно заключить, что большую часть своей жизни (вплоть до 40-х г. XX века) М. М. Пришвин провел в непрестанных поисках истины вне Церкви. Ему было присуще постоянное сомнение, проверка доводами разума. Лишь на закате своей жизни автор пришел к христианскому, осознанному, опытному пониманию Бога с участием в таинствах Исповеди и Евхаристии. Так, используя христианскую типологию, личность автора можно сравнить с «блудным сыном», который несмотря на все свои неудачные поиски счастья и радости в пантеизме на закате жизни все-таки вернулся к своему Отцу в лоно Православной Церкви.

1.2. Молитва как средство связи с неведомым «божеством»

Дневники (1908–1949 гг.)

Из множества религиозных вопросов, которые занимали М. М. Пришвина в довоенный период, вопрос о молитве выделяется особенно. Именно молитва стала той стороной его внутренней, духовной жизни, в которой он не только не испытывал сомнений, но напротив, черпал силы, особенно в кризисные моменты своей жизни.

Первое упоминание писателя о заинтересованности молитвой содержится в дневниковой записи от 5 мая 1908 г. Он пишет: «Я носил любовь к бытию с детства, но ни разу не сказал искренно, от всего сердца, что это Бог так сотворил, что это Он. Я готов бы теперь произнести это слово [Бог], но чувствую вперед фальшь. Земле, однако, просто земле, убранной и зеленеющей, я готов бы молиться»⁵⁵⁴. Несмотря на то, что на данном этапе М. М. Пришвин испытывает сложности в области адресата молитвы, критических замечаний и сомнений к самому предмету молитвы у него не возникает. Тогда же, 5 мая, на совместной охоте с крайне бедным человеком «Сашком» автор дневников оставляет запись: «Я начинаю молиться, чтобы трюкнула самка, чтобы Бог послал этому беднейшему человеку сторублевого перепела»⁵⁵⁵. Так, молитва становится для писателя не предметом критического анализа, но необходимостью, средством связи с неведомым ему Богом.

Обращаясь в личной к молитве к Богу, он также с интересом наблюдает за тем, как молятся другие люди и как они держат себя во время молитвы. Так, исходя из собственных наблюдений, сделанных им во время поездки в Задонский мужской монастырь, М. М. Пришвин выделяет примеры достойной и недостойной молитвы. Критерием искренней молитвы становится смирение, которое писатель увидел в среде простого народа, в паломниках. Он оставляет

---

⁵⁵⁴ Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 41.

⁵⁵⁵ Там же. С. 45.

следующие портреты молящихся: «Виднеется лицо девушки невинное, глаза как роса...»; «Хорошо крестится простой народ. Наметит точку и несет голову вниз»⁵⁵⁶. Критериями же недостойной молитвы становятся лицемерие и гордость, которые автор дневника обнаружил у двух насельников монастыря: «Я уже готов был поверить в искренность его молитвы, как вдруг во время прекрасного поклона он откровенно зевнул. Другой монах с гордо выпяченной грудью не молится, а воюет с небом, а глаза узенькими и хитрыми [щелочками] внизу»⁵⁵⁷.

Если отношение писателя к молитве не имеет серьезных расхождений с православным вероучением, то в вопросе ее формы — есть особенности. М. М. Пришвин использует свободную форму и слагает молитву эклектически: из частей православных молитвословий, таких как молитва мытаря, фрагменты молитв на «Милость мира», Иисусова молитва; своих собственных слов с добавлением чувств и переживаний; а также добавления инфернальных слов, таких как «Ад» и «Сатана»⁵⁵⁸. Характер его составных молитв таков, что они предстают скорее как заговоры при опасности, нежели молитвы. Об этом свидетельствует и сам автор дневников в записи от 15 ноября. Повествуя от третьего лица, М. М. Пришвин замечает: «...он прикусывает себе губу до крови, чтобы спастись от неизбежного, про себя шепчет какую-то самим собой придуманную молитву-заклинание: “Ад! Сатана! Господи, милостив буди мне, грешному”»⁵⁵⁹. Наряду с этой молитвой он также использует вторую, подобную первой: «Ад, Сатана! Не как фарисей, не как фарисей, но прошу Тебя, как мытарь: Господи, милостив буди мне, грешному!»⁵⁶⁰; и позднее — третью: «Ад, Сатана! Господи Иисусе, Сыне Божий! Свят, свят, свят Господь Саваоф»⁵⁶¹. Смысл же добавления инфернальных слов становится понятен лишь в 1913 г. из слов самого писателя: «...когда я говорю “Ад” и “Сатана”, то вижу глазами красную

⁵⁵⁶ Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 66.

⁵⁵⁷ Там же.

⁵⁵⁸ См.: там же. С. 273, 162, 173.

⁵⁵⁹ Там же. С. 272.

⁵⁶⁰ Там же. С. 273.

⁵⁶¹ Там же. С. 173.

преисподнюю и чертей с крючьями, самое страшное, и с этим ужасным борюсь словом Божиим»⁵⁶².

В 1909 г. для М. М. Пришвина молитва раскрывается с новым значением и силой. После неудачных поисков Истинного Бога в обществе Д. С. Мережковского, череды неудач с устройством личной жизни и семьи, а также гнетущего чувства одиночества на фоне всеобщего счастья писатель обращается к Богу с особой молитвой-воззванием. Он пишет: «Все вместе... А я так нелепо один... Делаю усилие... Боже! Пошли мне на будущий год силы не упасть в эту тьму, которая раскрывается передо мной... Пишу для того, чтобы жизнь моя — хаотическая тайна — стала ясной, полной смысла... Чтобы ночь стала днем»⁵⁶³. В записи от 10 апреля писатель открывает в молитве действенное средство спасения от смерти, когда чудом спасается от своры диких собак, успев сказать лишь три слова: «Господи! взмолился я, помоги мне»⁵⁶⁴.

Особенностью личной молитвы М. М. Пришвина в 1912 г. является то, что он определяет ее как некую «светлую точку», которая приносит спокойствие и ясность в минуты полного отчаяния, сомнения и волнения духа. Автор дневников настолько высоко ее оценивает, что оставляет запись: «Она сама по себе представляет такую ценность, за которую можно (кажется) отдать все»⁵⁶⁵. Также во время своего богоискательства именно личная молитва становится для писателя единственным достоверным средством пути к Богу⁵⁶⁶. Высокий авторитет молитвы для М. М. Пришвина также подтверждается его дневниковой выпиской послания апостола Павла к Римлянам: «Также и Дух подкрепляет нас в немощах наших: ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными» (Рим. 8, 26)⁵⁶⁷.

В 1913 г. молитва приобретает для него новую черту — она впервые становится благодарственной. Так, в записи от 17 июня он открывает Богу свою

⁵⁶² Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 173–174.

⁵⁶³ Там же. С. 238.

⁵⁶⁴ Там же. С. 371.

⁵⁶⁵ Там же. С. 151.

⁵⁶⁶ См.: там же. С. 155.

⁵⁶⁷ Там же. С. 635.

любовь к природе, творению и всему миру и лишь просит не потерять этого чувства⁵⁶⁸.

Дневниковые записи на тему личной (внехрамовой) молитвы продолжают с 23 января 1914 г. — в день рождения М. М. Пришвина. Примечательно, что свой день рождения писатель начинает именно молитвой: «Помоги мне, Господи, держать в сердце своем ясность, тишину, понимание, чтобы при встрече с людьми не упустить ее...»⁵⁶⁹. Акцент на ясности, тишине и понимании в тексте молитвы обуславливается негативным опытом членства в религиозно-философском обществе Д. С. Мережковского, где среди участников кружка вместо ожидаемой истины в согласии и гармонии он ощутил лишь дух разделения⁵⁷⁰.

В 1917 г., с усилением революционных настроений, его внимание в молитве сосредотачивается преимущественно вокруг происходящего в стране зла. В это время он составляет специфическую как по содержанию, так и по назначению молитву, которую потом периодически использует, вплоть до 1932 г.: «Господи, помоги мне все понять, все вынести, и не забыть, и не простить!»⁵⁷¹. Рассмотрим ее отдельно. Особое внимание в данной молитве заслуживает последний пункт «не простить», как явно расходящийся с учением Церкви о прощении ближних. Сам автор молитвы не вполне отдавал себе отчет в ее назначении, она возникла стихийно 8 ноября 1917 г., когда он стоял около петербургской церкви и услышал возглас «Господи, умили сердца»⁵⁷².

Причина формирования именно такой молитвы открывается в записи от 2 июня 1918 г. В ней М. М. Пришвин задается вопросом о трудностях в личной молитве: «...часто ловишь себя: почему же я все-таки ненавижу, так и подкатывает под сердце — и кого это? Так и просится помнить: ...не простить»⁵⁷³. Из этой записи видно, что главным двигателем подобной молитвы являлась именно ненависть и особый дух бунтарства, который выражался в том числе и в

⁵⁶⁸ См.: Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 162.

⁵⁶⁹ Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. С. 30.

⁵⁷⁰ См.: Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 631.

⁵⁷¹ Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. С. 390.

⁵⁷² См.: там же. С. 390.

⁵⁷³ Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. С. 96.

мыслях о суициде, что находим в записи от 18 марта. Этим объясняется и то, что молитва «не простить» возникла после возгласа в храме «Господи, умили сердца». Писатель не останавливается в размышлениях о своей молитве — запись от 29 мая 1920 г. развивает их. В новом понимании слова «не простить» он относит к антихристу и всем, кто с ним⁵⁷⁴, однако тон молитвы по-прежнему остается негативным. В записи от 26 декабря автор данной молитвы осознает, что она несет в себе мрак и потому задается вопросом: «...да кто же мой враг, кому не простить, не виноват ли я сам во враге своем?»⁵⁷⁵. Ответ на вопрос появится только в 1932 г., и он будет уже в духе учения Церкви. В записи от 12 апреля М. М. Пришвин осознает, что единственным врагом, на которого он может восставать, является он сам. После этого писатель больше не использует свою молитву и заключает: «...помоги мне забыть личные обиды (“отпустить должникам”) и не простить обиды, нанесенные [мною] в лице моем всем хорошим людям...»⁵⁷⁶. Так, на примере молитвы «не простить» прослеживается динамика развития от бессознательно-стихийного до осознанного церковного понимания молитв. Подобная динамика была присуща ему на протяжении всего 1914–1940 гг. периода. Однако одним молитвословием его взгляды на тему молитвы не исчерпывались.

В 1918 г., в состоянии душевного кризиса, вызванного революцией, двухнедельным январским тюремным заключением и разорением его родового гнезда, М. М. Пришвин обращается с мольбой к Богу на страницах своего дневника. 24 сентября он пишет: «Боже, дай мне дождаться первого проблеска света — это поможет мне увидеть, где я ночую, куда мне идти. ...дай Господи увидеть свет!»⁵⁷⁷.

В 1919 г., во время сожительства с С. П. Коноплянцевой, в молитве в качестве основной темы преобладает избавление от страданий. В 1920 г., с возвращением к семье, впервые в состав молитв входят молитвы-синодики

⁵⁷⁴ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. С. 71.

⁵⁷⁵ Там же. С. 120.

⁵⁷⁶ Пришвин М. М. Дневники. 1932–1935. С. 107.

⁵⁷⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. С. 187.

об упокоении родственников и знакомых⁵⁷⁸, а также стих «да будет воля Твоя» из молитвы «Отче наш»⁵⁷⁹.

В 1921 г. писатель отмечает в дневнике использование молитв «Отче наш», и «Богородице Дево», однако органически принять их еще не может. В записи от 21 ноября он замечает: «Пробую молиться по-детски: читаю “Отче” и “Богородица” — хорошо! Только все-таки лучше молиться по-своему, без слов, неясными туманами, как во сне...»⁵⁸⁰. Свою позицию он обосновывает в записи от 22 апреля 1924 г. В ней он пишет, что многие спокойно жили и без этих молитв и потому не придает им значимости⁵⁸¹.

В этом же 1924 г. М. М. Пришвин отмечает для себя одно из ключевых свойств всякой молитвы — это обретение мира в самом себе и с другими людьми. В записи от 11 декабря он пишет: «...я стою на молитве, и вот только после этого, когда я уже согласовал свою душу с мировым движением... выхожу на работу. И только вот тогда я могу стоять плечо с плечом с другим, которого я вовсе не обязан любить»⁵⁸².

Особенно подробно свойства молитвы писатель разбирает в 1926 г., с переездом 23 мая, как он сам замечает, «к Троице»⁵⁸³ (в Сергиев Посад). Еще в записи от 14 мая, незадолго до переезда, он выделяет в ней такие качества, как понимание через молитву людей и любовь к ним⁵⁸⁴. Особенно отмечает воздействие молитвы на душу: «...молитва — это как бы в духе начертающийся хозяйственный план, уборка жилища — уберешь и станет хорошо, потому что все на своих местах»⁵⁸⁵. Ее высокое значение М. М. Пришвин подчеркивает в записи от 4 июня, но уже с обратной стороны, в случае совершенного оставления молитвы. Так он замечает, что без нее появляется тревога и слабость, а также растет чувство раздражения, в то время как регулярная молитва дарует силы и

⁵⁷⁸ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. С. 91, 108.

⁵⁷⁹ См.: там же. С. 105.

⁵⁸⁰ Там же. С. 221.

⁵⁸¹ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1923–1925. С. 112.

⁵⁸² Там же. С. 196.

⁵⁸³ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. С. 66.

⁵⁸⁴ См.: там же. С. 63.

⁵⁸⁵ Там же.

собирает их воедино⁵⁸⁶. Осознав всю ценность личной молитвы, с 4 июня 1926 г. писатель ставит ее себе за ежедневное правило.

В 1927 г., в связи с поисками живого чувства Бога и средств единения с Ним, он обращается к учению Рамакришны, делая выписки в том числе и на тему молитвы. Обоснование своего увлечения М. М. Пришвин приводит в записи от 28 ноября. В ней он пишет: «Сказать “Господи!” наедине с самим собой не могу, мне кажется, не потому, что не верую, а... или не верую? Ни верую, ни не верую... <...> Люблю, однако, читать о Боге, потому что многим своим переживаниям при этом нахожу объяснение»⁵⁸⁷. Впрочем, после 1927 г. к иноверным учениям он более не обращается.

В 1935 г. личная молитва приобретает для него новое качество: она рождает в нем чувство Бога. В записи от 24 ноября автор дневника отмечает: «...является чувство своей высоты, независимости, силы... Какой-то внутренний облик того, что называют Богом. ...и так молился, и лучшее мое явилось отсюда»⁵⁸⁸. Впоследствии его отношение к молитве становится сугубо личным и интимным, что выражается в тенденции сокращения дневниковых записей на тему молитвы и обосновывается им в записи от 20 февраля 1939 г.: «Молиться надо, только никому не надо о том говорить»⁵⁸⁹.

Однако в 1940 г. тема молитвы раскрывается с новой силой, что было вызвано началом его отношений с В. Д. Лиорко. Несмотря на отсутствие законных гражданских и церковных оснований к совместной жизни, именно в ходе сожительства с В. Д. Лиорко писатель начинает использовать многие православные молитвословия и правила помимо собственно составленных молитв. Так, в записи от 19 апреля он активно употребляет Иисусову молитву, каждый раз прибавляя к ней личное прошение. Например: «...и сохрани до конца жизни нашу любовь»⁵⁹⁰; «...чтобы моя Любимая в Тебе

⁵⁸⁶ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. С. 71.

⁵⁸⁷ Там же. С. 523–524.

⁵⁸⁸ Пришвин М. М. Дневники. 1932–1935. С. 848.

⁵⁸⁹ Пришвин М. М. Дневники. 1938–1939. С. 279.

⁵⁹⁰ Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 139.

всегда находила меня и во мне всегда встречала Тебя»⁵⁹¹. Также он начинает использовать некоторые молитвы из утреннего правила⁵⁹².

В последний период ведения дневников 1941–1954 гг. главной причиной актуализации темы молитвы для писателя становится не столько Великая Отечественная война, сколько сильное влияние В. Д. Лиорко и многолетняя болезнь ее матери, Н. А. Лиорко, создавшая для М. М. Пришвина множество неудобств.

По свидетельству самого автора дневника, с момента начала совместной жизни с В. Д. Лиорко он ставит молитву за свое ежедневное правило⁵⁹³. Однако до наступления Великой Отечественной войны личное отношение писателя к молитве трудно назвать христианским. В записи от 1 марта 1941 г. он высказывает следующую мысль: «Молюсь не потому, что знаю или верю, я даже почти и не надеюсь. Я молюсь, потому что чувствую значительность самую большую из всего мира моих мыслей и чувств...»⁵⁹⁴. Таким образом, в данный период истинная мотивация М. М. Пришвина к молитве, как это замечает В. П. Визгин⁵⁹⁵, состоит именно в самоконтроле, самоанализе и личном развитии, в связи с чем религиозной ее назвать затруднительно.

В ходе Великой Отечественной войны отношение к молитве начинает меняться коренным образом, и писатель обращается к ней более осознанно. По всей видимости, на это существенно повлияло его почти трехгодичное проживание в эвакуации в д. Усолье. В это время автор почти не занимается литературной деятельностью, но много читает, как светскую литературу: Достоевского, Тютчева⁵⁹⁶, так и святых отцов, из которых особенно выделяется прп. Исаак Сирийский. Также за время, проведенное в Усолье, писатель впервые целиком прочитывает Библию. В. Д. Лиорко вспоминает: «...однажды при укладке дров мы нашли в дровяном сарае выброшенную хозяевами Библию... Теперь сама

⁵⁹¹ Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 305.

⁵⁹² См.: там же. С. 330.

⁵⁹³ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 187.

⁵⁹⁴ Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 391.

⁵⁹⁵ См.: Визгин В. П. Пришвин и философия. С. 45.

⁵⁹⁶ См.: Варламов А. В. Пришвин. С. 439.

жизнь подарила нам вынужденный досуг... чтобы прочесть книгу, пугавшую раньше в спехе жизни своим объемом»⁵⁹⁷. Таким образом, сами жизненные обстоятельства поспособствовали пересмотру прежде привычных религиозных тем. В 1943 г. он выделяет в своей молитве такие качества, как сугубое внимание⁵⁹⁸; вдумчивость в каждое слово⁵⁹⁹; обязательное понимание текста молитв⁶⁰⁰; и уже впоследствии, при смертельной болезни тещи, отмечает в молитве необходимость рассуждения: о чем можно просить Бога и о чем нельзя⁶⁰¹.

В период 1941–1954 гг. М. М. Пришвин начинает более активно использовать церковные молитвы по сравнению с предыдущими периодами и включает в число наиболее используемых молитвы из утреннего и вечернего правила, «Отче наш» и «Богородице Дево». В совершении данных молитвословий наблюдается прямое влияние В. Д. Лиорко. Как об этом замечает сам автор дневника в записи от 10 октября 1941 г., «...молитва вернулась ко мне через Лялю, она вышла сама собой из моей любви к ней»⁶⁰².

Однако писатель не оставляет также и личной молитвы. Дневник военных лет содержит: записи «об упокоении»⁶⁰³ знакомых и близких ему людей, молитвы «на врагов»⁶⁰⁴, цикл молитв-прошений о своей грядущей смерти, чтобы умереть быстро и не обременять собой В. Д. Лиорко⁶⁰⁵, а также молитвы о призвании Божией помощи⁶⁰⁶.

Особо следует выделить вопрос понимания молитвы в представлении М. М. Пришвина. С начала Великой Отечественной войны он совершает целый

⁵⁹⁷ Пришвина В. Д. Война. С. 194.

⁵⁹⁸ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 441.

⁵⁹⁹ См.: там же. С. 509.

⁶⁰⁰ См.: там же. С. 610.

⁶⁰¹ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949. С. 445.

⁶⁰² Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 627.

⁶⁰³ См.: там же. С. 627; Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 346; Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 234.

⁶⁰⁴ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 662; Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949. С. 191, 388.

⁶⁰⁵ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 347; Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 327; Пришвин М. М. Дневники. 1946–1947. С. 362; Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949. С. 410; Пришвин М. М. Дневники. 1952–1954. С. 445.

⁶⁰⁶ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 509; Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 42; Пришвин М. М. Дневники. 1946–1947. С. 75; Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949. С. 388; Пришвин М. М. Дневники. 1952–1954. С. 477.

ряд заметок, в которых отражает специфику истинной молитвы, а также, исходя из личного опыта, отмечает ее воздействие на душу человека.

Главный критерий настоящей молитвы автор дневника фиксирует в записи от 4 ноября 1941 г. Он пишет: «Молитва должна быть своей, даже если слова ее в точности сохраняются как у отцов. Ты же в эти слова неминуемо должен вкладывать свою мысль, волю и желанное исполнение»⁶⁰⁷. Среди прочих условий живой и искренней молитвы писатель выделяет следующие: 2 апреля 1942 г. — сугубую осторожность в произнесении имени Бога⁶⁰⁸; 13 апреля 1943 г. — надобность в большом усилии и внимании⁶⁰⁹; 24 февраля 1949 г. — особое дерзновение в молитве, сравнимое с борьбой, ревом и решимостью революционеров⁶¹⁰; а к концу своей жизни, в записи от 19 марта 1950 г., отмечает роль искренности⁶¹¹.

Исходя из личного эмпирического опыта молитвы, М. М. Пришвин выделяет в ее воздействии на личность следующие качества: 24 ноября 1942 г. — «выявление жизненных ошибок и грехов»⁶¹²; 13 апреля 1943 г. — «...явное приближение человека к Богу»⁶¹³; 27 августа 1944 г. — личное исправление и собирание внимания⁶¹⁴; 9 июня 1945 г. — обретение порядка в самом себе и жизни⁶¹⁵; 14 марта 1947 г. — «...освобождение себя от злобы»⁶¹⁶, а 7 апреля 1949 г. — «прибавление силы в труде, расширение сил и возможностей»⁶¹⁷.

Публицистика (1917–1918 гг.)

С началом Первой мировой войны и революции 1917 г. М. М. Пришвин в ряде своих публикаций, таких как «Война слов» (1917); «Подзаборная молитва»

⁶⁰⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 662; См. также: Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 557; Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 142.

⁶⁰⁸ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 120.

⁶⁰⁹ См.: там же. С. 477; Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 5.

⁶¹⁰ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949. С. 403.

⁶¹¹ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1950–1951. С. 49.

⁶¹² См.: Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 336.

⁶¹³ Там же. С. 478.

⁶¹⁴ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 248; Пришвин М. М. Дневники. 1946–1947. С. 367.

⁶¹⁵ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 539.

⁶¹⁶ Пришвин М. М. Дневники. 1946–1947. С. 444.

⁶¹⁷ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949. С. 445.

(1917); «Тьма-тьмущая» (1918) и «Кровавый гусак» (1918), поднимает тему молитвы, которая, в его представлении, становится одним из действенных инструментов преодоления вражды и обретения прочного мира.

В статье «Война слов» (1917) автор отмечает важную с христианской точки зрения мысль: «...есть у нас великие и простые слова: О мире всего мира! За этими словами в церкви следует жертва. А тут: “Требуем!” [прим.: имеются в виду различные политические партии] и петушком, петушком пробивает себе дорогу к раздору»⁶¹⁸, о чем он также рассуждает в статье «Подзаборная молитва» (1917)⁶¹⁹. Так, М. М. Пришвин связывает достижение мира с личной жертвой, соединенной с возвышающей человека молитвой. Примечательно, что данная формула мира заимствована писателем именно из великой ектеньи, целиком и полностью направленной на созидание в среде людей единства и братолюбия.

Как источник надежды в Боге молитва предстает в статье «Тьма-тьмущая» (1918), повествующей об инферальной природе революции⁶²⁰.

Показательной статьёй, в которой М. М. Пришвин на собственном примере разбирает воздействие молитвы на душу человека, является «Кровавый гусак» (1918), где он рассуждает о жестокости современного общества и о пути преодоления этого зла. Как вспоминает автор, в его детстве был этап, когда он на собственном опыте испытал на себе весь ужас слепого следования революционным идеям и порождаемых ими преступлений. Тогда ради романтического замысла стать настоящими охотниками писатель с братом поймали чужого гуся и зарезали его. Уже после того, как пролилась кровь птицы, братья поняли, что совершили преступление, бросили все и побежали прочь. Дома, чувствуя вину и будучи вне себя от ужаса, автор впервые ощутил горячую потребность в молитве. Об этом в статье он пишет так: «...шепчу единственное, что спасет меня: “Господи, милостив буди, мне грешному!” Потом разговариваю с

⁶¹⁸ Пришвин М. М. Война слов // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 85.

⁶¹⁹ См.: Пришвин М. М. Подзаборная молитва // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 116.

⁶²⁰ См.: Пришвин М. М. Тьма-тьмущая // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 183–184.

Богом: “Господи, честное слово, не как фарисей, а как мытарь!” Стучу, стучу в грудь кулачком: “Господи, милостив буди мне грешному!”»⁶²¹.

Так, опытным путем М. М. Пришвин познал, что искренняя молитва способна примирить человека с Богом и ближними, успокаивает, приносит в душу мир и вновь возвращает утраченное человеческое достоинство. Поэтому, проецируя свой опыт на современное увлечение общества революционными идеями, автор заключает: «...жестокость непременно сменится жалостью, разбежится с озорной тропы Русь в беспутье свое и будет стучать в грудь кулаком: — Господи, милостив буди, мне грешному!»⁶²².

Художественные произведения (1915–1928 гг.)

Из всех областей религиозной жизни М. М. Пришвина-пантеиста наибольшим авторитетом и значимостью для него обладала личная тайная молитва, о чем он сам свидетельствует в своих ранних дневниках⁶²³. Подобное отношение к молитве находим и в ряде рассказов писателя. Но, несмотря на высокую личную степень доверия М. М. Пришвина к молитве, считать ее подлинно христианской, особенно в начале XX века, не представляется возможным. На это есть несколько причин.

Для писателя молитва — это исключительно тайная, внецерковная беседа с еще неведомым ему Богом. Несмотря на богоискательство, автор избегает опыта молитвы в Церкви, поскольку считает, что она утратила живую связь с Богом. Для писателя функцию храма начинает исполнять сама природа, что наглядно показано в рассказе «Заутреня». Так, личная стихийная молитва дает ему возможность связи с Богом и всем миром. Также автор выделяет ее как действенное средство спасения от смерти в критических жизненных ситуациях,

⁶²¹ Пришвин М. М. Кровавый гусак // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 187.

⁶²² Там же. С. 187.

⁶²³ См.: Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 151.

чему посвящает отдельный рассказ «Цепочка Иисусова» и о чем так же подробно сообщает в своем дневнике⁶²⁴.

Первым рассказом, где центральной темой выступает именно молитва к Богу, является **«Цепочка Иисусова» (1915)**, написанная через год после начала Первой мировой войны.

Автор уже на уровне заголовка настраивает читателя на прочтение произведения в религиозном ключе, с первых строк повествуя о действии и силе Иисусовой молитвы: «Молитва Иисусова — непрерывная цепочка святых заветных слов, сначала на губах, потом в сердце, потом сливается с движением крови»⁶²⁵.

Рассказ имеет трехчастную структуру — это три связанные между собой хронологически последовательно расположенные миниатюры из жизни пожилой женщины-няни, молящейся за больных детей. Настроение произведения преимущественно драматическое, пронизанное опасностью смерти и крайней нужды. Повествователь так начинает рассказ: «Когда заболит дитя и мать, нуждой убитая, повторяет: “Поскорей бы прибрал Господь!”», на пороге является высокая строгая старуха и спрашивает: — Не улетела еще ангельская душка? — Поскорей бы прибрал Господь! — отвечает младенцева мать. — Грех так, — говорит мирская няня...»⁶²⁶. Так тема молитвы вводится в контексте бытовой семейной трагедии, когда уже не остается иной надежды, кроме как на Бога.

Основную смысловую нагрузку произведения несет на себе образная система, где главным действующим лицом выступает сама Родионовна — няня, по замечанию рассказчика похожая на Божию Матерь с Младенцем: «...начинает долго молиться. Потом без еды и сна сидит на полатах строгая и печальная, как Божия Матерь с Младенцем в руках»⁶²⁷. Данное авторское сравнение лишено негативной коннотации: оно возвышает образ няни, подчеркивая ее

⁶²⁴ См.: Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 371.

⁶²⁵ Пришвин М. М. Цепочка Иисусова // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 297.

⁶²⁶ Там же. С. 296.

⁶²⁷ Там же.

неотъемлемую черту — заботу и молитву о каждом скорбящем и больном младенце, а также скорую безвозмездную помощь в беде и несчастье. Проводимая автором параллель между молящейся няней и Богородицей показывает молитву как действие, имеющее не человеческое происхождение, но возвышенную и благодатную природу. Данная мысль о божественном характере молитвы также подчеркивается через явную антитезу с инфернальным, демоническим воздействием противоборствующих сил: «Из света лампы Родионовна творит себе молитву Иисусову: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!”. <...> Лезут из-под лавок, лезут из-под печи, лезут из всех щелок, лохматые и голые, рогатые и безрогие. <...> Оборвись тут одно звенцо из цепочки Иисусовой — и пропало все: лихая нечисть живо растащит дитя. <...> Но глаза не отрываются от озаренного лампадой лика Божией Матери, крепче и крепче связывает цепочка молитвы Иисусовой больное сердце...»⁶²⁸.

В рассказе данное противопоставление молитвы и зла продолжается через образ волков с горящими «огненными глазами»⁶²⁹, обступивших сбившуюся с дороги женщину. В заданной автором религиозной проблематике произведения образы пути-дороги и волков также имеют христианское значение и могут быть прочитаны через призму евангельского текста. Так, в Евангелии от Иоанна под путем недвусмысленно понимается сам Спаситель: «Я есмь путь и истина и жизнь...» (Ин. 14, 6), а волк показывается злой силой, охотящейся за душой человека, что находим в притче о Пастыре: «...волк расхищает овец, и разгоняет их» (Ин. 10, 12). М. М. Пришвин, используя данные образы, обращает внимание на сосредоточенность в молитве как залог ее силы и действенности и показывает, как, напротив, отвлечение и рассеянность делает человека «пищей волков». Повествователь доносит эту мысль через драматическую ситуацию, когда заснувшая в дороге за молитвой няня падает в сугроб к поджидающим ее зверям: «Задремала старая... Твердо держит молитву Иисусову, а внизу под полатями будто бы волки. <...> Отвела глаза от иконы, глянула, сколько их, и вдруг

⁶²⁸ Пришвин М. М. Цепочка Иисусова. С. 296–297.

⁶²⁹ См.: там же. С. 298.

оборвалась цепочка Иисусова: хочет сказать Иисусе, а выходит Сусе и Сусе, хочет помолиться Богородице, а молится какой-то Чудородице. Как оборвалась цепочка Иисусова, то будто на каждое прежнее святое звенушко новый волк прибавился»⁶³⁰. Но даже в такой ситуации автор не умаляет молитвы: стоит лишь вновь придти в себя, как она снова обретает силу: «...шагнула с молитвою, упала на колени, земно поклонилась и молвила... И уже дрогнули волки... <...> Так неприкосновенная от злобы звериной поднялась Родионовна и поехала дальше к больному ребенку»⁶³¹.

Примечательно, что для самого писателя, воспринимавшего в это время Православие и участие в церковных Таинствах как слабость, личная молитва оставалась достойным и серьезным занятием, позволяющим приблизиться к неведомому Богу и спастись от смертельных опасностей. Данную мысль также подтверждает заключительный тезис произведения, что можно смеяться над самой ситуацией и волками, но только не над молящимся человеком⁶³².

Особенность личного внехрамового восприятия М. М. Пришвиным молитвы раскрывается в рассказе «Заутреня» (1928). Повествователем и главным действующим лицом в нем выступает сам автор. Сюжет произведения построен на пути писателя на болота ранней весной с целью послушать любимый «...птичий концерт»⁶³³. По своей структуре рассказ напоминает жанр очерка: он наполнен размышлениями об увиденном и услышанном в дикой природе. Собственно, не сам сюжет, но именно мысли автора вызывают главный интерес для исследования.

Время в произведении ограничено несколькими часами: с ночи и до восхода солнца, что также отразилось в заголовке: «Заутреня» — сокращенное название Пасхальной утрени. Подобный заголовок является ключом к пониманию и трактовке произведения, указывающим на религиозный подтекст.

⁶³⁰ Пришвин М. М. Цепочка Иисусова. С. 299.

⁶³¹ Там же. С. 300.

⁶³² См.: там же.

⁶³³ Пришвин М. М. Заутреня // Собрание сочинений : в 8 т. М. : Художественная литература, 1983. Т. 3. С. 444.

Как и во многих рассказах М. М. Пришвина, основная смысловая нагрузка произведения возложена на образную систему. Так, для автора начало весны с оживанием природы и ликованием птиц было природной параллелью торжеств по случаю Христова Воскресения. Вероятно, поэтому рассказ о ранней весне и получил название «Заутреня», которая по церковной традиции начинается за дверями храма, на природе, под сводами звездного неба. Повествователь отдает свое предпочтение именно природному варианту празднования Пасхи с такой же природной молитвой: «Замираю под звуки молящихся птиц: на небе рассыпаются барашком сотни бекасов; на земле, где-то очень близко, священнодействует тетерев; ...по-своему любит и молится выпь. Не буду скрывать, я тоже, обращенный в ребенка, пытаюсь прочесть “Богородицу”, но скоро, выискав в ней непонятное мне в детстве слово ее плодчерева [прим.: орфография М. М. Пришвина], повторяю молитву вкратце за птицами: — И благословен... <...> Брызнуло золотом света само солнце, и тогда все журавли хором ударили: — Победа, победа! Я замер в ознобе восторга»⁶³⁴. В контексте пасхальной тематики рассказа, а также реакции М. М. Пришвина под криком журавлей о победе угадывается сам тропарь Пасхи: торжественный гимн о победе Жизни над смертью.

Так, писатель не отвергает молитву как таковую, она является его живой потребностью, заставляющей даже под кровом ночи отправляться на болота ради «службы» птиц. Данную позицию автора также подтверждают дневники. Например, в записи от 11 февраля 1915 г. он пишет: «Утро раннее, когда все дома спят, а на небе чуть видится в полумраке — летят птицы, и руки складываются сами молитвенно...»⁶³⁵. А в записи за 1926 г., оставленной на торфяных болотах, М. М. Пришвин замечает: «...озеро мне было как икона молящемуся...»⁶³⁶. В этом открывается значимая особенность в восприятии М. М. Пришвиным церковной традиции соборной молитвы: функцию храма для него несет именно природа, дающая те же возможности для молитвы, что и церковная служба.

⁶³⁴ Пришвин М. М. Заутреня. С. 445–446.

⁶³⁵ Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. С. 123.

⁶³⁶ Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. С. 75.

Подводя **итог по параграфу**, можно отметить, что тема молитвы — еще одна важная аксиологическая доминанта в творческом наследии писателя, получившей свое развитие в дневниках, художественных произведениях и в меньшей степени в публицистике.

Главной особенностью авторского восприятия молитвы было то, что она всегда выступала незыблемым основанием его внутренней, духовной жизни, в которой он черпал силы. Причина подобного отношения М. М. Пришвина к предмету молитвы заключается в том, что большую часть своей жизни он находился в состоянии неопределенности, тревоги, пребывал в постоянных поисках Бога. Поскольку пантеизм не мог всецело удовлетворить потребности писателя, а к христианству долгое время сохранялось критическое отношение, автор находил точку опоры именно в личной молитве. Она стабильно воспринималась как средство связи с Богом, особенно в период богоискательства.

Следует учесть, что изначально молитву М. М. Пришвин воспринимал сугубо индивидуальной и внецерковной. При этом фактическую функцию храма — места соборной молитвы — для писателя несла сама природа, в чем заметно влияние идей пантеизма. Так, молитва была его единственным способом докричаться до Бога в природе, вылить Ему всю свою боль, почувствовать успокоение в минуты полнейшего отчаяния (М. М. Пришвина долгое время не покидали мысли о суициде).

По этой причине молитве писателя была свойственна стихийность, спонтанность. Также характерной чертой ранней молитвы М. М. Пришвина выступает эклектичность (он применяет как фрагменты церковных молитвословий, так и собственно сочиненные обращения к Богу). Впоследствии в восприятии молитвы наблюдается переход от сугубо прагматического отношения к более церковному. Молитва предстает как средство самоконтроля и достижения внутренней гармонии; как источник откровения Бога и литературного вдохновения; как средство богообщения и проявления любви.

Ключевыми факторами, которые оказали влияние на заинтересованность писателем темой молитвы, выступали внутренние и внешнеполитические причины, среди которых можно особенно выделить: Октябрьскую революцию и шок от совершающихся преступлений; состояние душевного кризиса, вызванного общественной анархией, тюремным заключением в 1918 г. и разорением его родового гнезда; крайнюю нужду в 1919–1920 гг.; смерть родных и близких от голода и эпидемии тифа; переезд в Сергиев Посад в 1926 г.; знакомство с В. Д. Лиорко (в связи с тем, что Валерия Дмитриевна позиционировала себя верующей и сама регулярно молилась); Великую Отечественную войну; эвакуацию в д. Усолье; полное прочтение Библии и начало воцерковления писателя.

Тема молитвы получила свое отражение в дневниках, публицистике и рассказах М. М. Пришвина. В числе распространенных лексических средств выражения авторской проблематики по теме молитвы можно отметить: сравнение (например: молитва, как уборка души, как цепочка святых слов и т. д.); олицетворение (моление птиц, священнодействие тетерева и т. д.). Среди синтаксических средств: противопоставление (Сатана и Господь, фарисей и мытарь и т. д.); градацию («все понять, все вынести, и не забыть, и не простить!»), «молитва... сначала на губах, потом в сердце, потом сливается с движением крови» и т. д.).

Особую роль в произведениях несут пейзаж и описание природы, семантически связанные с храмом — местом молитвы. Также религиозная проблематика передается на уровне заголовков («Война слов», «Подзаборная молитва», «Цепочка Иисусова», «Заутреня»).

Подводя краткий итог, можно заключить, что для автора молитва — это сакральное действие, априори имеющее божественную, благодатную природу. Это исключительно тайная, интимная, внецерковная беседа с еще неведомым ему Богом. Следует отметить, что большую часть жизни автор избегал опыта молитвы в Церкви, поскольку считал, что церковная организация утратила живую связь с Богом. По этой причине функцию храма для него исполняла сама природа.

Основной проблемой писателя было то, что эффект от его молитвы был временным, а чувство божественного посещения возникало чрезвычайно редко и не зависело от него самого. Данная проблема разрешилась лишь к концу его жизни, когда М. М. Пришвин пришел к вполне церковному и соборному пониманию молитвы. Так, если в начале и первой половине XX века молитва имела черты стихийности, сумбурности, эклектичности и, что самое главное, была исключительно внецерковной, то уже в 40-х годах XX века она приобрела форму, соответствующую представлениям Православной Церкви.

1.3. Специфика писательской веры в Бога

Дневники (1906–1952 гг.)

Тема веры также неоднократно поднималась М. М. Пришвиным в дневниках. Условно до 1913 г. можно выделить три ключевые вехи, когда для писателя вопрос веры стоял наиболее остро. Первая, о которой автор почти не упоминает, — гимназическая. По свидетельству В. Д. Лиорко, уже в четвертом классе (из которого его отчислили) он расстаётся с детской верой в Бога и отходит от Православия⁶³⁷. В это время писатель впервые знакомится с идеями социализма.

Вторая веха, совпавшая с продолжением обучения и получением высшего образования, — университетская. В это время его вера в философию К. Маркса становится настолько безусловной, что ради нее он самостоятельно изучает немецкий язык и переводит произведения; переживает заключение в камере-одиночке за распространение запрещенной литературы, а после своего освобождения продолжает учебу в Германии. Там же его горячая вера претерпевает крах ввиду несоответствия философии реальности: «...марксизм я увидел в форме того мещанства, которое так ненавидел Ленин»⁶³⁸.

⁶³⁷ См.: Варламов А. Н. Пришвин. С. 53.

⁶³⁸ Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. С. 74.

Это разочарование, которое писатель сравнивает с пожаром, привело его к поискам истины на родине. Так, в записи от 29 апреля 1918 г. автор вспоминает: «...я освободился от большевизма... и вплотную подошел к декадентству»⁶³⁹.

В начале ведения дневника дать себе четкого определения понятия «вера» он не мог. Более того, в 1906 г. писатель относится к вере с долей сомнения, что явно прочитывается в записи от 28 мая: «Но, может быть, Бога-то и нет совсем, и нет на земле правды, и никогда ее не будет...»⁶⁴⁰. Далее, вплоть до 1908 г., М. М. Пришвин более не поднимал данного вопроса и не интересовался им. Переломный момент настал 13 мая 1908 г. — во время поездки в Задонский мужской монастырь. В этой поездке размышления о вере отражаются преимущественно в контексте диалога с матерью, интересовавшейся данным вопросом.

После знакомства с жизнью насельников монастыря у автора дневников складывается сугубо негативное мнение о монашестве, в связи с чем пример их веры становится для него неприемлемым, рождает сомнение и надолго отталкивает от Церкви. Вследствие этого у писателя также меняется отношение к мощам святителя Тихона Задонского, он пишет: «Приходит в голову мысль: а что, если это подделка? <...> Он посеял веру в народе... Он повисил народную жизнь... приподнял ее. И вот теперь совершается культ его... этими “полузверями” — монахами...»⁶⁴¹. Причиной подобного отношения послужило разочарование в нравственном облике современного монашества⁶⁴². Вследствие этого к насельникам монастырей, тем, кто должен являть живую веру, писатель стал питать откровенную неприязнь. Не обнаружив ожидаемой веры в среде православного монашества, М. М. Пришвин надолго отходит от Церкви и в том же 1908 г. продолжает свои поиски в религиозно-философском обществе Д. С. Мережковского.

⁶³⁹ Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. С. 74.

⁶⁴⁰ Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 8.

⁶⁴¹ Там же. С. 73.

⁶⁴² См. подробнее об этом: Красников С. В. Религиозно-нравственная проблематика в дневниках М. М. Пришвина : 48.04.01 «Теология» : магистерская диссертация / Красников Сергей Васильевич; Московская духовная академия. Сергиев Посад, 2021. С. 33–35.

Членство в обществе петербургских мыслителей также не дало желаемого результата. Автор дневников заключает, что в их среде много неясного и надуманного, а устройством они более походят на секту, нежели на общество, обладающее истинной верой⁶⁴³. В это время писатель не ограничивается лишь кругом Д. С. Мережковского, но также общается с хлыстами и изучает их представления о вере. В связи с этим он встает перед дилеммой. С одной стороны — не может верить просто и непосредственно, как крестьянин; с другой — не может принять веру круга Мережковского и хлыстов, поскольку она идет в разрез с его собственными представлениями⁶⁴⁴. Об этой религиозной дилемме также пишет в своей статье М. А. Ковыркин. Он замечает, что искания Д. С. Мережковского как притягивали М. М. Пришвина, так и отталкивали и вызывали в нем возмущение, в связи с чем он решает полностью удалиться от разговоров о Боге и приступить к Его деятельному познанию⁶⁴⁵.

О состоянии своей веры в 1910 г., после ухода из религиозно-философского кружка Д. С. Мережковского, писатель замечает следующее: «От детской веры я отстал, но так вообще близок к вере, думаю о Боге...»⁶⁴⁶. На этом его поиски в понимании веры не оканчиваются. Он знакомится со знаменитым в Орловской губернии православным священником из села Спас-Чекряк отцом Георгием, что подробно описывает Е. Криволапова⁶⁴⁷. В отличие от поездки в Задонский мужской монастырь, впечатления М. М. Пришвина от знакомства с отцом Георгием были сугубо положительными, но вопрос веры остался по-прежнему неразрешенным⁶⁴⁸. Находясь в Спас-Чекряке, писатель выделяет для себя пример веры многих людей, что подталкивает его к последующим размышлениям.

В 1911 г. он, наконец, раскрывает для себя понятие «вера», благодаря параллельному изучению христологии. Именно осознание личности Христа сыграло основополагающую роль в деле церковного понимания веры

⁶⁴³ См.: Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 175, 180.

⁶⁴⁴ См.: там же. С. 179.

⁶⁴⁵ См.: Ковыркин М. А. Соотношение религиозно-философских взглядов М. Пришвина и Д. Мережковского (к постановке проблемы). С. 142.

⁶⁴⁶ Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 129.

⁶⁴⁷ См.: Криволапова Е. Поиски Бога в ранних дневниках Михаила Пришвина. С. 91–98.

⁶⁴⁸ См.: Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 131.

М. М. Пришвиным. Для него в данный период Христос представляет неиссякаемый источник радости и вечной цветущей жизни, поэтому вера, в понимании автора дневников, неразрывно связывается с тем, что несет С собой Христос, — с радостью. Вероятно, именно тогда его особое чувство живой природы начинает сливаться с личным пантеистическим представлением о Христе. 14–15 апреля он заключает: «Счастливые создали Бога, несчастные — черта, у счастливых рай, у несчастных ад. Значит, вера есть сама жизнь, а неверие — смерть, отступление»⁶⁴⁹. Однако говорить о начале перехода автора в лоно Православной Церкви было бы преждевременно. По замечанию А. А. Дырдина, он все еще придерживался веры «со всеми ее стихийно-языческими оттенками»⁶⁵⁰.

В связи с определением для себя понятия веры в новом, 1912 г. М. М. Пришвин проводит разбор своих предыдущих исканий. В записи от 17 января: «Ночью я думал об этапах с почти десятилетними промежутками: уверование в Маркса, уверование в женщину...»⁶⁵¹. В данном размышлении писателя особенно примечателен его этап веры в женщину, про который в раннем дневнике он почти не упоминает. Однако в конце 1912 г. автор дневников вновь обращается к теме веры в идеальную женщину, что было обусловлено его разочарованием в совместной жизни с Е. П. Смогалевой. 17 декабря он пишет: «...я верю, что Вы существуете, и Вам, если только пишу Вам в лучшую минуту и вижу Вас, ни одного не будет слова неверного. Вы и моя совесть, и правда, истина и красота... И как я могу не верить в Вас, если все лучшее от Вас?»⁶⁵². Специфика данной веры такова, что она переживается в данный период жизни параллельно с верой в Бога, а идеал женщины наделяется почти божественными свойствами.

В этом же году М. М. Пришвин с окончательной уверенностью находит во Христе спасение от языческих страхов животной смерти, замечая, что «смерть

⁶⁴⁹ Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 592.

⁶⁵⁰ См.: Дырдин А. А. Русская философская проза после 1917 года : А. П. Платонов, М. М. Пришвин, Л. М. Леонов (симв. мысли). С. 208.

⁶⁵¹ Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 131.

⁶⁵² Там же. С. 157.

Христова есть вера в жизнь...»⁶⁵³. Свои поиски веры он завершает двумя выписками из посланий апостола Павла (Рим. 9, 32; 10, 10), после чего к данной тематике в довоенный период больше не возвращается.

В самом начале 1914 г., в записи без датировки, писатель связывает веру непосредственно с делом и считает ее проявление в людях естественным и бессознательным, о чем заключает: «делать — значит верить»⁶⁵⁴. В записи от 11 июня проводит связь веры и творчества. Так он замечает, что «...творчество обладает телом веры»⁶⁵⁵, и потому делит всех людей на тех, кто является творцами веры, и тех, кто за ней следует.

Однако после Октябрьской революции писатель отходит от собственных взглядов и пребывает в состоянии кризиса, что лучше всего иллюстрирует его диалог с музыкантом от 30 марта 1918 г. В нем собеседник спрашивает М. М. Пришвина: «Я стыжусь своей веры. А вы? — Я страдаю. Моя вера словами не высказывается»⁶⁵⁶. Страдание в вере также обуславливается его эсхатологическими переживаниями в данный период, о чем он сам неоднократно говорит на страницах своего дневника. Ярким примером может послужить запись от 30 марта. В ней автор дневника замечает: «...мы были свидетелями, когда не церковная завеса, а само время треснуло, и жили мы без веры, надежды и любви сколько-то времени... Если бы слышны были хотя бы трубы Архангела, созывающие живых и мертвых на Страшный суд! И этого не было!»⁶⁵⁷. Так, революция и связанные с ней эсхатологические чаяния послужили толчком для нового, религиозного восприятия веры. Об этом также упоминает в своей статье И. В. Попова, которая утверждает, что «...возвращение к Православной вере произошло у писателя во время гражданской войны»⁶⁵⁸.

С началом 1921 г. осмысление веры начинает проходить в евангельском ключе. Так, в записи от 16 января он замечает: «Вера без дел мертва, а вера без

⁶⁵³ Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 632.

⁶⁵⁴ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. С. 54.

⁶⁵⁵ Там же. С. 74.

⁶⁵⁶ Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. С. 53.

⁶⁵⁷ Там же. С. 53.

⁶⁵⁸ Попова И. В. Христианский контекст в творчестве М. М. Пришвина. С. [н. д.].

любви — зла и есть, ...основа величайших злодейств»⁶⁵⁹. Однако одновременно с церковным пониманием веры писатель продолжает воспринимать ее и по-своему. Так, он видит в ней главный источник жизнетворчества и потому противопоставляет ей смерть, замечая, что «...перед лицом смерти всякая вера — обман»⁶⁶⁰. В связи с данным заключением он также временно считает, что Христос не может быть победителем смерти⁶⁶¹.

В 1923 г. М. М. Пришвин продолжает рассматривать тему веры. В записи от 17 ноября он замечает, что несмотря на свержение язычества христианством, оно по-прежнему является предметом веры для многих, о чем свидетельствует сохранившееся почитание домовых и колдовство. В связи с этим писатель задается вопросом об уровне веры среди простого народа и заключает, что людям вера не нужна, а церковный обряд является лишь обычаем, который не мешает такому верующему ходить к прорицателям или колдуньям⁶⁶².

В 1926 г. он анализирует собственные религиозные искания в среде петербургских декадентов, сектантов и хлыстов в 1908–1909 гг., после чего признает, что все они не имели истины, но «хватались за ложное»⁶⁶³. Данное открытие заставляет писателя по-новому взглянуть на тему веры.

Уже через год, в записи от 3 апреля, он заключает: «...в Бога начинают, должно быть, по-настоящему верить, когда теряют последнее зерно веры в человека...»⁶⁶⁴. Однако с потерей «последнего зерна» проблема личной веры становится для него наиболее острой. После переезда в Сергиев Посад писатель говорит о себе в записи от 28 ноября следующим образом: «Ни верую, ни не верую... <...> ...не знаю, есть ли Бог, но живу я и складываюсь в мыслях и чувствах постоянно, как будто Бог есть, и я верую»⁶⁶⁵.

В 1928 г., в записи от 6 декабря, он пересказывает сон, который ярко отражает его внутренние переживания вопроса веры и неверия. Автор дневника

⁶⁵⁹ Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. С. 129.

⁶⁶⁰ Там же. С. 130–131.

⁶⁶¹ См.: там же. С. 131.

⁶⁶² См.: Пришвин М. М. Дневники. 1923–1925. С. 58.

⁶⁶³ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. С. 147.

⁶⁶⁴ Там же. С. 241.

⁶⁶⁵ Там же. С. 523–524.

пишет: «...Христос пошел прямо на меня. <...> Тогда я бросился перед ним лицом к земле и хотел крикнуть “Верую, Господи, помоги моему неверию”, но судорога сжала горло...»⁶⁶⁶. Из этой записи видно, что, несмотря на дословную аллюзию к тексту Священного Писания (Мк. 9, 24), проблема личной веры все еще остается для него актуальной. Однако через два года, в записи от 27 июля, в разговоре с разуверившимся семинаристом М. М. Пришвин констатирует: «...прежнее время, когда все носились с богоискательством, я сказал бы “пожалуй, не верую”, а теперь во время гонений отвечаю: “верую, Господи, помоги моему неверию”»⁶⁶⁷.

В 1932 г., в процессе работы над произведением «Женьшень», он снова поднимает для себя тему веры и неверия. В частности, писатель задается вопросом различия истинной и ложной веры, о чем пишет в дневнике 3 апреля. Так, индикатором настоящей веры становится вольное, никем не навязанное, свободное решение человека верить. Единственное, что может способствовать к принятию веры извне, — это пример поступков другого верующего. В связи с этим мнением автор дневника определяет свое представление о вере следующим образом: «...кто верит, должен о вере молчать и убеждать нас особенным делом, через которое мы сами поверим. <...> [т. к.] ... вера обратна насилию»⁶⁶⁸.

По причине прямой зависимости веры от дел, М. М. Пришвин уделяет особое внимание именно личным делам⁶⁶⁹, в связи с чем к области веры и чуда относится скептически. Он отмечает это в записи от 23 июня: «...дело мое такое, что я ничего “на веру” принять не могу, а критики эта вера не выдерживает...»⁶⁷⁰. Следует заметить, что данная позиция писателя также распространяется и на область иконопочитания⁶⁷¹.

В 1937 г., в записи от 23 декабря, он несколько меняет свой взгляд на иконы после изучения Троицы Рублева⁶⁷², допускает явление от них чуда, однако в вопросе личного иконопочитания сохраняет инертность.

⁶⁶⁶ Пришвин М. М. Дневники. 1928–1929. С. 335.

⁶⁶⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931. С. 162.

⁶⁶⁸ Пришвин М. М. Дневники. 1932–1935 С. 99–100.

⁶⁶⁹ См.: там же. С. 272.

⁶⁷⁰ Там же. С. 144.

⁶⁷¹ См.: там же. С. 644.

⁶⁷² См.: Пришвин М. М. Дневники. 1936–1937. С. 828–829.

1940 г. в вопросе понимания веры является совершенно особым, что обуславливается началом его сожительства с В. Д. Лиорко. В это время вера в Бога и Христа неразрывно связывается с самой Валерией-Лялей, о чем 14 июня 1940 г. он пишет: «...появление Ляли у меня я считаю за чудо, и со времени ее появления считаю себя верующим в Бога и, по всей вероятности, христианином»⁶⁷³. В записи от 5 августа М. М. Пришвин впервые с уверенностью заключает, что «признает себя человеком верующим и окончательно становится на путь веры»⁶⁷⁴. Так, несмотря на предосудительную с точки зрения Церкви связь автора с В. Д. Лиорко и не вполне христианское понимание веры М. М. Пришвиным, в долгосрочной перспективе их знакомство дало некий положительный результат, выраженный в постепенном воцерковлении писателя.

Как уже известно, М. М. Пришвин подходил к восприятию веры постепенно, однако после знакомства с В. Д. Лиорко, позиционирующей себя верующим человеком, данный вопрос встал для писателя наиболее остро. По этой причине одной из сторон, которой он уделил больше всего внимания, стал путь человека к вере, пролегающий через сомнение и страдание.

Несмотря на то, что с начала Великой Отечественной войны он уже регулярно совершает молитвенное правило, сомнение в вере его не оставляет. Особенно оно проявляется в восприятии евангельских чудес, которые автор дневников не отвергает, но и не переводит в категорию допустимых⁶⁷⁵. Вероятная причина может скрываться в латентном толстовстве писателя. Поводом для данного суждения является дневник, в котором в записи от 19 мая 1918 г. находим, что сам М. М. Пришвин считал себя «толстовцем по совести»⁶⁷⁶, а из очерка «Отклики на смерть Толстого» (1910) узнаем, что автор болезненно воспринял смерть писателя, много размышлял на данную тему.

20 октября 1941 г. он замечает о своей вере следующее: «Верую, исповедую, но не стану отвечать на вопросы, дающие лишь материал для неверия. Есть

⁶⁷³ Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 192.

⁶⁷⁴ См.: там же. С. 238.

⁶⁷⁵ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 135.

⁶⁷⁶ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. С. 86.

сомнение великое, страдальческое...»⁶⁷⁷. Сомнение и в большей степени страдание в конечном счете приводят М. М. Пришвина к уже осознанному принятию веры. 29 сентября 1950 г., вспоминая все ужасы Великой Отечественной войны и круговорот смертей, он заключает, что спасением от зла становится «...смертию смерть поправ»⁶⁷⁸ — живая вера в Бога. Так, анализируя прошедшее время революций и войн, автор дневника открывает два возможных пути человека к вере. Первый, наиболее болезненный и пережитый самим писателем, — это вера через страдание, ужас смерти и отчаяние. В частности, яркий пример такого мучительного пути к Богу М. М. Пришвин находил в книгах Ветхого Завета. В дневниковой записи от 22 октября 1952 г. через аллюзию на Ис. 51, 17 он заключает, что «...для полной веры каждый из нас должен допить чашу зла до самого дна»⁶⁷⁹. Второй же путь к вере, безболезненный, но первоначально чуждый для писателя, заключался в исповедании веры в Православии, в лоне Церкви. Так на закате своей жизни писатель все-таки приходит к свету веры, в котором находит для себя единственное спасение от страданий и тягот преклонного возраста. В связи с этим он заключает, что «...чем больше страдания, тем чище и возвышеннее радость»⁶⁸⁰.

Публицистика (1917–1922 гг.)

Позиционируя себя не религиозным человеком, но, скорее, «анархистом по мыслям, толстовцем по совести и странником по натуре»⁶⁸¹, М. М. Пришвин в 1917–1922 гг. продолжает свое вольное «странствие» в поисках истинного понимания веры. Однако теперь он поднимает проблему не личной, но общественной веры, претерпевшей существенные изменения с наступлением революции 1917 г.

⁶⁷⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 637–638.

⁶⁷⁸ Пришвин М. М. Дневники. 1950–1951. С. 204.

⁶⁷⁹ Пришвин М. М. Дневники. 1952–1954. С. 211.

⁶⁸⁰ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. С. 86.

⁶⁸¹ См.: Пришвин М. М. Земля и власть // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 215.

В статьях «Праздник рыжего таракана» (1917), «В черных очках» (1918), «Земля и власть» (1918) и «От земли и городов» (1922) автор показывает плачевное состояние веры народа через образ всеобщей болезни, охватившей всю Россию. Он замечает, что общество стало подобно духовным калекам, «пассивно ожидающим движения воды в Силоамской купели»⁶⁸². Всех поразила общая недуг — отступление⁶⁸³: вера в Бога переменилась верой в материализм⁶⁸⁴ с глумлением над собственной религиозной традицией⁶⁸⁵.

Для М. М. Пришвина подобные процессы были не новы, поскольку в 1895–1896 гг. он уже пережил опыт горячей веры в марксизм и тюремное заключение за революционную деятельность. Обучение в Германии в начале XX века окончательно развенчало для писателя идеал марксизма и натолкнуло на потребность личного богоискательства. Именно поэтому, видя происходящее в стране и в обществе, он констатирует, что этот путь приведет лишь к разочарованию⁶⁸⁶. Приводя в своей статье «Земля и власть» (1918) фрагмент из «Мертвых душ», автор заключает: «...не подумав о благоустройстве душевного имущества, — не установится благоустройство и земного имущества. <...> Что ни говорите, ведь от души зависит тело. Как же хотеть, чтобы шло, как следует? Подумайте... о своей живой душе, да и с Богом на другую дорогу!»⁶⁸⁷.

Художественные произведения (1907–1912 гг.)

⁶⁸² См.: Пришвин М. М. Праздник рыжего таракана // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 151.

⁶⁸³ См.: Пришвин М. М. В черных очках // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 173.

⁶⁸⁴ См.: Пришвин М. М. Земля и власть // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 216–217.

⁶⁸⁵ См.: Пришвин М. М. От земли и городов // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 525.

⁶⁸⁶ В качестве иллюстрации, подтверждающей мысль писателя, можно привести свидетельство прот. В. Свенцицкого, который, так же как и М. М. Пришвин, был участником РФО в Петербурге и на данном этапе жизни (1917 г.) являлся журналистом-корреспондентом, активно печатавшимся в «Малой газете». В отличие от М. М. Пришвина В. Свенцицкий воспринял революцию 1917 г. с чрезвычайной радостью, однако впоследствии глубоко в ней разочаровался. Так, в статье «Большевики» незадолго до принятия священства автор заключает: «Для того чтобы удержать победу и действительно осуществить “социалистический строй”, надо иметь духовные и культурные силы продолжить культуру... Вот именно этого-то и не могут сделать товарищи рабочие, а потому самая блестящая физическая победа большевиков приведет к полнейшему разложению. А если так, то большевизм — это партия, которая сулит России “ничего”. Разбитое корыто. Пустое место — после радужных надежд» [Свенцицкий В. Большевики // Новая Русь. 1917. № 34. С. 2.].

⁶⁸⁷ Пришвин М. М. Земля и власть. С. 217.

«— Какой ты веры? <...> — Я крещен православным. — А веришь как? — Верю? <...> ...Я чувствую только новое неприятное неудобство от этого вопроса. Там, в городе, в моей каменной квартире, никто не спросит, во что я верю. <...> Я не смею и сказать даже, что совсем не верю... — У нас, дедушка, — говорю я наконец, — верят все по-разному»⁶⁸⁸. Данный диалог заволжского старообрядца с М. М. Пришвиным весьма показательно характеризует проблему раннего восприятия веры писателем. Для него как человека, который ранее горячо исповедовал социализм и веру в женщину⁶⁸⁹, утрата прежнего мировоззренческого фундамента подорвала авторитет всех вероисповеданий. Однако, почувствовав в себе возникшую душевную пустоту, потерю жизненных ориентиров и смысла дальнейшего существования, писатель не остается в состоянии полного безверия. С большой осторожностью он предпринимает новые попытки поиска истины. Так, с 1908 г. размышления о вере стали одной из магистральных тем всего творчества писателя.

Первым шагом, с которого писатель начинает свои поиски, становится старообрядчество, что нашло свое отражение в очерке «В краю непуганых птиц». Решение было обусловлено тем, что его мать выходила из старообрядческого рода, интересовалась жизнью своих предков из северных выгорецких лесов и рассказывала М. М. Пришвину об их жизни⁶⁹⁰. После таких разговоров у него возникло желание посетить места своих давних предков — выгорецких старообрядцев. А. В. Варламов отмечает, что «...хотя ни религиозного духа, ни отношения Марии Ивановны к жизни Пришвин не унаследовал, тягу к старообрядцам, к этой цельной, воинственной и глубокой культуре воспринял...»⁶⁹¹. Сам писатель замечает: «Мне до смерти захотелось подышать тем воздухом... <...> Но всего интересней мне были остатки людей, боровшихся когда-то по-своему за свою веру...»⁶⁹². На эту же первопричину поездки также указывает Г. П. Климова: «Поиск истинной жизни ведет Пришвина в “край

⁶⁸⁸ Пришвин М. М. У стен града невидимого. С. 420.

⁶⁸⁹ См.: Пришвин М. М. Кашеева цепь // Собрание соч. : в 8 т. М. : Художественная литература, 1982. Т. 2. С. 188.

⁶⁹⁰ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1950–1951. С. 454.

⁶⁹¹ Варламов А. В. Пришвин. С. 11.

⁶⁹² Пришвин М. М. Осударева дорога // Собрание соч. : в 8 т. М. : Художественная литература, 1984. Т. 6. С. 8–9.

непуганых птиц»... писателя интересует чистая, глубинная вера русского народа»⁶⁹³.

В качестве сопутствующих исповеданий автор включает в анализ Православие и язычество. Поскольку в начале XX века писателю симпатизировали пантеистические взгляды, а сам он еще не причислял себя ни к одной из религиозных конфессий, его описание северных верований в лице христианства, старообрядчества и язычества было проведено беспристрастно, с равной степенью заинтересованности и внимания. Он смотрит на них научным взглядом этнографа, как бы со стороны, не принимая на веру сразу, но испытывая и изучая каждое из них. Продолжение размышлений на тему веры, но уже в контексте ее патологических проявлений автор приводит в рассказе «Никон Староколенный». Поводом для создания данного произведения стал опыт членства в разобщенной среде РФО, где были собраны представители самых разных вероисповеданий и мировоззренческих позиций, а также знакомство с особенностями веры заволжских сектантов.

Очерк **«В краю непуганых птиц» (1907)** стал первым серьезным произведением писателя, принесшим ему известность в литературных кругах. Несмотря на то что фактически он представляет собой этнографический материал о народах Русского Севера с его фольклором и описанием природы, текст произведения поступательно раскрывает тему веры: христиан, раскольников и представителей язычества. Как замечает А. А. Дырдин, «пристальный интерес писателя к этно-религиозным корням... к религиозному быту поморов и сектантов составляет особую страницу его творческого пути»⁶⁹⁴. Причину данного этнографического подхода в достижении автором своих целей А. Л. Фокеев объясняет тем, что «для писателя этнография являлась своеобразной дорогой к душе человека»⁶⁹⁵.

⁶⁹³ Климова Г. П. Творчество И. А. Бунина и М. М. Пришвина в контексте христианской культуры. С. 18.

⁶⁹⁴ Дырдин А. А. Русская философская проза после 1917 года: А. П. Платонов, М. М. Пришвин, Л. М. Леонов (символика мысли). С. 216.

⁶⁹⁵ См.: Фокеев А. Л. Документально-художественная специфика очерков М. М. Пришвина (В краю непуганых птиц). С. 338.

Однако данная форма изложения материала, возможно, также обуславливалась тем, что на начинающего писателя существенным образом повлиял авторитет этнографа Н. Е. Ончукова и академика А. А. Шахматова. Так, именно Н. Е. Ончуков, живший по соседству с писателем в Петербурге, привил ему любовь к этнографии и рекомендовал отправиться в поездку на Русский Север, а А. А. Шахматов лично научил основам записи фольклора, который обогатил литературное творчество М. М. Пришвина и сформировал его художественный стиль⁶⁹⁶.

Сюжет очерка повествует о путешествии М. М. Пришвина по Архангельской и Олонецкой губерниям. По своей форме текст напоминает «документально точные»⁶⁹⁷ путевые заметки или дневники, расположенные в хронологическом порядке. Несмотря на данную многочастную структуру, представляющую собой совокупность небольших самостоятельных произведений, все они объединены идеей поиска истины и вечного, что, по мнению Л. Дин, и М. В. Михайловой станет своеобразным «лейтмотивом духовной жизни для автора очерков»⁶⁹⁸.

Описанию Православия в очерке отведена самая малая часть, что было обусловлено особенностями маршрута следования парохода, на котором писатель добирался до Олонецкой губернии. Попутно судно останавливалось лишь в Климентском монастыре, чем объясняется сравнительно малое количество заметок М. М. Пришвина о христианстве и особенностях жизни современного монашества. Свои записи писатель начинает кратким историческим обзором, повествуя, что основными проповедниками веры в данных краях выступали именно святые: «Это Корнилий Палеостровский, Александр Свирский, Герман, Зосима и Савватий Соловецкие и многие другие. <...> ...Все, что нам известно об этих первых христианах, говорит о них как о людях удивительно чистых и хороших, сделавших массу добра для края»⁶⁹⁹. Автор отмечает, что основанные

⁶⁹⁶ См.: Варламов А. В. Пришвин. С. 93.

⁶⁹⁷ См.: Атаманова Е. Т. «Русский сфинкс» в творческом сознании М. Пришвина. С. 62.

⁶⁹⁸ См.: Дин Л., Михайлова М. В. Цикл очерков М. Пришвина «В краю непуганых птиц»: поиски жанра. С. 124, 127, 129.

⁶⁹⁹ Пришвин М. М. В краю непуганых птиц // Собр. соч. : в 8 т. М. : Художественная литература, 1982. Т. 1. С. 54.

этими святыми монастыри наполнялись людьми, а проживающие поблизости язычники сами принимали веру благодаря их нравственному примеру и бескорыстию.

Данному высочайшему образу христианства писатель противопоставляет современное монашество, примером которого стали насельники Климентского монастыря. Уже на подходе к обители он с удивлением отмечает, как уродливые монахи заигрывают с паломницами, и слышит истории от очевидцев про пьянство среди братии⁷⁰⁰. Подобное впечатление оставил на М. М. Пришвина и сам монастырь. «Угрюмая картина — покосившийся крест в воде, масса камней, жалкие поля»⁷⁰¹ — вот что видит писатель на месте некогда великого оплота Православия. Имея перед собою цель исследования веры, он задается вопросом: «Что же делали здесь все эти люди столько столетий? Молились, трудились? Но где хоть малейшие следы этой вековой работы и молитвы? И эти вялые ответы, неодушевленные лица...»⁷⁰². От юноши-трудника автор слышит неутешительные истории и про Соловецкий монастырь: «...пошел с большим религиозным подъемом духа. Но там остыл совершенно. Жизнь в монастыре оказалась почти такой же, как в миру, и даже хуже. “Был всякий грех, табак доходил до пятидесяти копеек за коробочку”»⁷⁰³.

Не многим лучше М. М. Пришвин описывает образ белого духовенства в Олонецком крае, характеризуемого народом, как «скупое, немилосердное, пьющее и курящее»⁷⁰⁴, а также вымогающее у прихожан подношения при отправлении церковных Таинств и напутствии умерших⁷⁰⁵. В личных диалогах с писателем сами же священники свидетельствовали, что «...в нравственном отношении раскольники куда, куда нас выше... И сравнить нельзя!»⁷⁰⁶. Так автор приходит к мысли, что принятие Православия людьми или их уход к раскольникам во многом

⁷⁰⁰ См.: Пришвин М. М. В краю непуганых птиц. С. 55.

⁷⁰¹ См.: там же. С. 56.

⁷⁰² Там же.

⁷⁰³ Там же. С. 51.

⁷⁰⁴ См.: там же. С. 165.

⁷⁰⁵ См.: там же. С. 166.

⁷⁰⁶ Там же. С. 167.

зависел именно от личных качеств и чистоты веры самих служителей Церкви⁷⁰⁷, на фоне которых старообрядцы казались более близкими к нравственному идеалу святых просветителей края⁷⁰⁸.

В качестве антитезы традиционному Православию в Олонецком Выговском крае М. М. Пришвин выделяет старообрядчество-беспоповство в различных его толках: поморском, признающем христианское Таинство Брака и более лояльно относящемся к Православной Церкви; феодосеевском — ригористском, гнушающемся браком и живущем по монастырскому уставу; филлиповском, практикующем самосожжения и восстающем против государственной власти, а также евфимиевском, придерживающимся страннической и отшельнической жизни⁷⁰⁹. Несмотря на подобную вариативность толков, писатель выделяет в них общую черту — напряженное ожидание «наступающего Страшного суда»⁷¹⁰ и неизбежных диавольских козней: «Может быть, уже горит небо и земля, архангел затрубит, и настанет Страшный последний суд! Казалось, что вся вселенная содрогается, колеблется, погибает от диавола. <...> Сбывалось все, что было предсказано в Апокалипсисе. Верующие бросали все свои земные дела, ложились в гробы...»⁷¹¹.

Автор отмечает, что подобное мировосприятие существенно сказалось на всех старообрядцах. Несмотря на их желание сохранить чистоту веры, они фактически стали подобны сектантам, отвергнув церковные Таинства и заменив их своими религиозными законами. «Ожидание близкой кончины мира, невозможность найти попов, помазанных до Никона... — все это вместе привело к тому, что эти раскольники отвергли таинства, исповедовались старцам, крестили детей сами, не признавали брака»⁷¹², — заключает писатель. В этой связи М. М. Пришвин обращает внимание на отсутствие у раскольников полноценных храмов. В отсутствие священников для совершения Таинств роль храма с алтарем

⁷⁰⁷ См.: Пришвин М. М. В краю непуганых птиц. С. 165.

⁷⁰⁸ См.: там же. С. 54.

⁷⁰⁹ См.: там же. С. 171.

⁷¹⁰ См.: там же. С. 146.

⁷¹¹ Там же. С. 145.

⁷¹² Там же. С. 161.

утратила свое значение, уступив место часовне «...невзрачной на вид, полуразрушенной...»⁷¹³, характеризующей собой само уходящее старообрядчество.

Однако больше всего автор проявляет интерес к позднему евфимиевскому старообрядческому толку, проповедующему бег и сокрытие от антихриста, подобно Лоту⁷¹⁴. Писатель так излагает их вероучение: «Царская власть — это икона сатаны, а все воинские и гражданские власти — его бесы, все, повинующиеся царской власти, кланяются иконе сатаны. Мир близится к концу: для чего распахивать нивы, сеять семена, когда не удастся пожать их, для чего созидать города, когда нельзя будет в них жить! Один только и есть исход: бежать от антихриста»⁷¹⁵. Чтобы ближе познакомиться с данным толком, М. М. Пришвин останавливается у его представителя, скрытника-христолюбца по прозвищу Муха. Отсутствие имени было обусловлено особенностью веры скрытников, могущих сказать о себе лишь одно: «Мы странники божьи, ни града, ни села не имам»⁷¹⁶.

Автор описывает его, в отличие от прочих «бегунов», как начитанного старика, поражающего своей «...свежестью, чистотой, искренностью и силой»⁷¹⁷, крепко верующего, замечательного хозяйственника и отличного семьянина⁷¹⁸, что, на первый взгляд, парадоксально расходится с их вероучением. Писатель замечает: «...в невылазных дебрях, прекрасно устроился человек, да так, что все завидуют; и еще исповедует религиозное учение, которое отвергает всякую собственность»⁷¹⁹. По свидетельству местных жителей, «большой красивый двухэтажный “тысячный” дом»⁷²⁰ — нетипичное богатство — выполнял функцию бесплатной гостиницы для многочисленных бегунов, а сам Муха содержал своих братьев по вере, доставляя им в лесах пищу и все необходимое, трудясь ради других. Однако для всех прочих согласий и «никониан» этот человек предстает

⁷¹³ Пришвин М. М. В краю непуганых птиц. С. 164.

⁷¹⁴ См.: там же. С. 172.

⁷¹⁵ Там же.

⁷¹⁶ Там же. С. 178.

⁷¹⁷ Там же. С. 179.

⁷¹⁸ См.: там же. С. 176.

⁷¹⁹ Там же. С. 173–174.

⁷²⁰ См.: там же. С. 174.

«грубым, подозрительным и неприветливым лесником»⁷²¹, не стал исключением и сам М. М. Пришвин, едва не изгнанный из дома хозяином.

В качестве характеристики персонажа выступает не столько типичный портрет старовера, сколько интерьер в комнате Мухи. Писатель описывает его весьма кратко: «Везде чисто, аккуратно. На стене два ружья и пороховницы, на полке большая книга и на ней очки, в углу икона, вернее — черная доска»⁷²². Так, у этого человека, согласно вероучению скрытников, нет ничего излишнего. Ружья — лесничьи, а для себя — лишь строгость и вера, на что указывает староверская религиозная книга и черная икона. Примечательно, что в вопросе вероисповедания акцент на черном цвете «выступает в роли особого ассоциативного маркера»⁷²³, свойственного всему творческому наследию писателя. Так, М. М. Пришвин связывает его с архаичностью, безжизненностью и мертвенностью⁷²⁴, противопоставляя свету — животной жизни, в чем также прочитывается его раннее увлечение пантеизмом. Как замечает А. М. Подоксенов, «...мировоззрению автора, поклоняющегося светлomu богу природы, противостоит окрашенное в черный цвет враждебное мировоззрение»⁷²⁵. В этой связи автор также отражает верование олончан, лишь номинально являющихся христианами, фактически же исповедующих веру предков-язычников.

Писатель замечает: «...не берусь сказать, есть ли где еще такое место, как Выговский край, где бы языческий мир так близко соприкасался с христианским»⁷²⁶; «...где люди занимаются охотой, рыбной ловлей, верят в колдунов, в лесовую и водяную нечистую силу, сообщаются пешком по едва заметным тропинкам, освещаются лучиной, — словом, живут почти что первобытной жизнью»⁷²⁷. Именно этот «край непуганых птиц» выходит на первое место в очерке М. М. Пришвина, о чем говорит само название и несравнимо

⁷²¹ См.: Пришвин М. М. В краю непуганых птиц. С. 176.

⁷²² Там же.

⁷²³ См.: Лысюк Е. А. Черный и белый цвета в творчестве М. М. Пришвина на примере сборника «В краю непуганых птиц». С. 73.

⁷²⁴ См.: Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 582–583, 589.

⁷²⁵ Подоксенов А. М. О проблеме «богоискательства» в мировоззрении и творчестве М. М. Пришвина. С. 80.

⁷²⁶ Пришвин М. М. В краю непуганых птиц. С. 143.

⁷²⁷ Там же. С. 44.

большой объем текста относительно произведений, касающихся христианства и старообрядчества. А. М. Подоксенов выделяет, что в данном произведении и последующих ближайших очерках автору импонировал именно пантеизм, который позволял ему «...органично применять как народно-мифологические, так и христианские символы, метафоры и образы...»⁷²⁸.

Первое, на что обращает внимание М. М. Пришвин, — это особенность восприятия людьми смерти. Если для христиан и старообрядцев смерть являлась естественной частью жизни — концом земной и началом небесной, то для олончан смерть — это конец всего. Пришвину-пантеисту это было понятно, как никому другому. Так, он пишет: «...для язычника смерть не успокоение и радость, как для христианина, а величайший враг. Человек мог бы жить вечно, но вот является это чудовище и поражает его»⁷²⁹. По этой причине, замечает автор, им чужда христианская традиция напутствия умерших. У них также нет отпевания, поскольку нет веры в жизнь вечную. На кладбищах почти отсутствуют кресты, что объясняется местным верованием переселения душ усопших в животных: «Часто можно услышать, как женщина, увидав бабочку, скажет: “Вот чья-то душка летает”; точно так же скажут иногда и про голубя, утку, про заюшку и горностаюшку...»⁷³⁰. Также писатель выделяет альтернативные взгляды на загробную участь. По их верованиям душа может поселиться в «домовище», улететь к звездам или стать облаком⁷³¹. Как заключает М. М. Пришвин, «на Севере, знакомясь с народными верованиями, надгробными плачами и похоронными обрядами, можно почувствовать себя вдруг среди славян-язычников»⁷³². Фатальность и ужас смерти породил в среде олончан особое явление — безутешный вопль по покойнику, которым они оплакивали жизнь умершего.

⁷²⁸ Подоксенов А. М. Философско-мировоззренческий дискурс и культурный контекст творчества М. М. Пришвина. С. 18.

⁷²⁹ Пришвин М. М. В краю непуганых птиц. С. 74.

⁷³⁰ Там же.

⁷³¹ См.: там же. С. 75.

⁷³² Там же. С. 74.

Наиболее показательное нехристианское отношение к смерти, свойственное для всего Выговского края, М. М. Пришвин выделяет у вопленицы Степаниды Максимовны. Автор повествует: «По мужу она так вопела, что падала в судорогах, дрожала, хрипела. Ее поднимали, оттирали, отпаивали молоком, и она снова принималась вопеть. <...> ...Шептала: “Ходи ко мне, ходи!”»⁷³³. Отрезвило женщину лишь последующее явление «мужа», при котором она едва не умерла от страха и боли: «...дурно стало, дрожь на сердце пала, и будто кожу сдирают»⁷³⁴. В христианской традиции сопутствующие признаки подобных «явлений» являются свидетельством воздействия на человека демонической природы, однако олончане не придавали этому значения.

Также далеким от христианской традиции, а по сути языческим, оставалось восприятие брака⁷³⁵. Несмотря на то что пары все-таки венчались в храме, предварительно соблюдались все необходимые обряды и действия с приглашением колдуна, ограждающего молодых от порчи⁷³⁶.

Подобное отношение распространялось и на область веры. В качестве яркого тому примера М. М. Пришвин выделяет лесника Филиппа: «...он так твердо верит, с одной стороны, в силу молитвы, с другой — ругани и в советы колдунов, что ничего не боится в лесу»⁷³⁷. Писатель из его диалога с полесником отмечает, что его бесстрашие, с одной стороны, было вызвано верой в то, что «Господь покорил человеку всякого зверя»⁷³⁸, а с другой — уверенностью в силе заговоров: «“Не-ет, без колдуна полеснику не обойтись”. Впрочем, иногда помогает молитва, обещание»⁷³⁹. Подобная религиозная «всеядность» также сказывается и на способах добычи пищи. Так, лесник спокойно употребляет дичь, добытую в силках через удушение, несмотря на то что вкушение «удавленины» (Деян. 15, 20) для христиан запрещено. Филипп с недоумением задается

⁷³³ Пришвин М. М. В краю непуганых птиц. С. 88.

⁷³⁴ Там же. С. 89.

⁷³⁵ См.: там же. С. 84.

⁷³⁶ См.: там же. С. 85.

⁷³⁷ Там же. С. 129.

⁷³⁸ См.: там же. С. 131, 133.

⁷³⁹ Там же. С. 133.

вопросом, почему его давленной дичью брезгуют в городах и непременно требуют стреляной⁷⁴⁰, тогда как она, добытая в силках, оказывается более сохранной.

Также весьма характерным является то, что в данных краях, как замечает автор, роль православного священника почти полностью нивелируется. По мысли местных жителей, если без попа обойтись вполне возможно, то без колдуна «...вообще не прожить»⁷⁴¹. Так, он, подобно священнику, руководит религиозной жизнью людей и помогает им в их просьбах заговорами, как пастырь молитвой. М. М. Пришвин отмечает, что их наиболее распространенными «отпусками» являются следующие заговоры: на домашний скот⁷⁴²; на хранение добычи от хищных птиц⁷⁴³; на «правление» ружей, чтобы они точно стреляли⁷⁴⁴; на выбор охотничьей собаки⁷⁴⁵; на снятие порчи⁷⁴⁶ и на поиск пропавших людей и скота⁷⁴⁷. Автор отмечает, что по своей форме заговоры напоминают собой христианские молитвы, начинаясь словами: «Во имя отца и сына и святого духа!»⁷⁴⁸ — и заканчиваясь на «Аминь»⁷⁴⁹. Также тексты содержат такие общеупотребительные церковные слова и выражения, как «раб Божий»⁷⁵⁰, «Христос», «Господь», «церковь», «отныне и до века»⁷⁵¹.

Подобную мимикрию М. М. Пришвин выделяет и в самом внешнем облике колдунов на примере Микулаича, охарактеризовав его следующим образом: «...старый слепой старик, с благообразным лицом и седой длинной бородой, вовсе не походил на колдуна; скорее это был пастырь, священник»⁷⁵². Автор отмечает, что его первое впечатление оказалось верным, поскольку его ритуалы

⁷⁴⁰ См.: Пришвин М. М. В краю непуганых птиц. С. 126.

⁷⁴¹ Там же. С. 122.

⁷⁴² См.: там же. С. 139.

⁷⁴³ См.: там же. С. 123.

⁷⁴⁴ См.: там же. С. 139.

⁷⁴⁵ См.: там же. С. 126.

⁷⁴⁶ См.: там же. С. 137.

⁷⁴⁷ См.: там же. С. 138, 140.

⁷⁴⁸ Там же. С. 123, 141.

⁷⁴⁹ Там же.

⁷⁵⁰ См.: там же. С. 123.

⁷⁵¹ См.: там же. С. 141.

⁷⁵² Там же. С. 139.

люди воспринимали точно так же, как действия православного священника в храме⁷⁵³.

Писатель завершает свой очерк о вере христиан, раскольников и язычников Выговского края следующей мыслью: «Это не толпа, это не отдельные люди. Это глубина души одного гигантского существа, похожего на человека. Мелькают, сменяются его желания, стремления, ощущения. Но само неведомое существо спокойно шагает вперед и вперед»⁷⁵⁴. Идею и посыл подобного заключения в контексте взглядов М. М. Пришвина можно прочесть так, что не стоит искать истины в том, что уже прошло и осталось в истории, и тем более не следует этим руководствоваться при богоискательстве. Истину следует искать в новом. В этом смысле Православие, старообрядчество и язычество становятся для него лишь давно пройденными этапами, не имеющими между собой качественной разницы. Как замечает автор, «в одной церкви давит какое-то непосильное окаменение духа, в другой скучно, обыкновенно»⁷⁵⁵; «...вглядевшись в иконы, замечаешь, что они те же самые, мрачные старинные и даже такой же темный громадный лик Христа...»⁷⁵⁶. Так, по мысли писателя, в вопросе поиска Бога следует двигаться вперед, что объясняет его последующее богоискательство в новейших религиозно-философских обществах, протестантских деноминациях и сектах.

Рассказ **«Никон Староколенный» (1912)** состоит из пяти частей, повествующих о жизни и поиске истины в вере Никона Дорофеича Староколенного, человека без паспорта, стремящегося жить лишь по закону Божию. Сюжет произведения завязан на конфликте народной веры с традиционным Православием. Герой не удовлетворяется церковной экзегетической традицией Священного Писания и начинает верить в правоту собственных мыслей, что приводит его в состояние, подобное помешательству и прелести, лишая полноценной религиозной, семейной и общественной жизни.

⁷⁵³ См.: Пришвин М. М. В краю непуганых птиц. С. 140.

⁷⁵⁴ Там же. С. 180.

⁷⁵⁵ Там же. С. 144.

⁷⁵⁶ Там же.

М. М. Пришвин, сам пребывающий в состоянии богоискательства и анализа предмета веры, как бы задает вопрос: безопасно ли свободно толковать Библию, подобно протестантам, и нет ли в этом опасности, уводящей от подлинной веры в Бога? Так, ключевой темой рассказа можно выделить именно поиск веры и Истины.

События рассказа разворачиваются в Новгородской области во время правления Александра II. По утверждению Д. Б. Терешкиной⁷⁵⁷, все используемые в произведении топонимы реальны и соответствуют действительности, за исключением лишь «Кладовой Нивы», места жительства самого Никона. Примечательно, что для произведения со столь яркой религиозной проблематикой автор выбрал именно Новгородскую губернию, издавна славившуюся своим вольнодумством и обилием ересей.

Как замечает Д. Б. Терешкина, фамилия героя Староколенный формирует образ героя как человека патриархальных взглядов и приверженца старой веры⁷⁵⁸. Сам повествователь, знакомя читателя с Никоном, характеризует его как человека «божественного»⁷⁵⁹, отвергающего науку и живущего по строгому нравственному закону⁷⁶⁰: «Никон Дорофеич смотрел на славянские буквы Писания как на кирпичи от веков сложенного здания, а Библию-книгу хоть и не считал, как многие простые люди, что прямо с неба упала, но верил твердо, что рукой писана нечеловеческой. — Верю в невидимое, — говорил он, обращаясь к попу, — а дьякон верит только в видимое <...> Моя вера — вот! Не будь этой книги, все бы мы друг друга заели, как дикие, некрещеные людоеды, эта книга нам зубы опилила. <...> ...суд хотел строгий и праведный, так, чтобы ничего у человека своего не было, а чтобы все от бога [прим.: здесь и далее орфография М. М. Пришвина]»⁷⁶¹. Так, религиозные взгляды Староколенного, несмотря на его консерватизм и строгую нравственную доктрину, удивительным образом

⁷⁵⁷ См.: Терешкина Д. Б. Традиции русской словесности в повести М. М. Пришвина «Никон Староколенный». С. 55–56.

⁷⁵⁸ См.: там же. С. 56.

⁷⁵⁹ См.: Пришвин М. М. Никон Староколенный // Собр. соч. : в 8 т. М. : Худ. литература, 1982. Т. 1. С. 476.

⁷⁶⁰ См.: там же. С. 484, 486.

⁷⁶¹ Там же. С. 477–478.

совпадают с основами протестантизма: *sola fide* (только вера) и *sola Scripture* (только Писание), являющимися своеобразным духовным стрижнем героя. «...Не от себя он говорил, а от Писания...»⁷⁶², — замечает повествователь. На данное «протестантство» также обращает внимание А. М. Подоксенов, находя в нем явные следы лютеранского и сектантского мышления⁷⁶³. Поэтому анализ личности Никона Староколенного будет предложен именно в контексте его восприятия веры и Писания. Так, несмотря на свою внешнюю приверженность Православию, он не являлся православным по своей сути, в чем и заключался его внутренний конфликт, требующий разрешения.

Показательной ситуацией, обнажающей перед читателем веру Никона, стал случай, когда в доме закончилась пища, а священник с диаконом отказали в помощи: «Никон Дорофеич сидел за столом и читал Евангелие на том самом месте, как пятью хлебами насытились несколько тысяч народа. <...> ...В невидимое твердо верил этот человек, прочитанное принимал за первую истину и переводил на жизнь. Перевел он и тут...»⁷⁶⁴. При плаче детей и намерении супруги начать просить милостыню герой оставался тверд: «Бог мне с торбой идти еще не указывал»⁷⁶⁵. После таких слов дом неожиданно посещает нищий и отдает им свои запасы хлеба. Также показательным является последующий диалог героя с духовенством: «Дьякон рано прибежал на другой день. — Ну, что ели? — Ели хлеб! — Откуда взяли? — Бог дал! Пришел поп, дьячок, все спрашивают: “Ели?” — Бог дал! — отвечает Никон. <...> Не ворует ли? — шепнул дьякон попу, выходя от Никона. <...> Что в самом деле бог дает, ни поп, ни дьякон не верили»⁷⁶⁶. Так, для Никона твердая вера является буквально одним из главнейших условий жизни, в отличие от священника и диакона. В данной ситуации прочитывается аллюзия на евангельскую притчу (Лк. 10, 25–37), когда ни священник, ни левит не явили плодов своей веры, в отличие от милосердного самаритянина, спасшего человека от смерти.

⁷⁶² Пришвин М. М. Никон Староколенный. С. 482.

⁷⁶³ См.: Подоксенов А. М. О проблеме «богоискательства» в мировоззрении и творчестве М. М. Пришвина. С. 81.

⁷⁶⁴ Пришвин М. М. Никон Староколенный. С. 478.

⁷⁶⁵ Там же. С. 481.

⁷⁶⁶ Там же. С. 482.

С того времени все жители села стали особенно почитать Никона как человека «справедливого и божественного»⁷⁶⁷. Однако переломный момент наступил, когда Староколенный с пуританской строгостью взялся за исправление нравов жителей. Повествователь указывает, что через это «...Никон разошелся с миром. И когда вечером, в осеннее дождливое время, приходилось читать ему о Ное праведном, то казалось ему, заливают потоп всю землю и время близится строить ковчег и начинать жизнь исстари новую»⁷⁶⁸. Сравнение себя с Ноем лишь усилило пуританский настрой Никона: он ловит в селе Волка — парня, промышлявшего разбоем, и жестоко избивает его, после чего лишается всего своего имущества от многочисленных поджогов. В единовременной потере всего нажитого: дома, сарая, бани, запасов сена и скота — также прочитывается аллюзия на библейский текст об Иове. После потери всего супруга героя, подобно жене Иова, замечает о Библии, «...что страшная эта книга и много читать нельзя: неладно бывает от этого»⁷⁶⁹. Однако если в повествовании об Иове (См.: Иов. 2, 9) возникшие лишения и совет жены лишь укрепили праведника в вере и открыли ему истинные знание о Боге, то в случае с Никоном это стало шагом в сторону разрыва религиозной, семейной и общественной жизни. Он впервые называет свою жену дурой и с того времени начинает читать Библию во все свободное время⁷⁷⁰.

Своеобразная инициация Никона в пророка-харизмата произошла после знакомства с Тихоном из Старой Руссы. Примечательно, что обоих героев роднит приверженность к «старому»: у первого это отражено в самой фамилии, а у второго в месте его жительства. От Тихона Староколенный усваивает легенду о скончании Новгорода, начинает верить, что десница Спасителя в Софийском соборе уже разжимается и вот-вот слетит голубь на Суд за грехи людей⁷⁷¹. За чтением Библии Никон решается на пророческое служение с целью спасения погибающих людей, для чего, по совету Тихона, намеревается отправиться к

⁷⁶⁷ См.: Пришвин М. М. Никон Староколенный. С. 483.

⁷⁶⁸ Там же. С. 486.

⁷⁶⁹ Там же.

⁷⁷⁰ См.: там же. С. 486–487.

⁷⁷¹ См.: там же. С. 488.

царю: «...как говорил пророк Илия Ахаву-царю: — “Жив господь Саваоф, пред которым я стою, долго ли будешь хромать на оба колена?” Вот как нужно сказать, вот каким голосом нужно с царем разговаривать. Но найдется ли на Руси такой человек смелый и не самозван чтобы, а богозван, где он, такой человек? — Я! Поздний был час. Тишина в избе. Голос был ясный, отчетливый в душе Никона: “Я!” <...> — Я! — был голос Никону, но гостю он не открыл»⁷⁷². Ложность взглядов героев М. М. Пришвин показывает с самого момента их встречи через локальное описание природы: «...стало темно в лесу, сверкнула молния, и на глазах у Никона разодрало высокую сосну в щепки, расшвыряло вокруг и усеяло зеленую траву щепой, как белыми перьями. Испугался Никон... <...> ...Гнев божий на дерево пал»⁷⁷³. Страх героя, разрушение, гром и молнии, а также упоминание о пророке Илие как образце пророческого служения обнаруживает глубокое заблуждение Никона и Тихона в их представлениях о Боге. Так, в третьей Книге Царств, повествующей о жизни пророка Илии, явление Бога было сопряжено не с разрушающими стихиями, но с тихим веянием ветра: «...большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом, но не в ветре Господь; <...> после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра, [тамо Господь]» (3 Цар. 19, 11–12). Внутреннее состояние героев, ищущих Его в смятении духа, страхе и ожидании возмездия, обнаруживает их подлинное духовное состояние и уровень веры, далекий от истинного понимания Бога. Именно коренное расхождение взглядов с традиционной верой стало конечной причиной одиночества, помешательства и прелести Никона.

Теперь его единственной заботой как «пророка» стало «отвержение земных уз»⁷⁷⁴, чтобы научиться ходить по воздуху и низводить с неба огонь в подтверждение своих слов. Он затворяется в особой комнате, посвящая все свое время чтению Библии и молитве, накладывает на себя пост, после чего начинает

⁷⁷² Пришвин М. М. Никон Староколенный. С. 489–490.

⁷⁷³ Там же. С. 487.

⁷⁷⁴ См.: там же. С. 490.

видеть сны, «...полные значения, как и у древних пророков»⁷⁷⁵, и общается с Христом: «...живой Спаситель стоит перед ним... — Веруешь? — спрашивает Спаситель. — Верую, господи! — сказал Никон. И во второй раз ответил Никон твердо: “Верую!” В третий тоже хотел сказать твердо и вдруг смялся: <...> — Ты, господи, знаешь, помоги мне»⁷⁷⁶. Данный диалог, имеющий прямую параллель с диалогом Спасителя и апостола Петра (См.: Ин. 21, 15–17), приводится автором не случайно. Повествователь намеренно сравнивает его с апостолом: «...белый старик без шапки, морщинистый, крепкий, крутой, как апостол Петр...»⁷⁷⁷. Он, так же как и апостол, имеет подобную горячность и рвение в вере, однако, в отличие от апостола Петра, не смог осознать своего отпадения, до конца пребывая в неведении. Не сумев в первый раз реализовать свою навязчивую идею с походом к Александру II, он испытывает чувство раскаяния, но не в своей идее, а лишь в том, что не реализовал ее, представляя в уме, как «...стоит государь на балконе и скорбно так смотрит на него... как и господь на апостола Петра посмотрел бы, когда он трижды отрекся»⁷⁷⁸. До конца не оставляя своей идеи, он после смерти супруги с тем же мятежным духом отправляется в путь уже к Александру III: «От Исайи, от Исайи хвачу: “Слушайте слово господне, князья содомские!”»⁷⁷⁹, но исполнить свой замысел Никон уже не смог. Выбившись из сил, он так и умер, сидя на пне посреди болот, пребывая в состоянии духовной слепоты. По сравнению повествователя, перед смертью он стал как старый глухарь, не видящий настоящей пицци перед самыми своими глазами: «...не клюет, нахохлился, глядит и не видит»⁷⁸⁰. Свой рассказ М. М. Пришвин завершает мыслью, в которой отражает саму суть произведения о вере: «Заболотилась, закислилась почва, не растет на ней настоящее дерево»⁷⁸¹. Так, под почвой можно понимать саму «народную веру», не способную произрастить достойный плод,

⁷⁷⁵ Пришвин М. М. Никон Староколенный. С. 491.

⁷⁷⁶ Там же.

⁷⁷⁷ Там же. С. 497.

⁷⁷⁸ Там же. С. 495.

⁷⁷⁹ Там же. С. 499.

⁷⁸⁰ Там же.

⁷⁸¹ Там же. С. 500.

взращающую даже из подобных апостолу Петру по вере крепких мужчин «...редкие курносые сосны и корявые березы»⁷⁸².

Так, если попытаться кратко изложить личную позицию М. М. Пришвина в художественных произведениях о вере, то можно выделить следующую ключевую особенность. Для него критерием истинной веры является причастность вечной жизни, движение вперед, рост, внутреннее развитие в согласии с природой.

В этом смысле вера старообрядцев, сосредотачивающих свое внимание исключительно на Страшном суде и живущих прошлым, предстает как движение вспять, как культ черного мрачного бога. Пустой и безжизненной видится вера православных христиан, веками «стоящих на месте» и живущих порочной жизнью без стремления к совершенствованию. Не выдерживает критики автора и языческое представление о вере, отвергающее полноценную жизнь после смерти. При этом серьезной опасностью в вере М. М. Пришвин выделяет слепое следование собственному разуму, приводящему в состояние прелести и помешательства.

По большей части в 1907–1912 гг. писатель лишь совершает исследование предмета веры людей, не склоняясь ни к одному из ее проявлений. Так, он ставит для себя вопросы, ответы на которые сможет найти лишь на закате своей жизни.

Подводя **итог по параграфу**, можно отметить, что проблема веры в Бога — еще одна магистральная тема, получившая свое развитие в творческом наследии писателя.

Восприятие веры последовательно представлено следующими взглядами автора: вера как философская идея, культ; как основание образа жизни, поступков и действий; как признание бытия Бога; как исповедание бессмертия души и спасение во Христе от страха смерти (в соответствии с учением Православной Церкви).

Для М. М. Пришвина тема веры и неверия была особенно актуальна и болезненна. Основная проблема автора была вызвана тем, что он не мог

---

⁷⁸² Пришвин М. М. Никон Староколенный. С. 500.

положиться на веру, поскольку с детства не видел живого примера и единства среди своих родственников. Его мать — Мария Ивановна Пришвина происходила из староверческого рода Игнатовых — тульских купцов, однако перешла Православие. Отец — Михаил Дмитриевич Пришвин был не религиозным человеком, мотом, проигравшим в карты все имение. Дядя — Иван Иванович Игнатов, миллионер и пароходовладелец, был неверующим. Двоюродная сестра — Евдокия Николаевна Пришвина оставалась атеистом (являлась активным членом «Черного передела» и горячем распространителем революционных идей). По этой причине у писателя с детства отсутствовал твердый религиозный фундамент. Номинально он был православным, а формально оставался неверующим человеком.

Так, уже в 1889 г. в елецкой гимназии для мальчиков М. М. Пришвин совершенно перестает позиционировать себя верующим, восприняв Православие как ложное и навязанное Церковью учение. В это время автор отходит от Православия, заменив веру в Бога горячей верой в революционные идеи. В 1894 г. он сближается с марксистами, после чего вплоть до 1896 г. активно работает в революционных кружках. После тюремного заключения в 1897 г. за революционную деятельность он в 1900 г. отправляется на учебу в Германию, где испытывает сильнейшее разочарование в вере в виду несоответствия философии реальности, а в 1902 г. также разочаровывается в собственных представлениях об идеальной женщине. Вплоть до 1908 г. писатель пребывает в состоянии безверия, сомневаясь в истинности любых ее проявлений.

Таким образом, для писателя мерилom истинности любого вероисповедания стала согласованность с доводами собственного разума. Именно по этой причине сомнения в религиозной вере не оставляли М. М. Пришвина до последних лет его жизни, мучали его, мешая прийти в Церковь. В этом была внутренняя трагедия автора. Он искал Бога, хотел верить как все, но органически не мог довериться Церкви, боясь боли разочарования подобной некогда пережитой в марксизме.

Среди факторов, повлиявших на последующее изменение взглядов писателя можно выделить: поездку в 1907 г. на Русский север с целью изучения жизни

выгорецких старообрядцев — предков М. М. Пришвина; посещение с матерью Задонского мужского монастыря в 1908 г.; вступление и уход из РФО Д. С. Мережковского; поездку к священнику Георгию Коссову в Волховский уезд в село Спас-Чекряк в 1910 г.; латентное толстовство (вследствие новости о смерти писателя и последующим за тем интересом к его религиозным взглядам); Октябрьскую революцию и эсхатологические переживания; состояние кризиса, вызванное неоправданными ожиданиями конца света и торжеством новой советской власти; знакомство и начало совместной жизни с В. Д. Лиорко в 1940 г.; Великую Отечественную войну (на сознательный приход писателя к Православной вере повлияло страдание и пережитое зло).

Тема веры получила свое развитие преимущественно в дневниках и художественном наследии писателя. В числе встречающихся лексических средств выражения авторской проблематики по теме можно отметить: сравнения (например: как Господь, апостол Петр, пророк Илия и т. д.). Среди синтаксических средств: антитезу (вера и неверие и т. д.), эпифору («Счастливые создали Бога, несчастные — черта, у счастливых рай, у несчастных ад» и т. д.). Среди стилистических фигур: риторические вопросы, градацию («сомнение великое, страдальческое» и т. д.), цветопись. Однако наиболее употребительным, ведущим средством выражения в тексте являются именно аллюзии и реминисценции на евангельские и библейские сюжеты, встречающиеся на всех уровнях текста.

Ключевой причиной, объясняющей скепсис М. М. Пришвина к вере в Бога, можно определить череду ранее испытанных глубочайших разочарований. Вследствие болезненно пережитых кризисов веры писатель относился к предмету веры настороженно, поверяя все доводами разума. Этим объясняется неудовлетворенность готовыми догматами и философскими концептами, которые он не может просто принять «на веру», так и его перманентное состояние сомнения во всем.

Так, под критику М. М. Пришвина в разное время попадали ключевые моменты Православной веры: вера в бытие Бога, реальность существования Иисуса Христа, бессмертие души и Второе пришествие, евангельские чудеса,

Воскресение Христово. Однако несмотря на это назвать писателя неверующим не представляется возможным. Используя христианскую типологию его можно причислить к категории «холодных», а затем «горячих» по той причине, что в вопросе веры он никогда не был равнодушным, но оставался ищущим истины человеком, подтверждением чего выступают его произведения. Так в конце жизни М. М. Пришвин пришел к вполне христианскому пониманию веры, соответствующему учению Православной Церкви.

ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМА РЕЛИГИОЗНОГО ДИССИДЕНТСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ М. М. ПРИШВИНА

2.1. «Я не религиозный человек, а просто любопытный»: религия, как альтернатива поиска истины

Дневники (1908–1943 гг.)

Особенность восприятия М. М. Пришвиным религии в довоенное время заключалась в том, что он понимал ее как «...тонкое чувство жизни»⁷⁸³, без принадлежности к какой-либо религиозной конфессии. По замечанию К. Н. Давыдова, писателю был присущ «...инстинктивный протест против господствующего миропонимания»⁷⁸⁴. В записи от 12 мая 1908 г., оставленной во время поездки в Задонский мужской монастырь, автор отмечает: «...мы стоим вне их культа, у нас свой культ, а всякий культ извне неприятен...»⁷⁸⁵.

После вступления в РФО 7 октября 1908 г. писатель и вовсе перестает позиционировать себя религиозным и заявляет о себе как об ищущем, движимом любопытством человеке⁷⁸⁶. По мнению Г. П. Климовой, данное заявление автора не выражает его истинной внутренней позиции, но является лишь внешней защитной реакцией в РФО, движением духа противоречия. Она отмечает, что «Пришвин всегда выступал против внешней религиозности... Протест выражен в том, что вера не может быть модой»⁷⁸⁷.

Отчасти критика членов РФО и их религиозных взглядов была вызвана тем, что в их обществе М. М. Пришвиным пренебрегали, не воспринимая его всерьез⁷⁸⁸. Писателя не допускали на закрытые собрания⁷⁸⁹, а также пренебрежительно отзывались о нем. Так, А. М. Ремизов писал: «...появился

⁷⁸³ Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 64.

⁷⁸⁴ Давыдов К. Н. Мои воспоминания о М. М. Пришвине. С. 45.

⁷⁸⁵ Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 64.

⁷⁸⁶ См.: там же. С. 206.

⁷⁸⁷ Климова Г. П. Творчество И. А. Бунина и М. М. Пришвина в контексте христианской культуры. С. 37.

⁷⁸⁸ См.: Варламов А. Н. Пришвин. С. 114.

⁷⁸⁹ См.: там же. С. 112.

Пришвин... как некий мыш в крупах, так смотрит»⁷⁹⁰. А. А. Блок отзывался еще более критично: «...появляется этот странный угловатый человек — сектант не сектант, поэт не поэт, этнограф не этнограф, годный разве только на то, чтобы с ним “поваландаться у хлыстов”...»⁷⁹¹. Подобное отношение к себе ощущал и сам М. М. Пришвин. Вспоминая в 1944 г. о своем членстве в РФО Д. С. Мережковского, автор в записи от 16 июня писал: «...увидел себя самого собакой, умными глазами следящей за речью людей. Стыдно и больно!»⁷⁹². Так, основная причина неприятия М. М. Пришвина заключалась в том, что его не считали писателем⁷⁹³. А. А. Блок, рассуждая о его творчестве, заключает: «К сожалению, М. Пришвин владеет литературной формой далеко не так свободно, как языком. <...> Это — богатый сырой материал, требующий скорее изучения, чем чтения»⁷⁹⁴. Вероятно, все это также сказалось на принятии решения о самостоятельном религиозном поиске.

Как замечает о М. М. Пришвине А. Н. Варламов, его натуре изначально было свойственно «протестантство»⁷⁹⁵, и потому «он искал путь, не связанный ни с атеизмом, ни с сектантством, ни с традиционной религией...»⁷⁹⁶. А. А. Дырдин отмечает, что при своем становлении в качестве литератора писатель активно задействовал христианский материал и поднимал религиозные темы, однако раскрывал их в свете неортодоксальной религиозности, наполняя собственной семантикой и символикой⁷⁹⁷.

Дневник за 1909 г. содержит два выписанных определения религии, которые на тот момент оказались наиболее близки автору, страдающему от глубокой депрессии, вызванной одиночеством, неудачами в личной жизни и мыслями о суициде. 12 декабря он пишет: «Религия есть стремление человека без самоубийства освободиться от своей оболочки. Религия есть путь соединения

⁷⁹⁰ Ремизов А. М. Русская литература. 1995. № 3. С. 161.

⁷⁹¹ Цит. по: Варламов А. Н. Пришвин. С. 113–114.

⁷⁹² Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 150.

⁷⁹³ См.: Варламов А. Н. Пришвин. С. 103.

⁷⁹⁴ Блок А. А. Собр. Соч. : в 8 т. М.–Л., 1965. Т. 5. С. 651.

⁷⁹⁵ См.: Варламов А. Н. Пришвин. С. 283.

⁷⁹⁶ Там же. С. 284.

⁷⁹⁷ См.: Дырдин А. А. Русская философская проза после 1917 года : А. П. Платонов, М. М. Пришвин, Л. М. Леонов (символика мысли). С. 20–22.

человека с Богом с целью спасения от смерти»⁷⁹⁸. Так, уже на начальном этапе ведения дневников М. М. Пришвин выделяет религию как возможное средство спасения и преодоления страха посмертной участи, что оставалось для него неразрешимой проблемой в пантеизме.

В 1914 г., в записи от 23 января, М. М. Пришвин обращается к теме религии в контексте рассуждений об условиях сохранения внутреннего мира и гармонии. Как уже известно, с помощью личной молитвы он неоднократно достигал состояния покоя и мира⁷⁹⁹, однако удержать это состояние надолго не мог. В связи с этим писатель задается вопросом и в той же записи от 23 января приходит к мнению, что для постоянного пребывания в состоянии радости, мира и спокойствия человеку необходима именно религия⁸⁰⁰, приводящая все чувства в состояние «равновесия и гармонии»⁸⁰¹.

Первые серьезные рассуждения о религии возникают в 1915 г., после смерти матери писателя. Видя хищнический раздел имущества своими братьями, писатель в записи от 1 июня приходит к мысли, что: «...если в старинное время оставляли имущество... это отношение было религиозное, нетленное; после же того, как религия пала, имущество продолжало передаваться по наследству, и эта передача стала средством растления семьи...»⁸⁰². Таким образом, автор заключает, что «религия — это естественный свет жизни праведной»⁸⁰³, без которой даже семейные связи и кровные узы подлежат растлению⁸⁰⁴.

С началом революции 1917 г. он снова поднимает тему религии, однако уже в ключе революционных настроений. Так, большевизм он сравнивает с

⁷⁹⁸ Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 234.

⁷⁹⁹ Прим: подобное наблюдение М. М. Пришвина вполне согласуется с учением отцов Церкви. Так, прп. Варсонофий Оптинский замечает: «Покой, свет и силу надо искать в Боге, через молитву...» [Варсонофий Оптинский, прп. Дары Божии. [Электронный ресурс]. URL : https://azbyka.ru/otechnik/Varsonofij_Optinskij/dary-bozhii/7 (дата обращения 24.05.2025)]. Подобного мнения также придерживается свт. Феофан Затворник: «Когда у вас тепло на сердце, есть благоговение, ум зрит Господа, это и есть существо дела... <...> И обратно, когда нет того состояния, сия молитва будет воспроизводить его...» [Феофан Затворник, свт. Молитва // Георгий (Тертышников), архим. Симфония по творениям святителя Феофана затворника Вышенского. М., 2008. С. 323.].

⁸⁰⁰ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. С. 31.

⁸⁰¹ См.: там же. С. 31.

⁸⁰² Там же. С. 174.

⁸⁰³ Там же. С. 176.

⁸⁰⁴ См.: там же. С. 174.

«доведенной до крайности религией человечества»⁸⁰⁵. В записи от 3 августа отмечает, что религия способствует делу примирения и единения всех, тогда как ее отсутствие рождает в обществе разделение и вражду⁸⁰⁶. По этой причине автор заключает, что религия является учительницей истинной жизни, а социализм — «отрицательным явлением»⁸⁰⁷. Однако в 1926 г. он отходит от подобной негативной оценки и примиряется с новой действительностью, после чего видит в социализме признаки новой религии жизни⁸⁰⁸.

В 1927 г., после переезда в Сергиев Посад, размышлений на тему религии становится больше. Так, в записи от 5 апреля, после рассказа Р. В. Ивановым-Разумником об обстоятельствах самоубийства С. А. Есенина М. М. Пришвин заключает, что религия имеет естественное происхождение в человеке и исходит из жалости к ближнему⁸⁰⁹.

В записи от 12 мая в ходе диалога в скиту Параклит с насельником Лавры писатель приходит к мнению, что для религии революционные потрясения оказались не злом, но очистительным благом. Об этом он пишет так: «...революция больше всех сослужила службу религии: теперь останутся в церкви только верующие, потому что теперь это “невыгодно”»⁸¹⁰.

В записи от 11 декабря М. М. Пришвин поднимает тему религии через ее соотношение с наукой. Он заключает, что «...люди двух этих категорий [прим.: науки и религии] гораздо меньше понимают друг друга, чем, например, животные людей, и наоборот»⁸¹¹. По его мнению причина кроется в том, что наука и религия имеют диаметрально противоположные интересы. Так, если наука игнорирует личность человека в сторону общественной пользы, то религия, напротив, игнорирует все внешнее, в том числе и пользу, и сосредотачивается на внутреннем качестве человека⁸¹².

⁸⁰⁵ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. С. 391.

⁸⁰⁶ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. С. 198.

⁸⁰⁷ См.: там же. С. 198.

⁸⁰⁸ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. С. 98.

⁸⁰⁹ См.: там же. С. 244.

⁸¹⁰ Там же. С. 286.

⁸¹¹ Там же. С. 534.

⁸¹² См.: там же.

В 1928 г. понятие «религия» приоткрывается в новом, внецерковном значении. По причине повсеместного распространения абортов, 23 мая М. М. Пришвин пишет: «Человеческий сукин сын воспользовался идеей личного бессмертия с трагедией распятия для своего житейского благополучия. Произошла ужасающая катастрофа, в которой была потеряна и религия рода (т.е. вера в будущее) и религия личности (т.е. вера в культуру...)»⁸¹³. Так, он замечает, что с распадом традиционного понимания религии, распадаются и такие ее естественные природные части, как родовые и культурные отношения.

Сам же писатель на данном этапе относится к религии с большой долей осторожности и потому в записи от 28 августа замечает: «...я вообще оставляю религию в стороне, потому что мне это не по силам...»⁸¹⁴. Однако отойдя от непосредственной причастности к религии, он продолжает рассуждать о ее природе. По замечанию А. Н. Варламова, в данный период у автора происходит подмена религиозного чувства поэтическим⁸¹⁵, в связи с чем «его религией становится литература»⁸¹⁶.

В 1934 г. после ознакомления с трудами немецкого теолога Ф. Шлейермахера и свящ. П. Флоренского М. М. Пришвин начинает воспринимать религию не только в ключе личной практической и общественной пользы, но уже и в метафизической плоскости. Запись от 29 апреля показывает, что автор определяет ее как «...непосредственное сознание, что все конечное существует лишь в бесконечном и через него, все временное — в вечном и через него»⁸¹⁷. Особый акцент Ф. Шлейермахера на бесконечном и вечном в религии подтолкнул писателя к размышлению об истинной природе христианства. В записи от 28 октября он сравнивает христианство с религией человеческих жертв. Данный взгляд объясняется тем, что христиане ради вечного и бесконечного

⁸¹³ Пришвин М. М. Дневники. 1928–1929. С. 50.

⁸¹⁴ Там же. С. 204.

⁸¹⁵ См.: Варламов А. Н. Пришвин. С. 274, 280–281.

⁸¹⁶ См.: там же. С. 314.

⁸¹⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1932–1935. С. 394.

жертвуют всем земным, как совершенно ничего не значащим, чем и пользуются «хищники» — все не христиане⁸¹⁸.

В 1938 г. в праздник Троицы писатель приходит к новому умозаключению, что в отличие от сектантства религия способна дать подлинное представление о «закрытых для разума мирах»⁸¹⁹, а в записи от 31 июля замечает, что только она дает человеку чувство «согласованности в целом и мира со всеми»⁸²⁰.

В 1939 г. в ходе рассуждений о жизни и смерти⁸²¹ писатель пересматривает свое мнение 1926 г.⁸²² о социализме как новой религии жизни и в записи от 20 февраля заключает обратное: «Социализм выпрямляет и очищает религию, он есть средство борьбы, но не религия»⁸²³.

Особенным этапом в вопросе осмысления религии является 1940 г. На основании опыта совместной жизни с В. Д. Лиорко М. М. Пришвин отходит от всех предыдущих суждений о природе религии и временно (до начала Великой Отечественной войны) принимает подобную хлыстовской модель мышления. Он обоготворяет женщину и поклоняется ей как носительнице Бога. «...Не как хлыстовской богородице в полном смысле этого слова, но как некоему обожествляемому им посреднику, религиозному медиуму...»⁸²⁴, — замечает А. Н. Варламов. Однако дальнейшего развития «хлыстовства» писателя не последует благодаря пересмотру его взглядов с началом Великой Отечественной войны и последующему осознанному воцерковлению.

Главной причиной возвращения певца природы к данному вопросу становится его личное страдание. Так, 29 января 1943 г. писатель представляет себе религию как «дело охраны источника света в душе»⁸²⁵. Он ясно осознает, что единственным источником данного света и вожденной радости является Сам Бог, а не человек, поскольку писательство не является надежным источником

⁸¹⁸ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1932–1935. С. 530.

⁸¹⁹ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1938–1939. С. 107.

⁸²⁰ См.: там же. С. 149.

⁸²¹ См.: там же. С. 279.

⁸²² См.: Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. С. 98.

⁸²³ Пришвин М. М. Дневники. 1938–1939. С. 279.

⁸²⁴ Варламов А. Н. Пришвин. С. 429.

⁸²⁵ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 403.

радости. Потому своей задачей он ставит именно удержание благодатного состояния духа, не зависящего от человека.

В записи от 9 апреля 1943 г. он анализирует свое состояние так: «Душа моя, как птица в клетке, бьюсь во все стороны — и становится только больнее...»⁸²⁶. Именно страдание подталкивает писателя к поиску истинного источника радости, который он находит через религию. В той же записи от 9 апреля он продолжает рассуждать: «...то, что я ищу, — постоянного источника радости — находится на пути святости (подвига). <...> ...В религии дело подвига — борьба, страдание — оканчивается радостью, воскресением...»⁸²⁷. Так, писатель обращает свое особое внимание на Православное христианство, в связи с чем связывает религию с верой в Спасителя⁸²⁸. А. А. Дырдин отмечает, что таким образом, «в надежде обрести твердую почву под ногами, он выходит к ценностям и нравственным законам, выработанными под влиянием христианства»⁸²⁹.

Публицистика (1912–1913 гг.)

Одной из интересующих М. М. Пришвина тем, которую он также освещал в своих ранних публицистических произведениях «Крыса» (1912) и «В законе отчем» (1913), было христианство. Как указывает сам автор, особая заинтересованность данной темой возникла вследствие общественного резонанса в связи с делом еврея Менахема Менделя Бейлиса, обвиняемого в ритуальном убийстве христианского мальчика и впоследствии оправданного⁸³⁰. Так, проблема антисемитизма в среде русского общества впервые подтолкнула М. М. Пришвина к публикации своих религиозных размышлений о сути христианства и его месте в современной жизни.

⁸²⁶ Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 474.

⁸²⁷ Там же.

⁸²⁸ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 687–688.

⁸²⁹ См.: Дырдин А. А. Русская философ. проза после 1917 года : А. П. Платонов, М. М. Пришвин, Л. М. Леонов (симв. мысли). С. 353–354.

⁸³⁰ См.: Пришвин М. М. Крыса // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 447–448.

Однако последующий более глубокий анализ вопроса в довоенное время связан уже не с антисемитизмом, но с институтом монашества, который воспринимался писателем как совершенно чуждый христианству инородный элемент. Дневник свидетельствует, что уже с юных лет М. М. Пришвин испытывал к монахам чувство глубокого отвращения⁸³¹ по причине их неверия, нехристианских поступков и аморального поведения⁸³². Подобный взгляд сохраняется и в публицистике писателя. В статье «В законе отчем» автор прямо заявляет, что «мир погран монахами»⁸³³, что они исказили учение Христа, лишили христиан спасения и стали «...виновниками современных бед нашей мирской, семейной и общественной жизни»⁸³⁴. По этой причине взгляд М. М. Пришвина на христианство формируется в отрыве от традиционного учения Церкви, плодом которого он считал монашество, и более тяготеет к идеям В. В. Розанова.

Так, автор считает, что настоящее христианство выходит из единства двух абсолютно равнозначных и равноценных Заветов, по подобию Лиц Святой Троицы. Поэтому он делает вывод, что настоящим христианином можно стать и без Нового Завета, основываясь лишь на соблюдении ветхозаветных заповедей и предписаний⁸³⁵. Подобная позиция автора о равнозначности Заветов наводит его на мысль об истинном христианстве, которое, по его мнению, должно стать синтезом «...католичества, православия и протестантства, как трех совершенно равных и равночестных между собою исповеданий, по образу и подобию... Лиц Пресвятой Троицы»⁸³⁶.

Художественные произведения (1910–1914 гг.)

⁸³¹ См.: Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 348.

⁸³² См. подробнее об этом: Красников С. В. Религиозно-нравственная проблематика в дневниках М. М. Пришвина : 48.04.01 «Теология» : магистерская диссертация. Московская духовная академия. Сергиев Посад, 2021. С. 32–35.

⁸³³ Пришвин М. М. В законе отчем. С. 454.

⁸³⁴ Там же.

⁸³⁵ См.: там же. С. 455.

⁸³⁶ Там же. С. 456.

Процесс определения истинной веры для М. М. Пришвина был неразрывно связан с проблемой богоискательства: как и где следует искать Бога? В связи с этим религия представлялась им как совокупность различных путей к Нему, где одни дороги приводят к Богу, другие, напротив, ведут к большим заблуждениям.

Но не только эти факторы побуждали писателя к созданию произведений на религиозную проблематику. Так, к размышлениям его подтолкнули Манифест о свободе вероисповедания от 17 октября 1905 г. и закон о свободе совести от 17 апреля 1908 г., создавшие благоприятную среду для появления новых сект и религиозных объединений⁸³⁷.

Произведения, объединенные проблемой последствий манифеста, вошли в состав цикла «Новая Земля». В нем автор обращается к «разным формам русской религиозной и духовной жизни и пытается проследить, как данная религиозная свобода сказалась на русском обществе»⁸³⁸. В рамках исследования из данного цикла будут предложены три произведения: «О братцах», «Круглый корабль», «Спас-Чекряк», последовательно повествующие о харизматических обществах, новых сектах и православном христианстве. Рассказ «Саморок» автор посвящает особенностям протестантского восприятия религии, а в очерке «Астраль» отражает религиозную составляющую хлыстовства.

Одним из первых очерков, посвященных анализу новых религиозных организаций, стало произведение «**О братцах**» (1910). Очерк состоит из четырех тематических глав: «О братцах» показывает типичное «харизматическое» общество, подобное крайним протестантским деноминациям; «Не от мира сего» повествует о баптизме; «Голгофское христианство» посвящено одноименной старообрядческой секте, а «Земля нового Израиля» рассказывает о новой секте, возникшей в среде хлыстовства.

Повествователь последовательно знакомится с каждым из обществ и, пропуская через себя их учение, пытается дать оценку их взглядов и действий.

⁸³⁷ См.: Подоксенов А. М. О проблеме «богоискательства» в мировоззрении и творчестве М. М. Пришвина. С. 88.

⁸³⁸ См.: Пришвин М. М. Собрание сочинений. Т.1. / коммент. Л. А. Киселевой. М. : Худ. литература, 1982. С. 820.

По причине ярко выраженной религиозной проблематики очерк напоминает собой публицистическое произведение, написанное с целью обнажения назревшей проблемы в обществе перед лицом обывателей столицы и провинций.

Так, петербургское собрание «братца» показано как некое закрытое общество трезвости, организованное вокруг экзальтированного проповедника-лидера. Автор описывает его как инфантильного человека в ярком зеленом костюме «с блаженной улыбкой и выискивающими глазами»⁸³⁹, близкого по духу к лютеранству⁸⁴⁰. Нравственную характеристику проповедника иллюстрирует его небрежное отношение к Писанию с обрывочным чтением: «...он развернул Библию и стал читать плохо, торопясь и сбиваясь [прим.: пунктуация и орфография М. М. Пришвина]: — Авраам родил Исака... Ему было просто скучно читать. — Долго... — остановился он. <...> — Кто кого родил... ну и родил... <...> Тут и Аврам и Сарры и Агары. Ну, и ладно... Родили дитю живую... и ладно»⁸⁴¹. Показательной является неестественная атмосфера экзальтации во время его проповеди, при которой люди падали в истерику и пели песни на религиозную тематику⁸⁴². Также весьма показательна характеристика проповедника, данная адептами самого общества, почитающего «братца» как пророка Моисея и наделяющего его многочисленными чудесами⁸⁴³. При всем этом как таковое учение о Христе или их вере полностью отсутствует. В данном обществе место Христа, по сути, занято самим проповедником, «Спасителем», вокруг которого и собираются люди.

Вторыми, с кем знакомит читателя М. М. Пришвин, становятся баптисты. В центре внимания писателя — не само вероучение, а отношение к ним населения после манифеста 1905 г. Так, несмотря на чуждую религиозную традицию, враждебное отношение к ним Церкви и предвзятое отношение полиции, люди относились к сектантам сугубо положительно. М. М. Пришвин показывает, что, несмотря на прежний статус «вне закона», теперь их избирают на почетные и

⁸³⁹ См.: Пришвин М. М. О братцах // Соб. соч. : в 8 т. М. : Художественная литература, 1982. Т. 1. С. 742.

⁸⁴⁰ См.: там же. С. 744.

⁸⁴¹ Там же. С. 743.

⁸⁴² См.: там же.

⁸⁴³ См.: там же. С. 742.

руководящие должности и ставят во главе кредитных товариществ и потребительских обществ. При этом никто из людей даже не вникал в суть их верования, считая данный вопрос малозначительным ввиду их безупречных нравственных качеств⁸⁴⁴. Автор с горечью констатирует, что православные «серые мужики» показывают удивительную терпимость и лояльность к сектантам, вручая самих себя в их руки, обосновывая свою позицию тем, что «...труд — главное в деревне, а верования, убеждения — вопросы праздничные...»⁸⁴⁵.

Значительно подробнее писатель останавливается на новом учении, возникшем в среде старообрядцев. С «Голгофским христианством» М. М. Пришвин знакомится через самого основателя секты — запрещенного в служении старообрядческого епископа Михаила⁸⁴⁶. Несмотря на несвойственное для старообрядчества место жизни — культурную Финляндию, рядом с епископом автор отмечает тот же дух, что и в Ветлужских лесах, присущий всем прочим сектантам. Рисуя типичный для всех старообрядцев портрет, повествователь обращает особое внимание на богословскую сторону нового учения. Так, по мнению епископа, «...Христос требует, чтобы каждый был, как он. Как он, принял Голгофу, взошел на нее. <...> Искупление не совершено до конца. Мир еще не спасен. На Голгофе принесена только первая великая жертва за мир, величайшая жертва, как образец и призыв...»⁸⁴⁷. Таким образом, по логике сектантов, через личную Голгофу каждый должен стать со-искупителем, богом, чтобы общим страданием обновить грешную землю и снять с нее проклятье. По этой причине М. М. Пришвин ставит данное религиозное общество рядом с хлыстовством, «обожеествляющим» своих адептов.

В среде хлыстов интерес писателя привлекла секта «Новый Израиль». В ней особое внимание М. М. Пришвин уделяет портрету сектанта, которого описывает следующим образом: «...небольшой человечек с подвижным лицом и с какими-то неестественными манерами, со всякими штучками и ужимочками...»⁸⁴⁸;

⁸⁴⁴ См.: Пришвин М. М. О братцах. С. 745.

⁸⁴⁵ Там же. С. 746.

⁸⁴⁶ См.: там же. С. 748.

⁸⁴⁷ Там же. С. 749.

⁸⁴⁸ Там же. С. 750.

«Внутри же этого человека была какая-то огромная таинственная сила... страшная религиозная воля... “Не черт ли это?” <...> И поистине было что-то демоническое в этом человеке...»⁸⁴⁹. Подобное сравнение с демоном оказывается не случайным. В ходе знакомства с учением сектанта писатель отмечает его особенное идейное богоборчество: «Бога нет! — сказал он... <...> ...Это было не простое кощунство...»⁸⁵⁰. Толкуя Писание как притчу, он отметал все небесное и даже самого Бога. По мнению сектанта, каждый человек является Христом: «...бог, сотворив природу, вошел в душу человека и с тех пор пребывает... в душе человека. <...> Вся истина в человеке на земле и живущем в нем божестве. — Царство божие на земле»⁸⁵¹. По этой причине в их представлении мир Горний является лишь образом и фигурой речи, не имеющей ничего общего с действительностью. Так, взгляды и учение членов «Нового Израиля» обнаруживают поразительное сходство с крайними толками старообрядчества и в особенности с согласием Дмитрия Ивановича, с которым М. М. Пришвин познакомился в Заволжье. Автор приходит к заключению, что теперь «сотни тысяч людей объединяются верой в земного Христа... <...> ...Что страшно становится: ...ведь это — не люди, а тени»⁸⁵². Авторскую идею можно выразить следующим образом: сектанты не имеют в себе настоящей Жизни, они подобны безжизненным теням, несущим с собой лишь смерть, страдание и разрушение всего живого.

Религиозные метания М. М. Пришвина и его поиск Христа также отразились в небольшом произведении **«Круглый корабль» (1911)**. Для писателя в начале XX века все религии были равны и различались лишь тем, что одна из них могла оказаться более подходящей и привести его к Богу. Так, автор предпринимает попытку определения подходящей для него религии, той, где он сможет встретиться с Христом не теоретически, а на самом деле. В этих поисках

⁸⁴⁹ Пришвин М. М. О братцах. С. 751.

⁸⁵⁰ Там же.

⁸⁵¹ Там же. С. 751–752.

⁸⁵² Там же. С. 752.

М. М. Пришвин непосредственно знакомится с жизнью протестантов, членов РФО и сектантов, что находит отражение в рассказе.

Произведение имеет трехчастную структуру и три тематические главы: «Иванушка» — посвящена обществам, близким к протестантству; «Светлый иностранец» — повествует о Д. С. Мережковском и его РФО; «Чан», где автор рассказывает о секте хлыстов.

По своей структуре рассказ напоминает жанр очерка. М. М. Пришвин наблюдает за каждым религиозным обществом, оставляя на страницах произведения, как в дневнике, свои мысли и чувства. Сюжетного развития в рассказе как такового нет. Каждая глава показывает весьма ограниченный по времени отрезок жизни религиозного общества, который выступает иллюстрацией их пути к Богу.

Религиозная проблематика, в контексте которой следует прочитывать данное произведение, обнаруживается уже с первых строк рассказа: «...есть в народе такая примета: найдешь крест с лицевой стороны — он сам придет, найдешь с исподней — нужно его искать... <...> Между моими знакомыми есть люди, верующие так ясно и просто, что кажется, будто Христос к ним сам пришел, а есть ищущие, и из этих ищущих для многих стоит глухая стена»⁸⁵³. В этом заключается проблема самого автора, выраженная в рассказе через личный поиск Христа.

Название произведения «Круглый корабль» также начинает нести религиозный подтекст, отсылая читателя к образу корабля как средства спасения и достижения Бога: «Ибо и в начале, когда погубляемы были гордые исполины, надежда мира, управляемая Твоею рукою, прибегнув к кораблю, оставила миру семя рода» (Прем. 14, 6). В этом смысле под несущим людей кораблем можно трактовать и религию, либо приводящую ко Христу, либо терпящую крушение и лишаящую самой жизни. Следует заметить, что для автора сотериология сводится лишь к тому, найдет человек Христа или нет, без углубления в догматические особенности той или иной религии.

⁸⁵³ Пришвин М. М. Круглый корабль // Соб. соч. : в 8 т. М. : Художественная литература, 1982. Т. 1. С. 787–788.

Образ типичного харизматического общества показан в рассказе через некоего безымянного проповедника, которого автор называет «братцем Иванушкой»⁸⁵⁴. Примечательно, что в русском фольклоре под Иванушкой традиционно понимали человека небольшого ума, дурака, которому, несмотря на умственные способности, благоволила удача и везенье. Подобное отношение в рассказе проецируется и на самого Иванушку, и на его учение. Автор отмечает отсутствие дара слова в проповеднике, обращает внимание на его пустые слова, на совершенно светскую, нецерковную обстановку в помещении, но при всем этом констатирует, что «все жадно ловили, будто пили, его простые, не имеющие в записи никакого значения слова. <...> Что же было сказано? Вспоминал я потом и ничего особенного не мог вспомнить. Сказано не было ничего»⁸⁵⁵. М. М. Пришвин заключает, что пастве проповедника, состоящей из «громальной толпы пьяниц и проституток»⁸⁵⁶, не пришлось принимать никакого участия в богоискательстве, а самому «братцу» не нужно было прилагать никаких усилий: «Все вышло само собою. Христос пришел к этим людям сам. Крестик был найден с лицевой стороны»⁸⁵⁷. Для повествователя, пребывающего в состоянии поиска Христа, данный религиозный опыт оказался недостаточным, и он продолжил свои поиски уже в среде интеллектуального петербургского Религиозно-философского общества.

В отличие от общества харизматов, показанного автором через его малообразованного представителя, образ мыслителя-философа, постигающего Бога своим умом, показан в более выгодном свете. «Изящный, культурный хозяин», «Светлый иностранец»⁸⁵⁸ — так повествователь характеризует Д. С. Мережковского и его детище, РФО. Несмотря на то что данная среда явно импонировала писателю, в ней он также не смог найти Христа. Такими же безуспешными искателями являлись и все члены религиозного общества. Эту проблему повествователь озвучивает устами самого основателя РФО

⁸⁵⁴ См.: Пришвин М. М. Круглый корабль. С. 788.

⁸⁵⁵ Там же.

⁸⁵⁶ См.: там же.

⁸⁵⁷ Там же.

⁸⁵⁸ См.: там же. С. 789.

Д. С. Мережковского. Когда к нему обращаются с вопросом и просят указать путь ко Христу, он прямо отвечает: «Наша беда... в том, что это не мы, а говорить мы так должны, будто это мы... <...> я верю, что за нами явятся те, которые будут говорить, как и мы, но только те будут настоящие. Мы же так пройдем, что-то начнем и уйдем»⁸⁵⁹. Так, М. М. Пришвин отмечает, что все они лишь говорят о Христе, рассуждают о Нем, спорят, высказывают множество различных мнений, но не могут прийти к согласию и привести к Нему на самом деле. «...На всю утонченность и искренность исканий была будто непереходимая пропасть в сознании того, что он делает не общее, а частичное дело. А дело Христово — ведь цельность прежде всего. Христос к этим людям, как они ни стремятся к нему, сам не приходит, крест ими найден не с лицевой, а с исподней стороны»⁸⁶⁰, — заключает повествователь.

Дальнейший религиозный поиск М. М. Пришвина продолжился в среде петербургских хлыстов, с представителями которых он познакомился на секциях РФО. В отличие от прочих представителей общества Д. С. Мережковского, лишь они утверждали, что действительно знают бога и могут привести к нему любого желающего. Несмотря на свидетельство о себе как о человеке, «по своей природе близком к сектантству»⁸⁶¹, знакомство повествователя с хлыстами оставило самое негативное впечатление. Даже пребывая в состоянии религиозной неопределенности, писатель почувствовал в этой секте нечто демоническое и страшное, что отразилось в его описании безымянного хлыста, прототипом которого выступал П. М. Легкобытов⁸⁶²: «...по виду совершенно простой и необразованный... смеется, да так ехидно, как настоящий сатир. <...> ...Верящий в какого-то своего бога здесь, на земле, страшного, черного...»⁸⁶³; «Все признавали его необыкновенным существом, даже гениальным, демоническим»⁸⁶⁴. М. М. Пришвин замечает, что насмешливость сектанта резко

⁸⁵⁹ Пришвин М. М. Круглый корабль. С. 789.

⁸⁶⁰ Там же. С. 790.

⁸⁶¹ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. С. 209.

⁸⁶² Прим.: П. М. Легкобытов — с 1909 г. избранный лидер хлыстовской секты «Начало века». Имел общение с М. М. Пришвиным на секциях РФО в Петербурге в 1908 г.

⁸⁶³ Пришвин М. М. Круглый корабль. С. 791–792.

⁸⁶⁴ Там же. С. 793.

перемежалась речью, в которой он, как пророк, открывал «истину»: «От бога остался только звук... <...> ...Людям нужно пуп отрезать от неба, чтобы они были на земле и чтобы знали одно: бог на земле»⁸⁶⁵. Движимый богоискательством, писатель решается на знакомство с их «богом»⁸⁶⁶, проповедующим, подобно Христу, воскресение на земле после смерти. Однако непосредственное знакомство лишь утвердило первичное впечатление об этом религиозном обществе как о чем-то inferнальном. Повествователь пишет: «В душной, плохо убранной комнате за столом сидел старый пьяница и бормотал что-то скверное. <...> Чучело, в котором жил будто бы бог, властвовало над этими людми. Пьяница... не только пользовался имуществом и заработком своих людей, но требовал... их жен, и они покорно отдавались не чучелу, а богу, который в нем живет»⁸⁶⁷. Замечание М. М. Пришвина об отсутствии воздуха, хаосе, а также непрекращающемся насилии над адептами секты наводит на сравнение с адом. Неслучайно повествователь выбирает в качестве заголовка данной главы «Чан»: в нем в муках варятся люди⁸⁶⁸. В этом смысле совет «сатира» броситься к ним в чан становится призывом к духовному «самоубийству» и окончательной потере возможности найти живого Бога, по причине чего писатель отказывается стать их членом.

Подводя итог своим религиозным поискам, автор заключает: «Я люблю Иванушку с его древним и похороненным теперь православием. С волнением вглядываюсь в попытки светлого иностранца начать у нас возрождение и трепещу, созерцая трагедию чана»⁸⁶⁹. Так, ни одно из обществ не смогло удовлетворить жажду М. М. Пришвина в деятельном познании Христа. Повествователь, отмечая в протестантизме, РФО и наибольшей степени сектантстве некую долю искусственности и вымысла, обличает их, как не соответствующих религии, имеющей задачу приводить людей к Богу. Автор завершает свой рассказ своеобразным «приговором» этим «экзотическим», невиданным религиозным

⁸⁶⁵ Пришвин М. М. Круглый корабль. С. 791.

⁸⁶⁶ Прим.: прототипом «бога» в произведении выступал А. Г. Щетинин, духовный лидер хлыстовской секты из села Чемрек, перебравшийся в Петербург в 1906 г. после Манифеста о свободе вероисповедания.

⁸⁶⁷ Пришвин М. М. Круглый корабль. С. 792–793.

⁸⁶⁸ См.: там же. С. 793.

⁸⁶⁹ Там же.

обществам, сравнивая их с замысловатыми, но не функциональными кораблями: «Хороши невиданные круглые корабли, — просят у меня злые слова в ответ... — но только такие корабли тонут»⁸⁷⁰.

Отдельно проблему богоискательства и поиска «живого» Христа М. М. Пришвин затрагивает в рассказе «Саморок» (1913), состоящем из пяти хронологически-последовательных глав и повествующем о религиозных исканиях Бога. В произведении показывается жизнь человека, оставившего свой дом, брата, любимое дело и ушедшего на поиски Христа сначала в Православии, а затем в протестантизме. Рассказ можно считать логическим продолжением «Круглого корабля», написанного двумя годами ранее, с тем лишь отличием, что если в «Круглом корабле» главным действующим лицом выступал сам автор, то в «Самороке» — некий Пимен, имеющий схожую проблему богоискательства. Из дневника за 1912 г. узнаем, что реальным прототипом главного героя стал некий житель Новгорода — печник Кудрявцев по прозвищу Саморок, чей портрет и жизненную историю взял и адаптировал для своего рассказа М. М. Пришвин⁸⁷¹.

Примечательно, что прижизненно автор не включал данное произведение в состав собраний и сборников, также оно отсутствует в наиболее полном собрании сочинений в 8 томах издательства «Художественная литература» (1982–1986). Можно предположить, что причиной данного решения является яркая религиозная проблематика рассказа, нежелательная для советского писателя. Также возможным фактором отказа от публикации может быть то, что произведение является своеобразной проекцией личной, интимной проблемы писателя, не могущего отыскать для себя подходящей религии, где он смог бы в действительности, а не в теории найти и почувствовать Бога. Основанием для данного предположения могут быть многочисленные рассуждения автора о понимании Христа и Его поиске, оставленные в дневнике, вероятно, вследствие впечатлений от встречи с Самороком. В качестве иллюстрации можно привести

⁸⁷⁰ Пришвин М. М. Круглый корабль. С. 794.

⁸⁷¹ См.: Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 610–616; 624–625.

следующую мысль писателя: «Бог есть Дух, значит, жизнь в Боге есть одухотворение ее. Жизнь складывается так, что с внешней стороны люди живут, не зная о Боге, и Он сам изнутри жизни является нежданно, невидимо, чудесно. Семья, труд и всякие “отношения” есть условия Его явления, но не обязательные, и не от них Он. “Бог приходит к людям” — это значит, что Он изнутри общества, из отдельного сердца приходит к тем, кто на краю жизни живет...»⁸⁷². Этим можно объяснить интерес М. М. Пришвина к представителям самых различных конфессий и сект, а также его «паломничества» к поморским и заволжским раскольникам, что нашло отражение в произведениях писателя.

На прочтение «Саморока» (1913) в религиозном ключе настраивает ряд ветхозаветных образов, данных в начале. Автор пишет: «Братья с детства были приучены: один, старший, Кон, землю пахал, другой, Пимен, был пастух-скотовод. И так братья жили в русле Адамовом, Каин — земледелец, Авель — пастух...»⁸⁷³. В тексте Кон характеризуется как человек неверующий и безнравственный, предпринявший неудачную попытку самоубийства. Народ говорил о нем, что с тех пор «...ему черт помогает за десятерых, и все ему мало, все ему некогда...»⁸⁷⁴. В нем также не буквально проявляется черта Каина-братоубийцы, он вступил с Пименом в неразрешимый конфликт, следствием чего стало не убийство, но странствие и поиск Бога главным героем. Об этом конфликте, сути которого повествователь не раскрывает, Пимен отзывается следующим образом: «...да он же убил меня, на родной земле буду жить я мертвецом»⁸⁷⁵.

Образ скотовода Авеля-Пимена, в отличие от землепашца Каина-Кона, является более сложным и неоднозначным, мало соответствующим своему краткому библейскому первообразу. М. М. Пришвин дает ему такое описание: «...смотрел через головы, а лицом и повадкой был вылитый отец-атаман: рост дубовый, в плечах полверсты, глазища в кулак, а рожа — как самовар»⁸⁷⁶. Несмотря на столь грубую характеристику, о нем замечают, что он «...всегда

⁸⁷² Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 638.

⁸⁷³ Пришвин М. М. Саморок // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 275.

⁸⁷⁴ Там же.

⁸⁷⁵ Там же. С. 276.

⁸⁷⁶ Там же. С. 275.

находил время читать Священное Писание и твердо верил, что божественная грамота с неба упала...»⁸⁷⁷. При всем этом автор отмечает важную черту, которая отражает действительное внутренне состояние героя и является ключом к пониманию его подлинного отношения к жизни и восприятия религии: «...Пимена звали Саморок за то, что он всякое дело по-своему начинал, за всякую вещь, самую простую, брался по-иному, как будто раньше его и люди вовсе не жили на свете или такие были глупые, что умного человека лишь с толку сбивали»⁸⁷⁸. Так, его главными особенностями были именно неудовлетворенность привычными устоями и укладом жизни, желание доходить до сути вещей силами собственного разума и бунтом против традиционного Православия.

Подобное противопоставление себя всем прочитывается через ветхозаветный образ Лота, племянника Авраама. Автор отмечает, что он при своем конфликте с братом, подобно Лоту, отправился со своим скотом на поиски лучшей, религиозной жизни, покинув скромные «Крещеные Нивки» и поселившись в некоем безымянном городе, как Лот в богатом и удобном для выпаса скота Содоме⁸⁷⁹. Данное изменение места жительства оказало непосредственное влияние на нравственный образ героя. Он быстро разбогател, приобрел дом, но не получил внутреннего удовлетворения. Напротив, Саморок ощущает свою оторванность от родины и начинает пить, проводить время с «гулящими девками»⁸⁸⁰ и постепенно терять человеческий образ: «Страшный становится Пимен: шея, как у быка, глаза в три яруса — черное, белое, красное. Тяжелый ходит, гнет половицы, бык-человек...»⁸⁸¹. Примечательно, что сами жители города, как и библейские жители Содомы, не видели в данном распутном образе жизни ничего безнравственного. Показателен следующий диалог героя с горожанами: «Не грех ли? — Какой это грех! Не будь этого самого греха, не согреши Адам и Ева в раю, так и нас бы не было»⁸⁸². Так, понятие грехопадения

---

⁸⁷⁷ Пришвин М. М. Саморок. С. 275.

⁸⁷⁸ Там же.

⁸⁷⁹ См.: там же. С. 276.

⁸⁸⁰ См.: там же. С. 277.

⁸⁸¹ Там же.

⁸⁸² Там же.

было для них общественной нормой, в отличие от Пимена, еще сохраняющего духовную рефлексию и испытывающего муки совести. Возвращаясь домой, он предается самоанализу, попытке осознания своего положения: «...кажется, бегут эти белые, чистые половики-дорожки в родимый край, лучше рая, к людям, чище ангелов, а про себя кажется, будто где-то на дне бочки сидишь с огуречным рассолом, капустой, дегтем и всякою дрянью вонючей»⁸⁸³.

Однако внутренняя перемена, катарсис и решительное начало новой жизни с поиском Бога возникли лишь после окончательного нравственного падения и потери человеческого образа. Это событие произошло в церковный праздник святого Нила Сорского, учителя аскетики и нестяжания. Автор отмечает, что, празднуя, «...Пимен достиг этой звериной черты. <...> ...Был человек, а стал дикий бык с рогами и хвостом — вот так праздник Божий!»⁸⁸⁴. В порыве безумия, шатаясь от вина, Пимен изувечил свою любимую породистую корову — самое ценное, что имел. Лишь после того, как сестра Пимена окропила его святой водой, он вновь пришел в себя и решился на кардинальную перемену своей жизни. Подобно тому как некогда Пимен ушел от брата, теперь он уходит от самого себя, прежнего образа жизни и даже самого имени, став Самороком⁸⁸⁵. С этого момента он окончательно оставляет свое занятие мясника и приступает к поиску Бога.

Богоискательство Саморока во многом совпадало с богоискательством самого М. М. Пришвина. Герой ставит своей целью поиск не самой религиозной конфессии, не формы богопочитания, но непосредственного живого чувства Бога и общения с Ним. В связи с этим Пимен поставил перед собой конкретную задачу: «...найти бы такого попа из обещающих Бога, упасть бы на колени перед ним и умолить, и упросить, все чтоб без утайки раскрыть насчет обещания...»⁸⁸⁶. С целью решения данного вопроса герой отправляется к самому архиерею с жалобой на все православное духовенство, манящее Богом и райским блаженством в жизни вечной, но в жизни земной дающее верующим лишь

⁸⁸³ Пришвин М. М. Саморок. С. 278.

⁸⁸⁴ Там же. С. 280–281.

⁸⁸⁵ См.: там же. С. 281–282.

⁸⁸⁶ Там же. С. 282.

обещания. Став свидетелем диалога епископа и священника, Саморок сформулировал свою мысль архиерею следующим образом: «Слышал я, как вы у батюшки арбузик просили, а он вам подает паникадило... Вот и я так: хочу арбуза, мне подают паникадило, хочу Богу молиться — арбуз мешает»⁸⁸⁷. Так, само Православие с его обрядами, таинствами и укладом воспринималось героем лишь помехой — «паникадилом», препятствующим получению вожденного «арбуза» — Христа.

Отсутствие ответа со стороны высшего духовенства родило в Самороке идею представления некоего «векселя» духовенству с ультимативным требованием получения обещанного ими Бога⁸⁸⁸. Показательным является его диалог с миссионером: «Я вижу... ты хочешь, чтобы я тебе живого Бога на блюде подал. — Хочу живого, а вы мертвого, вы мертвого нам обещаете»⁸⁸⁹. Данная претензия к Православию в предоставлении верующим лишь «мертвого Христа» была присуща и самому автору рассказа, изначально воспринимавшему традиционное Православие как совокупность обрядов и обычаев, целиком построенных на страхе смерти. Именно поэтому в своем раннем религиозном богоискательстве М. М. Пришвин исключает поиск Бога в Православной Церкви, сосредоточиваясь преимущественно на протестантских деноминациях и сектах. Также и Саморок, разочаровавшись в Православии, продолжает свои поиски именно в протестантизме.

Переход героя к баптистам возник после знакомства с жизнью их общины и удовлетворения своей главной цели. От евангельского брата он узнал о Боге следующее: «...мы не дереву молимся, а духу... Божество деревянное у нас давно разбито. Бог есть дух, Бог есть любовь»⁸⁹⁰. Так, столь ненавистное Самороку традиционное христианское благочестие с иконопочитанием легко сменилось верой в духовного Христа, явственно ощущаемого ими через любовь. Следует заметить, что неприятие икон также было присуще и самому автору,

---

⁸⁸⁷ Пришвин М. М. Саморок. С. 283.

⁸⁸⁸ См.: там же. С. 284.

⁸⁸⁹ Там же.

⁸⁹⁰ Там же. С. 285.

воспринимавшему их в начале XX в. не более как идолы и смертные символы, о чем М. М. Пришвин прямо заявляет в своих ранних дневниках⁸⁹¹.

Отчасти подобный протестантский взгляд на иконы объясняется получением очного образования в Германии, где писатель непосредственно познакомился с немецким христианством. Однако не все религиозные аспекты западного христианства были столь легко усвоены автором. В частности, писатель ставит под сомнение протестантскую герменевтическую свободу прочтения Священного Писания, что также нашло свое отражение и в рассказе «Саморок». Так, герой рассказа, став членом евангельской общины, перенимает подобное свободное толкование Писания: «Понимаю: все нужно принимать на себя! Понял он в эту минуту вдруг, что в Священном Писании все о нем же, о Самороке, и говорится все о нем, до малейшей черточки...»⁸⁹². С рвением неопита он сжигает у себя в доме все иконы и пытается обратить в свою новую веру родную сестру Марию. Автор повествует: «Начали от самого сотворения мира книгу на себя переводить: вот она, прежняя наша тьма, когда еще мы верили в богов деревянных, хаос вселенной — хаос нашей души. <...> До полуночи книгу на себя переводили и пришли к тому месту, как Лот в пещере уснул с дочерьми... Это как? Лотову пещеру как принять на себя? <...> Задрожала Маша, испугалась брата. Но Саморок ласково поднял ее и, лаская и уговаривая, вошел с нею в пещеру Лотову»⁸⁹³. Так, полная свобода в толковании Писания привела Саморока к оправданию насилия над собственной сестрой. Герой не заметил в данном поступке ничего предосудительного и поспешил сразу же поделиться своей радостью «познания Бога в любви» в доме молитвы. Однако вместо ожидаемой похвалы получил позорное, молчаливое изгнание из общины. Повествователь завершает свой рассказ свидетельством горожан об их бесследно пропавшем мяснике: «Ушел Христа искать, — сказали в городе. <...> ...Ушел искать Христа»⁸⁹⁴, объясняя его поведение и пропажу проявлением сумасшествия.

⁸⁹¹ См.: Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 583.

⁸⁹² Пришвин М. М. Саморок. С. 286.

⁸⁹³ Там же. С. 287.

⁸⁹⁴ Там же. С. 288.

Так, вероятно, М. М. Пришвин показывает всю серьезность и опасность богоискательства, которое может привести вовсе не к познанию Бога, но к окончательной Его потере и лишению здоровой общественной и духовной жизни.

Глубокий анализ хлыстовства М. М. Пришвин проводит в очерке «Астраль» (1914), написанном по случаю судебного процесса 7 марта 1914 г. над хлыстовской «богородицей» — Дарьей Васильевной Смирновой. Писатель познакомился с ней в 1909 г. во время членства в РФО Д. С. Мережковского. Из дневников узнаем, что «Охтенская богородица» произвела на М. М. Пришвина глубокое впечатление. Вспоминая их первую встречу, автор отзывается о ней так: «Говорили про мир видимый и невидимый, “астральный”. Вы близки, сказала мне она комплимент. <...> ...Холодные глаза. А рост! А груди! <...> Премудрость свою она получила не от человека, нет, она так родилась. Больше всего меня поразило в ней ясное разграничение науки и астрального мира. <...> Очень умная, одинокая и сильная личность нарисовалась в моем воображении»⁸⁹⁵.

А. Н. Варламов отмечает, что изначально в общении писателя с хлыстами, помимо цели богоискательства, преследовалась цель личного идеологического обогащения, а также усвоения их символики и терминологии⁸⁹⁶. Однако судебный процесс над Д. В. Смирновой побудил М. М. Пришвина взглянуть на данную секту под другим углом, в ее связи с Православием.

Первое, что отмечает автор, — это само происхождение хлыстовства, возникшего стихийно, очагами, в совершенно разных уголках страны в результате самообожествления. Так, столичные декаденты, проповедующие идею «я — бог», и заволжские сектанты, учащие о духовном Христе в себе, по сути, представляют собой один тип людей. Как замечает повествователь, хлыстовство — это не цельная религия, но множественность «маленьких богов» и христов⁸⁹⁷, паразитирующих на традиционном Православии и мимикрирующих под Него. Особенную опасность представляет то, что их совершенно невозможно

⁸⁹⁵ Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 200.

⁸⁹⁶ См.: Варламов А. В. Пришвин. С. 140.

⁸⁹⁷ См.: Пришвин М. М. Астраль // Собр. соч. : в 8 т. М. : Художественная литература, 1982. Т. 2. С. 583.

определить в среде христиан. Они, так же как и все, молятся в храмах, участвуют в Таинствах, однако все это — «...только оболочка православия, внутри яблочко совершенно иное»⁸⁹⁸; «...“христовство” имеет всю видимость православной религии, но разрезал яблочко — и все не то. Хлыстовство не выступает, а заводится внутри, как рак, и оттого оно так страшно для всякого верующего...»⁸⁹⁹.

В связи с этим автор отмечает вторую особенность хлыстовства — его двойственность. Все хлысты жили двойной жизнью и имели в себе «...как бы два человека в одном: один механический кесарев и другой в футляре кесарева человека настоящий, божественного происхождения»⁹⁰⁰. Так, сектант, а именно его «внешняя часть», по требованию «кесаря» может пойти на убийство и любое преступление, по требованию Церкви может участвовать в Таинствах и иметь все атрибуты православного христианина, но при всем этом внутренний «духовный» человек будет жить своей жизнью и пребывать с «богом». Показательным является диалог М. М. Пришвина с сектантом в зале суда: «...вот сейчас нас позовут всех к присяге. — Что же, — ответили мне, — и будем судить, как люди плотские и греховные, внутреннего человека это не касается...»⁹⁰¹. Также в качестве иллюстрации данной мысли автор приводит фрагмент разговора с самой Д. В. Смирновой: «...вот я, положим, русский революционер и хочу бросить бомбу, я должен убить... — Убить? — сказала “богородица”. — Что же, и убейте, это ваше дело. Это природа, внешнее...»⁹⁰². Примечательно, что, как и все Писание, сектанты понимали слова Христа «отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22, 21) сугубо аллегорически. Если под «кесаревым» они понимали внешнего человека, то под Божиим — человека духовного, соединенного с Христом⁹⁰³: «Нашу жизнь они живут по нашим законам, свою духовную по совсем особым законам духа»⁹⁰⁴, — заключает автор.

⁸⁹⁸ Пришвин М. М. Астраль. С. 585.

⁸⁹⁹ Там же. С. 585–586.

⁹⁰⁰ Там же. С. 583.

⁹⁰¹ Там же. С. 591.

⁹⁰² Там же. С. 588.

⁹⁰³ Там же. С. 583.

⁹⁰⁴ Там же. С. 585.

В связи с этим также следует указать на ключевые особенности учения хлыстов о Христе. Так, для сектантов боговоплощения не было в принципе. Это лишь аллегория и притча. Для них мир остается ветхим, не спасенным, и потому необходимо каждый раз «рожать» в себе Христа⁹⁰⁵. Однако назвать себя Христом сектант не имеет права. Как замечает повествователь, «Христос через него говорит, но он не Христос»⁹⁰⁶. По их учению адепт, «родивший» в себе Христа, является лишь «богородицей» независимо от пола — мужчина это или женщина. Одной из подобных «богородиц» и была Д. В. Смирнова, обвиняемая в соращении православных, поношении святынь и хуле на Христову Церковь.

Несмотря на лишение всего имущества и ссылку в Сибирь, к Д. В. Смирновой никто не испытывал жалости, даже сами хлысты, что, по замечанию М. М. Пришвина, было обусловлено «торжеством внутреннего человека “Охтенской богородицы”»⁹⁰⁷, не осужденного судом. По этой причине писатель заключает, что хлыстовство в существе своем неистребимо: «Хлыстовство невидимо стоит за спиной православия, это его страшный двойник, это подземная река, уводящая лоно спокойных вод православия в темное будущее»⁹⁰⁸.

Еще одним очерком, вошедшим в состав цикла «Новая Земля», стало произведение «Спас-Чекряк» (1913), повествующее о жизни православного священника. Причина возвращения М. М. Пришвина к рассуждениям на данную тему отчасти была обусловлена продолжением поисков «правильной веры»⁹⁰⁹, а также продолжительным разбором деструктивных религиозных воззрений сектантов, старообрядцев и протестантов, так или иначе пересекающихся и сопоставляемых с доминантной религией — Православием. Если образ православного монашества не вызывал у писателя больших вопросов, преимущественно воспринимаясь как безжизненная оболочка, сохранившая лишь

⁹⁰⁵ См.: Пришвин М. М. Астраль. С. 583–584.

⁹⁰⁶ Там же. С. 586.

⁹⁰⁷ См.: там же. С. 591.

⁹⁰⁸ Там же. С. 584.

⁹⁰⁹ См.: Криволапова Е. Поиски Бога в ранних дневниках Михаила Пришвина. С. 96–98.

форму и не имеющая в себе Жизни, то взгляд на Православие в свете белого духовенства оставался недостаточно им изученным. В связи с этим М. М. Пришвин предпринимает поездку, подобную прежним экспедициям на Север, к известному священнику Георгию Коссову в Волховский уезд в село Спас-Чекряк, чтобы с той же «...этнографической точки зрения...»⁹¹⁰, но уже под новым углом взглянуть на православную религию.

Текст произведения, как и северные очерки писателя, напоминает собой заметки путешественника или пространный дневник, в котором он уделяет особое внимание образу пастыря. Автор повествует, что священник Георгий появился в селе после благословения преподобного Амвросия Оптинского и с тех пор уже тридцать лет несет свое служение. М. М. Пришвин противопоставляет личность отца Егора стереотипному взгляду на священство. Так, если в народе священник обычно представляется в образе грабителя⁹¹¹, то священника Георгия все признавали за образцового пастыря⁹¹². Зная о повсеместном традиционно-предвзятом отношении крестьян к священству, повествователь описывает своего героя через призму мнений таких же людей, обычно говорящих о духовенстве в уничижительном тоне.

Первое, что отмечает писатель из разговоров людей, — это слава о нем как о прозорливце и человеке, обладающем молитвенным даром — особенно чутким и внимательным отправлением богослужений⁹¹³. При этом автор выделяет, что если в среде монашествующих слово «прозорливец» неразрывно связывалось с «черной рясой, скудным самоозлобленным житием и напускным юродством»⁹¹⁴, то в самом отце Георгии не было ничего подобного. Рядом с ним повествователь отмечает чувство легкости и спокойствия, чего не испытывал ни с одним из насельников прославленных монастырей⁹¹⁵. Также писателя удивляет его особенное, чуткое отношение к людям: «Сотни пустяковых вопросов, и всегда

⁹¹⁰ Пришвин М. М. Спас-Чекряк // Собр. соч. : в 8 т. М. : Художественная литература, 1982. Т. 1. С. 733.

⁹¹¹ См.: там же. С. 732, 734.

⁹¹² См.: там же. С. 733.

⁹¹³ См.: там же. С. 734, 737.

⁹¹⁴ См.: там же. С. 736.

⁹¹⁵ См.: там же. 736–737.

неизменно ласковый ответ. <...> Бледная женщина подошла сзади, как евангельская кровоточивая, держится за край одежды. Он ей шепотом дает совет. По всему видно, что отец Георгий — не только умный человек и верующий, а и читает, следит за результатами науки»⁹¹⁶. Данная евангельская аллюзия на Мф. 9, 20–22 неслучайна. В представлении М. М. Пришвина этот священник по своей любви к людям был подобен Христу, являя собой пример настоящей живой веры. Он был одним из немногих, в ком писатель смог впервые почувствовать божественное присутствие: «— Как это мог он? Кто ему помогает? — спросишь, изумленный этой цельностью человеческой личности. — Кто помогает? Бог, — отвечает так просто крестьянин, что кажется, будто бог — совсем обыкновенный старик и живет он тут же, в селе Чекряк, под соломенной крышей»⁹¹⁷.

Подобную атмосферу присутствия настоящей Жизни также подчеркивает описание людей и окружающей природы. Вместо черных сектантов и желтых безжизненных лиц монахов М. М. Пришвин видит веселых и здоровых девочек, одетых в красные кофты. Женщина, читающая в храме, — в красном сарафане. Автор отмечает, что по сравнению с Русским Севером и Заволжьем здесь нет «ни черных ряс, ни кликуш; вся масса народа, отдыхающая возле гостиниц на солнце, спокойна...»⁹¹⁸.

Также весьма показательное описание дома священника: «Сам отец Георгий живет... в хорошем доме с большими светлыми окнами; у счастливой матушки на дворе гуляют стада кур и всякой другой птицы»⁹¹⁹. Примечательно, что даже само кладбище — прежний образ мертвого Православия, здесь наполнен жизнью, на что указывает акцентирование внимания на свете, весне, детях и саженцах плодовых деревьев: «...не случайно, что в этот светлый весенний день дети сажают между могилами старого кладбища яблони»⁹²⁰. При данном прочтении авторские заметки обретают новый смысл: не все Православие мертво. Воскресение и продолжение жизни возможно, что выражается красным,

⁹¹⁶ Пришвин М. М. Спас-Чекряк. С. 739.

⁹¹⁷ Там же. С. 735.

⁹¹⁸ Там же. С. 737.

⁹¹⁹ Там же. С. 734.

⁹²⁰ Там же. С. 737.

пасхальным цветом в повествовании, противопоставленным безжизненному черному. По мысли автора, свет настоящей Жизни теперь можно обнаружить не только в природе, но и в православных людях: «Самое же главное, самое удивительное — это... своя собственная уверенность в том, что есть какая-то точка, где глас народа есть действительно глас бога, и что уж тут никакой не может быть фальши»⁹²¹.

Так, М. М. Пришвин заключает, что ни одно из новых религиозных обществ не способно удовлетворить потребность в деятельном познании Христа. В протестантизме, РФО и наибольшей степени сектантстве автор отмечает некую долю искусственности и вымысла. В этом смысле он особенно выделяет хлыстовство как не религию, но множественность маленьких «богов», паразитирующих на традиционном Православии. Однако без «разумных действий для просвещения, а также цельной и высоконравственной личности пастыря»⁹²² и это золото, по мнению писателя, неизбежно почернеет. И в этом автор видит главную проблему. Поскольку большинство духовенства, с кем ему приходилось иметь дело, не соответствует столь высокому идеалу служения, как у отца Георгия, Православие перестает быть той религией, где можно действительно встретиться с Богом. Однако, разочаровавшись в прочих религиях и сектах, автор осторожно переходит именно к «христианской точке зрения на мир»⁹²³. При этом следует отметить, что, несмотря на намеченное движение в сторону Православия, внутренний конфликт, связанный со столкновением вероисповеданий, сомнением и проверкой всего силами разума, будет присущ М. М. Пришвину еще многие годы.

При этом в 1913 г. автор признает, что при определенных условиях Православие может быть идеальной религией, если не станет отвергать науку, будет жить в соответствии с современными политическими и общественными реалиями и твердо хранить нравственную чистоту среди духовенства. Однако, как замечает А. А. Дырдин, «столкновение идеологических ценностей, знания и веры

⁹²¹ Пришвин М. М. Спас-Чекряк. С. 735.

⁹²² См.: там же. С. 740.

⁹²³ См.: Дырдин А. А. Русская философская проза после 1917 года : А. П. Платонов, М. М. Пришвин, Л. М. Леонов (симв. мысли). С. 215.

здесь не завершается, но будет возведено к нескончаемому диалогу, в котором удерживается противоречие священного и профанного, бытия и быта»⁹²⁴, что наглядно показывает всю сложность пути писателя к православному христианству.

Подводя **итоги по параграфу**, можно отметить, что еще одной значимой аксиологической доминантой в творческом наследии М. М. Пришвина была религия.

Как уже было сказано ранее, при помощи молитвы автор нередко достигал состояния покоя и мира, приближался к чувству Бога, однако удержать это состояние надолго не мог. Пытаясь решить эту проблему М. М. Пришвин пришел к мысли, что для постоянного пребывания в состоянии богообщения человеку необходима религия. В его представлении она была лишь как прикладной «инструмент» и культурная рамка, в пределах которых возможно найти и приблизить к себе Бога. Главный вопрос, который ставил перед собой писатель, сводился к тому, можно ли найти Христа в конкретном религиозном учении или нет, без углубления в догматические тонкости. Этим объясняется ранняя религиозная «всеядность» М. М. Пришвина, выраженная интересом к религиозно-философским обществам, различным протестантским деноминациям и сектам.

Следует отметить, что в начале своей литературной деятельности автор стоял на собственном понимании культа и выступал против внешнего проявления религиозности. Ему было присуще «протестантство», которое выражалось в неприятии икон, критическом отношении к мощам, идеях реформирования Православной Церкви и наполнении ее новым содержанием, отвечающим духу времени.

Среди прочих значимых вех в восприятии религии можно отметить: 1909 г., когда религия начинает восприниматься как возможное средство спасения и преодоления страха посмертной участи; 1928 г., во время которого происходит

---

⁹²⁴ Дырдин А. А. Русская философская проза после 1917 года : А. П. Платонов, М. М. Пришвин, Л. М. Леонов (симв. мысли). С. 225.

подмена религиозного чувства поэтическим. Функцию религии (приближение к Богу) начинает нести сама литература (через подражание Творцу в создании нового); 1934 г.: начало восприятия религии в метафизической плоскости; заимствование хлыстовской модели мышления в 1940 г. (в результате чего он временно оставляет поиск подходящей религии, обоготворяет женщину и поклоняется ей как носительнице Бога, как обожествляемому посреднику); обретение в религии (в православном христианстве) постоянного источника радости (взгляды писателя приходят в соответствие с нормами Православной церкви).

Из всех факторов, которые влияли на возникновение и изменение религиозных взглядов М. М. Пришвина до 1908 г., особенно следует отметить раннее германофильство писателя, с которым он смог окончательно расстаться лишь с наступлением Великой Отечественной войны. Увлечение автора нашло свое выражение не только в сфере культурных интересов (литературе, музыке, философии), политике (открытой симпатии и поддержке идеологии Гитлера), но также и в области религии. Жизнь среди протестантского общества в начале XX века усилила личный протест писателя против господствующей в России религии — Православия, а также вдохновило на идеи реформирования и наполнения церкви новым актуальным смыслом. Во многом именно по этой причине в личном богоискательстве М. М. Пришвин долго игнорировал опыт Православной Церкви и проводил свои поиски преимущественно среди протестантских деноминаций и сект.

Среди прочих значимых факторов повлиявших на изменение взглядов можно выделить: Манифест о свободе вероисповедания от 17 октября 1905 г.; негативный опыт членства в РФО в 1908 г.; особый интерес М. М. Пришвина к харизматическим обществам, баптистам, крайним толкам старообрядцев и хлыстам в 1910 г.; общественный антисемитизм и знакомство со священником Георгием Коссовым в селе Спас-Чекряк в 1913 г.; смерть матери в 1915 г.; Октябрьскую революцию и пропаганду большевизма; переезд в Сергиев Посад в 1927 г.; знакомство с трудами немецкого теолога Ф. Шлейермахера и

свящ. П. Флоренского в 1934 г.; начало совместной жизни с В. Д. Лиорко в 1940 г. и Великая Отечественная война, способствовавшая последующему воцерковлению писателя.

Тема религии получила свое наибольшее развитие в дневниках и художественных произведениях. Автор делал особый акцент на библейских и евангельских аллюзиях и реминисценциях, а также пейзаже, портрете, сравнениях и противопоставлениях в тексте.

С богословской точки зрения отношение М. М. Пришвина к религии долгое время оставалось не христианским. Автор допускал мысль, что все религии и вероисповедания — это разные пути к одному Богу, отличающиеся лишь внешней формой, обрядом и традицией; зафиксированный опыт; альтернативные варианты богообщения. Поэтому писателю была присуща свобода в религиозных представлениях. Он знакомился с каждым исповеданием, в надежде отыскать такую религию, где чувство Бога и радости будет постоянным. Найти искомое автор смог лишь пережив огонь Великой Отечественной войны, на пепелище которой обнаружил не тронутое пламенем Православие. После этого испытания «огнем» М. М. Пришвин в своих представлениях о религии более не расходился с Православной Церковью.

2.2. Проблема антицерковности М. М. Пришвина

Дневники (1909–1953 гг.)

Несмотря на прохладное отношение М. М. Пришвина к церковной религиозности, Православие все-таки было хорошо ему знакомо, хоть его «картина мира и была ближе к народному, нежели ортодоксальному Православию»⁹²⁵. Писатель воспринимал его как добрую традицию и дань предкам, что не мешало ему жить так, как он сам считал правильным. Дневник

⁹²⁵ См.: Дырдин А. А. Русская философская проза после 1917 года : А. П. Платонов, М. М. Пришвин, Л. М. Леонов (симв. мысли). С. 366.

показывает, что в довоенный период М. М. Пришвин часто выписывает интересующие его праздники и церковные даты⁹²⁶. Для него, как писателя и художника слова, подобные дни представляли некую культурную ценность. Дневниковые записи на православную тематику нередко служили в качестве материала, обогащающего публицистические и художественные произведения. Также он высоко ценил с эстетической точки зрения некоторые церковные песнопения⁹²⁷.

Однако бóльшую часть Православия писатель отторгает и резко критикует. Первое, на что он обращает свое внимание в 1909 г., — это бездумное обрядоверие с насилием и принуждением человека. Так, после посещения его матерью купели при Задонском монастыре, 27 марта М. М. Пришвин оставил с ее слов запись: «Вода была ужасных градусов... я окуну ногу и говорю: страсти какие... у меня сердце не то... Как они трахнут на меня: вы, неверующая... молитесь... а тут иконы большие стоят... и силой окунули...»⁹²⁸; «Одну [женщину] вынесли замертво и положили под березами. Пел соловей, а полумертвой, задыхающейся женщине вливали в рот воду и тело окуривали ладаном»⁹²⁹. Второй стороной, которую М. М. Пришвин не мог принять, было иконопочитание. Он считал, что икона — это непонятный символ, почитание которого граничит с примитивным идолопоклонством. 22 марта 1911 г. он ставит икону в один ряд с пиктограммами и идолами древних египтян и считает, что ничего, кроме смерти и мрака, она в себе не несет⁹³⁰. Так, писатель допускает икону лишь как вещь, некое предание старины, вне всякого религиозного контекста. По его мнению, Православие давно бы исчезло, если бы не его связь с землей⁹³¹. Именно в земле, в том, что каждому надлежит умереть, он видит реальную силу Православной Церкви.

⁹²⁶ Он выделяет такие праздники, как 1-я неделя поста, Мариино стояние, Вербная суббота, Великий Четверг, Великая Пятница, Пасха, Вознесение, Троица, Сочельник Рождества, Казанская икона Божией Матери, а также дни памяти Бориса и Глеба, Георгия Победоносца и Петра и Павла.

⁹²⁷ Имеется в виду рождественское песнопение «Слава в вышних Богу» и молитва Ефрема Сирина. См.: Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 583, 643.

⁹²⁸ Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 340.

⁹²⁹ Там же. С. 431.

⁹³⁰ См.: там же. С. 583.

⁹³¹ См.: там же. С. 228.

В период 1914–1940 гг. писатель также продолжает поднимать некоторые вопросы православного мировосприятия. Однако его заинтересованность Православием продолжает быть довольно опосредованной и проявляется лишь через интерес к обрядам⁹³², церковным праздникам⁹³³ и особой эстетике храма.

Несмотря на то что М. М. Пришвин продолжает позиционировать себя нецерковным человеком, он сохраняет в дневнике ощущение времени в русле Православной Церкви, особенно отмечая те церковные даты, которые, как приметы, отражают изменения в природе. Так, например, Благовещение и Пасха становятся для него праздниками начала весны, радости жизни, великолепия и света⁹³⁴, а Петров и Ильин дни — приметами начала сезона охоты. Как об этом писал сам автор 12 сентября 1927 г., «пусть религия — дурман для народа, но от своих охотничьих святых я никогда не откажусь. Петров день, когда раньше разрешалась охота, Ильин день осенняя»⁹³⁵.

Несмотря на довольно поверхностные представления о Православии, именно период 1914–1940 гг. можно считать для М. М. Пришвина переходным от простого сочувствия в деталях и обрядах до позиционирования себя православным. Этому способствовал ряд факторов. Первый — общественно-политический, реакция писателя на действия советской власти против Церкви. Дневник содержит множественные свидетельства глумления комиссий над мощами святых⁹³⁶, закрытия церквей⁹³⁷ и особенно подробные записи о разбитии колоколов Троице-Сергиевой лавры. Так, в записи от 24 января писатель замечает, что колокола разбивают сами же православные люди, движимые любопытством и

⁹³² Дневник за период (1914–1940 гг.) содержит рассуждения автора о благодарственных молебнах, которые он особенно высоко ценит в Первую мировую войну [См.: Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. С. 77–78, 210], а также православном обряде похорон, прославляющем человека даже после бесславной смерти, в отличие от похорон революционеров [См.: Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. С. 266].

⁹³³ М. М. Пришвин регулярно отмечает в дневнике целый ряд новых церковных праздников и памятей святых. Он выделяет Пасху, Преображение, Сретение, Благовещение, Воздвижение, Рождество Пресвятой Богородицы, Рождество Христово, Крещение; память Покрова Божией Матери и икон: Тихвинской и Владимирской; а также святых: прп. Сергия Радонежского (8 октября и 18 июля), пророка Илии и свт. Николая Чудотворца.

⁹³⁴ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. С. 60, 155; Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. С. 171; Пришвин М. М. Дневники. 1923–1925. С. 19, 114; Пришвин М. М. Дневники. 1932–1935. С. 118.

⁹³⁵ Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. С. 454.

⁹³⁶ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. С. 239, 251.

⁹³⁷ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931. С. 7.

личными корыстными соображениями⁹³⁸. С особенной радостью автор дневника замечает, что были сброшены не все колокола, о чем подробно пишет 29 января: «Это был, прежде всего, славословный колокол Лебедь (Лебедек), висящий посередине, и часть “завонных колоколов”. В западном пролете оставался один колокол (из четырех). <...> В северном пролете оставались два, один из них царя Алексея Михайловича»⁹³⁹.

Вторым фактором, повлиявшим на личное самоопределение М. М. Пришвина как православного человека, стала его забота о воспитании детей. Дневник свидетельствует, что писатель пытался спасти своего сына Льва, подпавшего под влияние красноармейцев в 1920 г., именно через Православие. Сначала автор пробует приучить детей к нательному кресту⁹⁴⁰, а с 1923 г. пытается привить любовь и к церкви, отмечая безусловную пользу Православия в деле воспитания детей⁹⁴¹.

В качестве переломного момента в сторону уже явного позиционирования себя православным можно выделить запись от 11 ноября 1937 г., оставленную во время государственной переписи населения. Автор вспоминает: «...[переписчица] задала вопрос: “Верующий?” ...я ответил: “Да, верующий”. <...> “Православный?” На это я тоже ответил, что православный»⁹⁴². Особенный интерес представляет мотивация М. М. Пришвина к принятию данного решения. В записи от 11 ноября он поясняет: «...Православие — это моя связь со всей моей родиной, и в нем таится для моего нравственного сознания готовность идти к желанному счастью через страдание и, если понадобится, через смерть»⁹⁴³. Как замечает Н. В. Борисова, в данном контексте авторская готовность принять страдание становится своеобразной платой за подлинную свободу, столь для него ценную⁹⁴⁴. При таком прочтении Православие становится не самой целью писателя, но отчасти лишь средством к достижению личных целей.

⁹³⁸ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931. С. 17.

⁹³⁹ Там же. С. 27.

⁹⁴⁰ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. С. 20.

⁹⁴¹ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1923–1925. С. 209.

⁹⁴² Пришвин М. М. Дневники. 1936–1937. С. 440.

⁹⁴³ Там же. С. 441.

⁹⁴⁴ См.: Борисова Н. В. Художественное бытие мифа в творческом наследии М. М. Пришвина. С. 28.

Начиная с 1941 г. повышенный интерес к Православию также обуславливался активным процессом личного воцерковления писателя. По большей части этому способствовала наступившая старость и связанные с нею немощи: «Так загнало меня в церковь горе и страх за жизнь мою...»⁹⁴⁵, а также трезвый взгляд М. М. Пришвина на В. Д. Лиорко: «...она не одна такая, не “ангел”, как я вначале ее понимал»⁹⁴⁶. Помимо этого, на вхождение в Церковь повлияла болезнь и смерть тещи, благодаря которой он и сам непосредственно приблизился к Таинствам Исповеди и Евхаристии⁹⁴⁷.

Первая резкая перемена взглядов писателя в сторону Православия начинается во время Великой Отечественной войны в результате разочарования фашистской, протестантской идеологией, которой он открыто симпатизировал в довоенное время⁹⁴⁸. Уже 23 сентября 1941 г., после трех месяцев войны, автор дневников с уверенностью заключает: «...возвращение к Православию неминуемо, потому что в Православии у нас все»⁹⁴⁹. С этого момента писатель начинает активно включаться в жизнь Православной Церкви и делает множество записей. Он замечает, что «...Православие дало нам форму идеальной семьи...»⁹⁵⁰; именно Православие является носителем всего настоящего и подлинного в этой жизни, в том числе подвига и геройства⁹⁵¹; православные люди не держат друг на друга зла, но все прощают⁹⁵². Рассуждая о русской классике, Пушкине, Достоевском, Гоголе, Тургеневе, Толстом, он заключает, что всего этого богатства и культуры не было бы, не будь у нас Православия⁹⁵³, а 25 июля 1946 г. констатирует, что «...Православие учит нас делу строительства души»⁹⁵⁴. Также показательным является письмо М. М. Пришвина писателю К. Ф. Пискунову от 1 октября 1948 г., в котором он утверждает, что в плане воспитания современная

⁹⁴⁵ Пришвин М. М. Дневники. 1950–1951. С. 44.

⁹⁴⁶ Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 334.

⁹⁴⁷ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949. С. 599; Пришвин М. М. Дневники. 1952–1954. С. 496–497.

⁹⁴⁸ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 213.

⁹⁴⁹ Там же. С. 601.

⁹⁵⁰ Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 532.

⁹⁵¹ См.: там же. С. 577.

⁹⁵² См.: Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 387.

⁹⁵³ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1946–1947. С. 155.

⁹⁵⁴ Там же. 226.

советская литература мало что прививает человеку, в отличие от древнерусского православного памятника «Четий миней»⁹⁵⁵.

Примечательно, что с наступлением старости и после пережитой Великой Отечественной войны он, певец природы и радости, более не избегает тем смерти и скорби, что также отражается в отмечаемых им праздниках⁹⁵⁶. Он начинает регулярно посещать церковь и проявляет интерес к церковной жизни, особенно выделяя время Великого поста⁹⁵⁷.

Единственное, что М. М. Пришвину было затруднительно принять в процессе личного воцерковления, — это икону. В записи от 19 января 1948 г. он замечает о себе так: «...в отношении Бога лишен чувства к иконе, а между тем икона в Православии — это экзамен на чувство живого Бога»⁹⁵⁸. 8 апреля 1950 г. автор свидетельствует о личном прогрессе в решении данной проблемы: «...вошел приложиться к плащанице, и сразу вошел в этот воздух, насыщенный присутствием Бога»⁹⁵⁹. Несмотря на трудности в принятии для себя иконы, писатель все же регулярно посещает церковь, проявляет интерес к церковной жизни. Возможность посещать храм становится для писателя настоящей ценностью. Уже незадолго до своей смерти он приходит к мысли, что «...семья и церковь — одно»⁹⁶⁰, а при посещении церкви забывает о своих нестерпимых болях, сравнивая храм с домом: «Мне было хорошо, будто домой пришел...»⁹⁶¹.

Отношение М. М. Пришвина к самой Церкви в начале XX века как к общности людей и конкретным храмам было двояким. В эклисиологическом плане он воспринимал ее как «...единственное убежище, единственную связь

⁹⁵⁵ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949. С. 279.

⁹⁵⁶ Прим.: Так, к прежним памятям он добавляет ряд новых: из цикла Постной Триоди — Прощеное воскресенье, Крестопоклонную неделю, 40 Севастийских мучеников, Лазареву субботу; из цикла Цветной Триоди — Отдание Пасхи, Радуницу, Фомину неделю; памяти Божией Матери: Успение и иконы «Всех скорбящих Радость»; ряд памятней святых: св. целителя Пантелеимона, Усекновение главы Иоанна Предтечи, Анастасии Узорешительницы и Алексия, человека Божия.

⁹⁵⁷ Прим.: Писатель обращает особое внимание на ряд великопостных песнопений и молитвословий, таких как «На реках вавилонских», молитва Ефрема Сирина, канон Андрея Критского, «Да исправится», «Егда славнии ученицы», «Да молчит всякая плоть человека», «Чертог Твой» и «Се Жених».

⁹⁵⁸ Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949. С. 20.

⁹⁵⁹ Пришвин М. М. Дневники. 1950–1951. С. 58.

⁹⁶⁰ Пришвин М. М. Дневники. 1952–1954. С. 96.

⁹⁶¹ Там же. С. 238–239.

этого [нового] мира с прошедшим человечества»⁹⁶². Церковь же как конкретный храм, церковная традиция и институт священства воспринималась им в 1912 г. лишь как «безобразная тень»⁹⁶³ и запятнанный символ Церкви Небесной. По этой причине он отдает предпочтение именно неоскверненному храму природы: «...мне непонятны эти [прим.: церковные] символы, и все пахнет покойником. Природа — вот мое убежище»⁹⁶⁴. Писатель заключает, что церковь нужна лишь слабым людям. Вследствие этого, по воспоминаниям краеведа А. Мартынович, в 1913 г. М. М. Пришвин «...в церковь не ходил и праздников не признавал»⁹⁶⁵.

Он приходит к устойчивому мнению, что «...чувствующему красоту природы человеку церковность должна быть чужда»⁹⁶⁶, «там те же вечные законы жизни, ...но природа по-прежнему живет, а церковь уже мертвая»⁹⁶⁷. Поэтому до самого конца довоенного периода он не меняет к ней своего отношения и относится к ней как костылю для немощных людей.

Следует отметить, что в 1914–1940 гг. цельного восприятия Церкви у М. М. Пришвина не сложилось. Оно постоянно синусоидально видоизменялось то в сторону православного понимания, то в сторону личного, особого мнения.

Если до 1914 г. М. М. Пришвин относился к Церкви пренебрежительно, то с началом Первой мировой войны впервые начал видеть в ней не институт слабых и немощных людей, но миротворца и молитвенника за страну⁹⁶⁸, а в революцию 1917 г. усматривал в ней единственное средство спасения народа⁹⁶⁹. С 1926 г., автор отмечает высокую роль Церкви в нравственном формировании человека, что стало для него очевидным по причине нарастающей безнравственности в стране и деятельности воинствующих безбожников. 24 апреля он пишет: «Вот собирала человека церковь по идеальному образу Христа — не удалось, а

⁹⁶² Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 582.

⁹⁶³ См.: там же. С. 628.

⁹⁶⁴ Там же. С. 582.

⁹⁶⁵ Мартынович А. Девочка из дневника Пришвина // Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Восп. современников / сост., вступ. ст., коммент. Л. А. Рязанова и Я. З. Гришина. СПб. : Росток, 2005. С. 55.

⁹⁶⁶ Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 336.

⁹⁶⁷ Там же. С. 582.

⁹⁶⁸ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. С. 265.

⁹⁶⁹ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. С. 137, 296.

“человек” революции оказался бесчеловечным, пустым символом»⁹⁷⁰. Так, с одной стороны, он осознает, что идеалы Церкви действительно являются идеалами, в соответствии с которыми можно воспитывать человека. Но, с другой стороны, по его мнению, пример революции показал, что данные идеалы либо не осуществимы, либо Церковь перестала оказывать положительное воздействие на человека.

Последующие записи, помимо положительных качеств Церкви, также отражают ее негативные, по мнению М. М. Пришвина, стороны. В записи от 19 марта 1932 г. он приходит к мысли, что земная Церковь в отношении дела Христа является «оппортунистом», «Великим инквизитором» и потому, вопреки высоким идеям, преследует собственные цели, а не Христовы⁹⁷¹. В связи с этим умозаключением он приходит к пониманию земной Церкви как «средства держать народ в повиновении»⁹⁷², что подчеркивает его прежнее дуальное восприятие Церкви как высокой — Христовой и греховной — земной.

С течением времени писатель все-таки признает безусловную полезность Церкви земной, заявляя о ней как о деятельной «школе любви». Столь значимая перемена взглядов была вызвана всеобщим падением нравов людей после закрытия и разрушения большинства храмов. Так, в записи от 4 декабря 1936 г. М. М. Пришвин отмечает: «Страна была вся усеяна такими школами. <...> Спрашивается, однако, где народ будет учиться любви, если эти школы разрушены»⁹⁷³. Несмотря на возросшую долю доверия к Церкви, он по-прежнему продолжает держаться от нее в стороне.

Автор дневника считает себя духовно здоровым и полноценным и потому не нуждающимся в помощи церковных обрядов и Таинств. Личное участие в церковной жизни представляется ему возможным лишь в состоянии, подобном болезни. В записи от 31 мая 1937 г. он четко выражает свою позицию: «Церковь должна держаться в стороне... должна быть как амбулаторный покой»⁹⁷⁴.

⁹⁷⁰ Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. 2003. С. 43.

⁹⁷¹ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1932–1935. 2009. С. 85.

⁹⁷² См.: там же. С. 115.

⁹⁷³ Пришвин М. М. Дневники. 1936–1937. С. 382.

⁹⁷⁴ Там же. С. 602.

После признания себя православным на переписи населения 11 ноября 1937 г. М. М. Пришвин начинает более подробно изучать вопрос необходимости участия христианина в церковной жизни. В связи с этим в материалах дневниковых записей знаковым является 1939 г. 4 июля он пишет: «...если я узнал Христа в самом сердце своем и в том деле, которое называется “творчеством”, то нужно ли идти в Церковь?»⁹⁷⁵. Данный вопрос приводит писателя к важным христианским истинам и открывает для него главную причину, по которой он, на самом деле, избегал Церкви земной. В записи от 12 июля он рассуждает: «...если только Христос как явление моего сердца, свет разума, то ведь это опять же Я, вопиющий в пустыне; а если это не Я, а Он, то вне себя я могу видеть Его лишь в Церкви. И вот тут-то страшно уничтожающее смирение, гораздо большее, чем поэтическое смирение до растения»⁹⁷⁶. Так, писатель открывает истинную причину своего неприятия Церкви земной — это необходимость смирения, ему чуждого (как признанному писателю и заслуженному орденосцу «Знака Почета»⁹⁷⁷).

В то же время он начинает рассматривать Церковь не только как совокупность религиозных обрядов и не как храмовую постройку, но как целостную, единоклубную общность людей. В той же записи от 12 июля он пишет: «...церковь не в храме каменном, а в том усилии жить одному и везде так, будто не один, а всегда и всюду есть близкие»⁹⁷⁸. Так М. М. Пришвин несколько приближается к православному пониманию церковного организма, однако он по-прежнему ищет повод быть от нее независимым.

Резкое охлаждение к официальной Православной Церкви наступает в 1940 г., с началом сожительства с В. Д. Лиорко⁹⁷⁹, оказавшей на него колоссальное

⁹⁷⁵ Пришвин М. М. Дневники. 1938–1939. С. 346.

⁹⁷⁶ Там же. С. 359.

⁹⁷⁷ Прим.: орден учрежден постановлением ЦИК СССР 25 ноября 1935 года. 22 августа 1988 года был переименован в орден Почета.

⁹⁷⁸ Пришвин М. М. Дневники. 1938–1939. С. 359.

⁹⁷⁹ Валерия Лиорко происходила из дворянского рода, с детства росла в православной среде. Под влиянием Олега Поля (иеромонаха Онисима) симпатизировала монашеству. Состояла в двух неудачных браках: гражданском за Н. Н. Вознесенским в 1924 г. и церковном за А. В. Лебедевым в 1929 г., от которого ушла в 1938 г. Имела судимость в 1932 г. за «церковно-монархическую контрреволюционную деятельность». Однако православными ее ексклезиологические воззрения назвать нельзя. Сам М. М. Пришвин в записи от 19 апреля 1940 г. отмечает следующее: «...Ляля, по-моему, вмещает в себя весь атеизм и нигилизм русской интеллигенции...»

влияние. Уже во время знакомства с ней писатель производит переоценку ценностей, и место «недостойной Церкви попов» (РПЦ) начинает занимать сама В. Д. Лиорко, ставшая для него образцом истинной религиозности. Наиболее показательной является запись от 4 марта: «...чего ж мне скорбеть о внешней церкви, обращенной в мерзость запустения, если внутренняя жизнь с ее церковью, с ее Богом здесь налицо передо мной...»⁹⁸⁰. Он заключает, что официальная Церковь творит из людей лишь безвольных и послушных «церковных животных»⁹⁸¹. Поэтому отходит от церковной морали и без тени сожаления уходит из семьи, начав новую жизнь с В. Д. Лиорко.

Тема Церкви остается магистральной на протяжении всего дневника писателя, но наибольшее количество записей приходится именно на период с 1941 по 1954 г. Начало Великой Отечественной войны заставило М. М. Пришвина вновь вспомнить о Боге и помогло увидеть в Нем единственное надежное основание жизни. Уже на шестой день войны он свидетельствует: «...знаешь, что нельзя его выдумать, и ждешь сигнала со стороны, и шепчешь: да будет воля Твоя!»⁹⁸², а в записи от 14 июля, в 22-й день войны, писатель признает, что «Церковь есть путь человека к Богу»⁹⁸³. Он впервые соглашается с тем, что именно церковность является критерием чистой и неложной веры, вне которой неизбежно следует самообман⁹⁸⁴.

В 1943 г., в ходе Великой Отечественной войны, значение Церкви в его глазах становится сильнее. О ее важности М. М. Пришвин говорит в целом ряде записей. Так, 25 марта он пишет: «Христос, конечно, присутствует всюду в жизни,

[Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 140], от 16 мая делает запись о ее позиции в адрес современной церковной практики, искажающей, по ее мнению, христианские истины [См.: Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 167], а в записи от 4 октября замечает: «Ляля... в Православии своем, как мыслящая личность, свободна» [Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 283]. С нескрываемым восторгом он говорит об отношении В. Лиорко к церковным Тайнствам и своему мужу, А. В. Лебедеву. Так, 26 июня автор дневников пишет: «Осталась мораль церковного брака — она разбила мораль и ушла от него» [Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 240]. В записи от 13 февраля 1941 г. он упоминает об ее отношении к священству: «Ляля питает к попам враждебное чувство и переносит их, как переносит живая река свои неподвижные берега...» [Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 377], а 14 февраля записывает ее мысль, что «человек, который содержит в себе Бога, более религиозен и церквен, чем сама официальная религия и сама Церковь» [Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 377].

⁹⁸⁰ Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 74.

⁹⁸¹ См.: там же. С. 77.

⁹⁸² Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 498.

⁹⁸³ Там же. С. 515.

⁹⁸⁴ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 123.

но в Церкви люди тесно собираются во имя Христово и тут Его встретить легче»⁹⁸⁵. 25 августа: «...Церковь есть школа жизненной мудрости»⁹⁸⁶. 30 октября: «...в Церкви, и находится та питательная среда, которую я получал в природе...»⁹⁸⁷.

В 1944 г., с мобилизацией всех ресурсов страны на дело победы, писатель продолжает лично утверждаться в значимости Церкви. В записи от 6 января он осознает, что в настоящее время только она может привнести в жизнь человека чувство праздника⁹⁸⁸. Также в отличие от устойчивого мнения, что Церковь лишь место для немощных масс, М. М. Пришвин начинает видеть в церковном человеке признак сильной личности⁹⁸⁹. Также в записи от 22 июля он выделяет в Церкви особую чуткость и служение каждому человеку, внимание, которого более нет нигде⁹⁹⁰.

В 1945 г. с началом регулярного посещения храма в честь Иоанна Воина на Якиманке для М. М. Пришвина открываются новые грани жизни в Церкви. Он смотрит на нее уже как на «...деятельное осуществление на земле жизни небесной...»⁹⁹¹, участие в которой «преображает мир и приближает день воскресения»⁹⁹². Также он обращается к теме Церкви уже в контексте размышлений о природе сектантства. Писатель замечает, что, в отличие от сект, которые стремятся лишь к свободе в ущерб истине, Православная Церковь, напротив, несет в себе истину и во Христе дарует подлинную свободу⁹⁹³. Спустя 40 лет после вступления в РФО Д. С. Мережковского автор дневников ясно осознает, что «...только единая соборная апостольская церковь позволяет нам удержать в жизни как действующее начало Христа»⁹⁹⁴, тогда как любая секта порождает лишь антихриста.

⁹⁸⁵ Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 465.

⁹⁸⁶ Там же. С. 556.

⁹⁸⁷ Там же. С. 610.

⁹⁸⁸ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 10.

⁹⁸⁹ См.: там же. С. 16.

⁹⁹⁰ См.: там же. С. 205.

⁹⁹¹ Там же. С. 567.

⁹⁹² См.: там же. С. 567, 628.

⁹⁹³ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949. С. 30.

⁹⁹⁴ Там же.

Размышления о неизбежности смерти также способствовали личному воцерковлению писателя. В конце 1948 г., на 76-м году жизни, он отмечает важное сотериологическое значение Церкви для человека и заключает, что она является связующим звеном между Христом и всеми христианами и позволяет без животного страха, достойно переступить порог вечности. 12 ноября автор дневников пишет: «Я только теперь начинаю приближаться к чувству вечности в ее иных, чем у нас на земле, нормах или законах... Вот Церковь-то как раз тем и занята, чтобы живого человека подготовить к этому чувству вечности, в этом ее и смысл и сила»⁹⁹⁵.

11 марта 1952 г. он делает несколько записей, в которых обращает внимание на происхождение Церкви. М. М. Пришвин замечает: «...Церковь была всегда и везде, где два-три собирались во имя Божие. Но Христос был единственный и неповторимый»⁹⁹⁶. В данной заметке явно прочитывается аллюзия на Мф. 18, 20, что подтверждает уже вполне православный взгляд писателя по данному вопросу.

В конце жизни, в 1953–1954 гг., записи на тему Церкви почти прекращаются, что обусловлено, вероятно, разрешением всех проблемных для М. М. Пришвина вопросов, которые с ней связаны. От 29 марта 1953 г., в праздник Входа Господня в Иерусалим, писатель оставляет запись, в которой отражает свое окончательное и последнее отношение к Церкви. Будучи уже больным человеком, он пишет: «В церкви стоять не могу: и спина, и ноги, еще что-то мешает, но заглядываю на минутку и успеваю за эту минутку просить в душе тем удивительным и побеждающим оптимизмом, единственным в мире человеческом»⁹⁹⁷.

Однако, несмотря на тенденцию сближения с Церковью, в вопросе церковного брака он оставался совершенно непримиримым до самой смерти. М. М. Пришвин приходит к устойчивому мнению, что позиция Православной Церкви в вопросе брака является несвоевременной. Писатель считает, что любовь, которую проповедовал Христос, иной, более свободной и возвышенной природы и

⁹⁹⁵ Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949. С. 319.

⁹⁹⁶ Пришвин М. М. Дневники. 1952–1954. С. 53.

⁹⁹⁷ Там же. С. 320.

не ограничивается лишь брачными узами. В связи с этим 6 января 1942 г. он пишет: «...Церковь в отношении брака не дает человеку права выбора, права всей цельностью земной и небесной любви пользоваться на земле, права ради такой любви оставлять то, что взято на себя, как средство избежать блудодеяния»⁹⁹⁸. Поэтому в данном вопросе он продолжает держаться позиции В. Д. Лиорко, имеющей особый взгляд на Таинство Венчания. 24 января 1946 г. он оставляет характерную запись их диалога: «...всем говори, что венчались. И это будет правда. — Как правда? — спросил я. — Мы же не венчались... — Нет, мы больше чем перевенчались: мы состоим в браке с тобой, раз наше сближение было нашим восхождением к Богу...»⁹⁹⁹.

Таким образом, в 1941–1954 гг. М. М. Пришвин уже сознательно обращается к Церкви как носительнице Жизни и признает ее безусловный авторитет, за исключением лишь одного вопроса — учения о браке.

Публицистика (1912–1913 гг.)

Православие изначально понималось писателем не как цельная и самодостаточная религиозная конфессия, но как совокупность старины, русских традиций, учения монахов, суеверий и обрядов, икона¹⁰⁰⁰ же для него стала олицетворением всего Православия. Поэтому в период богоискательства для М. М. Пришвина особенно остро стоял вопрос понимания иконы и ее места в современной жизни. Еще в своих первых дневниках автор писал, что воспринимает ее в отрыве от Церкви, лишенной всякого религиозного смысла¹⁰⁰¹, лишь как декоративный предмет и как память о предках¹⁰⁰².

Подобную позицию он сохраняет и в ряде своих публикаций. Так, в статье «Крыса» (1912) писатель подчеркивает роль иконы лишь как средства ментальной связи с родными: «...стало у меня хорошо: икона эта, Никола Угодник, любимая

⁹⁹⁸ Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 13.

⁹⁹⁹ Пришвин М. М. Дневники. 1946–1947. С. 24.

¹⁰⁰⁰ См.: Пришвин М. М. Крыса // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 445.

¹⁰⁰¹ См.: Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 583.

¹⁰⁰² См.: там же. С. 336.

русскими купцами, соединила меня со всей моей родней купеческой»¹⁰⁰³. Автор подвергает критике мнения, что икона способна хранить от несчастий¹⁰⁰⁴ и что она, как «...святая и чистая, открывает спрятанные трупы и всякую нечисть»¹⁰⁰⁵. В статье «В законе отчем» (1913) М. М. Пришвин замечает, что теперь каноническая византийская икона является мертвой и уже не несет в себе того сакрального смысла, который в нее вкладывали в древности¹⁰⁰⁶. Автор считает, что почерневшие от олифы многовековые образы более не способны приблизить к Богу и укрепить в вере, но, напротив, рожают в человеке сомнение и уводят от истины. По В. В. Розанову, такая традиция иконопочитания, как плод монашества, уже выродилась и перешла в мрачный культ «темного лика»¹⁰⁰⁷, с чем также соглашается и М. М. Пришвин. Поэтому, рассуждая о подлинном лице Православия, он заключает: «В Православии есть все, решительно все для радостной человеческой жизни, а только монахи его испортили. ...произведение искусства: Венера Милосская и тому подобное, почему это грех? Все это монахи, а не Православие виновато»¹⁰⁰⁸. Так, по мнению писателя, русскому Православию остро недостает радости жизни, свойственной Католической Церкви с ее западной традицией масляной живописи, а также свободы протестантизма.

О Православной Церкви М. М. Пришвин также рассуждал в публикации «В законе отчем» (1913) и рецензии на книгу С. Дурылина «Церковь невидимого града» (1913). Так, с одной стороны, восприятие М. М. Пришвиным церковей как конкретных храмов не вызывало в нем неприязни и критики, даже напротив, он смотрел на них как на предмет культурной и исторической ценности. Однако в вопросе их воздействия на современную общественную жизнь, замечает, что теперь эти «черные и страшные здания» можно было бы совершенно забыть, как архаичные и не отвечающие духу времени¹⁰⁰⁹. Автор предлагает решение

¹⁰⁰³ Пришвин М. М. Крыса. С. 445.

¹⁰⁰⁴ См.: там же.

¹⁰⁰⁵ Там же. С. 446.

¹⁰⁰⁶ См.: Пришвин М. М. В законе отчем. С. 449.

¹⁰⁰⁷ См.: Розанов В. В. Темный Лик. С. 479–522.

¹⁰⁰⁸ Пришвин М. М. В законе отчем. С. 450.

¹⁰⁰⁹ См.: там же. С. 448–449.

проблемы через наполнение церкви новым, современным содержанием с акцентом не на небесной, но на земной жизни: браке, отцовстве, семье и рождении детей, в чем также прочитывается сильное влияние В. В. Розанова¹⁰¹⁰.

М. М. Пришвин обращает внимание на то, что Русская Православная Церковь сохранила лишь внешнюю форму, утратив свое идеальное содержание. В этом он видит основную причину глубокого интереса людей к поиску другой, истинной церкви, сокрытой и неизвестной, что иллюстрирует популярной в кругах РФО легендой о граде Китеже¹⁰¹¹. По замечанию Е. Ю. Кнорре, «...путь в Китеж становится метафорой пути преобразования личности, обретения “подлинной реальности”»¹⁰¹² и «невидимой церкви»¹⁰¹³.

Так, на раннем этапе своей публицистической деятельности писатель пытается донести мысль, что Православная Церковь более не является носителем истины. Она лишь страшный архаичный образ, который следует либо отбросить совершенно, либо обновить, наполнив новым содержанием.

Подводя **итоги по параграфу**, посвященному проблеме антицерковности М. М. Пришвина, можно отметить, что в рамках данной проблематики в качестве центральных тем выступали Православие и Церковь.

Говоря об особенностях авторского восприятия Православия следует выделить, что несмотря на знакомство с православной традицией изначально оно не являлась основой его аксиологической системы взглядов. Автор смотрел на Православие взглядом этнографа, отмечая наиболее любопытный и интересующий его материал, которые впоследствии применял в своих произведениях. Так, для писателя Православие являлось лишь культурной ценностью, богатым источником для творчества, живой историей. При этом в личной жизни М. М. Пришвин долгое время испытывал органическое неприятие самого православного обряда, священников и в особенности иконы.

¹⁰¹⁰ См.: Пришвин М. М. В законе отчет. С. 450–451.

¹⁰¹¹ См.: Пришвин М. М. <Рецензия> : С. Дурьлин. Церковь невидимого града // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 457.

¹⁰¹² Кнорре Е. Ю. Сюжет «пути в невидимый град» в творчестве М. М. Пришвина 1900–1930-х гг. С. 10.

¹⁰¹³ См.: там же. С. 17.

Вплоть до 1940-х г. Православие остается лишь средством к достижению личных целей и лишь после 1945 г. начинает занимать центральное место во всей системе взглядов писателя, становится образцом устройства его внешней и внутренней жизни.

В авторском восприятии Церкви изначально прослеживалась дихотомия, которая заключалась в высоком идеальном чувстве Церкви, как идеи единения всех и низком, в ее конкретном земном проявлении: храме, церковной традиции и институтах священства и монашества. Автор считал себя духовно здоровым, полноценным и потому не нуждающимся в помощи церковных обрядов и Таинств и поэтому заключал, что Церковь нужна лишь слабым, безвольным, ведомым людям. Он считал, что Православная Церковь более не является носителем истины. Она лишь страшный архаичный образ, который следует либо отбросить совершенно, либо обновить, наполнив новым содержанием. Поэтому большую часть жизни функцию Церкви для писателя несла именно природа. Однако, несмотря на многолетние поиски, найти Христа через природу М. М. Пришвину так и не удалось. В этом заключалась его драма и глубинная причина последующего перехода в Православную Церковь, в которой он впоследствии нашел все искомое. Единственной стороной, которую автор так не смог принять, была категоричная строгость Церкви в вопросе норм брака и критериев блуда, что стало еще одной причиной уже поздней антицерковности писателя (в виду канонических препятствий в венчании М. М. Пришвина с В. Д. Лиорко, поскольку они оба ушли от своих супругов и тем самым разрушили свои законные семьи).

В восприятии писателем Православия можно выделить несколько факторов, которые повлияли на последующее изменение религиозных взглядов М. М. Пришвина. Это: ощущение времени в русле Православной Церкви (автор регулярно отмечал различные церковные даты и памяти святых, которые, как приметы, отражают изменения в природе); общественно-политические изменения в стране после 1917 г.; забота о воспитании детей (в результате глумления сыновей над Православием и их увлечением атеистической

идеологией); противостояние пропаганде коммунизма через апеллирование к текстам Священного Писания (наиболее ярко это отражено в произведении «Мирская чаша»); факт сброса колоколов с колокольни Троице-Сергиевой лавры в 1930 г.; личный протест, выраженный в открытом исповедании себя православным при государственной переписи населения в 1937 г. (Православие еще не является целью, но выступает средством достижения его личной идеологической независимости и обособленности от государства); начиная с 1941 г. — глубокое разочарование фашистской, протестантской идеологией; терпение мук, вызванных наступившей старостью и войной; активное воцерковление после 1945 г. (победа в Великой Отечественной войне ознаменовала собой победу православного христианства над протестантизмом).

В перемене взглядов на Церковь значимыми факторами выступают: миротворчество Церкви в Первую мировую войну; деятельность организации воинствующих безбожников и факт нарастающей безнравственности в стране в 1920-х г.; признание Церкви, как школы любви; начало совместной жизни с В. Д. Лиорко; регулярное посещение храма с 1945 г.; размышления о неизбежности смерти.

Темы Православия и Церкви встречаются преимущественно в дневниках М. М. Пришвина. В публицистике и художественных произведениях они почти не упоминаются. Текст дневников, посвященный проблематике восприятия Православия и Церкви глубоко автобиографичен. Автор не дистанцируется от своей дневниковой проекции, не вводит лица рассказчика. Во многом подобный подход был обусловлен непрекращающимся самоанализом писателя. Дневниковые записи выступали, как своеобразная дорожная карта, стенограмма его религиозной мысли.

На начальном этапе религиозного становления писателя единственной точкой пересечения его с Православием оставалась культура (древнерусская традиция, церковная архитектура, музыка, письменность). Несмотря на то, что М. М. Пришвин поднимал множество тем на религиозную проблематику, фактически до 1940-х г. он не являлся православным в подлинном смысле этого

слова (по причине неприятия икон, открытой критики Церкви, игнорирования Таинств, пренебрежительного отношения к институту священства и многочисленных попыток достижения богообщения иным путем, через прочие конфессии, природу и творчество). Фактическое вхождение автора в Церковь и воцерковление произошло лишь после 1945 г. С этого времени М. М. Пришвин регулярно посещает храм, признает Церковь как носительницу Жизни, участвует в таинствах исповеди и Евхаристии, меняет собственные представления об иконе. Однако даже тогда признать его подлинно православным не представляется возможным по причине совершенного неприятия таинства брака и церковных бескомпромиссных критериев блуда, с которыми он так и не может согласиться.

2.3. Особенности авторского восприятия эсхатологии

Дневники (1908–1952 гг.)

Важный вопрос, относящийся к области веры и впоследствии занимающий М. М. Пришвина до конца его дней, — это посмертная участь человека. С начала ведения дневника писатель связывает собственные эсхатологические представления с абстрактным ощущением некой «общей, единой для всех родины»¹⁰¹⁴. В записи от 12 мая 1908 г. он пишет: «Ведь я не знаю, откуда я начался, где кончаюсь, не знаю, что будет завтра со мной. ...я пришел из другого мира, и там уже неизвестно, кто мной управляет... <...> Я не могу его узнать, но я могу чувствовать его и как бы знать...»¹⁰¹⁵. На тот момент в его понимании положение о каком бы то ни было суде и вечных муках полностью отсутствует. Для автора дневников конец — это лишь категория сознания. Писатель отвергает традиционное церковное учение об эсхатологии и считает, что «почти каждый

¹⁰¹⁴ См.: Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 25.

¹⁰¹⁵ Там же. С. 64–65.

достоин Царства Небесного»¹⁰¹⁶, а потому видит вопрос лишь в том, как люди устраиваются в Небесном Царстве¹⁰¹⁷.

На данное восприятие посмертной участи существенно повлияли два фактора. Первый — старообрядческая среда, в которой рос писатель. По замечанию А. Н. Варламова, уже в юные годы он столкнулся с гнетущим ожиданием конца света и воспринял дух апокалипсичности и эсхатологизма, который в конечном счете привел его в марксизм и социализм с ожиданием мирового революционного пожара¹⁰¹⁸.

Разочарование в данной идеологии стало вторым значимым фактором, повлиявшим на взгляды М. М. Пришвина о посмертной участи. Так, писатель последовательно отвергнул от себя как старообрядческое и православное учение, так и социалистическое, найдя для себя некий временный выход в пантеизме с Христом-Паном. В заметках от 12 марта 1909 г. находим несколько спутанных и обрывочных набросков-мыслей писателя на данную тему: «О символизме. Нездешний мир. Здешний [превращается] в нездешний... <...> Я умру, как природа... Смерть Пана не менее страшна, чем та смерть, которую испытывают христиане... Я потом буду жить, они теперь»¹⁰¹⁹ — отсюда видно, что автор определил для себя вектор движения в сторону пантеизма, но еще не решил проблемы бегства от смерти.

Если до 1914 г. тема загробной участи писателя почти не интересовала, то с началом Первой мировой войны она актуализируется и становится одной из центральных. Во многом тому способствовало личное потрясение автора в связи со смертью матери, которое, по свидетельству А. С. Пришвина, писатель переживал очень тяжело¹⁰²⁰. В письме к М. И. Пришвиной (Игнатовой) от 2 мая 1914 г. автор явно указывает на волнующую его проблему: «...не мирюсь со смертью и все думаю...»¹⁰²¹.

¹⁰¹⁶ См.: Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 312.

¹⁰¹⁷ См.: там же. С. 567.

¹⁰¹⁸ См.: Варламов А. Н. Пришвин. С. 54, 121.

¹⁰¹⁹ Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 211.

¹⁰²⁰ См.: Пришвин А. С. Бабушкино яблоко // Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Воспоминания современников / сост., вступ. ст., коммент. Л. А. Рязанова и Я. З. Гришина. СПб. : Росток, 2005. С. 58.

¹⁰²¹ Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. С. 167.

Видя всеобщее отступление от норм этики и морали, а также назревающие мировые военные конфликты, в записи от 10 февраля он предполагает, что наступает конец света: «...я знаю вчера и завтра: вчера было, а завтра может быть Страшный суд и загорится небо»¹⁰²². С началом Первой мировой войны тема эсхатологии осмысливается по-новому. Пришвин замечает, что теперь человек как бы приобретает свойство творца, преобразующего все вокруг себя по своему желанию и устанавливающего свои личные законы и новый мир, расходящиеся с законами и установлениями природы¹⁰²³. В записи от 23 августа 1915 г. он прямо заключает, что «это Страшный суд начинается»¹⁰²⁴, отмечая, что все перевернулось вверх дном.

С еще большей силой эсхатологические чаяния проявляются в 1917 г., после Октябрьской революции. В это время М. М. Пришвина особенно интересует тема «невидимого града», о чем исчерпывающе пишет в своей диссертации Е. Ю. Кнорре. Она замечает, что «Пришвин критикует катастрофический путь стихийного разрушения старого мира, сближаясь с идеями о постепенном покаянном преображении мира в град Божий»¹⁰²⁵. Данную идею писателя в преображении мира и природы также подчеркивает в своей диссертации Н. В. Борисова¹⁰²⁶.

Однако особенно яркое чувство реальности грядущего Суда находим в дневнике писателя от 10 января 1918 г., во время тюремного заключения в Петербурге. Вероятно, именно тогда он приближается к осмыслению эсхатологии как евангельского Страшного суда¹⁰²⁷, сравнивая народ с овцами и козличами в едином стаде — коммуне¹⁰²⁸. Запись от 26 января наглядно иллюстрирует переживания автора: «Страшно прислушаться к себе, проверить — какой ответ я дам на близком Суде»¹⁰²⁹. С этого момента Суд воспринимается

¹⁰²² Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. С. 45.

¹⁰²³ См.: там же. С. 153.

¹⁰²⁴ Там же. С. 191.

¹⁰²⁵ Кнорре Е. Ю. Сюжет «пути в невидимый град» в творчестве М. М. Пришвина 1900–1930-х гг. С. 30.

¹⁰²⁶ См.: Борисова Н. В. Художественное бытие мифа в творческом наследии М. М. Пришвина. С. 12.

¹⁰²⁷ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. С. 14–15.

¹⁰²⁸ См.: там же. С. 52.

¹⁰²⁹ Там же. С. 25.

не только как Второе пришествие, но и как произвол человека, возомнившего себя богом. В связи с этим М. М. Пришвин заключает, что теперь иное время — «время, когда зло является единственной творческой силой, все разрушающее, все поглощающее, однако с тем творящее и приближающее невидимый Град»¹⁰³⁰.

Однако с каждым последующим годом у М. М. Пришвина начинает расти сомнение в реальности Второго пришествия. Анализируя безнаказанное торжество зла и победы Красной армии в гражданской войне¹⁰³¹, в записи от 26 апреля 1927 г. он задается вопросом, на который не может найти ответ: «Верю ли я, что я буду потом после смерти и встречу с близкими? — Скажи прямо хоть раз в жизни, — говорил я себе»¹⁰³².

Дневник за 1927 г. содержит свидетельства, что писатель пытался разрешить данный вопрос обращением к тексту Псалтири, но по причине отрыва от Церкви пришел к вполне материалистическим выводам, что человек просто сгниет. В записи от 26 апреля читаем: «...все это “яко цвет сельный”... и не будет, и не станет...»¹⁰³³, что явно соответствует стихам Псалтири (Пс. 102, 15–16). Но М. М. Пришвин не ограничивается лишь текстами Священного Писания. В дневнике за 1928 г. видим, что он изучает труды индийского гуру Рамакришны Паракахамсы после чего допускает возможность Царства Небесного в иной, нехристианской форме, без Суда и мук, вне человеческой природы¹⁰³⁴. В 1937 г. он заключает, что после смерти нет никакого Суда и Судьи вовсе¹⁰³⁵. Человек сам волен выбирать между раем и адом, а главным критерием выбора становится личное удовольствие человека, то, что ему лично ближе¹⁰³⁶.

С 1940 г. с началом совместной жизни с В. Д. Лиорко эсхатологические взгляды М. М. Пришвина приобретают совершенно особое наполнение. Так, путем в «Царство Небесное» становится совместная жизнь с Валерией Дмитриевной. Писатель заменяет ею личность Христа, понимая ее приход в свою

¹⁰³⁰ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. С. 248.

¹⁰³¹ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. С. 265.

¹⁰³² Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. С. 266.

¹⁰³³ Там же.

¹⁰³⁴ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1928–1929. С. 204.

¹⁰³⁵ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1936–1937. С. 569.

¹⁰³⁶ См.: там же.

жизнь как «Второе пришествие». Наиболее показательной является запись от 13 ноября: «Так вот и началась моя новая жизнь, в которой самым главным стало чувство бессмертия, не за чертой смерти, а от сего же дня, и бесконечность оказалась в своих руках...»¹⁰³⁷. Подобный взгляд также прослеживается в письме Ф. Я. Черемхину от 31 декабря 1940 г. В нем автор пишет: «...я начинаю ощущать, что вечность начинается не после того дня, когда я умру, а сегодня, сейчас, сию минуту и сие мгновение [прим.: с В. Д. Лиорко]»¹⁰³⁸. Однако уже через год данные взгляды М. М. Пришвина будут подвергнуты глубокому переосмыслению и получат дальнейшее развитие уже в христианском ключе.

Особая жестокость Второй мировой войны вновь заставила писателя всерьез задуматься об эсхатологии и Втором Христовом пришествии. Уже 22 июля 1941 г. писатель оставляет запись: «...пришло ясное сознание войны как суда народа...»¹⁰³⁹; «Как Суд Божий»¹⁰⁴⁰. Также глубоко апокалиптично писатель воспринимает изобретение атомной бомбы в 1945 г.: «Все совершается по пророчествам: человечество летит в огонь, ад близится...»¹⁰⁴¹.

Актуализация темы загробной участи также была вызвана наступившей старостью писателя и частыми болезнями, ранее ему не свойственными. В воспоминаниях за 1941 г. В. Д. Лиорко пишет: «...Михаил Михайлович не только впервые почувствовал тяжесть своих лет — он почувствовал стоящий перед каждым роковой порог жизни»¹⁰⁴².

В связи с этим он поднимает острый вопрос личного ответа на Суде пред Богом, который воспринимает с особым страхом, надеясь лишь на оправдание своим не зарытым писательским талантом¹⁰⁴³ и милость Божию¹⁰⁴⁴, не имея никакого представления о Царстве Небесном и жизни после смерти. Таинственность грядущего он подчеркивает аллюзией на 1 Кор. 13, 12, замечая:

¹⁰³⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 315.

¹⁰³⁸ Там же. С. 344.

¹⁰³⁹ Там же. С. 491.

¹⁰⁴⁰ Там же. С. 509.

¹⁰⁴¹ Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 618.

¹⁰⁴² Пришвина В. Д. Война. С. 192–193.

¹⁰⁴³ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 401–402.

¹⁰⁴⁴ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1950–1951. С. 576.

«...Царство Божие в этом настоящем времени только рисуется, как на матовом стекле фотоаппарата...»¹⁰⁴⁵.

После Великой Отечественной войны он несколько приближается к православному пониманию эсхатологии. Не приводя прямо евангельской цитаты «Царство Божие внутри вас есть» (Лк. 17, 22), он заключает, что «...“тот свет” входит в состав “жизни при себе”...»¹⁰⁴⁶ и выражается в добром отношении не только к близким людям, но и вообще ко всем¹⁰⁴⁷. В качестве иллюстрации своей мысли писатель приводит аллюзию на пророчество прор. Исаии (Ис. 11, 6) о Царстве Божием. Так, он пишет: «Когда весь человек в Боге станет единой личностью, сыном Божьим, тогда исчезнет вражда, и лев ляжет с ягненком»¹⁰⁴⁸.

Однако представления писателя об эсхатологии также имеют существенные расхождения с учением Православной Церкви. В частности, 16 января 1942 г. он высказывает мысль об апокатастасисе, допуская, что в конечном счете все: грешники, демоны и даже сам диавол — будут прощены Богом и изведены из ада¹⁰⁴⁹. Как свидетельствует о себе писатель, в данном вопросе он вовсе не знаком с церковной традицией и потому лишь пересказывает мнение, ранее услышанное от новгородского протоиерея Александра Устьянского¹⁰⁵⁰, воспринятое от него еще во время членства в РФО.

Также 21 января 1950 г. М. М. Пришвин выдвигает гипотезу, что после смерти души людей могут не иметь собственного бытия, но исходят в единую «душу мира»¹⁰⁵¹. К данной мысли автор приходит по пути на кладбище на сороковой день после смерти его тещи Н. А. Лиорко. Вероятно, подобное мнение писателя является неким отголоском ранее пережитого пантеизма. Так, он пишет: «Но почему тоже и так не думать, что пусть и нет личных душ, но что вся душа мира, куда собираемся все мы после смерти, сама по себе личная, и каждому из нас отвечает лично... Не оттого ли и природа, если мы к ней душой прикоснемся,

¹⁰⁴⁵ Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 192.

¹⁰⁴⁶ Пришвин М. М. Дневники. 1950–1951. С. 513.

¹⁰⁴⁷ См.: там же. С. 510.

¹⁰⁴⁸ Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 628.

¹⁰⁴⁹ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 390–391.

¹⁰⁵⁰ См.: там же. С. 391.

¹⁰⁵¹ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1950–1951. С. 19.

всегда отвечает нам, и почему бы не думать, что это не мы сами себе отвечаем, а великая мать нашей маленькой душе откликается»¹⁰⁵².

Помимо этого, 19 апреля он подвергает критике евангельский тезис «Царство Божие нудится» (Мф. 11, 12). Автор считает, что достигнутьрая возможно без неудобств и земных мучений¹⁰⁵³. По его мнению, это не что иное, как излишняя перестраховка, необходимая лишь для тех, кто неспособен жить радостной и полноценной жизнью. Поэтому он заключает: «...им в глубине души так страшно ставить карту своей жизни на здесь, что они отказываются от здесь, принимают мученье здесь, как постоянное состояние, чтобы надеяться на жизнь там»¹⁰⁵⁴.

Уже к концу своей жизни писатель приходит к мнению, что буквальное понимание эсхатологии, с падением звезд и угасанием солнца, ошибочно, а истинный смысл Пришествия содержится «...в бесконечном приближении человека к духовному миру...»¹⁰⁵⁵. В связи с этим автор дневников приходит к мысли, что Второе пришествие является лишь бесконечным образом «приближения человечества к духовному миру»¹⁰⁵⁶, что, вероятно, стало следствием влияния череды разочарований в неоправданном ожидании Христа во время революции 1917 г., гражданской и Великой Отечественной войн.

Примечательно, что на протяжении всего дневника автору было свойственно преимущественно легкое и даже легкомысленное отношение к личной смерти. В качестве примера можно привести следующие его слова: «...знаешь, что все люди смертны, все умрут, но о себе чувствуешь, будто я в отличие от всех как-нибудь проскочу и миную неминуемую беду»¹⁰⁵⁷; «Все умрут, а я как-нибудь проскочу»¹⁰⁵⁸.

А. Н. Варламов замечает, что на протяжении всей жизни он пытался как бы шутя «перепрыгнуть» через смерть, однако с наступлением смертного часа

¹⁰⁵² Пришвин М. М. Дневники. 1950–1951. С. 19.

¹⁰⁵³ См.: там же. С. 66.

¹⁰⁵⁴ Там же.

¹⁰⁵⁵ Там же. С. 254.

¹⁰⁵⁶ См.: там же.

¹⁰⁵⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 484.

¹⁰⁵⁸ Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 568.

«его душа затосковала, и он стал страстно цепляться за земное»¹⁰⁵⁹. Этой резкой перемене в писателе также поспособствовали вести о кончине первой супруги, Е. П. Смогалевой, И. В. Сталина и его земляка И. А. Бунина, смерть которого автор воспринял особенно болезненно¹⁰⁶⁰.

Размышления о близкой смерти непосредственно отразились и на поведении писателя. Так, М. М. Введенская, видевшая его незадолго до кончины, отмечает: «В конце жизни Михаил Михайлович ушел в философское созерцание мира... он был необыкновенно внутренне сдержан, и потому понять его было очень трудно»¹⁰⁶¹. Показательными являются последние слова М. М. Пришвина, сказанные им за мгновение до смерти. В. Д. Лиорко, находившаяся в тот момент рядом с писателем, вспоминает: «Он сурово, почти гневно, и не мне, а скорее себе или куда-то в пространство, бросил: “С этим мы должны справляться сами...” <...> Через несколько мгновений его не стало»¹⁰⁶². Вероятно, писатель имел в виду именно порог смерти — переход в жизнь вечную, ужасный для него как пантеиста и полный надежд для христианина.

Несмотря на критику православного понимания эсхатологии, он считал за самое великое счастье «...войти в “царство Твое вечное”...»¹⁰⁶³. Так, в одной из последних записей, чувствуя приближение смерти, он замечает: «Дело жизни моей подходит к концу, и я сейчас в руках Божиих, и когда я так думаю, то конец мне показывается началом чего-то лучшего»¹⁰⁶⁴.

Однако большинству знающих М. М. Пришвина людей данные предсмертные движения души писателя были неведомы. Для них писатель по-прежнему оставался лишь певцом природы и радости жизни, характерным признаком чего служит воздвигнутый на его могиле на Введенском кладбище в Москве надгробный монумент, изображающий поющую мифологическую райскую «птицу Сири́н». По воспоминаниям В. Д. Лиорко М. М. Пришвин еще

¹⁰⁵⁹ См.: Варламов А. В. Пришвин. С. 486.

¹⁰⁶⁰ См.: там же. С. 494.

¹⁰⁶¹ Введенская М. М. Елецкие друзья // Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Воспоминания современников / сост., вступ. ст., коммент. Л. А. Рязанова и Я. З. Гришина. СПб. : Росток, 2005. С. 29.

¹⁰⁶² Пришвина В. Д. Наш дом. С. 433.

¹⁰⁶³ Пришвин М. М. Дневники. 1952–1954. С. 112.

¹⁰⁶⁴ Там же. С. 151.

до своей кончины пожелал себе какой-нибудь надгробный памятник¹⁰⁶⁵ работы «близкого ему по чувству родины и разрешению этого чувства в природе»¹⁰⁶⁶ С. Т. Коненкова.

Как позднее объяснял сам скульптор: «Птица Сири́н в древней русской мифологии — символ счастья. Когда я думал о памятнике поэту природы, то ясно представлял себе: ведь каждая строчка Пришвина вечно будет дарить людям счастье»¹⁰⁶⁷. Так, с подачи С. Т. Коненкова, надгробный памятник доносит последний глубокий символический смысл о самом М. М. Пришвине. Можно предположить, что этим получеловеком полуптицей является сам писатель. Одна его часть (языческая, птичья) держалась за красоту природы и пантеистическое восприятие мира, а другая (христианская, человеческая) — всегда стремилась в райские обители и была обращена к Богу. Но несмотря на всю сложность взглядов писателя несомненно то, что во главе угла его мировоззренческой системы лежал «камень испытанный, краеугольный, крепко утвержденный» (См.: Ис. 28, 16)¹⁰⁶⁸.

Публицистика (1914–1918 гг.)

Мировая война и революция, безнаказанность преступлений, анархия во власти и всеобщее отступление от веры впервые серьезно натолкнули М. М. Пришвина на размышления о реальности Второго пришествия Христа. Через свои газетные публикации «Отзвуки войны» (1914), «Чающие и обещающие» (1917), «Последний ответ» (1918) и «В саду» (1918) автор, как ветхозаветный пророк, предпринимает попытку воззвать к совести людей, призывая их к личному исправлению.

В это время он всерьез задумывается о неизбежности ответа за все свои дела и поступки и потому надеется получить оправдание пред Богом лишь через свой

¹⁰⁶⁵ См.: Пришвина В. Д. Скульптор и писатель // С. Т. Коненков. Встречи. Воспоминания современников о скульпторе. М., 1980. С. 110.

¹⁰⁶⁶ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949. С. 259.

¹⁰⁶⁷ Коненков С. Т. Символ счастья // Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Воспоминания современников / сост., вступ. ст., коммент. Л. А. Рязанова и Я. З. Гришина. СПб. : Росток, 2005. С. 290.

¹⁰⁶⁸ См.: приложение. Иллюстрация. 1.

писательский талант, направленный на улучшение и возвышение человека. Об этом он заявляет в своем дневнике¹⁰⁶⁹ и в публицистических произведениях. Автор прямо сообщает о своих эсхатологических переживаниях: «...смотрю, слушаю, как ведут себя русские люди в последние деньки, и думаю о последнем дне Суда...»¹⁰⁷⁰. Ему, как бывшему агроному, теперь со всей очевидностью становятся понятны значение слов Христа (Ин. 4, 35): «...нивы побелели и созрели колосья...»¹⁰⁷¹. Поэтому, желая спастись самому и спасти погибающих, он обращается к читателям с единым призывом покаянной проповеди: «...выйдите же, скажите им правду, спасите их, бессловесных, от казни на кресте, который рубят они себе своими руками»¹⁰⁷².

Художественные произведения (1906–1924 гг.)

Первой серьезной темой, которая встала перед М. М. Пришвиным в рамках его произведений на религиозную проблематику, было восприятие смерти. Для автора она являлась серьезнейшим личным экзистенциальным вопросом, требующим своего разрешения. У тридцатитрехлетнего писателя в начале его литературной деятельности на то было несколько причин. Это ранняя смерть отца; ввергающий в депрессию «комплекс полуобразованного человека»¹⁰⁷³; разочарование марксизмом с последующим поиском истины; навязчивые мысли о суициде и несчастная любовь.

В 1906 г. у М. М. Пришвина появился еще один повод к размышлениям на тему смерти. Пытаясь основать свою жизнь на пантеизме, он столкнулся с проблемой неотвратимого умирания всего живого. Однако если в природе все решалось циклическим обновлением, то посмертная участь человека вызывала для него вопрос. Собственно, желание избежать страданий и неизбежной смерти и побудило писателя создать свое первое произведение «Сашок». В нем он еще не

¹⁰⁶⁹ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. С. 13–15.

¹⁰⁷⁰ Пришвин М. М. Последний ответ // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 176.

¹⁰⁷¹ Пришвин М. М. Чающие и обещающие // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 103.

¹⁰⁷² Пришвин М. М. В саду // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 212.

¹⁰⁷³ См.: Пришвин М. М. Охота за счастьем. С. 12.

находит для себя решения своей проблемы, но уже ставит вопросы, требующие разрешения.

Рассказ «Крутоярский зверь» продолжает тему жизни и смерти природного, нецерковного человека. В произведении автор начинает приходить к мысли, что сам по себе пантеизм нельзя воспринимать в качестве надежного основания бытия всего живого. Жизнь действительно разлита в природе, но ее главный источник не там. Так, автор допускает для себя идею бытия некоего «природного Христа» — подателя вечной жизни и спасителя от смерти всего живого.

С началом Первой мировой войны, глубоко потрясшей писателя, М. М. Пришвин впервые поднимает не только тему смерти, но и последующей посмертной участи человека, что находим в рассказе «Страшный суд».

Развитие темы апокалипсических чаяний в русле православного христианства содержится в повести «Мирская чаша». По замечанию А. М. Подоксенова, писатель воспринял это время как «...библейский апокалипсис, как время распятия Христа...»¹⁰⁷⁴; как «насилие пролетарского Левиафана-государства... суд Божий...»¹⁰⁷⁵, чем обуславливается обильное использование автором библейских и евангельских образов в произведении. Предпосылками к написанию повести с центральной тематикой жизни после смерти выступали как революционные потрясения 1917 г., так и события из личной жизни автора, нашедшие прямое отражение в тексте. Это смерть от сыпного тифа и голода почти всех родственников, жизнь в селе, преподавательская деятельность в школе, создание своими силами музея и сильнейший голод 1920-х годов, который писатель боялся не пережить, а пережив, отзывался о нем в дневнике так: «Мы ожидали этой зимой погибнуть от голода и холода, но муки оказалось больше... зато голод духовный стал так велик, что мы погибам от голода духовного...»¹⁰⁷⁶; «...мы очнулись как с того света...»¹⁰⁷⁷.

¹⁰⁷⁴ Подоксенов А. М. Библейские мотивы в повести «Мирская чаша» и дневнике М. М. Пришвина // Credo new. № 2. 2014. [Электронный ресурс]. URL : <http://credo-new.ru/archives/201> (дата обращения 06.12.2023).

¹⁰⁷⁵ Подоксенов А. М. Философско-мировоззренческий контекст переключки идей Достоевского, Маркса и Ницше в повести Пришвина «Мирская чаша» // Credo new. № 1. 2024. [Электронный ресурс]. URL : <https://credo-new.ru/archives/2617> (дата обращения 11.02.2024).

¹⁰⁷⁶ Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. С. 9.

¹⁰⁷⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1923–1925. С. 45.

Так, во многом повесть является автобиографической, рассказывая о жизни и взглядах М. М. Пришвина не от собственного лица, но посредством его alter ego — Алпатова, о чем свидетельствует в дневнике сам автор: «В этом рассказе Я изображаю, показываюсь в образе хранителя Музея усадебного быта...»¹⁰⁷⁸.

Последним рассказом, закрывающим тематику смерти и продолжающим рассмотрение эсхатологии, было произведение «Слепая Голгофа», написанное во время Первой мировой войны. В данном рассказе наблюдается попытка автора найти спасение от смерти, равно как и от бессмысленного, «слепого» страдания именно в Боге. И в этом заключается существенный прогресс и эволюция взглядов бывшего пантеиста.

Рассказ «Сашок» (1906) является дебютом писателя на литературном поприще и своеобразной пробой пера перед последующей серьезной литературной работой. Сюжет завязан на спасении утонувшего человека. Процесс поиска видит своими глазами ребенок и, пытаясь не думать о смерти, вспоминает о счастливых моментах, проведенных с Сашком. Ключевой темой является одна из магистральных тем всего творчества писателя — тема жизни и смерти. Наличие в тексте указаний на христианскую символику (крестные знамения, молитвенные обращения) и специфические обряды (поиск утопленника при помощи свечи и ладана) указывает на религиозную проблематику, в рамках которой можно понимать данное произведение. Также прочтению рассказа в религиозно-нравственном ключе способствуют дневниковые записи писателя за 1906–1908 гг., поднимающие те же вопросы, что и в материале рассказа. Автор между строк как бы задает вопрос: каково место Православия в жизни и нужно ли оно еще живому человеку? Повествование ведется от лица самого автора рассказа и по своей форме напоминает жанр воспоминаний. Драматический эмоциональный фон произведения задается уже с первых строк рассказа: «Мне тогда было лет девять. Я сидел за столиком и отвечал урок учителю. Вдруг кто-то крикнул: —

¹⁰⁷⁸ Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. С. 225.

Царица небесная... Сашок утонул!»¹⁰⁷⁹. Напряжение усиливается локальным описанием природы, пруда, вокруг которого разворачивается основное действие: «...вода была темная, мутная, с берегов почти до середины затянута зеленой ряской. В этой воде, где-то на дне пруда, лежал человек»¹⁰⁸⁰.

Примечательно, что в рассказе нет художественного вымысла как такового. Автор повествует о реальных людях, с которыми был знаком, поднимает волнующие его проблемы и потому как бы вспоминает события прошлых лет. По этой причине время в рассказе располагается не линейно: внутри основной напряженной сюжетной линии спасения утопленника, длящейся не более десяти минут, писатель помещает свои радостные воспоминания, не ограниченные временем, связанные с главным персонажем рассказа — утонувшим Сашком, близким другом М. М. Пришвина. «Кто-то сказал, что время еще есть минут десять... Я стал про себя молиться: “Господи, спаси Сашка!” Я вспомнил, что часы, тикая, отбивают секунды. Я стал считать секунды, и от этого, казалось, времени становилось больше: тик-так, тик-так, раз, два, три...»¹⁰⁸¹.

Образная система строится вокруг двух типов людей: человека природы Сашка — страстного охотника, который находится в постоянном движении в живой природе; и прочей массы крещеных людей, неподвижно, безмолвно стоящей у стоячего, грязного пруда. Рассказчик как бы проводит противопоставление светлого языческого пантеизма темному христианскому Православию. Данная антитеза явно прочитывается при сравнении Сашка с его спасателями: «...все его зовут Сашок, потому что любят. Он страстный охотник... <...> Весь заросший волосами Сашок кажется одним из тех таинственных лесных существ... <...> В лесу уж темно, горят светлячки. Но нам не страшно с Сашком... <...> Рассказывает про перепелов, про всяких птиц. Ему и нам все интересно... Он рассказывает, а небесно-голубые глаза на волосатом лице светятся ласково-ласково»¹⁰⁸². Описание спасателей, напротив, имеет более

¹⁰⁷⁹ Пришвин М. М. Сашок // Собр. соч. : в 8 т. М. : Художественная литература, 1982. Т. 1. С. 568.

¹⁰⁸⁰ Там же. С. 568.

¹⁰⁸¹ Там же. С. 569.

¹⁰⁸² Там же. С. 569–571.

мрачную окраску: «Необыкновенно и страшно было то, что вся собравшаяся толпа молчала»¹⁰⁸³. «Идет старая женщина, седая, с лицом темно-бронзовым, словно почерневшим от времени. ...крепко сжаты сухие бескровные губы. В руках у нее большая деревянная чашка, и там горит “страстная” свеча, лежит ладан... Она идет прямо к пруду и пускает по воде чашку с горячей свечой. Легкая зыбь на мутной воде гонит чашку вперед. Замерла толпа»¹⁰⁸⁴.

Вероятно, М. М. Пришвин пытается донести идею, что традиционное Православие по своей сути является религией мертвецов. Оно имеет свою силу лишь постольку, поскольку каждому человеку, как и Христу на кресте надлежит умереть. Неслучайно автор упоминает «четверговую», «страстную» свечу, остановившуюся под утопленником, — все это подчеркивает мертвенность, тогда как, по мысли писателя, подлинной жизнью во всей своей полноте обладает языческий пантеизм. Единственным его непримиримым врагом является лишь смерть и связанное с ней неумолимое время: «Неводом почти совсем разогнали зеленую ряску, почти вся обнажилась грязная, стоячая, прудовая вода. Еще пять минут, и Сашок умрет. Тик-так, раз, два, три...»¹⁰⁸⁵.

Автор отдает свое предпочтение мироощущению, основанному на радости жизни, что на первых порах удобно вместил в себя пантеизм писателя. По этой причине традиционное Православие представляется повествователю безжизненной, сухой, безгласной «деревянной чашкой», еще несущей в себе некий свет истины, но служащей лишь мертвым. Несмотря на это, М. М. Пришвин не отказывается от Христа, но пытается переосмыслить Его в русле пантеизма, представляя для себя Бога в качестве умирающей и воскресающей природы.

Следующим произведением, поднимающим тему смерти, является рассказ **«Крутоярский зверь» (1911)**. На прочтение произведения именно в смертельном ключе указывает несколько факторов. Первый — первичное вхождение рассказа в состав цикла «Птичье кладбище», повествующего об уходящей в небытие эпохе

¹⁰⁸³ Пришвин М. М. Сашок. С. 568.

¹⁰⁸⁴ Там же. С. 571.

¹⁰⁸⁵ Там же. С. 570.

помещичества. Второй фактор — это личная драма писателя, связанная с осмыслением легкомысленного образа жизни отца и его ранней смерти, черты которого находим в образе главного героя произведения; а также случай из жизни М. М. Пришвина, ставший поводом к написанию рассказа. И третий — это акцент на эсхатологии и теме апокалипсического «зверя», данный автором уже в самом названии рассказа и его первых строках: «В Безверске много церквей, и много часовен, и два монастыря. Чудотворные иконы сами явились: Параскева приплыла по речке, Никола так пришел. Не от безверия жителей получил город свое название, а от зверя. В старых книгах так и написано: бе зверь. <...> Слышит и видит зверя только роковой человек, на чью голову кричит зверь: час мой роковой»¹⁰⁸⁶. Акцент на вере, выраженной в упоминании храмов и икон, а также крайнем отступлении, иллюстрируемом образом «зверя», позволяет утверждать, что тема произведения является более глубокой и затрагивает область духа. Так, ее можно сформулировать, как «духовная смерть человека», на что также указывает сюжет рассказа, повествующий о состоянии духовной и последующей физической смерти помещика.

Время в рассказе течет неспешно, подробно показывается беспечная жизнь, быт и интересы барина. Лишь с пропажей любимой собаки помещика время начинает неизбежно ускоряться вместе с надвигающимся смертным часом. Это ускользающее время становится единственной причиной самоанализа и рефлексии героя перед его физической смертью.

Важная роль в произведении отводится описанию топонимов и пространству. Оно усиливает напряженность и выражает внутреннее состояние героя. Так, если в самом Безверске повествователь с первых строк отмечает множество действующих храмов: «...церквей видимо-невидимо: везде зеленые, синие со звездочками и синие без звездочек, золоченые и серебрёные маковки»¹⁰⁸⁷, то в поместье Павлика он показывает обратное: «Церкви не видно — вот какие леса вокруг озера! ...в старом саду виден прелый господский дом...»¹⁰⁸⁸. Рядом с

¹⁰⁸⁶ Пришвин М. М. Крутойрский зверь // Собр. соч. : в 8 т. М. : Художественная литература, 1982. Т. 1. С. 575.

¹⁰⁸⁷ Там же. С. 577.

¹⁰⁸⁸ Там же. С. 581.

домом отмечается озеро, место обитания «зверя»: «...рассказывают, будто и поныне живет этот зверь в омуте озера Крутоярого»¹⁰⁸⁹; «И поднимается с озера страсть чернущая...»¹⁰⁹⁰. Не менее показательным является пространство дома барина: «...в углу вожжи лежат, и знакомая много лет кучка ореховых скорлупок, и везде, даже в ручках кресла, торчат порыжелые от времени окурки...»¹⁰⁹¹; «...дом преет... Весь, как губка, пропитается прелый дом, и запахнут стены, чуланы, крысиные гнезда...»¹⁰⁹²; «У Павлика Верхне-Бродского крысы... заполонили весь дом»¹⁰⁹³. Отсутствие церкви, нечистота жилища, смрад, обилие крыс и наличие самого «зверя» рядом с героем указывает на его явную подверженность инфернальной природе, на что также обращает внимание Н. В. Борисова, замечая, что подлинным жилищем «зверя» является не озеро, но сам барин¹⁰⁹⁴.

Образная система произведения также раскрывает плачевное состояние Павлика Верхне-Бродского. Примечательно, что повествователь называет его именно Павликом, а не Павлом, лишая его христианского имени, как не соответствующего высокому званию христианина. В описании героя намеренно преобладают грубые, отталкивающие и зооморфные черты: «Щеки у Павлика — красные отбивные котлеты... и губы толстые, и круглый подбородок, и брюшко, и лысинка, и рыжая шерсть...»¹⁰⁹⁵.

Описание нравственных черт обнаруживает полную беспечность Павлика в духовной жизни: «...он стремится к постоянным насмешкам, передразниванию»¹⁰⁹⁶. Он всегда переступает черту дозволенного: «Павлик подплывает к мировому судье и щиплет за хохол, и душит, и топит... и в страстной погоне вертит хвостом, как селезень гузкой. <...> Всякую птицу,

¹⁰⁸⁹ Пришвин М. М. Крутоярский зверь. С. 575.

¹⁰⁹⁰ Там же. С. 582.

¹⁰⁹¹ Там же. С. 583.

¹⁰⁹² Там же. С. 584.

¹⁰⁹³ Там же. С. 591.

¹⁰⁹⁴ См.: Борисова Н. В. Художественное бытие мифа в творческом наследии М. М. Пришвина. С. 24; Борисова Н. В. Мифопоэтика хронотопа в рассказе М. Пришвина «Крутоярский зверь». С. 2; Борисова Н. В. Михаил Пришвин : сотворение мифа. С. 99; Борисова Н. В. Власть бессознательного в рассказе М. Пришвина «Крутоярский зверь». С. 12.

¹⁰⁹⁵ Пришвин М. М. Крутоярский зверь. С. 575.

¹⁰⁹⁶ Борисова Н. В. Михаил Пришвин : сотворение мифа. С. 99.

всякого зверя представит Павлик...»¹⁰⁹⁷. Показательной является его встреча с монахом на берегу реки, где он, играючи, кощунственно «крестит»: «Лезь, святая душа, — велит Павлик. И слушается монах. <...> Верхне-Бродский трижды окунает монаха, приговаривая: “Во имя отца, сына и святого духа”»¹⁰⁹⁸. Жители Безверска характеризуют своего барина как распутного, праздного человека, живущего «...с девками да с собаками»¹⁰⁹⁹. «...Если появится в городе какой-нибудь турист и ему расскажут, что город Безверск происходит не от безверья, а от какого-то Крутоярского зверя, то и вспомнят о Павлике»¹¹⁰⁰. Состояние героя также иллюстрирует его взгляд на мир. Повествователь отмечает, что он любит видеть только хорошее и приятное, совершенно не замечая дурного вокруг себя и в себе самом. Так, показательным является случай, когда, страдая от жажды, он без смущения «цедит в себя» болотную воду, несмотря на то что «вода в болоте стояла черная, плавали радужные кружки, скакали наездники, крутились жучки-вертунки, кишмя кишела всякая нечисть»¹¹⁰¹. Также он восхищается красотой деревянного моста в селе, не замечая, что под ним «...на каждом шагу попадались собачьи скелеты. Там воронье расклевывало тушу лошади; там жуки-могильщики хоронили издохшую кошку...»¹¹⁰²; «...под мостом, где дерут лошадей, душат собак, топят крыс, зарывают щенков и котят»¹¹⁰³. В подобном взгляде героя на мир прочитывается аллюзия на Евангелие от Матфея: «Горе вам... что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты» (Мф. 23, 27). Данная мысль о фактической духовной смерти также подчеркивается через описание кровати главного героя, переделанной из шкафа и напоминающей собой гроб с крышкой. Из своей кровати Павлик видит окно, в котором «...над озером мертвый месяц стоит»¹¹⁰⁴; рядом «...как мертвые...»¹¹⁰⁵ спят гончие псы; «Пела лягушка-турлушка о покое

¹⁰⁹⁷ Пришвин М. М. Крутоярский зверь. С. 579.

¹⁰⁹⁸ Там же. С. 576.

¹⁰⁹⁹ Там же. С. 579.

¹¹⁰⁰ Там же. С. 581.

¹¹⁰¹ Там же. С. 590.

¹¹⁰² Там же. С. 596.

¹¹⁰³ Там же. С. 586.

¹¹⁰⁴ Там же. С. 582.

¹¹⁰⁵ Там же. С. 584.

вечном»¹¹⁰⁶. Так, жилище Павлика представляется уже не домом живого человека, но склепом, в котором находится «живой труп». Повествователь также пытается донести эту мысль через описание воздуха дома: «...в доме Павлика всегда дурно пахло»¹¹⁰⁷; «Воздух был нехороший, спертый»¹¹⁰⁸.

Лишь боль утраты самого дорогого — любимой собаки заставила Павлика впервые пробудиться от своей животной жизни. Он впервые начинает замечать вокруг себя жестокость мира и своего прежнего окружения. Прежние его приятели, с кем он любил раньше общаться, вдруг приобретают черты животных, что также характеризует барина как звероподобное существо: «Фабрикант Волков... “почетный гражданин города”, превращается в Волчонка, Петька Ротный становится чудовищем с заметными зооморфными чертами во внешнем облике»¹¹⁰⁹ — замечает Н. В. Борисова. Однако после нахождения своей собаки Павлик успокаивается и вновь «засыпает», но на этот раз уже вечным сном. Повествователь рассказывает, что даже колокольный звон был не способен пробудить барина: «Колокол ударил. “Покойникам обедню служат!” — вспомнилось Павлику»¹¹¹⁰, но это нисколько не натолкнуло барина на размышления о своей жизни и не вызвало желания ее исправить. Напротив, он тут же отвлекается на пение соловьев, радуется началу весны. И тем ужасней для него оказывается неожиданный момент уже физической смерти.

Повествователь рассказывает, что паломники близстоящей часовни в честь Параскевы «Темной Пятницы»¹¹¹¹ связали его смерть со зверем, живущим на дне озера: «...чуть что недоброе случится, сейчас все на зверя валят... на его голову зверь кричал»¹¹¹². В подобном заключении прочитывается позиция самого автора рассказа. Для М. М. Пришвина в 1911 г. традиционное Православие по-прежнему остается чем-то «темным» и невежественным, связанным с бездумным обрядоверием. Совершив к этому времени свою знаменитую поездку на Север по

¹¹⁰⁶ Пришвин М. М. Крутоярский зверь. С. 601.

¹¹⁰⁷ Там же. С. 587.

¹¹⁰⁸ Там же. С. 599.

¹¹⁰⁹ Борисова Н. В. Мифопоэтика хронотопа в рассказе М. Пришвина «Крутоярский зверь». С. 5.

¹¹¹⁰ Пришвин М. М. Крутоярский зверь. С. 601.

¹¹¹¹ См.: там же. С. 602.

¹¹¹² Там же.

местам селений старообрядцев, писатель все активнее пытается обнаружить для себя подлинную веру. Этот процесс сопровождался его постепенным отходом от идеалов пантеизма по мере приближения к Истине. Так, показательно то, что, в отличие от рассказа «Сашок», где главный герой показан сугубо положительным персонажем, человеком природы, Павлик таковым уже не является.

Можно предположить, что на данную перемену взглядов повлиял случай из жизни самого писателя, с поразительной точностью повторенный в рассказе «Крутоярский зверь». Дневник писателя за 1909 г. открывает, что его, как и Павлика, также едва не разорвала свора бродячих собак. Но в отличие от погибшего от зубов зверей героя рассказа, М. М. Пришвин остался жив, призвав в момент опасности Бога: «Десятки собак мчались на меня, поднимая по дороге облака пыли. Господи! взмолился я, помоги мне»¹¹¹³, и тогда кобели неожиданно остановились. «Тысячи зубатых пастей покорно смыкались и размыкались от горячего дыхания. Я, бесконечно сильный, я, царь природы, если б хотел, мог идти по этому морю покорных зверей... Я царь природы... Да, но если бы Лэди укусила меня? Что бы было тогда?»¹¹¹⁴. Так, место пантеизма постепенно начал занимать теизм, а сам писатель стал искать Истинного, доселе ему неизвестного Бога, избавившего его от неминуемой смерти.

Тему последующей посмертной участи человека находим в рассказе «**Страшный суд**» (1917). Само название рассказа и подзаголовок «На трубу Архангела» настраивает читателя на прочтение произведения именно в религиозном ключе. Главным действующим лицом выступает сам автор, по этой причине содержание произведения носит глубоко личный характер, обнажающий внутренние переживания писателя. Сюжет состоит из двух частей: первая основана на реальной попытке писателя попасть на фронт, вторая, сакральная — сон писателя, повествующий о его пути на Суд Божий. При спокойном и

¹¹¹³ Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 371.

¹¹¹⁴ Там же. С. 373.

размеренном повествовании напряжение достигается семантическим параллелизмом страшной мировой войны и Страшного суда.

Основную смысловую нагрузку несет именно образная система. Так, в представлении М. М. Пришвина война стала синонимом Суда, разделяющего человеческое общество на овец и козлищ: «На войну ехали разные люди, как будто затрубил Архангел, и всем неотложно понадобилось вставать и бежать. Овечки — те просто стадом пошли... а козлища-грешники торопились ужасно... каждый думал про себя...»¹¹¹⁵. Несмотря на подобное евангельское разделение общества, герой — alter ego автора — не видит себя ни в одной из сторон и остается одиноким, оставленным всеми: «...мне стало, как в сновидении о Страшном Суде, что я не попаду ни к овцам, ни к козлищам, и останусь жить по-прежнему один...»¹¹¹⁶; «...затрубит Архангел, все побегут к поезду, а у меня чемодан преогромный... сунул чемодан на ходу. — Нельзя, — кричат, — не туда! — Ради Бога, — прошу, — хоть чемодан-то отдайте! Не пускают и чемодан не отдают, а в чемодане и все мое оправдание на Страшном Суде. <...> Но поезд с чемоданом уходит...»¹¹¹⁷. Подобная эсхатологическая неопределенность писателя, страх перед неизвестным имели несколько причин. В это время М. М. Пришвин по-прежнему остается инертным к традиционному Православию и потому не считает себя «церковной овечкой», однако также не причисляет себя и к числу «козлищ», поскольку пребывает в состоянии богоискательства и поиска Истины. По этой причине главное дело его жизни — литературная деятельность, показанная в произведении под образом неудобного «преогромного чемодана», становится трудом не спасающим, нравственно неопределенным в свете будущей жизни: «все сочинял, а время ушло...»¹¹¹⁸.

Вопрос нравственной оценки писательской деятельности в свете посмертной участи беспокоил автора до самых последних дней его жизни, что также находим в материалах дневников писателя. Так, в 1943 г. он снова

¹¹¹⁵ Пришвин М. М. Страшный суд // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 316.

¹¹¹⁶ Там же. С. 317.

¹¹¹⁷ Там же. С. 318.

¹¹¹⁸ Там же. С. 320.

обращается к образам овец и козлиц, однако, в отличие от рассказа «Страшный суд» (1917), где автор не решил проблемы, но лишь поставил вопрос, в дневнике находит для себя решение. М. М. Пришвин делает собственную интерпретацию евангельского образа козла-грешника и заключает, что путь в Царство Небесное не ограничивается лишь пастырями и овцами: «...умный пастырь, облегчая себе труд, ставит козла впереди стада: козел идет сам по себе правильно, а за ним идут овцы. Так вот это и есть наше положение в церкви: мы, художники, ни овцы, ни пастыри, мы, как козлы, идем сами по себе, а за нами без всякого нашего старания идут овцы. Мы — козлы... нам нет дела ни до овец, ни до пастырей, а дорога наша одна»¹¹¹⁹. За три года до смерти писатель вновь обращается к данному образу и продолжает рассуждать о непостыдной и нравственно нейтральной роли «козла»: «Только не поймите, что я имею какую-нибудь претензию на ведущего: ведут стадо люди, а козлом только пользуются: в этом смысле я и козел»¹¹²⁰. Так, по мысли М. М. Пришвина, не принадлежность к обществу овец или козлиц определяет посмертную участь, но лишь устремление человека, что удобно вписывалось в систему собственных религиозных взглядов писателя.

Повесть **«Мирская чаша» (1922)** является первым крупным произведением, которое вобрало в себя личные эсхатологические и апокалипсические чаяния М. М. Пришвина в послереволюционные годы. Главным источником, вдохновившим автора на создание произведения, стала его жизнь в 20-е гг. XX в. в Ельце и Алексине¹¹²¹. В это время он, как и герой повести, устраивается на должность преподавателя в гимназии, живет в заброшенной усадьбе, создает музей, голодает, размышляет о смерти. Тогдашнее состояние автора весьма показательно отражает дневниковая запись от 11 мая 1921 г.: «Как я опустился в болото! Немытый, в голове и бороде все что-то копается. <...> Зубы все падают, жевать нечем.... <...> Кажется, надо умирать? Лезет мысль —

¹¹¹⁹ Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 561.

¹¹²⁰ Пришвин М. М. Дневники. 1950–1951. С. 579.

¹¹²¹ См.: Варламов А. В. Пришвин. С. 199, 202.

уйти в болото и там остаться: есть морфий, есть ружье... — вот что лезет в голову»¹¹²².

Из дневников писателя узнаем, что еще одним возможным источником вдохновения при создании произведения стало творчество И. А. Бунина¹¹²³, которое отразилось в «Мирской чаше» в темах «судеб России, революции и русского народа»¹¹²⁴. Как заключает А. Н. Варламов, «...все эти впечатления и размышления горьких провинциальных лет русской смуты легли в основу одного из самых пронзительных пришвинских творений — повести “Мирская чаша”...»¹¹²⁵.

Сюжет произведения повествует о хранителе музея в провинции, преподавателе, который, несмотря на победу революции, старается сохранить в себе евангельские принципы. Как замечает в своей диссертации Н. В. Борисова, «в повести нет захватывающих сюжетных поворотов; горизонтальный, эксплицитно выраженный контекст почти прозрачен, зато вертикальный... ошеломляюще глубок. Отсюда — та невероятная семантическая плотность, та “густая концентрация” смысла, которая создает... время-пространство»¹¹²⁶. Так, в простой сюжетной линии Алпатова находим множественные отсылки и аллюзии на Евангелие, придающие тексту совершенно иное прочтение, выводящее его далеко за рамки отображаемого в повести 1919 г. — к грядущим эсхатологическим и апокалипсическим событиям. Таким образом, по мысли Г. П. Климовой, писателю удастся обратить внимание читателя на христианскую культуру, пряча Бога между строк и не называя явно Его имени¹¹²⁷.

Само название повести «Мирская чаша», по мнению В. Н. Чуваковой, символизирует «...братство, единство людей, которые через страдания, муки, лишения идут к новой, счастливой жизни»¹¹²⁸. Исследователь считает, что данный путь народа к новой жизни может быть преодолен при помощи советской власти,

¹¹²² Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. С. 177.

¹¹²³ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. С. 277.

¹¹²⁴ См.: Варламов А. В. Пришвин. С. 158, 209, 215.

¹¹²⁵ Там же. С. 211.

¹¹²⁶ Борисова Н. В. Художественное бытие мифа в творческом наследии М. М. Пришвина. С. 25.

¹¹²⁷ См.: Климова Г. П. Творчество И. А. Бунина и М. М. Пришвина в контексте христианской культуры. С. 37.

¹¹²⁸ Цит. по: Пришвин М. М. Собр. сочинений. Т.2. / коммент. В. Н. Чуваковой. М. : Худ. литература, 1982. С. 666.

что, однако, расходится с авторской идеей. Так, в предисловии к повести М. М. Пришвин неслучайно замечает: «...большинству русского народа нет никакого дела до власти и до того, с кем он воюет... когда же кончится, наконец, такая ужасная история... сам Распятый просил, чтобы миновать ему эту чашу...»¹¹²⁹. Данной отсылкой на моление Христа о Чаше в Гефсиманском саду писатель смещает акцент повести в область религиозной проблематики, в рамках которой следует прочитывать произведение, что подчеркивают А. А. Дырдин¹¹³⁰, А. М. Подоксенов¹¹³¹ и А. Ю. Павлова¹¹³². Эту мысль также подтверждает одна из глав повести под названием «Чан».

Через антитезу «Чаша — чан» автор пытается донести идею, что одни и те же страдания могут нести спасительную, преображающую и воскрешающую душу роль, если они мыслятся как необходимая Чаша страданий, врученная Богом ради спасения и последующего воскресения. Но также они могут быть бессмысленными и даже губительными, если человек просто варится в чане страданий, подобном чану сектантов хлыстов, описанных автором ранее в рассказе «Круглый корабль» (1911) и публицистическом произведении «Русский чан» (1918). Данное авторское противопоставление Чаши и чана также выделяет Е. Ю. Кнорре, понимая под чаном большевистское общество, подобное безымянным обезьянам, живущим в дикой стае¹¹³³. Этот образ также развивают в евангельском ключе А. М. Подоксенов¹¹³⁴ и А. Ю. Павлова. Последняя замечает, что введение образа чана вводит в повесть образ искуителя-антихриста, выступающего главным идеологом ухода от страданий. По ее мысли, в самом

¹¹²⁹ Пришвин М. М. Мирская чаша // Собр. соч. : в 8 т. М. : Художественная литература, 1982. Т. 2. С. 486.

¹¹³⁰ См.: Дырдин А. А. Русская философская проза после 1917 года : А. П. Платонов, М. М. Пришвин, Л. М. Леонов (симв. мысли). С. 220.

¹¹³¹ См.: Подоксенов А. М. Библейские мотивы в повести «Мирская чаша» и дневнике М. М. Пришвина. URL : <http://credo-new.ru/archives/201>; Подоксенов А. М. Философско-мировоззренческий контекст переключки идей Достоевского, Маркса и Ницше в повести Пришвина «Мирская чаша». URL : <https://credo-new.ru/archives/2617>.

¹¹³² См.: Павлова А. Ю. Художественная концепция личности и нравственно-философские контексты ее становления в прозе М. М. Пришвина советского периода. С. 13–14.

¹¹³³ См.: Кнорре Е. Ю. «Бог есть существо лицеродящее и противозаконное» : концепция «истинной революции» в персонализме М. Пришвина. С. 196.

¹¹³⁴ См.: Подоксенов А. М. Образ коммуны в «Мирской чаше» и дневнике М. М. Пришвина. С. 248.

названии повести Христова Чаша указывает на единственно верный путь, преображающий человеческое общество¹¹³⁵.

Апокалипсическая атмосфера, с предисловия задающая тон всему произведению, достигается автором через описание всеобщего осквернения и указание на признаки конца из Откровения Иоанна Богослова: уничтожение природы, животных, птиц и рыб (Откр. 8, 7–9). В связи с этими знаменами времен повествователь задается вопросом: «Будет ли Страшный Суд?»¹¹³⁶. Ответом можно считать сам текст произведения из двенадцати глав с эпилогом, наполненных символическим смыслом, подобно книге Откровения. Из них наиболее показательной является XI глава «Сказки мороза». В ней автор языком притчи дает характеристику времени, в котором больше нет места для Бога: «Назад вернулись волхвы, спиной к потемневшей звезде, идут по своим следам в прошлое... Скорей же, покажись из-за туч, наша звезда, освети опять дорогу волхвам. Явись, желанное слово, и свяжи неумирающей силой своей поденно утекающую в неизвестность жизнь миллионов людей!»¹¹³⁷. Так, подобно призыву Иоанна Богослова: «...гряди, Господи Иисусе!» (Откр. 22, 20), повествователь молит о скором явлении Слова и всеобщем воскресении, обращаясь к Нему словами древнего христианского песнопения: «Свете тихий!»¹¹³⁸. И. Г. Минералова отмечает, что эти слова М. М. Пришвин сознательно относит к Сыну, которого аллегорически изображает в произведении под видом Солнца¹¹³⁹. Так, в эпилоге, в заключительных строках повести, читаем: «...наверху было ясно и солнечно, правильным крестом расположились морозные столбы вокруг солнца, как будто само Солнце было распято»¹¹⁴⁰. В этом указании прочитывается явная аллюзия на признак конца, данный Самим Христом: «тогда явится знамение Сына Человеческого на небе...» (Мф. 24, 30), чем, собственно, и является Распятие.

¹¹³⁵ См.: Павлова А. Ю. Художественная концепция личности и нравственно-философские контексты ее становления в прозе М. М. Пришвина советского периода. С. 14.

¹¹³⁶ Пришвин М. М. Мирская чаша. С. 485.

¹¹³⁷ Там же. С. 547.

¹¹³⁸ Там же.

¹¹³⁹ См.: Минералова И. Г. Образ солнца в прозе М. М. Пришвина. С. 33; Минералова И. Г. В. В. Розанов и М. М. Пришвин: преемственность размышлений учителя и ученика о русском человеке и России на переломе эпох. С. 25.

¹¹⁴⁰ Пришвин М. М. Мирская чаша. С. 556.

Образ последнего времени также неразрывно связан с изображением в повести коммунизма как антитезы христианству, как новой религии, исповедующей насилие и разрушение. Об этом подробно писал в своей статье¹¹⁴¹ А. М. Подоксенов, замечая, что изображенный в повести коммунизм не просто идеология. Он выступает онтологической подменой добра злом с откровенным попранием веры и заменой христианства собственной религией: молением на вождей революции, «интернациональным воскресением»¹¹⁴² и стремлением к коммунистическому раю без Христа на земле¹¹⁴³. Неслучайно повествователь сравнивает наступление новой власти с началом правления inferнального начала: «Аввадона, князя тьмы»¹¹⁴⁴. С этим писатель связывает глумление над мощами¹¹⁴⁵ и бесчестие всего, что напоминает об истинном Боге. Эта ненависть распространяется даже на уцелевшего павлина, «всего оплеванного и не раз облитого помоями»¹¹⁴⁶ лишь за то, что он одним своим существованием заставляет людей вспоминать рай¹¹⁴⁷.

Показательной является глава «Раб обезьяний», где автор обыгрывает новое веяние времени с отказом людей, отдавшихся звериным инстинктам, от рабства Богу. А. А. Дырдин отмечает, что сам «М. М. Пришвин настаивает на онтологическом отличии человека от зверя, а также его “технического подобия”»¹¹⁴⁸. Примечательно, что в христианской традиции анималистическим символом дьявола выступает именно животное — обезьяна. В этом смысле заголовок «Раб обезьяний» становится своеобразной констатацией присяги общества inferнальному началу. «Проходит век за веком, и вот уже пишут историю происхождения человека от обезьяны... И так человек стал рабом умственно численному существу... — И я раб обезьяний, раб, ожидающий

¹¹⁴¹ См.: Подоксенов А. М. Образ коммуны в «Мирской чаше» и дневнике М. М. Пришвина. С. 243–258.

¹¹⁴² См.: Пришвин М. М. Мирская чаша. С. 492.

¹¹⁴³ См.: Подоксенов А. М. Библиейские мотивы в повести «Мирская чаша» и дневнике М. М. Пришвина. URL : <http://credo-new.ru/archives/201>.

¹¹⁴⁴ См.: Пришвин М. М. Мирская чаша. С. 489.

¹¹⁴⁵ См.: там же. С. 490.

¹¹⁴⁶ См.: там же. С. 492.

¹¹⁴⁷ См.: там же. С. 497.

¹¹⁴⁸ См.: Дырдин А. А. Русская философская проза после 1917 года : А. П. Платонов, М. М. Пришвин, Л. М. Леонов (симв. мысли). С. 228.

воскресения себя из числа»¹¹⁴⁹, — с горечью говорит герой повести о новых общественных реалиях, где христианское имя уже ничего не значит, где человек лишь легко заменяемая единица коммуны.

Так, замена человека числом, по мнению автора, является еще одним признаком всеобщего конца. В дневнике за 1921 г., в котором он фиксировал свои мысли по поводу повести, М. М. Пришвин замечает: «Истинный человеческий коллектив имеет одно лицо — это есть личность, тогда как коллектив Легиона не имеет лица. Безличный коллектив есть Легион индивидуальностей (бесы). Так ясно подхожу я к критике нашего коммунизма: принудительный коллектив есть Легион»¹¹⁵⁰. В сравнении коммуны с легионом видится явная авторская отсылка на евангельское повествование об исцелении Христом гадаринского бесноватого: «...как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне, потому что нас много» (Мк. 5, 9). Также примечательно, что по исцелении легион бесов молил о позволении войти в стадо свиней. Данный факт повествователь семантически связывает с пропагандой учения происхождения человека от животного, его одержимостью, падением до уровня обезьяны¹¹⁵¹, о чем также пишет в своей статье А. М. Подоксенов¹¹⁵².

Противодействие демоническому влиянию с превращением человека в животное и безличную единицу коммуны писатель видит в сохранении своих имен, соборности¹¹⁵³ и продолжении дела Адама: «...как первые люди в раю, будем давать любимым животным, растениям, камням свои имена»¹¹⁵⁴; «...и над всеми земными именами поставим святое имя Богородицы...»¹¹⁵⁵. Повествователь считает, что данными мерами возможно избежать участи общественного чана — подобия ада на земле, в котором все перемешано, где уже нет различия между добром и злом, человеком и чертом: «...вертятся и крутятся

¹¹⁴⁹ Пришвин М. М. Мирская чаша. С. 502.

¹¹⁵⁰ Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. С. 191.

¹¹⁵¹ См.: Пришвин М. М. Мирская чаша. С. 500.

¹¹⁵² См.: Подоксенов А. М. Библейские мотивы в повести «Мирская чаша» и дневнике М. М. Пришвина. URL : <http://credo-new.ru/archives/201>.

¹¹⁵³ См.: Пришвин М. М. Мирская чаша. С. 505, 486.

¹¹⁵⁴ Там же. С. 504.

¹¹⁵⁵ Там же. С. 503.

черные люди со всем своим скарбом вонючим и грязным... там хвост, там рога, и черт, и бык, и мужик, и баба...»¹¹⁵⁶. Характеристикой времени также выступают и дети. М. М. Пришвин так описывает их поведение: «Все-то загадили и очертенели. <...> Намедни ребяташки в крест стали каменья кидать. <...> Один забрался ко мне и деготь налил в лампадку Николе Угоднику. <...> — “Я ему, — говорит, — бабушка, хотел усы подкоптить”. — Терпит земля бесов!»¹¹⁵⁷. Автор показывает, как эти дети восстают против своих же родителей, грабят, обрекают их на смерть, чем свидетельствуют наступление Второго пришествия: «Проклял сына? — Проклял во веки веков. — ...тут, брат, слова Евангелия, исполнение закона, что настанет время, — ох, настанет время...»¹¹⁵⁸.

Апокалипсические мотивы также подчеркиваются системой персонажей, где в качестве центрального лица выступает Алпатов, который, по замыслу М. М. Пришвина, должен был напоминать собой Христа. Об этом он замечет в дневнике от 6 сентября 1922 г.: «Правда, я не посмел довести своего героя до Христа, но частицу его вложил и представил 19-й год XX века мрачной картиной распятия... <...> Вероятно, мы находимся накануне второго пришествия, когда Он явится во всей славе...»¹¹⁵⁹. Благодаря данной теме распятия и грядущего Суда автор сохраняет эсхатологическое напряжение на протяжении всей повести.

Подобно Христу, герой является учителем¹¹⁶⁰, позиционирующим себя как «...раб господина своего»¹¹⁶¹. Он, как второй Адам, пытается побудить людей создавать в себе и вокруг себя рай, возделывать его и тем самым поднимать от грязи и пороков окружающее общество¹¹⁶², о котором отзывается словами Спасителя: «...они не знают, что делают» (См.: Лк. 23, 34)¹¹⁶³. Данную мысль о продолжении героем дела Адама также подчеркивают И. С. Урюпин¹¹⁶⁴,

¹¹⁵⁶ Пришвин М. М. Мирская чаша. С. 515–516.

¹¹⁵⁷ Там же. С. 489.

¹¹⁵⁸ Там же. С. 549.

¹¹⁵⁹ Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. С. 265.

¹¹⁶⁰ См.: Пришвин М. М. Мирская чаша. С. 494.

¹¹⁶¹ Там же. С. 499.

¹¹⁶² См.: там же. С. 497–498.

¹¹⁶³ Там же. С. 506.

¹¹⁶⁴ См.: Урюпин И. С. Ветхозаветный контекст и метатекст повести М. М. Пришвина «Мирская чаша». С. 158.

Е. Ю. Константинова¹¹⁶⁵, Н. В. Борисова¹¹⁶⁶ и другие. Алпатов, как и Христос, также искушается мыслью сойти со креста: «Если бы ты был большой... то спас бы весь этот черный, погибающий в обезьянстве люд. <...> — Если ты Бог, спаси Себя и нас, — говорит уже не разбойник один, а миллионы мертвых в гробах и мертвых в живых, накопившихся за две тысячи лет ожидания»¹¹⁶⁷. Как истинный пастырь, буквально ограждает людей от волков (См.: Ин. 10, 11)¹¹⁶⁸. Как Христос в Гефсимании, также по-человечески хочет избежать грядущей чаши страданий: «...от страха испить до конца всю эту чашу мирскую»¹¹⁶⁹. Подобно Христу герой претерпевает искушение хлебами¹¹⁷⁰. Венчает данную цепочку аллюзий на Евангелие «смерть» и «воскресение» Алпатова, наглядно показывающие невосприимчивость к вере современного ему общества: «...умер — не удивятся, жив — скажут: объявился. И даже если он воскресший явится, опять ничего...»¹¹⁷¹; «— Жив! — Помер. — Помер, ну, так воскреснет, что скажете? — Ничего не скажу...»¹¹⁷². Подобным семантическим параллелизмом, по замечанию А. А. Дырдина, «...Пришвин проецирует внутреннее состояние Христа в сферу чувств своего героя»¹¹⁷³.

Антитезой образа Христа в повести выступает собирательный образ дьявола, который выражается через отрицательных персонажей, одним из которых является комиссар Персюк. Повествователь емко описывает его при помощи образов, взятых из природы: «...в сумерках на выжженных лядах из пней и коряг складываются иногда такие рожи...»¹¹⁷⁴. Данная характеристика, лишенная человеческих черт, создает устрашающее впечатление, роднящее комиссара с демонами — такими же черными, ассоциирующимися с пламенем, углями и не имеющими лиц, только лишь некие темные, аморфные очертания. Авторское

¹¹⁶⁵ См.: Константинова Е. Ю. Идея творческого воздействия на мир в дневниках М. М. Пришвина 1926–1929 гг. в контексте диалога с Н. Федоровым и А. Горским. С. 133.

¹¹⁶⁶ См.: Борисова Н. В. М. Пришвин от эсхатологии к «Миру преображенному». С. 18.

¹¹⁶⁷ Пришвин М. М. Мирская чаша. С. 508.

¹¹⁶⁸ См.: там же. С. 508–509.

¹¹⁶⁹ Там же. С. 517.

¹¹⁷⁰ См.: там же. С. 534–536.

¹¹⁷¹ Там же. С. 552.

¹¹⁷² Там же. С. 553.

¹¹⁷³ Дырдин А. А. Русская философская проза после 1917 года: А. П. Платонов, М. М. Пришвин, Л. М. Леонов (символика мысли). С. 220.

¹¹⁷⁴ Пришвин М. М. Мирская чаша. С. 499.

уточнение: «...в махорке, с оторванными пуговицами, окурками и всякой дрянью»¹¹⁷⁵ — показывает его подверженность чану, а приверженность идее происхождения от обезьяны¹¹⁷⁶ свидетельствует о господствующем в нем inferнальном начале. Образ комиссара также дополняет его кощунственное отношение к Таинству Крещения. Персюк окунает людей в ледяную прорубь со словами крещальной формулы до тех пор, пока они не заплатят налог. Автор замечает: «Крестят Русь на реках Вавилонских. — На Тигре и Ефрате. — И все Персюк, один креститель...»¹¹⁷⁷. Данная авторская отсылка к истории пленения иудеев в контексте наступившего коммунизма вовсе не случайна. Она подчеркивает эсхатологические ожидания М. М. Пришвина с его надеждой на избавление от «коммунистического плена» и грядущее воскресение, семантически связанное с пророчеством Иезекииля, данным на реках Вавилонских (См.: Иез. 37, 5–6).

Еще одним отрицательным персонажем является огородник Иван Афанасьевич Крыскин. М. М. Пришвин не дает описания его внешности, однако из самого текста становится понятно, что его прототипом выступает именно евангельский левый разбойник: «...среди безлиственных рогатых деревьев неотступно шел за ним черный крест с распятым разбойником и голос Крыскина неустанно спрашивал: — Если ты Христос, спаси Себя и нас»¹¹⁷⁸. По замечанию А. М. Подоксенова, разбойничье мировоззрение огородника заключалось в том, что «...жить следует, надеясь не на Иисуса, а только на себя, поскольку Его путем людям спастись нельзя»¹¹⁷⁹. Персонаж утверждает, что для спасения требуется только хлеб, который можно легко добыть и без помощи Бога. Поэтому Крыскин намеренно искажает слова Христа (См.: Мф. 4, 4), заявляя, что именно хлебом единым жив человек¹¹⁸⁰. Он, так же как и диавол, искушает Алпатова хлебом, в чем находим аллюзию на искушение Христа в пустыне (См.: Мф. 4, 1–4) и через

¹¹⁷⁵ Пришвин М. М. Мирская чаша. С. 499.

¹¹⁷⁶ См.: там же. С. 500.

¹¹⁷⁷ Там же. С. 550.

¹¹⁷⁸ Там же. С. 536.

¹¹⁷⁹ Подоксенов А. М. Библийские мотивы в повести «Мирская чаша» и дневнике М. М. Пришвина. URL : <http://credo-new.ru/archives/201>.

¹¹⁸⁰ См.: Пришвин М. М. Мирская чаша. С. 535.

что обнаруживается истинная природа огородника. По замечанию Н. В. Борисовой, такие люди — «“обезьяньи рабы”, впустившие зверя в свою душу...»¹¹⁸¹.

Однако, несмотря на всеобщую картину отступления и порочности общества, М. М. Пришвин верит, что Воскресение обязательно наступит, символом чего в тексте служит образ Лазаря, выраженный в очень больном старике с повязанной головой. Указывая на важнейшую роль данного эпизодического персонажа в повести, Н. В. Борисова замечает: «Это глубоко символический образ, сотканный из библейских реминисценций... соединяет... все линии пришвинского дискурса, материализуя библейский подтекст воскресения, преображения России»¹¹⁸².

Так, общее настроение повести, сюжет, онтологический конфликт между Христом и дьяволом, жизнью и смертью, обилие эсхатологических символов и отсылок на тесты Откровения и Священного Писания, а также дневниковые свидетельства самого автора дают все основания утверждать, что данное произведение следует прочитывать именно в религиозном ключе. Как утверждает И. С. Урюпин, текст «Мирской чаши» является проекцией библейских и евангельских сюжетов через призму вечности на революционные потрясения в России. По этой причине повесть «...почти исключительно связывается исследователями с православно-христианским контекстом»¹¹⁸³. На это также указывает А. М. Подоксенов, замечая, что данная повесть является не чем иным, как попыткой осмысления времени в свете учения Христа — «...критерием оценки всех тех событий и явлений, о которых идет повествование»¹¹⁸⁴.

Последним рассказом, закрывающим тематику смерти и продолжающим рассмотрение эсхатологии, является произведение «Слепая Голгофа» (1924). По своей форме произведение больше напоминает жанр очерка. Так, главным

¹¹⁸¹ Борисова Н. В. М. Пришвин «Мирская чаша» цвет и крест России. С. 146.

¹¹⁸² Там же. С. 150.

¹¹⁸³ Урюпин И. С. Ветхозаветный контекст и метатекст повести М. М. Пришвина «Мирская чаша». С. 157.

¹¹⁸⁴ Подоксенов А. М. Библейские мотивы в повести «Мирская чаша» и дневнике М. М. Пришвина. URL : <http://credo-new.ru/archives/201>.

действующим лицом снова выступает сам автор — М. М. Пришвин, уже отправившийся на фронт в качестве военного корреспондента. На религиозную проблематику сразу же наталкивают заголовок и подзаголовки произведения, акцентирующие внимание на Голгофе и смерти.

В рассказе повествователь показывает три краткие последовательно идущие миниатюры, описывая свои впечатления и переживания. Так, в первой части «Гроза» повествуется о начале войны; во второй, получившей название «Телега смерти», рассказывается о дороге на фронт; а в заключительной части «Машина смерти» автор делится своими впечатлениями от увиденного на войне.

Сжатость произведения непосредственно влияет на восприятие времени. Так, в первой миниатюре время вспыхивает внезапно, как вспышка молнии, ослепляя человека и не давая ему собраться с мыслями. Вторая миниатюра, напротив, характеризуется безвременностью, погружением в себя. Третья часть показывает наступившее подобное аду время-состояние войны, ужасное в каждом своем мгновении.

Несмотря на краткость и первичную кажущуюся простоту, в рассказе прочитываются евангельские образы — предзнаменования Страшного суда. Так, повествование первой части начинается и заканчивается именно знамением на небе: «...замечаю наверху тучку кровавого цвета...»¹¹⁸⁵; «В эту ночь наконец все разрешилось страшной грозой. <...> При свете молнии вижу... пораженных людей. Это, как сила молнии, поражающее слово было... Война!»¹¹⁸⁶. В авторском акценте на особых облаках и поражающей всех грозе с молниями можно усмотреть аллюзию на тексты Евангелия и Откровения Иоанна Богослова: «Се, грядет с облаками, и узрит Его всякое око» (Откр. 1, 7); «Ибо, как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого» (Мф. 24, 27). На прочтение рассказа в данном эсхатологическом ключе также наводят вкрапленные в текст авторские заметки, выполненные как бы летопись о признаках конца: «Еще бы летописец поведал о горящих на сотни

¹¹⁸⁵ Пришвин М. М. Слепая Голгофа // Собр. соч. : в 8 т. М. : Художественная литература, 1982. Т. 2. С. 598.

¹¹⁸⁶ Там же. С. 599.

верст лесах, о солнце, желтом, померкнувшем от дыма, о небывалом на Севере зное...»¹¹⁸⁷. Здесь также находим аллюзию на евангельский текст: «И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет» (Мф. 24, 29). Так, новость о войне — еще одним признаке конца: «Также услышите о войнах и о военных слухах» (Мф. 24, 6) — подается автором словно наступившее Второе пришествие, с сопутствующими тому предзнаменованиями. Данную эсхатологическую направленность также отмечает Н. Д. Есикова, усматривая в образе вестника войны всадника Апокалипсиса¹¹⁸⁸. Атмосфера грядущего Суда также прочитывается с первых строк второй части рассказа «Телега смерти»: «После первой суеты наступило молчание, казалось, будто все чувствуют себя виноватыми»¹¹⁸⁹. Автор как бы сравнивает состояние людей, пораженных вестью о войне, с внезапной смертью, обличаемых своей совестью и осуждаемых ей. А описание многочисленных телег, везущих «осужденных», наводит на мысль об ангелах, собирающих на Суд людские души (См.: Мф. 24, 31). Третья часть рассказа «Машина смерти» уже показывает войну как ад, лишаящий жизни людей. Повествователь замечает: «Сердца раскрываются в каких-то нечеловеческих образах, какие-то странные чувства животных...»¹¹⁹⁰. В этом «аду» людей не спасают от смерти, но, напротив, отдают ей. Даже призванных спасать врачей заботит не помощь, но поиск дезертиров с последующей их отправкой на «суд». Ежедневно видя своими глазами ужасы войны и смерть людей, автор в конце заключает: «...я привыкал и, привыкая, слеп. И нас, слепых, кто-то взял на Голгофу. Кто же видел и кто творил эту слепую Голгофу?»¹¹⁹¹. Повествователь оставляет этот вопрос открытым. Однако в самой постановке вопроса наблюдается существенное изменение в мыслях писателя.

Так, если в первых рассказах традиционное Православие не являлось областью интереса автора, а христианская смерть воспринималась лишь как темное обрядоверие, то в последнем рассказе ситуация меняется. М. М. Пришвин,

¹¹⁸⁷ Пришвин М. М. Слепая Голгофа. С. 598.

¹¹⁸⁸ Есикова Н. Д. Символические мотивы и образы в цикле М. М. Пришвина «Слепая голгофа». С. 91.

¹¹⁸⁹ Пришвин М. М. Слепая Голгофа. С. 599.

¹¹⁹⁰ Там же. С. 600.

¹¹⁹¹ Там же. С. 601.

вводя метафору «Слепая Голгофа», противопоставляет ей Голгофу евангельскую. Своим вопросом автор как бы начинает признавать возвышенный смысл Христовых страданий и потому между строк задает вопрос: как же следует относиться к страданиям войны, к бессмысленным смертям, к неоправданной жестокости? И кто является причиной всего возникшего зла?

Ответ можно обнаружить в написанном позднее публицистическом произведении М. М. Пришвина «В саду» (1918 г.). В нем автор рассуждает: «Верно, — думаю, — сопрел наш старый православный крест, и мужики так дружно работают, сколачивают себе новый крест — орудие казни позорной. <...> ...Выйдите же, скажите им правду, спасите их, бессловесных, от казни на кресте, который рубят они себе своими руками»¹¹⁹². Так, по мысли автора, «Слепую Голгофу» творит сам народ, потерявший свой духовный стержень, и поэтому он сам обрекает себя на бессмысленную и глупую смерть. Сам же повествователь не прекращает своих поисков «духовного стержня» и Истины и потому пытается найти спасение от смерти, равно как и от бессмысленного, «слепого» страдания, именно в Боге, подтверждение чему можем найти в прочих произведениях автора.

Подводя **итоги по параграфу**, можно отметить, что еще одной магистральной темой, прошедшей через все творчество писателя, было восприятие эсхатологии.

Ключевой особенностью религиозной мысли писателя в рамках данной проблемы было бегство от страданий и смерти. Как дальний потомок выгоредских старообрядцев (по матери), М. М. Пришвин был знаком с присущим беспоповцам апокалипсизмом: мрачным и безрадостным ожиданием конца и бегом от антихриста. Несмотря на то, что сам писатель старообрядчества не воспринял и даже отзывался о нем, как о черной религии смерти, чувство перманентного ожидания мировой катастрофы его не покидало. Так, он органично, естественно воспринял идеи революционного пожара и с присущей старообрядцу ревностью распространял новые идеи. Однако его душа искала

---

¹¹⁹² Пришвин М. М. В саду. С. 212.

иною. М. М. Пришвин жаждал жизни, света и радости, чего не могло дать ни старообрядчество, ни марксизм. В качестве антипода староверческой смертности автор избрал жизнеутверждающий пантеизм, но он не решал главной проблемы писателя — неизбежности смерти. Так, подобно скрытникам-бегунам писатель начинает свое бегство от смерти, ища личного спасения. Понимая, что найти Спасителя вероятней всего в рамках религиозных учений автор знакомится с РФО, сектами, христианскими и нехристианскими религиозными конфессиями. Поскольку большую часть жизни М. М. Пришвин позиционировал себя как ищущего, он не был полноценным адептом ни одной религиозной организации (кроме Православия). Так, его эсхатологическим взглядам стал присущ синкретизм, далекий от христианского учения. С фактическим переходом в Православную Церковь в 1945 г. и началом активного воцерковления проблема посмертной участи встает перед ним особенно остро. Осознавая, что в вопросе вечности он не обладает полноценным знанием, поскольку всю жизнь опирался на разрозненные заимствованные учения и собственные догадки, М. М. Пришвин в конце жизни все-таки доверяется Спасителю и полагается на Бога. Так, он без страха переступил порог смерти, хоть и не понимал в полной мере, что именно из себя представляет Небесное Царство.

В вопросе понимания писателем эсхатологии можно выделить следующие этапы: на 1908 г. представления о суде и вечных муках отсутствуют полностью. Автор впервые задается вопросом о посмертной участи человека и местопребывании души; 1909 г.: пантеистические взгляды. Поиск решения проблемы человеческой смерти в пантеизме; 1915–1917 гг.: ожидание Страшного суда. Начало осмысления эсхатологии в русле христианства; 1918 г.: ожидание Второго пришествия с разделением общества на овец и козлищ; 1927 г.: разочарование христианской эсхатологией; 1928 г.: увлечение учением индийских гуру о посмертной участи человека. Допускает возможность Царства Небесного в иной, нехристианской форме, без Суда и мук, вне человеческой природы; 1937 г.: считает, что после смерти нет никакого Суда и Судьи вовсе; 1940 г.: происходит

подмена понятий. Второе пришествие — это не пришествие Христа, но приход в его жизнь В. Д. Лиорко; 1941 г.: возвращение к христианскому пониманию эсхатологии. Понимание войны, как начала Суда; 1942 г.: допускает апокатастасис; 1945 г.: признает православное учение о том, что рай и ад ощущаются уже при земной жизни; 1950 г.: выдвигает гипотезу, что после смерти души людей могут не иметь собственного бытия, но исходят в единую общую душу. Считает, что Царство Небесное возможно достичь без труда и лишений. Приходит к мнению, что буквальное понимание Второго пришествия ошибочно, т. к. оно является фигурой речи, образом бесконечного приближения к Богу; 1952 г.: чувствуя близость смерти предает себя в руки Божии, надеясь на Его милость и Царство Небесное.

В перемене взглядов писателя важную роль сыграли: ранняя смерть отца; несчастная любовь и мысли о суициде; последовательное разочарование старообрядчеством, марксизмом и пантеизмом; тяжелое переживание смерти матери в 1914 г.; Первая мировая война и революция 1917 г.; тюремное заключение в 1918 г.; победа Красной армии в гражданской войне; знакомство с В. Д. Лиорко в 1940 г.; Великая Отечественная война; изобретение атомной бомбы; наступившая старость, болезни и ожидание кончины.

Проблематика авторского понимания эсхатологии встречается в большей степени в дневниках писателя и художественных произведениях. В рамках публицистических произведений тема почти не поднималась. В числе распространенных лексических средств выражения авторской проблематики можно отметить: обилие сравнений (эсхатология как смерть природы, конец света, насилие дьявола, Второе Христово пришествие, Суд Божий, Царство Небесное и т. д.). Среди синтаксических средств: противопоставление (смерть Пана и смерть христиан; овцы и козлища; жизнь «здесь» и «там»; Чаша и чан и т. д.); риторические вопросы и обращения. Среди прочих средств выразительности особое место занимают: обильные аллюзии, реминисценции и цитаты на Священное Писание. Значимую роль в образной системе несут пейзаж и портрет, выступающие в качестве наглядных признаков Суда и Христова пришествия.

Религиозная проблематика также передается на уровне заголовков («Последний ответ», «В саду», «Страшный суд», «На трубу Архангела», «Мирская чаша», «Слепая Голгофа»). В ряде произведений писатель вводит героя (Алпатова) — alter ego М. М. Пришвина, благодаря чему автор имеет возможность повествовать о глубоко личных, биографических моментах своей жизни и волнующих его экзистенциальных вопросах, не заявляя о себе прямо.

Поскольку вопрос посмертной участи человека рассматривался автором задолго до его фактического вхождения в Церковь, М. М. Пришвину было присуще множество догматических заблуждений, расходящихся с нормами Православной Церкви. Так, например, он сомневался в истинности воскресения, допускал реинкарнацию в духе индуизма, ставил под вопрос реальность предстоящего Суда и Судьи, не исключал возможности апокатастасиса и бытия единой души мира, ставил под сомнение евангельский тезис о прикладывании усилий для достижения Небесного Царства. Однако несмотря на все это на смертном одре М. М. Пришвин желал лишь одного — достигнуть Небесного Царства. Благодаря такому конечному целеполаганию можно утверждать, что при всех своих бывших заблуждениях он в итоге остановился именно на православном понимании эсхатологии и умер не как язычник, но христианин, нашедший в Боге свое спасение от смерти.

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМА ПРИШВИНСКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ПИСАТЕЛЯ

3.1. «На руинах браков»: специфика авторского восприятия любви

Дневники (1905–1946 гг.)

Сквозной темой, с которой начинается цикл дневниковых записей 1905–1954 гг. и которая во многом раскрывает авторскую позицию по вопросам нравственности, является любовь. Интерес писателя к данной теме был обусловлен неразделенным чувством к В. П. Измалковой (в 1902 г.) и последующим сожительством с Е. П. Смогалевой. Так несчастная любовь стала причиной размышлений об ее истинной природе.

В. Д. Лиорко отмечает, что на тот момент писатель чрезвычайно нуждался в любовной поддержке со стороны, однако сам любить не умел. В лице автора дневников любовь находила лишь патологические, маниакальные проявления¹¹⁹³ и ранила как самого писателя, так и тех, с кем он общался. Его жена, как редактор дневников, сообщает, что в отношениях с В. П. Измалковой ему был свойственен эгоизм и сугубо потребительское отношение к женщине как предмету вдохновения, но не человеку¹¹⁹⁴.

Дневник за 1905 г. показывает, что сначала М. М. Пришвин воспринимал любовь как свободное, вольное и непременно физическое чувство¹¹⁹⁵. Однако уже в 1908 г. писатель начинает сомневаться в истинности подобных взглядов и ставит перед собой неразрешимые вопросы. Он спрашивает себя: «Любовь — какая же настоящая? Та, которая блестит и обнимает весь мир? Или та, которая никому не видна в глубине темных ночей?»¹¹⁹⁶. С одной стороны, автор понимает, что любовь (как плотское влечение) должна приносить взаимное удовольствие и

¹¹⁹³ См.: Пришвина В. Д. Война. С. 192.

¹¹⁹⁴ См.: Пришвина В. Д. Наш дом. С. 373.

¹¹⁹⁵ См.: Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 6.

¹¹⁹⁶ Там же. С. 98.

радость, но на личном опыте ощущает в ней лишь тоску и разочарование, объяснения чему он так и не находит. В записи от 16 декабря 1908 г. он пишет: «...я знаю по опыту любовь к женщине. Что это значит? — задаю я себе вопрос... Значит теперь, отвечаю я, совершенно отчетливое ощущение в сердце моем тоски... Эта тоска стремится меня к исканиям...»¹¹⁹⁷.

В период 1905–1913 гг. на фоне растущего чувства одиночества и депрессии единственно верным критерием истинной любви М. М. Пришвин считает радость и ощущение полноты¹¹⁹⁸, совершенно упуская из поля зрения ее главный источник — Бога. Пытаясь найти ее источник, он сходится с замужней женщиной Е. П. Смогалевой, однако это не приносит ему желанного счастья. Напротив, писатель начинает страдать еще больше, о чем сообщает в своей записи от 31 августа 1913 г.: «Из-за нее [Е. П. Смогалевой] разрушились отношения с матерью. Из-за нее жизнь пришла в какое-то отчуждение, в дикость. Из-за нее я стал писать, мучиться и искать»¹¹⁹⁹. Так, тема истинной любви станет одной из наиболее значимых для писателя и останется магистральной на протяжении всех восемнадцати томов дневников.

Если в довоенный период тема любви являлась одной из важнейших, но не ключевых, то в 1914–1940 гг. она становится первостепенной и самой частотной. Повышенный интерес автора к данному вопросу можно объяснить как интересом к философии В. В. Розанова, который «...первый открыто обозначил эротическую тему в русской литературе и общественной мысли, легализовал ее...»¹²⁰⁰, так и личным неудовлетворительным «опытом любви». Дневник показывает, что писатель искал ее везде и во всем, не ограничиваясь общепринятыми поведенческими рамками.

По свидетельству племянницы М. М. Пришвина Т. И. Игнатовой-Коншиной и писателя Ф. Е. Каманина, ему всегда была свойственна спонтанность принятия решений и до самозабвения высокая степень увлеченности. Его родственница

¹¹⁹⁷ Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 108.

¹¹⁹⁸ См.: там же. С. 152.

¹¹⁹⁹ Там же. С. 169.

¹²⁰⁰ Варламов А. В. Пришвин. С. 31.

вспоминает: «Таков уж он был всегда: когда увлечется чем-нибудь, то уж весь горит»¹²⁰¹, а Ф. Е. Каманин, друг писателя и непосредственный свидетель его любовной драмы 40-х г., пишет: «До глубокой старости был он человеком увлекающимся... по-юношески, по-пришвински»¹²⁰². На основании материалов дневников можно заключить, что подобная увлеченность также распространялась на женщин, среди которых автор искал свою настоящую любовь. В качестве примера данного поиска можно выделить: «любовь коммуной» — сожительство с замужней женщиной С. П. Коноплянцевой; любовь в семье — незарегистрированное сожительство с Е. П. Смогалевой, матерью его детей; любовь «в Боге» — зарегистрированный брак с В. Д. Лиорко, также замужней женщиной, ушедшей от своего законного супруга.

Причиной связи с С. П. Коноплянцевой послужило разорение дома М. М. Пришвина крестьянами и дальнейший отъезд Е. П. Смогалевой на родину, в Смоленскую губернию. Так писатель примыкает к семье своего друга А. М. Коноплянцева, в которой живет «комунной» до 1920 г. В записях от 21 июля 1918 г. находим, что автор обосновывает свою связь с С. П. Коноплянцевой полным моральным правом, считая ее законного супруга «...не важным обстоятельством...»¹²⁰³. А. Н. Варламов на это замечает следующее: «...их несло в языческом потоке революционных лет... в основе всего лежал чистый эрос...»¹²⁰⁴.

В записи от 27 июля видим, что М. М. Пришвин ставит знак равенства между святостью любви, страстью и развратом. В той же записи он констатирует: «...страсть, как пар, нельзя запереть: запри пар, и он сильнее будет давить на стенки...»¹²⁰⁵, а в записи от 28 августа, в праздник Успения, заключает: «Разврат — это поэзия полового акта, который по существу своему чист и свят»¹²⁰⁶.

¹²⁰¹ Игнатова-Коншина Т. И. В Хрущеве // Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Воспоминания современников / сост., вступ. ст., коммент. Л. А. Рязанова и Я. З. Гришина. СПб. : Росток, 2005. С. 16.

¹²⁰² Каманин Ф. Е. Литературные встречи // Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Воспоминания современников / сост., вступ. ст., коммент. Л. А. Рязанова и Я. З. Гришина. СПб. : Росток, 2005. С. 121.

¹²⁰³ Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. С. 142–143.

¹²⁰⁴ Варламов А. В. Пришвин. С. 189.

¹²⁰⁵ Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. С. 145.

¹²⁰⁶ Там же. С. 148.

«Святость» возникшего чувства к С. П. Коноплянцевой он также подчеркивает в записи от 18 сентября. В ней писатель замечает о себе следующим образом: «...не насильником вошел он к ней, а тихим гостем, обещая будущее безболезненно, непостыдно, свято, мирно и безгрешно»¹²⁰⁷ (как в просительной ектенье). В это время страсть (эрос) открывается писателю сугубо как добродетель и основной источник любви и творчества, проистекающий отовсюду, как в границах семьи, так и вне ее¹²⁰⁸. При этом факт супружеской измены не представляется для М. М. Пришвина чем-либо предосудительным¹²⁰⁹. По мнению А. М. Подоксенова, данная позиция писателя в области интимного взаимоотношения полов обусловлена его «хроническим неудовлетворенным половым чувством»¹²¹⁰ и последующим интересом к учению З. Фрейда, что объясняет его столь значительное расхождение с учением Церкви и нормами общественной морали.

Перемена взглядов писателя возникает в 1920 г., после его возвращения к Е. П. Смогалевой и детям. С этого времени любовь перестает ассоциироваться исключительно со страстью и начинает связываться с деятельными поступками¹²¹¹, как связь с умершими предками¹²¹² и как движущая сила души человека¹²¹³. Переосмысление писателем темы любви в столь короткий промежуток времени было обусловлено болью утраты родных братьев, сестры и сына, умерших во время гражданской войны и эпидемии тифа. Лишь после понесенных душевных страданий М. М. Пришвин впервые начинает смотреть на любовь через призму христианства и обретает ее новую, религиозную сторону. В записи от 8 октября писатель отмечает: «Из раненой души вытекает любовь»¹²¹⁴.

В 1921 г., в записи от 4 апреля, через размышление о заповеди Христа «...любите друг друга...» (Ин. 13, 34) М. М. Пришвин подходит к теме любви еще глубже. Он заключает в ней свойство соединения и связи людей между собой в

¹²⁰⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. С. 166.

¹²⁰⁸ См.: там же. С. 171.

¹²⁰⁹ См.: там же. С. 191.

¹²¹⁰ См.: Подоксенов А. М. Философско-мировоззренческий дискурс и культурный контекст творчества М. М. Пришвина. С. 31.

¹²¹¹ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. С. 38.

¹²¹² См.: там же. С. 90.

¹²¹³ См.: там же. С. 96.

¹²¹⁴ Там же.

христианстве¹²¹⁵. Так, любовь помимо физической, чувственной стороны обретает новую, религиозную. В 1922 г. в записи от 11 ноября он замечает об этом следующим образом: «В любви-эросе возможны все виды тончайших ощущений любви, но разобраться — все их можно назвать эгоизмом..., но агапе есть совершенно другой природы»¹²¹⁶. С этого момента в дневнике появляются тексты Священного Писания в контексте учения о любви, а также регулярные тематические выписки из Евангелия¹²¹⁷.

Однако, несмотря на то, что с 1920 г. М. М. Пришвин отошел от восприятия любви лишь как эроса, он так и не смог полноценно приблизиться к ее христианскому пониманию. Наиболее ярко это иллюстрирует запись от 14 января 1926 г. В ней он замечает, что хоть страдание и болезни действительно способствуют формированию любви — искать ее надлежит именно в счастье и радости. Путь же познания любви через болезни и сострадание писатель приписывает христианству, в чем видит его «вред и безумие»¹²¹⁸ и потому данный подход истинным не считает.

Это становится очевидным после его сближения с В. Д. Лиорко 16 января 1940 г. Именно тогда он вступает на новый путь познания любви в «Боге», которую некоторые исследователи ошибочно принимали за «высокую, подлинную и воистину христианскую»¹²¹⁹. По факту эта «любовь» оставалась все тем же эросом и страстью под покровом религии. Предпосылкой нового романа послужил рабочий переезд М. М. Пришвина в Москву, а также болезнь жены, исключая супружескую близость¹²²⁰. Изначально его отношения с В. Д. Лиорко формировались сугубо как деловые и заключались в работе над дневниковыми архивами. С 25 января 1940 г. тон их взаимоотношений резко меняется, и писатель констатирует начало «религиозной и духовной» связи¹²²¹.

¹²¹⁵ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. С. 159.

¹²¹⁶ Там же. С. 283.

¹²¹⁷ См.: там же. С. 289; Пришвин М. М. Дневники. 1923–1925. С. 364–369; Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. С. 13–14; Пришвин М. М. Дневники. 1932–1935. С. 59.

¹²¹⁸ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. С. 196.

¹²¹⁹ См.: Фатеев В. А. Христианские мотивы в «Дневниках» М. М. Пришвина. С. 280–281.

¹²²⁰ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1936–1937. С. 237.

¹²²¹ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 36, 59.

Начиная с записи от 12 февраля, он позиционирует свою любовь как религиозное чувство и сравнивает ее с Песнью Песней Соломона¹²²², а в записи от 24 февраля прямо отмечает религиозность ее происхождения¹²²³.

Ошибочность понимания христианской любви М. М. Пришвиным находим в записи от 13 февраля: «...весь порочный аскетизм начинается с того момента, когда “сладость” понимается ядом, и от него ждут спасения. Аскетизм является целомудренным, пока он есть пантеизм»¹²²⁴. Также сомнительность духовного начала взаимоотношений подчеркивается целым рядом записей, в которых писатель с предельной откровенностью описывает возникшую в себе страсть¹²²⁵. Уже 24 марта он провозглашает любовь «раем плоти»¹²²⁶, а 17–18 сентября приходит к выводу, что даже само Евангелие указывает на эротическое происхождение личности и заключает в этом смысл благой вести¹²²⁷.

Весьма показательными являются свидетельства друга писателя, Ф. Е. Каманина, и его родственника, А. С. Пришвина, повествующие о начале романа М. М. Пришвина с В. Д. Лиорко. Пытаясь убедить его вернуться к своей законной супруге и взывая к нравственности, Ф. Е. Каманин встретил жесткий отпор. Так, он вспоминает: «Он [прим.: Пришвин] не дал мне больше говорить, вскочил как ужаленный. <...> ...Он не слушал, он продолжал кричать...»¹²²⁸. Непреклонность писателя также отмечает А. С. Пришвин: «Все доводы разбивались о его каменное упорство. Он был одержим, захвачен этой внезапной вспыхнувшей любовью. Ему говорили одно, он твердил свое: „Люблю!“ Ему напоминали о долге, о взрослых уже внуках, а он упрямо повторял свое: “Люблю”»¹²²⁹.

В своих мемуарах Ф. Е. Каманин также описывает, как М. М. Пришвин шантажировал В. Д. Лиорко, говоря, что застрелится, если она его покинет¹²³⁰.

¹²²² См.: Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 38–41.

¹²²³ См.: там же. С. 59.

¹²²⁴ Там же. С. 41.

¹²²⁵ См.: там же. С. 71, 75, 93.

¹²²⁶ См.: там же. С. 107.

¹²²⁷ См.: там же. С. 272.

¹²²⁸ Каманин Ф. Е. Литературные встречи. С. 118.

¹²²⁹ Цит. по: Варламов А. В. Пришвин. С. 424.

¹²³⁰ См.: Каманин Ф. Е. Литературные встречи. С. 118.

Опасность суицида из-за неразделенной любви также подтверждают Н. В. Реформаторская, которой он пытался отдать все свои охотничьи ружья¹²³¹, и сам М. М. Пришвин в своем дневнике: «Ночью дошли до того, что решили вместе умереть, “как Ромео и Джульетта”»¹²³².

На основании данных заметок писателя можно заключить, что в 1940 г. автору все также были присущи заблуждения во взглядах на истинную природу любви, несмотря на то что сам он считал ее христианской и имеющей божественное происхождение.

Так, в 1940 г. М. М. Пришвин с полной уверенностью констатирует, что лишь благодаря возникшему чувству к В. Д. Лиорко он начал свое подлинное восхождение к Богу (разнящееся с церковной традицией) и опытное познание любви¹²³³ (также не соответствующее духу и учению Церкви). Более того, автор прямо заявляет о В. Д. Лиорко как о святой женщине¹²³⁴, что видим из письма к М. С. Успенскому от 19 мая 1940 г. Подобные мнения писателя А. Н. Варламов объясняет тем, что на тот момент автору были чужды христианское покаяние и чувство раскаяния в грехах¹²³⁵. Несмотря на явное расхождение с христианским учением, с началом Великой Отечественной войны М. М. Пришвин продолжит осмысление данной темы, более приближенной к Православию.

По большей части на высокую степень интереса к теме любви в 1941–1954 гг. повлиял анализ личных взаимоотношений писателя с В. Д. Лиорко. Так, если в 1914–1940 гг. он обращает особое внимание скорее на свой эмпирический опыт, то после 1941 г., во время совместной жизни с В. Д. Лиорко, смещает акцент в дневниковых записях в сторону ее аналитики. Писатель предпринимает попытку дать определение истинной любви, выделить ее ключевые свойства, а также проследить все существующие формы и виды любви.

¹²³¹ См.: Реформаторская Н. В. О Пришвине. С. 160.

¹²³² Пришвин М. М. Пришвина В. Д. Мы с тобой : Дневник любви. СПб. : Росток, 2003. С. 136.

¹²³³ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. М., 2012. С. 85.

¹²³⁴ См.: там же. С. 170.

¹²³⁵ См.: Варламов А. В. Пришвин. С. 425.

Уже с началом Великой Отечественной войны М. М. Пришвин заключает, что любовь есть сила, преодолевающая смерть¹²³⁶, а 16 марта 1944 г. утверждает: «Любить — это значит другого человека ставить выше себя»¹²³⁷. Он замечает, что истинная любовь рождается в чувстве боли и сопереживании родному человеку, а не в личном удовлетворении¹²³⁸, к чему его подтолкнула сцена прощания призывников с родными в д. Глухово, свидетелем которой он стал лично.

Важное открытие автора об истинной природе любви находим в записи от 1 октября 1944 г. Он пишет, что только тогда любовь становится истинной и не подменяется слепым обожанием, когда в человеке в первую очередь любят образ Божий¹²³⁹. К данному умозаключению его привел более трезвый взгляд на В. Д. Лиорко, которую поначалу он едва ли не обожествлял.

Также важным фактором в понимании любви стало влияние Православной Церкви. Благодаря своему воцерковлению он осознал важнейшие христианские истины. 26 января 1947 г. он пишет: «...“любить” значит и делать»¹²⁴⁰; «...любовь без дел, как и вера — мертва»¹²⁴¹. К данному заключению он подошел благодаря непосредственному примеру Православной Церкви, непрестанно молящейся даже за враждебную ей государственную власть. Через это М. М. Пришвин открывает еще одно свойство любви — единение всех в мире и отсутствие всякого рода вражды и разделений¹²⁴².

Особое внимание в дневниках писатель уделяет разбору существующих типов любви. Наиболее далекой от совершенства он считает любовь родовую, ветхозаветную, в которой видит лишь возможность продолжения рода¹²⁴³. Как порочную он выделяет любовь к плоду собственной фантазии, что выявляет после разочарования в В. Д. Лиорко: «...я не ее любил, а создание своего воображения, или себя самого. Не любовь это, а себялюбие...»¹²⁴⁴. Также совершенно

¹²³⁶ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 81.

¹²³⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 53.

¹²³⁸ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 486.

¹²³⁹ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 288.

¹²⁴⁰ Пришвин М. М. Дневники. 1946–1947. С. 417.

¹²⁴¹ Там же. С. 202.

¹²⁴² См.: Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949. С. 96.

¹²⁴³ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 554, 697.

¹²⁴⁴ Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 283.

недостойной он считает эгоистическую любовь «только для себя»¹²⁴⁵, сравнивая ее со стоячей мертвой водой. К числу же достойных проявлений любви писатель относит любовь к личному врагу¹²⁴⁶, отчасти любовь в браке, а также любовь к Богу.

Однако представление М. М. Пришвина о любви в браке по-прежнему остается одним из самых этически противоречивых и расходящихся с традиционным учением Церкви. Так, в личном праве сожительства с В. Д. Лиорко он не останавливается даже перед текстом Евангелия и потому выражает критику в адрес Священного Писания. 8 марта 1942 г. он пишет: «Евангелие требует от каждого долга жить с нелюбимым человеком и не думать о лучшем»¹²⁴⁷. Наиболее показательной является запись от 16 августа 1942 г. В ней он говорит: «...если станет на пути этой любви стыд перед блудом или “общественность”, то значит долой блуд, долой общественность, потому что мы двое в любви (в Боге), и общественность, и Церковь, и вселенная — мы больше всех»¹²⁴⁸.

Однако когда автор дневника узнает, что его сын Петр последовал его примеру и сожительствует с девушкой без регистрации и венчания, его взгляд несколько меняется. 26 сентября 1943 г. он заключает: «...если “всех” поощрять в их опытах на “настоящую”, то будет блуд. Значит, для избранных можно нарушать браки, для всех брак нерасторжим. Но чтобы попасть в “избранные”, надо быть избранным во Христе...»¹²⁴⁹. Так, личная вера во Христа становится для писателя безграничным источником нравственной свободы.

Единственное, что теперь автор дневника признает в собственном видении брака как ошибку, — это лишь «брак втроем» в семье А. М. Коноплянцева в 1918–1920 гг., приведший его в глубочайший душевный кризис¹²⁵⁰.

Восприятие же М. М. Пришвиным супружеских отношений как «духовного» эроса в Боге остается преимущественно без изменений. Основываясь на Песне

¹²⁴⁵ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1946–1947. С. 117.

¹²⁴⁶ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 426; Пришвин М. М. Дневники. 1946–1947. С. 692; Пришвин М. М. Дневники. 1950–1951. С. 197.

¹²⁴⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 97.

¹²⁴⁸ Там же. С. 245.

¹²⁴⁹ Там же. С. 584.

¹²⁵⁰ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1946–1947. С. 502.

песней Соломона, которую он понимает в отрыве от церковной традиции, писатель заключает: «...Соломон эту самую любовь вознес до небес и показал нам, что если захочет человек, то эта животная страсть делается священной»¹²⁵¹. С наступлением старости восприятие автором учения Церкви о браке, супружеской жизни и критериях блуда по-прежнему остается совершенно неприемлемым, в связи с чем заключить, что в конце жизни М. М. Пришвин полноценно подошел к высоконравственному и православному пониманию любви, не можем.

Художественные произведения (1946 г.)

Для М. М. Пришвина тема любви являлась важнейшей, магистральной во всем его творчестве. Преобладающее большинство записей на тему любви содержится в дневнике за 1905–1954 гг., тогда как в художественном наследии писателя центральным произведением, отразившим авторский взгляд на тему любви, стало произведение «Повесть нашего времени». Для того чтобы правильно понимать специфику авторского восприятия любви, отраженного в произведении, следует обратиться к некоторым страницам из биографии писателя, во многом объясняющим истинные мотивы создания повести.

В 1940 г. М. М. Пришвин оставляет свою супругу Е. П. Смогалеву с детьми и начинает сожительство с В. Д. Лиорко, с которой не разлучается до самой своей смерти. Следует отметить, что канонических оснований для их венчания не было, поскольку ранее В. Д. Лиорко уже состояла в двух браках. Первый раз в 1924 г. — гражданский брак Н. Н. Вознесенским. Второй раз в 1929 г. — церковный брак с А. В. Лебедевым, от которого она впоследствии ушла к М. М. Пришвину. Сам же писатель долгое время жил без официальной регистрации брака с Е. П. Смогалевой, ушедшей от своего мужа в начале XX в. Официально М. М. Пришвин зарегистрировал с ней отношения лишь ради дальнейшего образования уже взрослых детей.

¹²⁵¹ Пришвин М. М. Дневники. 1946–1947. С. 92.

Отсутствие нравственных оснований данных поступков, а также факт незаконности сожительства с В. Д. Лиорко, ввиду постоянных претензий и упреков к ней со стороны ее законного мужа А. В. Лебедева, побудили писателя к созданию произведения, где центральной темой было бы оправдание свободы любви. Главной идеей произведения, по замыслу самого М. М. Пришвина, должна была стать апология супружеской измены и свободы от долга и семейных обязанностей. В дневниковой записи от 23 декабря 1944 г. он пишет: «...один из планов моей повести — это что жена изменяет своему мужу на фронте и получает от автора моральное оправдание. Изменить этот план невозможно...»¹²⁵². В связи с явным аморальным посылом произведение не было допущено к печати ни одним из издательств. Редакторы в один голос называли повесть слабой¹²⁵³, тогда как сам писатель считал ее своим лучшим произведением¹²⁵⁴. От М. М. Пришвина требовали соответственной правки, отвечающей нормам морали, однако для автора мотив оправдания женской измены был принципиален.

Сам он явно осознавал этот «камень преткновения». В дневниковой записи от 12 ноября 1944 г. автор пишет: «...возражение в том, что одна из героинь остается неверна своему мужу»¹²⁵⁵; «...возражение... с точки зрения современных нравов. <...> ...Многим солдатам будет тяжело читать, как изменила Милочка своему мужу. И я считаю это возражение самым серьезным, потому что автору в этом случае нечем защищаться»¹²⁵⁶. Парадоксально, но защиту своим взглядам М. М. Пришвин находит в Священном Писании, по-своему интерпретируя библейские и евангельские тексты, интерполированные в ткань повести. По этой причине автор позиционирует ее именно как христианское произведение, чем объясняет столь решительный отказ издательств в ее публикации¹²⁵⁷.

Однако с точки зрения церковной морали признать повесть подлинно христианской не представляется возможным. Как замечает А. Ю. Павлова, данное

¹²⁵² Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 372.

¹²⁵³ См.: там же. С. 119, 132.

¹²⁵⁴ См.: там же. С. 62.

¹²⁵⁵ Там же. С. 325.

¹²⁵⁶ Там же. С. 343.

¹²⁵⁷ См.: там же. С. 685.

«христианство» писателя «...не стоит отождествлять с каноническим Православием»¹²⁵⁸, поскольку оно является лишь материалом для аргументационной базы «собственной духовной позиции»¹²⁵⁹, отличной от официального учения Церкви. На это также обращает внимание А. Н. Варламов. Он выражает мысль, что «стремление писателя состояло в обновлении традиционного православного учения путем пересмотра устоявшихся истин»¹²⁶⁰. Отчасти это подтверждает и сама жена М. М. Пришвина, отмечая, что в рамках данного произведения «библейские темы и образы переосмыслены..., они соприкасаются с реальной жизнью современного человека и встают в новом значении»¹²⁶¹.

Сюжет произведения «Повесть нашего времени» (1946) завязан на судьбах двух женщин, проводивших мужей на фронт. Первая из них дождалась своего супруга, а вторая начала жить с другим мужчиной. Примечательно, что для самого писателя приоритетной и наиболее важной являлась история именно второй женщины, ради оправдания которой, собственно, и была создана повесть. Так, во время совместной жизни с В. Д. Лиорко у писателя возникла идея создания произведения о «святой блуднице»¹²⁶² с христианской апологией супружеской неверности, заключающейся в мысли о том, что «Богу ближе верующая блудница, нежели обычная благополучная брачная пара»¹²⁶³. Глубокая заинтересованность автора данной темой подтверждается многочисленными дневниковыми записями, предшествующими созданию повести. Так, в записи от 11 марта 1941 г. читаем: «Для Него же Самого Его любезнейшие дети — это кающиеся блудники, которых Он, конечно, предпочитает строго исполняющим закон о браке»¹²⁶⁴; от 23 ноября: «Читая Библию, отмечать всех блудниц»¹²⁶⁵; от 30 августа 1943 г.:

¹²⁵⁸ Павлова А. Ю. Национально-религиозное пространство в «Повести нашего времени» М. М. Пришвина. С. 85.

¹²⁵⁹ См.: там же. С. 86.

¹²⁶⁰ См.: Варламов А. В. Пришвин. С. 426.

¹²⁶¹ Пришвина В. Д. Война. С. 194.

¹²⁶² См.: Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 170, 233, 264.

¹²⁶³ См.: там же. С. 399.

¹²⁶⁴ Там же. С. 400.

¹²⁶⁵ Там же. С. 697.

«И Ляля [прим.: В. Д. Лиорко] как блудница»¹²⁶⁶. Так, ввиду специфики произведения, заложенной самим автором, дальнейший анализ повести будет проводиться именно в рамках любовной проблематики.

Время и пространство в повести, по замечанию Л. П. Платоновой, «...отражает реальную обстановку жизни автора во время войны...»¹²⁶⁷. М. М. Пришвин описывает судьбы людей, с которыми ему пришлось столкнуться во время эвакуации в Усолъе, вблизи Переславля-Залесского.

Повесть состоит из 32 глав, из которых особое значение имеют следующие тринадцать, раскрывающие авторское представление о любви: I «Песнь песней», VI «В тесноте, не в обиде», XII «Пришла беда — отвори ворота», XIII «Жук и ласточка», XVII «Огненный змей», XIX «Фикус»; XX «Озорная тропа», XXII «Хозяйки», XXIII «Петров день», XXV «Голубые цветы», XXVII «Черный дрозд», XXIX «Голубой гость» и XXXII «С непокрытой головой».

В качестве повествователя выступает некий рассказчик, Алексей Михайлович, ремесленник, являющийся свидетелем описываемых в произведении событий и мечтающий воспеть пример увиденной им любви. Несмотря на введение в повесть рассказчика, его идеи и взгляды полностью тождественны мировоззрению самого М. М. Пришвина. Это также подтверждает А. М. Подоксенов, замечая, что «...хотя речь ведется от третьего лица — старого слесаря, содержание и сюжет повести глубоко автобиографичны»¹²⁶⁸.

По свидетельству жены писателя, в «Повести» были отражены особенности их совместной жизни в Усолъе и быт. Так, обстановка дома главной героини, описанная в мельчайших подробностях, — «...это наша комната в Усолъе...»¹²⁶⁹. «Сцена разматывания пряжи двумя... — это пересказ нашей жизни... в декабре

¹²⁶⁶ Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 560.

¹²⁶⁷ Цит. по: Пришвин М. М. Собр. сочинений. Т.5. / коммент. Л. П. Платоновой. М. : Худ. литература, 1983. С. 455.

¹²⁶⁸ Подоксенов А. М. Идеи Ф. М. Достоевского в произведении Михаила Пришвина «Повесть нашего времени» // Философия и культура. 2020. № 2. [Электронный ресурс]. URL : http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31939 (дата обращения 11.02.2024).

¹²⁶⁹ Пришвина В. Д. Война. С. 216.

1945 года...»¹²⁷⁰, а главы о любви «Черный дрозд» и «Голубые цветы» являются адаптированным пересказом усольских дневниковых записей писателя¹²⁷¹.

Следует заметить, что введение в повесть лица рассказчика имело для писателя важное практическое значение. Так, за образом Алексея Михайловича скрывался сам М. М. Пришвин¹²⁷², что позволяло ему более свободно вести повествование на предосудительную в обществе тему супружеской измены.

В системе персонажей центральное место отводится двум: Людмиле Михайловне, Милочке — образу «святой блудницы», жаждущей настоящей любви и потому не связывающей себя узами ранее заключенного брака, и Анне Александровне — образу типичной женщины-христианки, представительнице любви по закону. Именно в контексте их взглядов автор пытается донести идею о том, что любовь настоящая превышает всякого закона — гражданского и церковного. Поскольку прочие персонажи не раскрывают авторского взгляда на любовь, детальному анализу будет посвящен разбор образов и системы взглядов именно этих женщин.

Первое упоминание о Людмиле встречается в главе с характерным названием «Песнь песней». Этой аллюзией М. М. Пришвин задает тон всей повести, ставя историю любви Милочки в один ряд с Песнью песней царя Соломона, о чем прямо заявляет: «...моя любимица Милочка встретила со своим Сережей... когда рожь зацвела. И их простую любовь я хотел бы вознести, как царь Соломон вознес ее в Песни Песней. ...поднять до небес священную песню любви»¹²⁷³; «...написать о любви Милочки, как царь Соломон...»¹²⁷⁴. В. Д. Лиорко, выступавшая прототипом Милочки в произведении, отмечает, что именно «любовь двух и Песнь песней»¹²⁷⁵ становятся центральной темой всего произведения.

¹²⁷⁰ Пришвина В. Д. Война. С. 216.

¹²⁷¹ См.: там же. С. 219, 221–222.

¹²⁷² См.: Алексеева Л. Ф. Противостояние идей, характеры и судьбы мужчин и женщин в «Повести нашего времени» (1944) М. М. Пришвина. С. 11.

¹²⁷³ Пришвин М. М. Повесть нашего времени // Собр. соч. : в 8 т. М. : Худ. литература, 1983. Т. 5. С. 149.

¹²⁷⁴ Там же. С. 151.

¹²⁷⁵ См.: Пришвина В. Д. Война. С. 217.

Однако прежде чем продолжить анализ, следует указать на особенность авторского понимания данного ветхозаветного текста. Для М. М. Пришвина Песнь песней являлась не более чем древним произведением о любви, воспевающим чувства женщины к любимому мужчине. Судя по всему, автор не был знаком с герменевтической традицией Православной Церкви, гласящей, что Песнь песней следует прочитывать сугубо аллегорически, понимая под любящими взаимоотношение Христа и Церкви. По этой причине автор использует данную книгу, вкладывая в нее совершенно иное значение. Так, Песнь песней, включенная в состав Библии, становится для М. М. Пришвина некой апологией любви, априори святой в любых ее проявлениях, нравственно неприкасаемой, вечной, имеющей божественное происхождение и потому стоящей выше гражданских законов и правил. Любовь замужней женщины к другому мужчине показывается автором не как порок, но как добродетель и пример жизненного следования за настоящей любовью, несмотря ни на какие внешние препятствия.

Образцом этого следования любви в произведении стала Милочка. Повествователь описывает Людмилу Михайловну как молодую синеглазую блондинку невысокого роста, всегда ласковую, веселую и добрую. Он сравнивает ее с «птичкой вольной»¹²⁷⁶, «незабудкой»¹²⁷⁷ и «ласточкой»¹²⁷⁸. При такой характеристике рассказчик делает важное уточнение: «...каждая такая птичка, чтобы сделаться ласточкой... непременно должна встретить своего особенного и единственного ценителя»¹²⁷⁹. Рассказчик доносит мысль, что не все мужья способны увидеть в своей «птичке» «ласточку». По логике писателя изменой настоящей любви является жизнь с нелюбимым человеком, тогда как фактическая супружеская измена с заметившим в женщине «ласточку» мужчиной становится добродетельным поступком. В связи с этим автор сравнивает супруга героини с жуком, ее недостойным¹²⁸⁰, а само их нахождение рядом писатель видит чудовищной ошибкой, не раз отмечая, что они не могут быть мужем и женой:

¹²⁷⁶ См.: Пришвин М. М. Повесть нашего времени. С. 158.

¹²⁷⁷ См.: там же. С. 159.

¹²⁷⁸ См.: там же. С. 172.

¹²⁷⁹ Там же.

¹²⁸⁰ См.: там же. С. 173.

«Посмотрел я на них, вспомнил прошлое и подумал, что, пожалуй, в этом браке тоже вечности нет»¹²⁸¹; «...что таким единственным ценителем Милочки был наш Алеша — я очень сомневаюсь»¹²⁸²; «Наверно, Алеша был ей и вправду “не тот”»¹²⁸³. В данном неприязненном отношении рассказчика к законному супругу Милочки, а также сравнении его с насекомым имеются веские причины со стороны самого автора повести — М. М. Пришвина. В дневнике за 30 мая 1940 г. читаем: «Ляля теперь состоит в двух браках, в церковном с Ал. Вас. и в гражданском со мной. ...Ал. Вас. держится за церковный брак, “что Бог соединил и пр.” и поступает как паук, жаждущий крови»¹²⁸⁴. Можно предположить, что под Алексеем, мужем героини в повести, подразумевался именно Александр Васильевич Лебедев — законный супруг В. Д. Лиорко. На мысль об этом наталкивает также его уничижительное энтомологическое сравнение с пауком в дневнике и жуком в повести.

В качестве весомого аргумента и морального оправдания супружеской неверности повествователь приводит пересказ Евангелия от Иоанна (Ин. 8, 3–7): «...мне иногда было так при мысли об этом, будто привели на суд блудницу, чтобы побить ее, и каждый уже взял в свою руку камень. Только был один, кто не взял камень и раздумчиво сидел, склонив голову, и что-то тростью писал на песке. — Ты-то, — спрашивают, — почему не хочешь бросить в нее своего камня? И он отвечает: — Если кто чувствует себя правым, пусть первый бросит»¹²⁸⁵. Так, ради следования за настоящей любовью автор призывает всех безбоязненно, смело ловить свою голубую птицу счастья и «присоединяться к этому радостному чувству»¹²⁸⁶. По его мысли, любой поступок и действие, даже общественно-предосудительное, становится прекрасным, «...если только оно ведет к любовной

¹²⁸¹ Пришвин М. М. Повесть нашего времени. С. 158.

¹²⁸² Там же. С. 172.

¹²⁸³ Там же. С. 173.

¹²⁸⁴ Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 177.

¹²⁸⁵ Пришвин М. М. Повесть нашего времени. С. 185.

¹²⁸⁶ См.: там же. С. 186.

связи людей»¹²⁸⁷. В связи с этим М. М. Пришвин заключает: «...не в ЗАГСе и не в милиции утверждают любовь, а в Боге...»¹²⁸⁸.

Аллюзия на Ин. 8, 3–7 является не единственной, которую использует рассказчик. Подражая апостолу любви Иоанну Богослову, повествователь обращается к читателям, называя их детьми, «деточками»¹²⁸⁹. Данный семантический параллелизм ставит рассказчика в позицию учителя, а читателя — в позицию ученика, заставляя верить на слово. Лишь после изложенной аргументационной базы и подготовки читателя автор приступает к истории романа Милочки, жизненно важной для самого М. М. Пришвина.

Повествователь с восторгом рассказывает, как после случайного знакомства с механиком, который ей сразу понравился, Людмила решительно оставляет свою прежнюю профессию и устраивается на его место работы. Причину данного поступка героиня объясняет тем, что впервые в жизни нашла человека с родственной душой, похожего на себя¹²⁹⁰, который смог увидеть в ней нечто особое. Данную мысль она развивает в главе «Голубые цветы», в которой рассуждает следующим образом: «...у диких несчетных цветов... есть свой садовник... он, конечно, любит все свои цветы... каждый безвестный цветок... знаком ему и кажется лучше всех. <...> Так хозяин любит все цветы, но каждый цветок любит больше всех. <...> “Вот и я такая же, — думала Милочка, — ...для всех ничтожная, а Сережа меня заметил и любит больше всех...”»¹²⁹¹. Природу этой любви рассказчик характеризует как божественную, подтверждение чему также находим в дневнике писателя за 24 марта 1940 г.: «“Бог любит не всех одинаково, но каждого больше” (Валерия). Вот чудесно-то!»¹²⁹². Эта глубоко потрясшая писателя запись была оставлена со слов В. Д. Лиорко, руководствовавшейся данным умозаключением при уходе от своего мужа к М. М. Пришвину. Так, с небольшим изменением данная фраза вошла в текст

¹²⁸⁷ Пришвин М. М. Повесть нашего времени. С. 186.

¹²⁸⁸ Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 177.

¹²⁸⁹ См.: Пришвин М. М. Повесть нашего времени. С. 186.

¹²⁹⁰ См.: там же. С. 188.

¹²⁹¹ Там же. С. 197.

¹²⁹² Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 109.

повести, став еще одним аргументом в пользу законности супружеской измены ради большей любви. Законность и божественное основание взаимоотношений между Людмилой и ее мужчиной повествователь подчеркивает еще одной ветхозаветной аллюзией на Книгу Бытия: «...древний бог, наказавший человека изгнанием, возвратил этим двум у окна свое благоволение и передал в их собственные руки продолжение великолепного творчества мира, прерванного непослушанием»¹²⁹³. По этой причине рассказчик обращается ко всем с призывом последовать их примеру и также сложиться в подобном любовном союзе ради продолжения творения в мире прекрасного¹²⁹⁴.

Добротельность Милочки автор подчеркивает следующей иллюстрацией, относящей читателя к евангельскому тексту о жене-блуднице, прощенной Христом и поставленной в пример за то, что она «возлюбила много» (Лк. 7, 38). Повествователь так описывает встречу изменившей мужу женщины со своим супругом: «...Милочка вся упала к ногам, и слезы у нее из глаз полились и мочили ноги человека так же, как мочат святые капли небесной воды весной землю...»¹²⁹⁵. После такой встречи Алексей решает навсегда покинуть свой же дом и пропасть без вести для своей супруги, не препятствуя ее связи с любимым мужчиной¹²⁹⁶. Подобное разрешение конфликта являлось желанным и наилучшим для самого М. М. Пришвина, терпящего неудобства со стороны А. В. Лебедева, готового простить измену В. Д. Лиорко и ожидающего ее возвращения в семью. Данный конфликт хорошо показывает дневниковая запись писателя за 7 июля 1940 г.: «...[А. В. Лебедев] до того нисходит, что советует недвусмысленно быть верной, даже если она сделала этот ошибочный шаг. ...этот грешник должен бы осознать свои ошибки как грехи и как христианин раскаяться в них. А он, напротив, грешницей считает Лялю и упорно читает ей христианскую мораль долга и в этом <зачеркнуто: идиотском> упорстве находит самооправдание как христианина»¹²⁹⁷. В данном контексте следует обратить внимание на особенность авторского

¹²⁹³ Пришвин М. М. Повесть нашего времени. С. 203.

¹²⁹⁴ См.: там же. С. 201–202.

¹²⁹⁵ Там же. С. 207.

¹²⁹⁶ См.: там же. С. 213.

¹²⁹⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 506.

«подлинно христианского» взгляда на данную проблему, который был изложен в повести в лице второй героини, христианки Анны.

Рассказчик описывает ее как «дородную красавицу с тремя хорошими детьми»¹²⁹⁸, распространяющую свою красоту на детей и все, чем ей придется заниматься. Автор, сравнивая ее с «неисчерпаемым золотым рудником»¹²⁹⁹, замечает: «Бывало, как войдет в кухню, как будто и свету прибавится...»¹³⁰⁰. Ее муж Иван признавался всеми, как редкий счастливец, по-христиански живущий с нею душа в душу. Среди индивидуальных черт Анны Александровны повествователь особенно выделяет ее непоколебимую веру в Промысел Божий. Когда она провожала супруга на фронт, «никто не видел слезинки на ее лице, строгом, освещенном, как двумя лампадами, большими карими глазами. Проводила она его... перекрестила, как своего ребенка, и вернулась просто к детишкам... как будто ничего совсем не случилось особенного»¹³⁰¹. Так же достойно она встретила и весть о смерти мужа, помолившись и приняв свершившееся как должное¹³⁰². Однако, несмотря на личный высоконравственный образ жизни и регулярное посещение церкви, Анна всецело одобряет супружескую неверность Людмилы. В ее диалоге с Милочкой находим следующие мысли: «...люби этого, а тот, если действительно любит тебя, пусть перестрадает. Ему это будет к лучшему. <...> ...Ведь, по правде, ты не жена была Алеше, ты и не мать: ты и сейчас только невеста»¹³⁰³; «...Милочка нашла себе полное понимание в сердце Анны Александровны»¹³⁰⁴. Так, в представлении М. М. Пришвина по-настоящему христианский поступок — это дать возможность любящим быть вместе, даже ценой разрушенного брака, что прочитываем во взглядах Анны Александровны. При этом усилия по сохранению семьи с нелюбимым человеком воспринимаются писателем как явление греха, недостойное звания настоящего христианина.

¹²⁹⁸ См.: Пришвин М. М. Повесть нашего времени. С. 159.

¹²⁹⁹ См.: там же. С. 160.

¹³⁰⁰ Там же. С. 159–160.

¹³⁰¹ Там же. С. 170.

¹³⁰² См.: там же. С. 183.

¹³⁰³ Там же. С. 192.

¹³⁰⁴ Там же. С. 208.

Подводя **итог по параграфу** следует отметить, что в рамках нравственной проблематики в творческом наследии М. М. Пришвина тема любви занимает центральное, главенствующее место. Для автора любовный вопрос стоял настолько остро, что ради сохранения своего психического здоровья он был вынужден переносить свое нереализованное любовное чувство в литературной деятельности. Можно сказать, что именно по причине неразделенной любви на свет появились сначала дневники М. М. Пришвина, а затем и прочие публицистические и художественные произведения.

К наиболее значимым особенностям взглядов писателя на проблему понимания любви можно отнести то, что она на протяжении всей жизни автора стояла как вне общепринятой гражданской этической системы, так и вне религиозной, православной традиции. В вопросе личного счастья и собственного представления о любви М. М. Пришвин не ограничивался никакими законами и нравственными рамками. Нередко в лице писателя любовь находила патологические, маниакальные и суицидальные проявления.

На протяжении жизни писателю было свойственно следующее отношение к любви: в 1905 г.: любовь, как свободное, вольное и непременно физическое чувство; 1918 г.: апология святости разврата, эроса, страсти и супружеской неверности; 1920–1921 гг.: открытие религиозной, жертвенной стороны в любви-агапе; 1940 г.: любовь «в Боге», как рай для плоти (эрос под покровом религии и Священного Писания); 1941 г.: как сила, преодолевающая смерть; 1944 г.: как самопожертвование и сопереживание ближнему; 1947 г.: любовь, как дело и свидетельство веры человека.

На изменения взглядов писателя в разное время влияли следующие факторы: в 1902 г.: неразделенное чувство к В. П. Измалковой. Эгоизм и сугубо потребительское отношение к женщине как предмету вдохновения, но не человеку. Интерес к философии Ф. В. Ницше (с последующим переходом к психоанализу З. Фрейда); 1903 г.: сожительство с замужней крестьянкой Е. П. Смогалевой — матери его детей; 1908 г.: тоска, страдание, боль и депрессия, вызванные безрадостным сожительством с Е. П. Смогалевой. Увлечение

эротической философией В. В. Розанова; 1918 г.: разлука с Ефросиньей Павловной и последующий опыт любви «втроем» в семье А. М. Коноплянцева; 1920 г.: возвращение к семье, смерть родственников; 1940 г.: начало сожительства с В. Д. Лиорко и последующие притязания А. В. Лебедева на свою законную супругу; 1941 г.: Великая Отечественная война; 1942 г.: совершенное неприятие православного учения о браке и критериев блуда (подобный взгляд сохранится без изменений до самой смерти писателя даже после его прихода в Церковь).

Проблема понимания любви получила свое отражение в двух жанровых формах: дневниках (максимально подробно и детально) и отчасти в художественных произведениях (особенно в «Повести нашего времени»). Среди наиболее распространенных средств художественной выразительности, способствующих раскрытию темы, следует отметить: обилие риторических вопросов; сравнения (например: страсть, как пар; разврат, как поэзия; любовь, как рай плоти; мы, как Ромео и Джульетта и т. д.); противопоставления (живущие как все (венчанные пары) и непосредственно пребывающие «в Боге» (без таинства брака); верующая блудница и обычная брачная пара и т. д.) аллюзии, реминисценции и цитаты на Священное Писание. В рамках данной проблематики (в «Повести нашего времени») автор вводит лицо рассказчика — Алексея Михайловича — alter ego М. М. Пришвина, полностью тождественного во взглядах с самим писателем.

Анализируя дневники посвященные любовной проблематике с богословской точки зрения, можно заключить следующее: их написание и центральная идея были обусловлены непрекращающимися поисками настоящей любви (женщины) и личного счастья. При этом «Повесть нашего времени» несло иную функцию. Данное произведение являлось авторской апологией супружеской измены ввиду совместной жизни самого М. М. Пришвина с В. Д. Лиорко. Не имея канонических оснований для вступления в церковный брак, писатель предпринимает попытку создания собственной аргументационной базы, убеждающей в законности и добродетельности их союза. Автор считает, что «настоящая любовь подобна лестнице, по которой человек поднимается при помощи эроса, достигая

божественного идеала»¹³⁰⁵, что, однако, расходится с официальным учением Церкви. В связи с этим говорить о данном произведении как о примере «...любви действенной...»¹³⁰⁶ и образце «евангельской любви истинно верующих православных людей»¹³⁰⁷ не представляется возможным.

В своем творческом наследии М. М. Пришвин не признает заповеди Христа о браке: «...что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19, 6), защищает супружескую неверность ради большей любви и активно критикует церковное таинство брака. По этой причине произведения автора на тему любви стоят далеко за пределами как гражданской этической системы, так и православного учения о любви и браке, как аморальные по своему составу.

3.2. Категории добра и зла в нравственном поле М. М. Пришвина

Дневники (1908–1952 гг.)

Для более глубокого понимания особенностей восприятия М. М. Пришвиным нравственности сначала необходимо обратить внимание на его отношение к понятию греха. Интерес М. М. Пришвина к понятию «грех» возник уже в начале постоянного ведения дневника, но особенно проявился во время вступления в РФО Д. С. Мережковского в 1908 г. Поскольку осмысление понятия проходило вне учения Церкви, в обществе декадентов, модернистов и сектантов, то оно приобрело собственное, нехристианское наполнение. По взглядам автора дневников, грех проявляется в чувстве отделенности от всех прочих людей и является плодом внутреннего сознания человека¹³⁰⁸. О природе греха он замечает следующее: «...не в самом поступке грех, а в моем сознании: в чувстве боли от этого и в чувстве отдельности»¹³⁰⁹. Так понятие греха переходит из области

¹³⁰⁵ См.: Подоксенов А. М. Михаил Пришвин и Зигмунд Фрейд. С. 185.

¹³⁰⁶ Алексеева Л. Ф. Противостояние идей, характеры и судьбы мужчин и женщин в «Повести нашего времени» (1944) М. М. Пришвина. С. 14.

¹³⁰⁷ См.: Подоксенов А. М. Идеи Ф. М. Достоевского в произведении Михаила Пришвина «Повесть нашего времени». URL : http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31939.

¹³⁰⁸ См.: Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 634.

¹³⁰⁹ Там же. С. 268–269.

конкретных поступков в область чувств и отношения к ним. В данный период он выводит грех из области зла и даже усматривает в нем положительные свойства.

Лучше всего позицию писателя характеризует запись от 20 февраля 1909 г.: «Грех необходим, чтобы возникла личность»¹³¹⁰. Также он замечает, что своим сознанием греха человек отличается от всего прочего животного мира¹³¹¹. Видение же в себе греха с мукой совести представляется М. М. Пришвину особым даром, что лишь подчеркивает собственную правоту и невиновность¹³¹², тогда как с церковной точки зрения грех является однозначным злом, убивающим человека.

В Первую мировую войну, как и в довоенный период, он ощущает грех преимущественно в чувстве отделенности и одиночестве человека, а не в самом факте деяния. Наиболее показательной является запись от 18 мая 1914 г. В ней он рассуждает об уходе из братии Троице-Сергиевой лавры некоторых насельников и создании ими семей в Сергиевом Посаде. Если с церковной точки зрения данный поступок считается однозначно греховным, то писатель видит его иначе. Так, он замечает: «...чувство греха питается одиночеством, а раз человек перестал быть одиноким — греха не стало»¹³¹³.

Автор дневника считает грехом желание Голгофы, страдания и избегание житейских радостей, за что в записи от 5 июня 1923 г. осуждает верующих христиан, как «увлекающих за собой малых сих» (Мф. 18, 6)¹³¹⁴. М. М. Пришвин считает, что путь страданий ошибочен и потому следует жить легко и свободно. Те же люди, которые проповедуют страдание, через аллюзию писателя к Мф. 18, 6 становятся настоящими грешниками и соблазнителями.

В 1927 г. во время увлечения трудами индийского гуру Рамакришны писатель делает следующую характерную выписку: «Человек, который повторяет день и ночь: “Я грешник, я грешник”, становится и в самом деле грешным... Кто утверждает с сильным убеждением: “Я не связан, я свободен” — становится

¹³¹⁰ Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 207–208.

¹³¹¹ См.: там же. С. 623.

¹³¹² См.: там же. С. 637.

¹³¹³ Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. С. 70.

¹³¹⁴ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1923–1925. С. 24.

свободным»¹³¹⁵. Несмотря на то, что увлечение индусской религиозной литературой было эпизодичным, подобное отношение М. М. Пришвина к теме греха прослеживается вплоть до 1940 г.

В 1931 г., в записи от 7 сентября, писатель также дает собственную интерпретацию стиха Мф. 5, 28. Так, по его мнению, взгляд на женщину с вожделением не только не является грехом, но становится источником родства в людях, естественным этапом соединения двух воедино¹³¹⁶. Он продолжает придерживаться устойчивого мнения, что грех заключается лишь в неумении человека радоваться всей полноте жизни¹³¹⁷.

Особый подход писателя к теме греха напрямую сказывается на области аскетики, отношение к которой всегда оставалось сложным и неоднозначным. 6 декабря 1936 г. он пишет: «Если... страстишку не удовлетворять, а бороться с ней, то она в своем требовании удовлетворения заполнит всего человека... Если же эту страстишку вовремя удовлетворить, то придет время, когда и хотел бы побаловаться, порадоваться жизни — хватать! И нет уже в тебе этой страстишки: удовлетворен»¹³¹⁸. Так он продолжает придерживаться устойчивого мнения, что грех заключается лишь в неумении человека правильно относиться к жизни¹³¹⁹.

Данную тему он продолжает развивать в записи от 16 июня 1938 г. В ней он замечает, что «...грех — это вообще, а в частности его нет, значит, и нет его совсем, и находится он, скорей всего, в самом этом “вообще”»¹³²⁰. Само же происхождение лексемы «грех» писатель усматривает в обобщении православным духовенством совершенно естественных и свойственных всем понятий, чувств, поступков, не свойственных лишь самим пастырям¹³²¹. В связи с этим он заключает, что в грехе по природе нет ничего дурного.

Особенно сильное расхождение с нормами христианской морали наблюдается у писателя относительно седьмой заповеди Декалога.

¹³¹⁵ Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. С. 523.

¹³¹⁶ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931. С. 450.

¹³¹⁷ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1936–1937. С. 390.

¹³¹⁸ Там же. С. 387.

¹³¹⁹ См.: там же. С. 390.

¹³²⁰ Пришвин М. М. Дневники. 1938–1939. С. 111.

¹³²¹ См. там же. С. 111.

6 января 1940 г. он отмечает, что борьба с похотью и блудом вредна, поскольку формирует из человека «бесчувственный чурбан»¹³²². Также весьма показательна заметка автора от 22 сентября. В ней он пишет о том, как за совместным чтением «Лествицы» с В. Д. Лиорко она решительно перечеркнула совет прп. Иоанна в отношении тех, кто живет в блуде, чем вызвала его искренний восторг и одобрение¹³²³.

В записи от 7 августа 1943 г., не понимая подлинной природы первородного греха, писатель видит его преимущественно в «чувстве собственности и страсти»¹³²⁴. В связи с этим заключает, что первородный грех возникает в самый момент грубого физического совокупления и посредством полового акта переносится на ребенка. Автор дневника выдвигает гипотезу, что если контролировать свои чувства во время зачатия детей, то они могут родиться уже безгрешными и спасенными¹³²⁵. Однако уже в 1944 г., в процессе личного воцерковления, он осознает обратное: «...“грех” был всегда (первородный) и его нельзя уничтожить... Грех неминуем: вечно присущ человеку. Ничего не изменить...»¹³²⁶. В связи с этим писатель более не поднимает темы первородного греха и обращает внимание на грех как личное деяние.

В качестве же личных грехов М. М. Пришвин выделяет в основном гнев и вспыльчивость¹³²⁷, а также обиду¹³²⁸. Как писатель, указывает: «Грех наш в том, что, вступив на божественный путь творчества, мы сами себя считаем богами»¹³²⁹. Относительно всего остального замечает, что вольных грехов не имеет и за собой их не чувствует¹³³⁰. Писатель убежден, что грех является лишь продуктом собственного сознания, и потому относит его к сфере чувств человека¹³³¹, считая, что грех содержится не в самом факте деяния, но лишь в его осознании. В дневнике за 30 мая 1950 г. он пишет: «Не то грех, что Каин убил, а что он это

¹³²² См.: Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 8.

¹³²³ См.: там же. С. 275.

¹³²⁴ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 545.

¹³²⁵ См.: там же. С. 546.

¹³²⁶ Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 15.

¹³²⁷ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 255.

¹³²⁸ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949. С. 310.

¹³²⁹ Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 642.

¹³³⁰ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1952–1954. С. 269, 305.

¹³³¹ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1946–1947. С. 69; Пришвин М. М. Дневники. 1950–1951. С. 110.

убийство сознал как вину»¹³³². Этим объясняется его совершенное невосприятие в качестве грехов блуда и прелюбодеяния. В записи от 18 июля он рассуждает: «...почему бы и не сблудить, если это будет не во вред другим, ведь это же себе ничего не стоит и только на короткое время может затуманить образ Распятого»¹³³³. Так, чувствуя личную правоту, автор дневников до последнего не перестает осуждать мужа В. Д. Лиорко, взывающего к совести своей законной супруги¹³³⁴. Таким образом, в вопросе трактовки и оценки греха в дневниках писателя по-прежнему наблюдаем его особую устойчивую личную позицию, отличную от христианского учения.

Поскольку ранние этические взгляды писателя не связывались напрямую с христианскими ценностями, это также объясняет их расхождение с нормами общественной и церковной морали. В связи с этим **ряд нравственных категорий**, как положительных, так и отрицательных, рассматривался писателем неоднозначно. Ввиду отрыва автора от церковной жизни в дневнике прослеживается размытие границ между добром и злом, нравственным и безнравственным. В качестве иллюстрации можно привести запись от 12 января 1932 г. В ней он пишет: «Выбор у меня выходит такой: на одной стороне какой-то расслабленный Христос... на другой — диавол, в высшей степени некультурный хам, но твердый как железо...»¹³³⁵. Так, на протяжении всего дневника за 1905–1954 гг. темы добра и зла, нравственного и безнравственного часто пересекаются и в ряде случаев меняются местами. Сам писатель, говоря об их тесной взаимосвязи, замечает: «...они между собою не размежеваны: зло пребывает, как удобрение почвы для добра...»¹³³⁶. По этой причине рассмотрение нравственных категорий, которые содержатся в дневниковых записях, будет проводиться по принципу их оценки и восприятия писателем — положительные, нейтральные или неоднозначные и негативные.

¹³³² Пришвин М. М. Дневники. 1950–1951. С. 110.

¹³³³ Пришвин М. М. Дневники. 1946–1947. С. 594.

¹³³⁴ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 506.

¹³³⁵ Пришвин М. М. Дневники. 1932–1935. С. 19.

¹³³⁶ Пришвин М. М. Дневники. 1950–1951. С. 37.

В самом начале ведения дневника к безусловно положительным качествам писатель относит милосердие. В нем он видит благоприятные условия для духовного развития человека и считает его естественным источником филантропии¹³³⁷. Также М. М. Пришвин высоко ценит смирение, поскольку оно убирает разрушающий мир эгоизм и тем являет для всех спасение: как для самих людей, так и для всего животного мира¹³³⁸.

После 1914 г. автор начинает выделять понятие «добродетель». Он характеризует ее как помощь голодающим и попавшим в кризисную ситуацию людям¹³³⁹ и меценатство¹³⁴⁰. Причем критерием истинного добродетельного поступка служит именно евангельский принцип «...пусть левая рука твоя не знает, что делает правая...» (Мф. 6, 3)¹³⁴¹. Критерием истинного добра писатель считает тайну его совершения, а индикатором настоящего доброго дела, по М. М. Пришвину, является ответное зло, наказание или неблагодарность¹³⁴². В ряде добродетелей, таких как воспитанность¹³⁴³ и честность¹³⁴⁴, писатель видит основу в деле достижения всеобщего блага и формирования мира внутри каждой семьи. Однако качеством, объединяющим все добродетели, он считает самолишение, в котором видит отказ от себя и своего эгоизма в пользу ближнего¹³⁴⁵.

После 1941 г. М. М. Пришвин подчеркивает значение совести, заключающей в себе «...свидетельство бытия Божия...»¹³⁴⁶, страх Божий, возвышающий человека над всем низменным и животным¹³⁴⁷, и самопожертвование, как путь к духовному росту и высший идеал для подражания¹³⁴⁸. Во время и по окончании Великой Отечественной войны, видя всеобщее падение нравов и культуры в среде

¹³³⁷ См.: Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 605.

¹³³⁸ См.: там же. С. 149.

¹³³⁹ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. С. 246; Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. С. 38. Пришвин М. М. Дневники. 1936–1937. С. 105.

¹³⁴⁰ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. С. 78.

¹³⁴¹ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. С. 279; Пришвин М. М. Дневники. 1932–1935. С. 279.

¹³⁴² См.: Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. С. 538.

¹³⁴³ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931. С. 28.

¹³⁴⁴ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 266.

¹³⁴⁵ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. С. 150.

¹³⁴⁶ Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 424.

¹³⁴⁷ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1946–1947. С. 232.

¹³⁴⁸ См.: там же. С. 717.

детей, писатель также акцентирует внимание на понятии «нравственность». Если до войны он воспринимает ее лишь как «серьезное препятствие для выявления таланта человека»¹³⁴⁹, то после ее окончания видит в высокой нравственности залог культуры и воспитания. По этой причине М. М. Пришвин ставит перед собой личную задачу воспитания молодежи, что можно обнаружить из целого ряда его писем разным лицам¹³⁵⁰.

К нравственно неоднозначным качествам в начале ведения дневника писатель относит проявление силы. Он пишет: «Сила вовсе не добро, но она бывает настоящим добром, [если] действует из себя и на себя...»¹³⁵¹. Также к числу неоднозначно воспринимаемых М. М. Пришвиным добродетелей можно отнести понятие «милостыня». Он отмечает, что если вручение милостыни тешит самолюбие дарителя и совершается лишь по его воле, а не по просьбе просящего, то данная милостыня является ложной и не отвечает высоконравственному поступку¹³⁵². Таким же неоднозначным видится и прощение человека. 12 апреля 1932 г. он пишет: «“Прощение” часто бывает от эгоизма: самому стало хорошо и личное в обиде отпадает... Такого рода прощение часто приписывают доброте, на самом же деле это просто ленивый эгоизм...»¹³⁵³. Одной из специфически понимаемых М. М. Пришвиным добродетелей является смирение, которое он воспринимает в образе жизни «как все». В записи от 26 октября 1925 г. читаем: «...устраиваться... получше, почище... придумывать развлечения, ничего, если выпить иногда, сыграть в карты — или сходить в кинематограф или в театр. Да, больше нет этого смирения, чтобы жить, совершенно как все...»¹³⁵⁴.

Такой же неоднозначной добродетелью в понимании М. М. Пришвина остается аскетизм. В записи от 14–15 апреля 1911 г. автор дневников пишет:

¹³⁴⁹ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. С. 181.

¹³⁵⁰ Так, можно выделить его письмо И. В. Сталину от 17 апреля 1941 г., в котором он особенно подчеркивает роль воспитания любви к Родине и Отечеству [См.: Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 425–426]; редактору журнала «Правда» И. П. Поспелову от 9 июня 1941 г., в котором писатель указывает на высокую роль привития любознательности и мужества [См.: Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 475–476], а также руководителю Союза писателей СССР А. А. Фадееву от 26 февраля 1949 г., в котором М. М. Пришвин прямо указывает на главный мотив своей писательской деятельности — «воспитание человека» [См.: Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949. С. 404].

¹³⁵¹ Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 158.

¹³⁵² См.: Пришвин М. М. Дневники. 1923–1925. С. 101.

¹³⁵³ Пришвин М. М. Дневники. 1932–1935. С. 107.

¹³⁵⁴ Пришвин М. М. Дневники. 1923–1925. С. 340.

«[аскетизм] есть покров ханжи и лицемерия... Аскетизм как монастырская система есть величайшая нелепость»¹³⁵⁵. В 1936 г. писатель уже не выделяет в нем резко негативных сторон, отмечая в аскетизме даже положительные качества: «...люди морят себя, чтобы именно набрать высоту»¹³⁵⁶. Однако после 1940 г. в связи с многолетней гинекологической болезнью супруги писатель коренным образом меняет свое мнение об аскетике и формирует его идеал в свободном пантеистическом чувстве¹³⁵⁷, что также обуславливается началом его сожительства с В. Д. Лиорко. Подобное отношение к аскетике непосредственно затрагивает и тему супружеской верности. М. М. Пришвин считает данное качество вовсе не обязательным и иллюстрирует это примером собственной жизни¹³⁵⁸. О данной особенности понимания М. М. Пришвиным аскетике также говорит В. А. Фатеев: «Писатель не всегда последователен в своих суждениях и в них иногда проскальзывают явные отзвуки былых антиаскетических настроений, отдающие язычеством рассуждения...»¹³⁵⁹.

После 1941 г. писатель начинает выделять в аскетизме три вида. Первый — аскетизм творческий. Его он считает самым полезным и принимает как инструмент к достижению индивидуальных желанных целей, будь то совершенствование собственной личности, приобретение необходимого навыка или приближении человека к Богу¹³⁶⁰. Второй вид аскетизма, который сам писатель называет «механическим, глупым и вредным»¹³⁶¹, заключается в отказе от личного «хочется» ради общепринятого «надо»¹³⁶². Данный вид он считает совершенно неприемлемым, замечая, что «аскет — это человек, идущий к свободе, и совсем наоборот аскетизм: в этом “изме” заключено принуждение...»¹³⁶³. Третий вид аскетизма он выделяет уже в самом конце своей жизни и именует «естественным». В дневнике 24 марта 1952 г. он пишет:

¹³⁵⁵ Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 593.

¹³⁵⁶ Пришвин М. М. Дневники. 1936–1937. С. 219.

¹³⁵⁷ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 41.

¹³⁵⁸ См.: Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 649.

¹³⁵⁹ Фатеев В. А. Христианские мотивы в «Дневниках» М. М. Пришвина. С. 281.

¹³⁶⁰ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. М., 2012. С. 615; Пришвин М. М. Дневники. 1946–1947. С. 200, 296.

¹³⁶¹ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 711.

¹³⁶² См.: Пришвин М. М. Дневники. 1946–1947. С. 726.

¹³⁶³ Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949. С. 556.

«Старая, человек естественно делается лучше, потому что он освобождается от слепых страстей и тем самым входит в свой разум»¹³⁶⁴. Несмотря на личные особенности восприятия аскетизма, писатель все же признает, что «...христианский аскетизм есть самая могучая сила, самая величественная среди других сил, направленных к торжеству личного начала в человеке...»¹³⁶⁵.

Однако такие понятия, как целомудрие и нравственность, воспринимались им преимущественно в негативном ключе. Писатель выводит их из ряда общепринятых добродетелей и воспринимает как «самые главные препятствия для выявления таланта человека»¹³⁶⁶. Особенное внимание он заостряет на «целомудрии», относя его к «ложным, искусственным понятиям»¹³⁶⁷. В записи от 21 сентября 1940 г. он поясняет свою позицию так: «...целомудренное существо не обязательно является девственником...»¹³⁶⁸. По мнению А. М. Подоксенова, причина подобной переоценки данных христианских моральных ценностей кроется в глубоком увлечении теорией Ф. В. Ницше в довоенный период, а также последующим искренним интересом к психоанализу З. Фрейда¹³⁶⁹.

Также однозначно негативным явлением автор дневника считает венчанный брак. 11 июля 1941 г. он пишет: «Церковный брак — это есть узаконенная моральная эксплуатация одного человека другим...»¹³⁷⁰. Данная позиция писателя объясняется естественным притязанием А. В. Лебедева на свою законную супругу В. Д. Лиорко, которая ушла от него в 1938 г. к М. М. Пришвину. В свете неправомерности своего сожительства с чужой женой писатель находит единственно возможное оправдание их связи — жительство «в Боге». 16 февраля 1942 г. он заключает: «...в Боге “все можно” и даже убийство, если оно предназначено высшей силою»¹³⁷¹. Таким образом, он уже окончательно решает вопрос законности их связи и ненадобности церковного Таинства.

¹³⁶⁴ Пришвин М. М. Дневники. 1952–1954. С. 69.

¹³⁶⁵ Пришвин М. М. Дневники. 1946–1947. С. 200.

¹³⁶⁶ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. С. 181.

¹³⁶⁷ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 282.

¹³⁶⁸ Там же. С. 282.

¹³⁶⁹ См.: Подоксенов А. М. Михаил Пришвин и Фридрих Ницше. С. 80, 89.

¹³⁷⁰ Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 510.

¹³⁷¹ Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 67.

Также интерес для исследования представляют суждения писателя **о нравственных категориях зла**. На момент начала ведения дневника в качестве главных зол он выделяет декадентство, модернизм и феминизм, оставившие после себя, как замечает сам автор, «порнографию и наглость»¹³⁷². Причем особым злом феминизма писатель считал нарастающую тенденцию среди женщин против рождения детей¹³⁷³.

В 1914–1940 гг. в качестве главных зол выделяются темы войны, революции и новой власти, имевших, по мнению М. М. Пришвина, inferнальную природу. На это также обращает внимание В. А. Фатеев, замечая в дневниках писателя за 1917 г. сквозную мысль, что весь русский народ присягнул на верность дьяволу¹³⁷⁴.

Нравственная же категория зла в дневниках писателя за 1941–1954 гг., как и в предыдущий период, продолжает рассматриваться преимущественно в свете темы войны и власти. Так, центральной и наиболее частой темой становится именно война, глубинную причину которой он находит в духе разделения общества и Церкви¹³⁷⁵, а также в явном богоборчестве¹³⁷⁶. В связи с этим возможность спасения от дальнейших войн М. М. Пришвин видит не в большом насилии и совершенном оружии, но в смирении человека¹³⁷⁷.

Как однозначное зло он выделял сознательные убийства людей, а также убийство диких зверей и птиц ради забавы¹³⁷⁸.

С 18 октября 1915 г. автор усматривает первопричину всех возникающих зол именно в лице антихриста¹³⁷⁹. Его проявления в мире писатель замечает в духе коллективизации и равенства, повсеместном обмане, духе злобы и ненависти и

¹³⁷² См.: Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 291, 299.

¹³⁷³ См.: там же. С. 309.

¹³⁷⁴ См.: Фатеев В. А. Христианские мотивы в «Дневниках» М. М. Пришвина. С. 279.

¹³⁷⁵ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 656.

¹³⁷⁶ См.: там же. С. 226.

¹³⁷⁷ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 613.

¹³⁷⁸ См.: Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 14.

¹³⁷⁹ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. С. 207–208.

каиновой зависти в обществе¹³⁸⁰. Осознавая новую реальность и силу зла, М. М. Пришвин с ужасом заключает, что «...зло может оставаться совсем безнаказанным и новая ликующая жизнь может вырастать на трупах замученных людей...»¹³⁸¹.

Так, одним из наиболее страшных и открытых проявлений зла писатель видел революцию 1917 г.: «...революция, конечно, существо получеловеческое, полужвериное...»¹³⁸²; 21 декабря — «Русский народ... бросил крест свой и присягнул князю тьмы, Аваддону»¹³⁸³. В письме, отправленном М. М. Пришвиным в Таврический дворец 20 мая 1917 г., читаем, что девизом русского народа становятся «...захват и анархия»¹³⁸⁴. Позднее в письме, адресованном Р. В. Иванову-Разумнику, от 8 февраля 1922 г. автор с горечью констатирует, что в связи с революцией «...школы не учат, фабрики не работают... чиновники воруют и лгут, ни одного честного человека вокруг себя я не вижу...»¹³⁸⁵.

Акцент писателя на инфернальной природе происходящего в стране в революцию также отмечает в своей статье А. М. Подоксенов¹³⁸⁶, сравнивая большевизм с одним из явных проявлений сил ада. Проявлением зла для М. М. Пришвина становятся явления большевизма, социализма и коммунизма. В дневниковой записи за 1919 г. он замечает: «...она [действующая власть] одевается в чужое одеяние, она — волк в овечьей шкуре»¹³⁸⁷, а в 1920 г. подчеркивает ее не человеческое, но звериное начало¹³⁸⁸. Писатель сравнивает большевизм с «кооперацией воров»¹³⁸⁹, несущих в себе евангельский образ

¹³⁸⁰ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. С. 44, 87, 223, 232; Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. С. 182, 191; Пришвин М. М. Дневники. 1936–1937. С. 455.

¹³⁸¹ Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931. С. 16.

¹³⁸² Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. С. 333.

¹³⁸³ Там же. С. 393.

¹³⁸⁴ Там же. С. 293.

¹³⁸⁵ Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. С. 236.

¹³⁸⁶ См.: Подоксенов А. М. Библийские мотивы в повести «Мирская чаша» и дневнике М. М. Пришвина. URL : <http://credo-new.ru/archives/201>; см. также: Подоксенов А. М. Пришвин М. М. о большевизме как религиозном сектанстве в «Дневниках» 1914–1922 годов и в «Мирской чаше». С. 113–124.

¹³⁸⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. С. 247.

¹³⁸⁸ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. С. 15.

¹³⁸⁹ См.: там же. С. 151.

не только Варравы, но и левого разбойника¹³⁹⁰. В письме к Б. А. Пильняку от 6 сентября 1922 г. автор прямо называет социализм «...отрицательной, разрушительной силой...»¹³⁹¹. Подобное отношение он сохраняет и к коммунизму, замечая в записи от 14 мая 1921 г.: «...очень наивно — искать морали среди насильников и убийц...»¹³⁹².

В связи с этим М. М. Пришвин вновь актуализирует высокое значение Церкви в обществе и выделяет новую форму зла, заключающуюся в особо жестоком восстании на Православие и поругании святынь¹³⁹³. В подрыве нравственных основ, которые давала обществу Церковь, он видит страшное зло, которое раскрывается в распространении злых и невежественных людей, нарушающих даже естественные, не церковные нормы общественной морали и этики. Характеризуя нравственный облик современного ему безбожного общества, в 1939 г. М. М. Пришвин заключает: «Каждый стал проституткой, потому что ждет получить что-нибудь и дает всем и все за получку»¹³⁹⁴.

С начала Великой Отечественной войны в качестве нового источника зла писатель начинает выделять политику и тех, кто ей занимается. По мнению автора дневников, политики — это «люди без души и лица»¹³⁹⁵, которые руководствуются нескрываемым прагматизмом.

Однако не все проявления зла писатель принимал за действительное зло. Так, изначально самоубийство как зло писатель не воспринимал. Дневниковая запись от 8 марта 1912 г. свидетельствует: «Оно [самоубийство] неизбежно для меня, но необязательно для всех»¹³⁹⁶. По мнению В. А. Фатеева, каждый раз его спасало лишь то, что «...он все более укреплялся в христианском мировосприятии, хотя от Церкви все еще был далек»¹³⁹⁷. Также автор дневников

¹³⁹⁰ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1923–1925. С. 206.

¹³⁹¹ Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. С. 265.

¹³⁹² Там же. С. 178.

¹³⁹³ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. С. 284–285; Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. С. 29; Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. С. 166; Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931. С. 5, 9, 11, 18, 24.

¹³⁹⁴ Пришвин М. М. Дневники. 1938–1939. С. 358.

¹³⁹⁵ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 695.

¹³⁹⁶ Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 134.

¹³⁹⁷ Фатеев В. А. Христианские мотивы в «Дневниках» М. М. Пришвина. С. 280.

не считал злом и явление эвтанази¹³⁹⁸. В 1941–1954 гг. М. М. Пришвин совершенно пересматривает тему суицида и выделяет его как особо яркую форму зла, тогда как ранее (вплоть до 1940 г.) сам часто думал о самоубийстве. Став на путь воцерковления, он осознает, что главным двигателем суицида становится «...чертовский эгоизм»¹³⁹⁹. Писатель заключает, что «самоубийство совершенно несовместимо с верой в Бога, т. к. самоубийца никого не любит и не верит Ему»¹⁴⁰⁰, и поэтому соглашается с Церковью, не совершающей над ними Таинство погребения¹⁴⁰¹.

Единственным, что М. М. Пришвин выводит из области зла и в чем расходится с нормами общественной морали за весь период 1914–1940 гг., являются идеи евгеники и милитаризма гитлеровской Германии, которые он воспринимал как средство оздоровления общества¹⁴⁰².

После 1941 г. в качестве допустимого явления он оставляет уход от семьи по причине любви к другой женщине и явление проституции. Мнение писателя о том, что «...верующая блудница Ему ближе благополучной брачной пары»¹⁴⁰³, в конечном счете приводит его к утверждению, что они несут в себе высшую благую цель и являются примером для подражания. Так, на библейском примере блудницы Рааф он заключает: «Блудница, существо, переступившее через обычные моральные нормы, единственная могла воспринять новое, стать совершенной»¹⁴⁰⁴. В записи от 8 ноября он определяет в бытии проституток высшее назначение — выведение мужчин из ограничивающих общепринятых норм для дальнейшего роста¹⁴⁰⁵, а к концу своей жизни констатирует: «Что за чудо сохранить душу свою, устраняясь от опыта? А вот чудо — это Мария Магдалина: все испытала и осталась девой во Христе...»¹⁴⁰⁶.

¹³⁹⁸ См.: Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. С. 191.

¹³⁹⁹ Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 349.

¹⁴⁰⁰ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 236.

¹⁴⁰¹ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 349.

¹⁴⁰² См.: Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 213.

¹⁴⁰³ Там же. С. 399.

¹⁴⁰⁴ Там же. С. 718.

¹⁴⁰⁵ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 319.

¹⁴⁰⁶ Пришвин М. М. Дневники. 1950–1951. С. 174.

Подобное положительное восприятие автором явления проституции (в особенности — библейских и евангельских блудниц) было обусловлено его личной жизненной установкой, гласящей, что общественные и церковные правила сковывают личность и лишают ее возможности внутреннего самосовершенствования. По этой причине писатель постулирует: «...человек, идущий вперед (личность), должен сталкиваться и разбивать законы для всех»¹⁴⁰⁷. В этом смысле автор видит блудниц, как доступное средство разрушения данной цепи устоявшихся законов и правил с возможностью последующего переживания катарсиса и внутреннего роста.

Так, можно заключить, что в дневниках за 1941–1954 гг. нашли отражение взгляды, как отвечающие общественной морали и мнению Церкви, так и обратные им. Единственный аспект, который систематически расходится и с гражданской, и с церковной этикой, относится к седьмой заповеди Декалога. В связи с этим говорить о подлинно высоком нравственном уровне автора (в соответствии с нормами Православной Церкви) не представляется возможным.

На мотивы, которые руководили М. М. Пришвиным в данном вопросе на протяжении всей его жизни, указывает его вторая супруга, В. Д. Лиорко. Уже после смерти писателя она замечает: «Пришвину всегда было чуждо разделение мира на “плоть и дух” — в осуждении плоти “как скверны” он видит осуждение самих законов природы, которые сами по себе и есть “божье чудо”: он видит правду аскетизма, но не меньшую правду видит в его преодолении...»¹⁴⁰⁸.

На основании этого можно предположить, что в чувстве любви писатель, по сути, всегда оставался пантеистом-язычником, воспевающим радость жизни и торжество природы в любых ее животных проявлениях. Возможно, именно по этой причине автор считал, что «...брак есть могила любви...»¹⁴⁰⁹, и потому придерживался собственной позиции, отличной от общественной и церковной морали.

¹⁴⁰⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 399.

¹⁴⁰⁸ Пришвина В. Д. Наш дом. С. 367.

¹⁴⁰⁹ Пришвин М. М. Дневники. 1950–1951. С. 418.

Публицистика (1914–1924; 1947–1951 гг.)

Считая нравственность единственно возможным средством борьбы со злом¹⁴¹⁰, М. М. Пришвин предпринимает попытку обратить революционное общество к добру через ряд своих газетных публикаций, поднимающих вопросы этики. А. А. Дырдин замечает, что «автор противостоит процессу секуляризации общества созданием идейно-глубоких текстов на примерах из жизни собственной страны»¹⁴¹¹. Так, в статьях «Быстрое время» (1916), «Самогон» (1917), «Пахота» (1917), «Распни!» (1918) и «Сопка Маира» (1923) автор показывает читателям забытую ими красоту и благородство добра¹⁴¹².

В жестокое время Первой мировой и гражданских войн он особенно выделяет в своих статьях тему **жалости и сострадания**, о которой пишет в публикациях «На братскую линию» (1914), «Отзвуки боя» (1915) и «Цвет и крест» (1917). В этих добродетелях автор видит большое, высокое чувство, порой иррациональное, но сохраняющее человека от убивающего прагматизма и бездушия¹⁴¹³.

Однако более подробно М. М. Пришвин останавливается именно на теме **милосердия**, что находим в его работах: «О бесстрашии» (1917), «Насыщение пятью хлебами» (1918), «Милость мира» (1923) и «Школьная Робинзоада» (1924). Данную тему писатель поднимает после посещения в качестве военного корреспондента полевого госпиталя, где обнаруживает множество изувеченных не желавших воевать солдат, самостоятельно отстреливших себе указательные пальцы. Как замечает М. М. Пришвин, за подобное деяние им грозил расстрел, однако в лице лечащего профессора-хирурга он познакомился с альтернативным решением — по восстановлении отправлять уже непригодных к несению военной

¹⁴¹⁰ См.: Пришвин М. М. Самогон // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 78.

¹⁴¹¹ См.: Дырдин А. А. Русская философская проза после 1917 года : А. П. Платонов, М. М. Пришвин, Л. М. Леонов (символика мысли). С. 7.

¹⁴¹² См.: Пришвин М. М. Пахота // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 147; Пришвин М. М. Распни! // Цвет и крест. СПб.: Росток, 2004. С. 214.

¹⁴¹³ См.: Пришвин М. М. На братскую линию // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 474; Пришвин М. М. Отзвуки боя // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 479.

службы солдат на передовую, что в представлении писателя вовсе не милосердный, циничный поступок¹⁴¹⁴.

Пример подлинного жертвенного милосердия автор приводит в последующей статье «Насыщение пятью хлебами» (1918), где не случайно использует аллюзию на евангельский сюжет¹⁴¹⁵ о чудесном насыщении Христом пяти тысяч людей. Повествуя о некой старушке, раздавшей пять фунтов хлеба нуждающимся и ничего себе не оставившей, М. М. Пришвин показывает, что добрый поступок дороже личного благополучия, поскольку даже в страдании и голоде добро дарует подлинное счастье и приводит душу в состояние мира¹⁴¹⁶.

Следующей статьей, указывающей на неземное происхождение милосердия, является публикация с говорящим заголовком «Милость мира» (1923), отсылающим читателя к одноименному церковному песнопению центрального момента Литургии — анафоре. В данной работе автор указывает на необходимость совершения людьми поступков милосердия и милостыни, без которых их постигнет неизбежное душевное опустошение и потеря жизненных ориентиров¹⁴¹⁷. Это также подчеркивает в своей статье Е. Ю. Кнорре, замечая, что подобные поступки «...осмысляются Пришвиным как воскрешение мертвого — преобразование мира и человека, оживление души состраданием другому»¹⁴¹⁸.

Также для М. М. Пришвина критерием настоящего милосердия и милостыни выступает именно личная жертва¹⁴¹⁹, что вполне соотносится с учением Православной Церкви.

Несмотря на то что многие статьи М. М. Пришвина заставляли читателей размышлять о категориях добра, преобладающая часть его публицистики была нацелена именно на **обличение зла**. Однако писатель не ограничивался лишь одним описанием и осуждением многочисленных злодеяний, совершенных в революцию и во время гражданской войны. Автор пытается осмыслить

¹⁴¹⁴ См.: Пришвин М. М. О бесстрашии // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 92–93.

¹⁴¹⁵ См.: Мф. 14, 19–20, Мк. 6, 41–42, Лк. 9, 16–17, Ин. 6, 9–12.

¹⁴¹⁶ См.: Пришвин М. М. Насыщение пятью хлебами // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 178–179.

¹⁴¹⁷ См.: Пришвин М. М. Милость мира // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 533.

¹⁴¹⁸ Кнорре Е. Ю. Идеал нового «Мы» в дневниках и художественных произведениях М. Пришвина 1914–1928-х гг. С. 136.

¹⁴¹⁹ См.: Пришвин М. М. Школьная робинзонада // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 546–547.

первопричину зла, найти его главный корень, изучая проблему через призму религии и веры. Такой подход обуславливался скорым ожиданием конца света и Страшного суда, который автор с 1917 г. понимал уже не аллегорически, но буквально.

Так, в статьях «Дела и случаи» (1915), «Вернисаж» (1917), «Поцелуйте боженку под хвостик!» (1917), «Князь тьмы» (1917), «Молитва пастуха» (1917) и «Русский чан» (1918) М. М. Пришвин указывает на единый источник всех зол — дьявола. Уже в 1915 г., во время Первой мировой войны, писатель замечает, что настоящий враг человечества один, образно изображенный иконописцами под видом дракона¹⁴²⁰, а его последователи — одержимые и обезумевшие люди, подобные гадаринским свиньям, мчащимися в бездну¹⁴²¹. Причем признак inferнальной природы зла в современном мире писатель усматривает в особенно жестоких гонениях на Церковь.

Так, в разгар революции 1917 г. М. М. Пришвин выпускает статью с вызывающим заголовком «Поцелуйте боженку под хвостик!», в ней он обращает внимание общественности на воинствующее безбожие красноармейцев: стрельбу в храмах и уничтожение ими православных святынь. Автор замечает, что эти бесчестные и нецелесообразные с военной позиции поступки находят свое объяснение именно с духовной точки зрения: Церковь является обличителем революции с ее «богом» и потому нетерпима для нового общества. Он пишет: «Кто же этот третий разрушитель, переставлявший прицел пушки на святыни наши — так и не догадаетесь? <...> Русский он, русский, друзья мои, самый настоящий русский... человек... — тьфу, тьфу! — не человек, а вот тот самый с хвостиком в нижней части иконы»¹⁴²².

В статье «Князь тьмы» (1917), вышедшей на 20-й день революции, М. М. Пришвин уже прямо заявляет, что «...народ отверг и цвет свой, и крест свой и присягнул князю тьмы Аваддону»¹⁴²³, что также подчеркивает в своих

¹⁴²⁰ См.: Пришвин М. М. Дела и случаи // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 489.

¹⁴²¹ См.: Пришвин М. М. Вернисаж // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 513.

¹⁴²² Пришвин М. М. Поцелуйте боженку под хвостик! // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 111.

¹⁴²³ Пришвин М. М. Князь тьмы // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 119.

последующих публикациях¹⁴²⁴. Так, первопричиной разрушения традиционных устоев и всего доброго, что имел в себе русский народ, в 1917 г. писатель видит именно inferнальное начало.

К одному из наиболее опасных и губительных проявлений зла М. М. Пришвин причислял **революцию**, акцентировав на ней особое внимание в более чем двадцати своих публикациях 1917–1918 гг.¹⁴²⁵. Для автора революция была не просто гражданским переворотом и сменой государственной власти. Она воспринималась именно как творение «князя тьмы»¹⁴²⁶, что явно прочитывается в ряде его публикаций. Так, писатель сравнивает ее: «...будто бы человек какой-то весьма страшного вида...»¹⁴²⁷; «...будто из пучины безвидной земли чей-то первый рог показался»¹⁴²⁸; как «...хула на Духа Святого»¹⁴²⁹; как «...новое глубочайшее падение...»¹⁴³⁰. М. М. Пришвин замечает, что революция преобразила все сферы жизни человека: общество, моральные ценности, веру и даже дар слова. Так, некогда христианское общество превратилось в свору диких зверей, более страшных, чем «тигры, фаланги и скорпионы»¹⁴³¹, готовых разорвать всякого инакомыслящего¹⁴³² и открыто глумящихся над своими святынями.

В статье «Перестаньте, я вас застрелю!» (1917) автор приводит в пример жителей Тамбовщины, по собственной инициативе разрушивших церковь, а затем устроивших пляску вокруг Престола¹⁴³³. По мнению писателя, подобные поступки лишают человека божественного достоинства, вновь превращая его в бездушный

¹⁴²⁴ См.: Пришвин М. М. Молитва пастуха // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 128; Пришвин М. М. Русский чан // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 204.

¹⁴²⁵ «От земли и городов» (1917), «Земля и власть» (1917), «Поверочный молебен» (1917), «Смех обезьян» (1917), «Убивец» (1917), «Красный гроб» (1917), «Невидимый град» (1917), «Папиросное войско» (1917), «В защиту слова» (1917), «Перестаньте, я вас застрелю!» (1917), «Капитан Аки» (1918), «Касьяны-именинники» (1918), «Тьма-тьмущая» (1918), «В телячьем вагоне» (1918), «От земли и городов» (1918), «На посевах» (1918), «В саду» (1918), «Распни!» (1918) и др.

¹⁴²⁶ См.: Пришвин М. М. Тьма-тьмущая. С. 184.

¹⁴²⁷ Пришвин М. М. От земли и городов // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 67.

¹⁴²⁸ Пришвин М. М. Земля и власть // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 71.

¹⁴²⁹ Пришвин М. М. Красный гроб // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 108.

¹⁴³⁰ Пришвин М. М. Невидимый град // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 122.

¹⁴³¹ См.: Пришвин М. М. Второй Адам // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 206.

¹⁴³² См.: Пришвин М. М. Папиросное войско // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 123.

¹⁴³³ См.: Пришвин М. М. Перестаньте, я вас застрелю! // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 132.

прах. Он замечает: «Люди на улице — не люди, это какой-то мусор, поднятый ураганом [прим.: революции]»¹⁴³⁴.

Наиболее ярко писатель показывает бедственное состояние революционного общества в двух статьях: «Касьяны-именинники» (1918) и «Тьма-тьмущая» (1918). В них он образным языком притчи раскрывает всю тяжесть морального падения революционеров. В первой статье он сравнивает общество с шестью разрозненными братьями разных профессий, которые еще при живой матери (Церкви, Отечестве) принялись делить ее наследство и довели раздел имущества до явного противостояния: «Кузнец тащит коновальное, коновал не дает. Ивану-кожемяке хочется сад получить, а садовнику мять кожи не хочется <...> плотник тащит столярное, а столяр не дает: “К столярному делу, — кричит, — ты переедешь только через мой труп!” И замахнулся рубанком, а Парамон топором. И пошла у братьев гражданская война»¹⁴³⁵.

По замечанию М. М. Пришвина, данный конфликт не ограничился одним лишь переделом материального имущества и физической войной. Революционное общество также предпринимает попытку подчинить и поделить между собой сферу духовной жизни, разрушив прежние религиозные устои¹⁴³⁶ и заменив Бога разумом¹⁴³⁷. Итогом подобного отступления стало полное подчинение силам зла, что писатель отмечает в статье «Тьма-тьмущая» (1918). В ней он пишет: «Вспыхнуло пламя пожара, и я увидел русское поле. На этом поле тумбами стоят безрукие, безногие и — страшно сказать: друг в друга плюют. ...это были страдания людей, присягнувших Князю Тьмы. <...> Они все сожгли и сравнялись по бедному, ...но ничего не осталось, кроме злости, в этих обрубках. Не могли они даже дракой избыть свою злобу и только плюются»¹⁴³⁸.

Так, революционный порыв к новой жизни, принятие идей всеобщего равенства и разрыв с Православием стали для всех живущих подобием ада, о чем

¹⁴³⁴ Пришвин М. М. На чем земля стоит // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 142.

¹⁴³⁵ Пришвин М. М. Касьяны-именинники // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 169–170.

¹⁴³⁶ См.: там же. С. 170.

¹⁴³⁷ См.: Пришвин М. М. В телячьем вагоне // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 194.

¹⁴³⁸ Пришвин М. М. Тьма-тьмущая. С. 184.

автор с горечью заключает в статье «Распни!» (1918): «...общество смутой сбито, как на пожарище стадо овец: их отгоняешь от огня, а они лезут в пламя»¹⁴³⁹.

Как писатель, М. М. Пришвин также замечает пагубное влияние революции на священный дар слова, который новые вожди народа смешали с ложью¹⁴⁴⁰. Автор показывает, как ранее привычные слова стали извращаться и наполняться новым разрушительным смыслом, например, «буржуй» стало аналогом смертного приговора¹⁴⁴¹. Примечательно, что в качестве противодействия данной тенденции по искажению смысла слов писатель предлагает вспомнить само Слово, напоминающее людям «о существе Божиим»¹⁴⁴² и превосходящее все прочие слова своим богатым созидательным потенциалом.

В публикации «В защиту слова» (1917) автор иллюстрирует свою мысль стихом поэта Вячеслава Иванова:

Есть броня литая
 На душе родимой,
 Есть ей Вождь незримый;
 В смуту и разруху
 Я Христу и Духу
 Верю и молюсь¹⁴⁴³.

Эти строки, выражающие жизненную позицию М. М. Пришвина в годы революции, также можно применить и к его отношению к **грабежу и воровству** — еще одной форме зла, которой он уделяет особое внимание. Несмотря на то что сам писатель сильно пострадал от рук грабителей, лишившись всего своего имущества и родового имени, он по-евангельски принимает случившееся и прощает своих обидчиков. Так, он пишет: «...я их жалел и прощал, потому что они не знали, что делали»¹⁴⁴⁴; «Я не горюю и понимаю несчастных, которые не знают, что творят...»¹⁴⁴⁵, в чем прочитывается явная аллюзия на Мф. 23, 34:

¹⁴³⁹ Пришвин М. М. Распни! // Цвет и крест. СПб., 2004. С. 213.

¹⁴⁴⁰ См.: Пришвин М. М. Красный гроб. С. 108–109.

¹⁴⁴¹ См.: Пришвин М. М. В защиту слова // Цвет и крест. СПб., 2004. С. 125–126.

¹⁴⁴² См.: там же. С. 126.

¹⁴⁴³ Там же. С. 125.

¹⁴⁴⁴ Пришвин М. М. Дела и случаи. С. 486.

¹⁴⁴⁵ Пришвин М. М. Опрос писателей // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 156.

«Иисус же говорил: Отче! Прости им, ибо не знают, что делают. И делили одежды Его, бросая жребий».

Так, поводом к многочисленным публикациям¹⁴⁴⁶, в которых автор поднимает перед общественностью актуальную проблему воровства, послужило разграбление его родового имения, в котором он находился с весны 1917 г. Главным источником раздела и всеобщего дележа М. М. Пришвин видел, как и во вспыхнувшей революции, inferнальное начало¹⁴⁴⁷, а основным проповедником захвата чужой собственности считал В. И. Ленина¹⁴⁴⁸. Происходящий в стране черный передел писатель показывает через образ раздела наследства почившей матери, где любящие и убитые горем родственники не смеют и помышлять о наследстве, а самые дальние, как хищники, прикладывают максимум усилий, чтобы посеять раздор и ухватить свой кусок¹⁴⁴⁹.

Для М. М. Пришвина данный образ был особенно близок и болезнен, поскольку тремя годами ранее пережил весть о скоропостижной смерти матери и несправедливый раздел ее имущества. Помимо образного языка, автор повествует о воровстве и прямо. В статье «Пахота» (1917) он так замечает о нравах своих односельчан: «...оставить в полднях на поле плуг или соху. Боже сохрани! Возле дома на своем же заборе хомут повесить нельзя, за глазами теленка привязать опасешься...»¹⁴⁵⁰; «Чуть залаяла собака, нужно вставать смотреть — дума ночью, как бы не увели воры корову...»¹⁴⁵¹.

Спустя год сельской жизни автор с горечью констатирует возросшую степень общественного зла: «Сад, лес, парк, клевер — все отобрано...»¹⁴⁵²; «...рожь мою выгребли...»¹⁴⁵³. В статьях «Земля и власть» (1917) и «Самоопределение коров» (1918) М. М. Пришвин также приводит фрагменты из личной переписки с родственниками, в которых наглядно показывает, до какого

¹⁴⁴⁶ «Закон вышел!» (1915), «Дела и случаи» (1915), «Земля и власть» (1917), «Раздел» (1917), «Убивец» (1917), «Мать-земля» (1917), «Пахота» (1917), «Опрос писателей» (1918), «Самоопределение коров» (1918), «От земли и городов» (1918), «Наша культура» (1918), «Распни!» (1918), «Обыск» (1918).

¹⁴⁴⁷ См.: Пришвин М. М. Раздел // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 114.

¹⁴⁴⁸ См.: Пришвин М. М. Убивец // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 107.

¹⁴⁴⁹ См.: Пришвин М. М. Раздел. С. 114; Пришвин М. М. Мать-земля // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 143.

¹⁴⁵⁰ Пришвин М. М. Пахота. С. 145.

¹⁴⁵¹ Пришвин М. М. Распни! С. 213.

¹⁴⁵² Пришвин М. М. От земли и городов. С. 197.

¹⁴⁵³ Пришвин М. М. Наша культура // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 205.

состояния способны дойти охваченные алчностью люди: «Рубят последние саженные деревья в лесу. Начинают сад. Станешь останавливать, — “Не подходи, — кричат, — это все наше!” Тащат все, сдирают с крыши железо»¹⁴⁵⁴, забирающие даже единственный источник пищи у детей — дойных коров¹⁴⁵⁵.

Решение возникшей проблемы грабежа всеми всех автор видит в смещении внимания общества с поиска врага и буржуя внешнего на поиск нематериального врага внутри себя, и тогда, как заключает писатель, «...мало-помалу все снова, Бог даст, наладится»¹⁴⁵⁶.

По мысли М. М. Пришвина, расцвет воровства напрямую зависел от установленной разбойничьей власти, взявшей курс на бытие человека без Бога¹⁴⁵⁷. Как замечает в статьях¹⁴⁵⁸ писатель, образ их кровавого прихода к власти, а также нравы властителей, бывших преступников¹⁴⁵⁹ и негодяев¹⁴⁶⁰, свидетельствовали об inferнальном, темном источнике их происхождения¹⁴⁶¹. М. М. Пришвин своей статьей «Гробы повапленные» (1918) также дает характеристику власти через прямую аллюзию на евангельский текст (Мф. 23, 27–28): «...уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты; так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония». Так, писатель сравнивает пришедших к власти революционеров с евангельскими фарисеями, через которых также «...проходят верблюды воровства и обмана...»¹⁴⁶². Как заключает М. М. Пришвин, подобное положение привело к тому, что «даже простой крестьянин, почуввав “я — власть”, стал грабителем»¹⁴⁶³.

Во многом столь быстрой деградации всех слоев общества поспособствовало широкое распространение в народе **пьянства**, вред от которого

¹⁴⁵⁴ Пришвин М. М. Земля и власть. С. 97.

¹⁴⁵⁵ См.: Пришвин М. М. Самоопределение коров // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 162.

¹⁴⁵⁶ Пришвин М. М. Земля и власть. С. 101.

¹⁴⁵⁷ См.: Пришвин М. М. На посеве // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 199.

¹⁴⁵⁸ «Отзвуки войны» (1914), «Земля и власть» (1917), «Хрустят косточки» (1917), «Гробы повапленные» (1918), «На посеве» (1918), «Русский чан» (1918).

¹⁴⁵⁹ См.: Пришвин М. М. Хрустят косточки // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 95.

¹⁴⁶⁰ См.: Пришвин М. М. На чем земля стоит. С. 142.

¹⁴⁶¹ См.: Пришвин М. М. Земля и власть. С. 71; Пришвин М. М. Русский чан. С. 204.

¹⁴⁶² Пришвин М. М. Гробы повапленные // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 188.

¹⁴⁶³ См.: Пришвин М. М. Земля и власть. С. 217.

наглядно показывал в своих публикациях¹⁴⁶⁴ М. М. Пришвин. В публицистике 1914–1915 гг. автор с радостью отмечает, что отрезвленные вестью о войне люди перестали пить, воскресли и преобразились: «Все стали как красные девушки, воистину Христос воскрес»¹⁴⁶⁵. Однако после революции 1917 г. риторика писателя, как и состояние общества резко меняется. Бедственное духовное состояние народа, вызванное сменой власти, не оправдавших надежд крестьян переделом земли, а также состоянием всеобщей неопределенности, нашло свой выход в забвении алкоголем¹⁴⁶⁶. По замечанию писателя, это привело к тому, что даже самые кроткие, смиренные и верующие люди стали самыми опасными и буйными¹⁴⁶⁷.

В статье «Самогон» (1917) автор иллюстрирует свои слова следующим примером: «Второй Спас, например, у нас праздновали совершенно так же, как и злейшую эпоху монополии, и до того разбушевались, что из города милиции пришлось вызывать солдат»¹⁴⁶⁸. В статье «Папиросное войско» (1917) показывает, что сами солдаты ради спирта готовы разорвать всякого и не останавливаются ни перед чем¹⁴⁶⁹.

Однако наиболее яркой публикацией, показывающей всю степень морального падения людей революции, является статья «Красная горка» (1918), повествующая о деревенской свадьбе, связанной семантическими параллелями с браком в Кане. Но если в евангельском браке нехватка вина привела к первому чуду Спасителя и последующей похвале жениха и всеобщей радости, то в рассказе М. М. Пришвина показана обратная ситуация с осуждением жениха и последующим буйством гостей: «...видно, не хватает вина, лезут на жениха с кулаками: “Давай вина!”»¹⁴⁷⁰. «Умножение» вина достигается захватом винокуренного завода и последующим грабежом: «...катят с завода здоровенную

¹⁴⁶⁴ «Обрадованная Россия» (1914), «Православный с загулочей улицы» (1915), «Самогон» (1917), «Папиросное войско» (1917), «Испытание вином» (1918), «Красная горка» (1918).

¹⁴⁶⁵ Пришвин М. М. *Обрадованная Россия* // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 461; См. также: Пришвин М. М. *Православный с загулочей улицы* // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 461.

¹⁴⁶⁶ См.: Пришвин М. М. *Самогон*. С. 77.

¹⁴⁶⁷ См.: Пришвин М. М. *Обрадованная Россия*. С. 461.

¹⁴⁶⁸ Пришвин М. М. *Самогон*. С. 77.

¹⁴⁶⁹ См.: Пришвин М. М. *Папиросное войско*. С. 124; Пришвин М. М. *На чем земля стоит*. С. 140.

¹⁴⁷⁰ Пришвин М. М. *Красная горка* // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 222.

сорокаведерную бочку..., и — раз! — у ручья о камни вдребезги, и спирт весь в ручей. Смешался спирт с грязью, ринулась вся свадьба в грязь»¹⁴⁷¹. Так автор заключает, что пьющим обществом утрачена всякая культура, отвергнуто православие, и потому человек потерял сам свой образ и теперь, подобно свинье, «лежит в грязи и смердит»¹⁴⁷².

Потеря нравственных ориентиров также повлияла на умножение в среде людей преступности и особенно **убийств**. М. М. Пришвин, встретивший революцию 1917 г. в самом ее сердце — Петрограде, отмечает в своей статье «Убивец» (1917) поразительное наблюдение. Он обращает внимание на то, что все участники кровавого переворота обладают одним общим заметным качеством: «...будто венчик преступности окружал их лица...»¹⁴⁷³. Отмечает их легкое отношение к лишению человека жизни, т. к., по мнению революционеров, «...не людей убивают, а “буржуазов”. ...“буржуаз” — не человек, и с ним можно делать все что вздумается»¹⁴⁷⁴.

Основным распространителем подобной идеологии писатель считал В. И. Ленина, для которого, как замечает сам автор, казнь людей ради идеи являлась сущим пустяком¹⁴⁷⁵. По этой причине в статье «Старушка vita» (1918) М. М. Пришвин приходит к мысли, что за всеми смертями стоит лишь один человек, и потому заключает цитатой из Шекспира:

Не знаю, чья рука убила их,
Но мысль твоя направила ту руку¹⁴⁷⁶.

Отдельное внимание в материалах статей¹⁴⁷⁷ М. М. Пришвин уделяет насажденной В. И. Лениным **идеологии большевизма** и ее последователям. Автор усматривает в большевизме не только лишь новую идею или философский концепт, но более сложную систему, образованную на стыке веры, религии и

¹⁴⁷¹ Пришвин М. М. Красная горка. С. 222.

¹⁴⁷² См.: там же. С. 223.

¹⁴⁷³ Пришвин М. М. Убивец. С. 106.

¹⁴⁷⁴ Пришвин М. М. Кровавый гусак. С. 185.

¹⁴⁷⁵ См.: Пришвин М. М. Старушка vita // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 221.

¹⁴⁷⁶ Там же. С. 220.

¹⁴⁷⁷ «Поверочный молебен» (1917), «Не робейте, за нас индейцы!» (1917), «Смех обезьян» (1917), «Красный гроб» (1917), «Поцелуйте боженку под хвостик!» (1917), «Овчее дело» (1917), «Сила вещей» (1917), «Капитан Аки» (1918), «Земля и власть» (1918).

сектантства, призванную заменить собой традиционное Православие и прежние нормы морали и этики. Подобное замещение, по мнению писателя, носило явно богоборческий характер. На это также указывает А. М. Подоксенов, замечая, что «...самое мрачное, низменное и противоестественное для русской революции: дьявольство и чертовщину — он связывал именно с большевизмом...»¹⁴⁷⁸. Этим М. М. Пришвин объясняет репрессии православного духовенства¹⁴⁷⁹ и разрушение храмов и христианских святынь¹⁴⁸⁰.

Автор показывает деятельность большевиков-революционеров как грубую пародию на евангельских рыбаков-апостолов. Они, так же как и ученики Христа, несли свое слово, однако от их речей «все становились словно пьяные и даже хорошие люди становились безумными»¹⁴⁸¹; «были как волки у стойла овчего, требующие себе смирения и послушания»¹⁴⁸²; являлись ловцами людей, как рыбы, но не для их спасения, а для гибели¹⁴⁸³.

На подобное кощунство большевиков М. М. Пришвин прямо указывает в статье «Красный гроб» (1917), где называет их актерами и обезьянами, проповедующими иное благовестие «происхождения от обезьяны»¹⁴⁸⁴, и потому приводит цитату из Евангелия от Марка: «Будут прощены сынам человеческим все грехи и хуления, какими бы ни хулили; но кто будет хулить Духа Святого, тому не будет прощения во век» (Мк. 3, 28–29)¹⁴⁸⁵. Так, через призму христианства вождь и главный идеолог революции В. И. Ленин сравнивается автором с Иудой¹⁴⁸⁶; большевизм — с плодом сектантства¹⁴⁸⁷ и «отхожим местом»¹⁴⁸⁸, а его последователи — с «прескверными подонками» и служителями дьявола¹⁴⁸⁹.

¹⁴⁷⁸ Подоксенов А. М. Михаил Пришвин: художник и время (социокультурные контексты повести «Мирская чаша»). С. 1.

¹⁴⁷⁹ См.: Пришвин М. М. Поверочный молебен // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 75.

¹⁴⁸⁰ См.: Пришвин М. М. Поцелуйте боженьку под хвостик! С. 110–111.

¹⁴⁸¹ См.: Пришвин М. М. Не робейте, за нас индейцы! // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 87.

¹⁴⁸² См.: Пришвин М. М. Овчее дело // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 119.

¹⁴⁸³ См.: Пришвин М. М. Капитан Аки // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 157.

¹⁴⁸⁴ См.: Пришвин М. М. Красный гроб. С. 109.

¹⁴⁸⁵ Там же. С. 108.

¹⁴⁸⁶ См.: Пришвин М. М. Сила вещей // Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 131.

¹⁴⁸⁷ См.: Пришвин М. М. В защиту слова. С. 127.

¹⁴⁸⁸ См.: Пришвин М. М. Молитва пастуха. С. 128.

¹⁴⁸⁹ См.: Пришвин М. М. Поцелуйте боженьку под хвостик! С. 110–111.

Однако на закате своей жизни он вновь обращается к публицистике и пишет несколько статей, таких как «Охрана природы» (1947), «К выступлению на слете юных туристов» (1948), и подготавливает «Материалы к выступлению на Втором всесоюзном совещании молодых писателей» (1951). В отличие от публицистики революционного периода данные статьи акцентируют свое внимание сугубо на нравственной проблематике и нацелены уже не на все общество, а на молодежь.

Выбор писателем данной целевой аудитории был вызван его желанием воспитать новый тип общества, отличный от человека революции, что он отмечает в переписке с А. А. Фадеевым от 26 февраля 1949 г.: «...пишу не для спора, а для воспитания нового человека...»¹⁴⁹⁰. Этим объясняются темы, которые поднимает автор в своих статьях, а именно: культурное отношение к природе; духовное, нравственное и физическое здоровье детей и воспитание в них чувства Родины и Отечества.

Своеобразный авторский подход М. М. Пришвина в использовании воспитательного потенциала окружающего мира приводит в своих воспоминаниях К. Н. Давыдов. Обращаясь к ученому, писатель говорил следующее: «По достижении, скажем, 8–9 лет их воспитание [детей] должно быть предоставлено природе»¹⁴⁹¹. Ученый констатирует, что «Пришвин твердо верил в рациональность своих проектированных приемов и готов был идти на большое самопожертвование, чтобы выработать из подрастающей молодежи настоящих “людей будущего”»¹⁴⁹².

По замечанию В. Д. Лиорко, в это время он выступал в школах, санаториях, детских пионерских лагерях¹⁴⁹³. Главной сферой его интереса были именно нравственные темы. Как замечает академик П. Л. Капица, с которым писатель часто общался в последние годы жизни, «...основное, что интересовало Михаила Михайловича, философско-этические проблемы человеческого общества»¹⁴⁹⁴;

¹⁴⁹⁰ Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949. С. 404.

¹⁴⁹¹ Давыдов К. Н. Мои воспоминания о М. М. Пришвине. С. 47.

¹⁴⁹² Там же. С. 47.

¹⁴⁹³ См.: Пришвина В. Д. Наш дом. С. 371.

¹⁴⁹⁴ Капица П. Л. Читая дневник М. М. Пришвина // Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Воспоминания современников / сост., вступ. ст., коммент. Л. А. Рязанова и Я. З. Гришина. СПб. : Росток, 2005. С. 445.

«Все, о чем писал Михаил Михайлович, всегда заключало в себе вопрос об этическом взаимоотношении человека как с окружающей его природой, так и с окружающим человека обществом»¹⁴⁹⁵.

Так, одним из возможных путей созидания культурной личности М. М. Пришвин видел воспитание среди молодежи трепетного отношения к природе. В статье «Охрана природы» (1947) автор ставит в прямую зависимость культурность человека и его отношение к окружающему миру. Писатель доносит мысль, отличную от тогдашнего мнения масс, что природа не мастерская человека, но храм, который он призван хранить¹⁴⁹⁶. Так, «культурное» отношение становится синонимом «священному», что было особенно актуально для самого автора¹⁴⁹⁷.

Это становится более ясным при знакомстве с дневником писателя, в котором М. М. Пришвин часто сравнивал живую природу с храмом Бога, говоря, что через нее также можно получить уникальный опыт богопознания и приблизиться к совершенству¹⁴⁹⁸. В записи от 8 декабря 1946 г. он пишет: «Природа, как зеркало Божье... в природе, как в зеркале, мы видим себя, конечно, и Бога, поскольку и Бог живет с нами, а если Бог нас оставит, то едва ли мы и его увидим в природе»¹⁴⁹⁹.

Именно поэтому в статье «Охрана природы» (1947) писатель замечает, что духовное, нравственное и физическое здоровье детей сильно зависит от их отношения к животному и растительному миру¹⁵⁰⁰, и поэтому заключает: «...будем понимать эту желанную природу как здоровое условие, определяющее здоровье души наших детей»¹⁵⁰¹.

Средством для прививания благоговейного и охранительного чувства к природе автор статьи считает воспитание в детях понятий Отечества и Родины,

¹⁴⁹⁵ Капица П. Л. Читая дневник М. М. Пришвина. С. 447.

¹⁴⁹⁶ См.: Пришвин М. М. Охрана природы // Собрание сочинений : в 8 т. М. : Худ. литература, 1983. Т. 5. С. 425.

¹⁴⁹⁷ См.: там же. С. 426.

¹⁴⁹⁸ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. С. 69–70.

¹⁴⁹⁹ Пришвин М. М. Дневники. 1946–1947. С. 379.

¹⁵⁰⁰ См.: Пришвин М. М. Охрана природы. С. 427.

¹⁵⁰¹ Там же. С. 429.

объемлющих в себе как окружающее временное в мире, так и будущее¹⁵⁰², о чем он отдельно пишет в статье «К выступлению на слете юных туристов» (1948). Однако все это будет безуспешным, если человек, по мысли М. М. Пришвина, не научится прислушиваться к голосу совести, призывающему к непрестанной работе над своим поведением¹⁵⁰³, и «...чувствовать и ловить в себе пра-феномен нашей русской нравственной жизни...»¹⁵⁰⁴.

Художественные произведения (1943–1945 гг.)

В отличие от дневников и публицистики писателя, в которых находится подробный анализ пороков и добродетелей общества, большинство рассказов М. М. Пришвина, как правило, не имеют настолько широкого и ярко выраженного нравственного акцента. Лишь немногие произведения автор всецело посвящает нравственной проблематике. В них писатель сосредотачивает внимание преимущественно на темах воспитания и сострадания, адресуя их своим юным читателям в военное и послевоенное время. Так, с началом Великой Отечественной войны М. М. Пришвин ставит своей целью именно воспитание подрастающего поколения. Данную проблематику в большей степени находим в таких произведениях, как «Рассказы о ленинградских детях» и «Кладовая солнца» (1943).

Поскольку целевой аудиторией являлись дети-подростки, за исключением некоторых «Рассказов о ленинградских детях», адресованных более взрослым читателям, произведения отличаются малым объемом, отсутствием сложных сюжетов, простотой повествования, а также ясностью мысли и идеи. В связи с этим анализ будут проводиться без детального разбора каждого из них в отдельности, за исключением более объемной повести «Кладовая солнца».

¹⁵⁰² См.: Пришвин М. М. К выступлению на слете юных туристов // Собрание сочинений : в 8 т. М. : Художественная литература, 1983. Т. 5. С. 431–432.

¹⁵⁰³ См.: Пришвин М. М. Материалы к выступлению на Втором всесоюзном совещании молодых писателей // Собрание сочинений : в 8 т. М. : Художественная литература, 1983. Т. 5. С. 444.

¹⁵⁰⁴ Там же. С. 445.

Сам автор высоко ценил данную повесть, выделяя ее из всего своего художественного наследия в категорию «настоящих, значимых вещей»¹⁵⁰⁵. Примечательно, что за восемь дней до своей смерти в беседе с Н. В. Реформаторской он заявил, что всю свою жизнь только и писал, что о «торфе», каким он показан в «Кладовой солнца»¹⁵⁰⁶. Из этого литературовед заключает: «...так, открывая тайну Блудова болота, в котором чуть не погибли дети, Пришвин... “открывал в природе прекрасные стороны души человеческой”, утверждал радость жизни, победу добра над злом»¹⁵⁰⁷.

Произведение было создано всего за месяц под сильнейшим впечатлением от победы в Великой Отечественной войне и предшествующей Победе Пасхи. В дневнике за 9 мая 1945 г. читаем: «Все мои неясные мысли... поэтические предчувствия, все, все это, чем мучится душа, разрешается в двух словах: “Христос Воскрес!”»¹⁵⁰⁸. Свой особенный духовный подъем во время работы над повестью М. М. Пришвин характеризует аллюзией на текст Евангелия: «...там, где я работаю — не женятся и замуж не выходят»¹⁵⁰⁹, в чем прочитывается явная отсылка к следующим словам: «ибо в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы...» (Мф. 22, 30). Данная заметка позволяет понять, в каком состоянии религиозного восторга создавалось произведение.

Несмотря на то что проблематика повести посвящена теме воспитания, в произведении также есть религиозный подтекст. На него указывает сам М. М. Пришвин в своем письме от 1 октября 1948 г. издателю детских книг К. Ф. Пискунову: «...в ответ этому страшному времени войны с немцами явилась книга, подобная знаменитой книге страданий “Четьи Минеи”, воспитавшей... весь наш прежний народ. <...> Нет большей чести для автора... как сопоставлять ее в нравственном и художественном значении с великим памятником древней русской литературы»¹⁵¹⁰. Однако в отличие от текстов «житий» религиозная

¹⁵⁰⁵ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 535.

¹⁵⁰⁶ См.: Реформаторская Н. В. О Пришвине. С. 164.

¹⁵⁰⁷ Там же. С. 164.

¹⁵⁰⁸ Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 520.

¹⁵⁰⁹ Там же. С. 525.

¹⁵¹⁰ Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949. С. 278–279.

проблематика в «Кладовой солнца» подается более скрыто и ненавязчиво, отражаясь преимущественно в сюжетных особенностях, топонимах и мотивации героев. Отчасти по этой же причине писатель определяет жанр произведения как сказку-быль, а себя позиционирует как «сказителя», рассказывающего о правде, а не о вымысле¹⁵¹¹.

К «**Рассказам о ленинградских детях**» (1943) М. М. Пришвин приступил еще в 1941 г., находясь в эвакуации в Усолье и проживая вблизи Переславль-Залесского детдома. Узнав, что в нем разместили эвакуированных из оккупированного Ленинграда измученных детей возрастом от трех до восьми лет, автор решил написать про них и их жизнь в детдоме цикл рассказов. Одной из главных целей произведения было горячее желание М. М. Пришвина найти детям новые семьи. И. В. Попова отмечает, что «писатель обращается к детской теме еще и с воспитательной целью, причем педагогический пафос его обращен, прежде всего, к сознанию взрослых людей»¹⁵¹². Поэтому тематику данных миниатюр сам автор определял как «любовное отношение к детям и как пример для молодежи»¹⁵¹³. По замечанию писателя, данный цикл из двенадцати коротких рассказов «...имеет внешний вид чрезвычайно простых очерковых миниатюр, лишь тематически связанных между собою»¹⁵¹⁴.

Однако, несмотря на их кажущуюся простоту, в данных произведениях также встречаются отсылки к текстам Священного Писания, что, вероятно, обусловлено переосмыслением М. М. Пришвиным своего предвзятого взгляда на Православие и христианское милосердие на фоне ужасов войны. В. Д. Лиорко вспоминает, что, находясь в эвакуации, писатель познакомился с творчеством Э. М. Хемингуэя. Оно оказало на него столь сильное впечатление, что М. М. Пришвина пленила «тема человеческих страданий и материнского

¹⁵¹¹ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 663–664.

¹⁵¹² Попова И. В. Нравственный идеал милосердия в «Ленинградских рассказах» М. М. Пришвина. С. 9.

¹⁵¹³ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. С. 663–664.

¹⁵¹⁴ Там же. С. 663.

подвига»¹⁵¹⁵. В результате этого писатель сразу же приступил к работе над «Рассказами о ленинградских детях»¹⁵¹⁶.

Характер произведений основан исключительно на увиденном и услышанном в детдоме в течение года. Автор сознательно избегает художественного вымысла, сосредотачивая внимание читателей на правдивом повествовании о детях и формировании в них нравственных качеств. По этой причине каждая миниатюра представляет собой отдельный яркий отрывок из жизни ребенка, отражающий ту или иную сторону в их воспитании.

Первое, что писатель пытается привить детям, — это чувство сострадания и милосердия. В миниатюре «Дети» он рассказывает, как никогда не видевшие дикой природы ребята впервые поймали и задавили лягушку. С особой чуткостью писатель объясняет, что природа — это чудо, в котором могут быть самые настоящие сказки: «...все дети были растроганы, все жалели лягушку-царевну и обещались никогда лягушек не душишь. — Пусть себе прыгают!»¹⁵¹⁷.

В миниатюре «Папа-доктор» примером операции над больным блокадным ребенком автор воспитывает в детях необходимое мужество, дарующее жизнь, а также благодарность к врачам, несмотря на причиняемую ими боль¹⁵¹⁸. В качестве детской добродетели писатель также выделяет верность обещанию и данному слову¹⁵¹⁹. Однако эталоном поведения для детей и взрослых М. М. Пришвин ставит выражение «будьте как дети»¹⁵²⁰, взятое из Евангелия от Матфея: «...истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18, 3). В контексте ужасов Великой Отечественной войны, искажающей и ожесточающей человеческую природу, данное выражение становится не только нравственным эталоном, но и залогом отсутствия войн. В качестве примера повествователь показывает доктора, который в свободное от работы время дарит детям радость, несмотря на все их проступки и личную обиду.

¹⁵¹⁵ См.: Пришвина В. Д. Война. С. 196, 200, 223.

¹⁵¹⁶ См.: там же. С. 200–201.

¹⁵¹⁷ Пришвин М. М. Дети // Собр. соч. : в 8 т. М. : Художественная литература, 1983. Т. 5. С. 129.

¹⁵¹⁸ См.: Пришвин М. М. Папа-доктор // Собр. соч. : в 8 т. М. : Художественная литература, 1983. Т. 5. С. 131.

¹⁵¹⁹ См.: там же. С. 132.

¹⁵²⁰ Там же. С. 132.

«После занятий доктор... своим перочинным ножом сделал змея для детей, запустил его вместе с ними... И видно было, что сам доктор радовался, как ребенок. <...> Извольте понимать эту мудрость: “будьте как дети”»¹⁵²¹, — заключает автор. По замечанию Н. Н. Кульчицкой, «эти слова из Евангелия вполне могут быть эпитафией ко всему циклу рассказов о ленинградских детях»¹⁵²².

Примечательно, что для самого писателя эти слова не были пустым звуком. Призыв «быть как дети» стал его своеобразным девизом, с которым он старался согласовывать свою собственную жизнь и к чему призывал других¹⁵²³. По воспоминанию его современников, Е. Н. Волынцева и В. Г. Лидина, М. М. Пришвин действительно всегда производил впечатление «большого ребенка»¹⁵²⁴ с «милой непосредственной детскостью»¹⁵²⁵.

Последующие миниатюры «Рассказов» по своей проблематике нацелены исключительно на взрослого читателя. В них писатель обращает внимание на среду воспитания ребенка — на семью. Так, в миниатюре «Мыши» М. М. Пришвин рассуждает о типах матерей: «мышьях», оставляющих своих детей на произвол судьбы, и тех женщинах, которые являют подвиг самоотверженной работы даже с чужим ребенком.

Повествователь с первых строк так формирует образ недостойного материнства: «Была в Ленинграде одна малодушная мать. Она оставила на улице свою девочку... Такая была мать, что даже забыла упомянуть в записке имя... когда почти через год девочку выходили... старая ведьма явилась в колонию со своими родовыми материнскими правами. <...> ...В мышьиного цвета платке, с хитрыми, пронзительными, кругло муравьиными глазками...»¹⁵²⁶. Сравнение с ведьмой и анималистическое описание женщины автор дополняет характерной чертой — шепелявостью, роднящей ее со змеями, в чем также прочитывается

¹⁵²¹ Пришвин М. М. Папа-доктор. С. 132.

¹⁵²² См.: Кульчицкая Н. Н. Резерв будущего в растущем человеке («Рассказы о ленинградских детях» М. М. Пришвина). С. 236.

¹⁵²³ См.: Серова О. В. Всегда со мною // Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Восп. современников / сост., вступ. ст., коммент. Л. А. Рязанова и Я. З. Гришина. СПб. : Росток, 2005. С. 257.

¹⁵²⁴ См.: Волынцев Е. Н. Молодой земский агроном // Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Восп. современников / сост., вступ. ст., коммент. Л. А. Рязанова и Я. З. Гришина. СПб. : Росток, 2005. С. 33.

¹⁵²⁵ См.: Лидин В. Г. М. Пришвин // Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович. Восп. современников / сост., вступ. ст., коммент. Л. А. Рязанова и Я. З. Гришина. СПб. : Росток, 2005. С. 127.

¹⁵²⁶ Пришвин М. М. Мыши // Собр. соч. : в 8 т. М. : Художественная литература, 1983. Т. 5. С. 133–134.

указание на некую инфермальную природу. Место ее работы — кладовка под землей — также наводит на мысль о холодности материнских чувств и отсутствии подлинной любви. Подтверждением этого становится нравственная деградация девочки, своеобразное «грехопадение», показанное автором следующим образом: «...Зиночка чаще и чаще стала скрываться куда-то вниз, в подвальную кладовую... косилась, выглядывала из щелок, постепенно делалась замкнутой, угрюмой и грубой»¹⁵²⁷. Такая перемена возникла вследствие общения с матерью, дающей ей краденые лакомства. Так, родная мать фактически становится змеем-искусителем, похищающим доверчивую детскую душу и совращающим ее как Еву.

Противоположным образом выступает воспитательница трехсот детей, «прекрасная мама», подобно Богу, равно любящая всех и желающая им счастья. Замечая перемену в ребенке и поняв причину, она «...открыла дверь и вошла, словно свет ворвался в темный бор. — Ты ли это, Зиночка? — сказала она. — Но только не бойся, ничего не пугайся, как мыши. Ты больше не будешь ходить сюда? — Не буду, — прошептала Зиночка. И по-прежнему открыла большие глаза. — Иди за мной. И Зиночка пошла за новой мамой...»¹⁵²⁸. В указании на бор, свет, предшествующую скрытность ребенка и вопрос воспитательницы прочитывается аллюзия на Книгу Бытия (Быт. 3, 9), когда Бог взывал к Адаму в раю, вкусившему запретный плод, в надежде его исправления. Однако, в отличие от библейского повествования, девочка обратилась к свету, в чем отразился евангельский идеал человека М. М. Пришвина: «будьте как дети»¹⁵²⁹.

Данную миниатюру повествователь завершает рассуждением о свете и тьме: «...ворвется солнце, и все разделится: светлюбивые остаются в лучах, а темные ползут в тень...»¹⁵³⁰. В этом также прочитывается аллюзия на Евангелие: «...ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не

¹⁵²⁷ Пришвин М. М. Мыши. С. 135–136.

¹⁵²⁸ Там же. С. 136.

¹⁵²⁹ Пришвин М. М. Папа-доктор. С. 132.

¹⁵³⁰ Пришвин М. М. Мыши. С. 137.

обличились дела его, потому что они злы, а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге...» (Ин. 3, 20–21).

Тему усыновления автор поднимает в миниатюре «Козочка», повествующей о девочке, потерявшей на войне своих родителей. В данном рассказе М. М. Пришвин рассуждает о роли семьи для ребенка. Так, семья становится неким подобием рая, неразрывно связанным с чувством радости и любви¹⁵³¹. По этой причине писатель призывает восстанавливать разбитые войной семьи и усыновлять детей, чем надеется оградить их от ада войны.

Одним из наиболее показательных произведений, где в качестве центральной темы выступает именно привитие детям высоконравственного образа жизни, является **«Кладовая солнца» (1945)**.

Сюжет, изложенный в двенадцати главах, повествует о двух сиротах — брате и сестре, которые отправились в лес на поиски клюквы, поссорились там и едва не погибли. Время в повести совпадает с периодом Великой Отечественной войны и заканчивается после Победы, соответствуя 1943–1945 гг., причем основные события произведения, заложенные в сюжете, разворачиваются в течение одного дня.

Автор описывает реальные места в районе Переславля-Залесского, с его лесами и болотами, играющими, по замечанию Н. В. Борисовой, «...особую роль в системе нравственных координат...»¹⁵³². Так одним из ключевых топонимов в произведении стало именно Блудово болото, неподалеку от которого жил писатель. Его супруга вспоминает: «Тропинка в Блудово болото через несколько лет войдет в сказку-быль Пришвина и станет образом пути к собственной душе...»¹⁵³³, а также некой аллегорией его блуждания по жизни в поисках душевного покоя и пристанища¹⁵³⁴.

¹⁵³¹ Пришвин М. М. Козочка // Собр. соч. : в 8 т. М. : Художественная литература, 1983. Т. 5. С. 138.

¹⁵³² Борисова Н. В. Михаил Пришвин : сотворение мифа. С. 127.

¹⁵³³ Пришвина В. Д. Война. С. 191.

¹⁵³⁴ См.: Пришвина В. Д. Наш дом. С. 191.

В Переславле М. М. Пришвин также познакомился с реальными прототипами героев повести и их историей, оставив в своем дневнике следующую заметку: «...брат и сестра пошли в лес за клюквой, их тропа в лесу разделилась, дети заспорили, поссорились, разошлись»¹⁵³⁵. В системе персонажей ключевое место отводится главным героям повести — Насте и Митраше. Автор представляет их читателю как сирот, дружно живущих вместе. Старшую девочку двенадцати лет называли «золотой курочкой» за ее хозяйственность¹⁵³⁶, а десятилетнего Митрашу «мужичком в мешочке» за его плотно сбитое телосложение, а также упрямый и сильный характер¹⁵³⁷.

В произведении большое значение отводится системе образов. В связи с этим, как замечает Н. В. Борисова и Б. Г. Меркин¹⁵³⁸, «Кладовая солнца» обладает «огромной семантической емкостью» и «богатейшим ассоциативным рядом»¹⁵³⁹. Автор уделяет сугубое внимание описанию природы, помогающей раскрыть внутренний мир героев. Так, повесть начинается следующими словами: «В одном селе, возле Блудова болота, в районе города Переславль-Залесского, осиротели двое детей»¹⁵⁴⁰. Название болота и упоминание о детях сразу же наводит на мысль о евангельском сюжете о блудном сыне, сбившемся с правильного пути и влекомом страстью, отправившемся в далекую страну. Так, Е. Р. Боровская и С. А. Пошина замечают: «Блудово болото готовит детям множество искушений... Митраша оказывается на краю гибели... от гордыни, а Настя... от алчности»¹⁵⁴¹. В этом смысле потерявшие родителей брат и сестра так же, пусть и невольно, становятся «блудными» детьми, блуждающими без ориентиров по болоту жизни. Данную мысль об аналогичном прохождении детьми пути блудного сына с последующим возвращением также подчеркивает Е. А. Федорова¹⁵⁴². По утверждению Е. Р. Боровской, эта притча является основой, внутренней

¹⁵³⁵ Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. С. 661.

¹⁵³⁶ См.: Пришвин М. М. Кладовая солнца // Собр. соч. : в 8 т. М. : Художественная литература, 1983. Т. 5. С. 217.

¹⁵³⁷ См.: там же. С. 216.

¹⁵³⁸ См.: Меркин Б. Г. Авторское определение жанра как ключ к пониманию идеи произведения. С. 43.

¹⁵³⁹ См.: Борисова Н. В. Художественное бытие мифа в творческом наследии М. М. Пришвина. С. 29.

¹⁵⁴⁰ Пришвин М. М. Кладовая солнца. С. 216.

¹⁵⁴¹ Боровская Е. Р., Пошина С. А. Христианские ценности в «Кладовой солнца» М. М. Пришвина. С. 24.

¹⁵⁴² См.: Фёдорова Е. А. Проблема нравственного выбора в сказке-были М. М. Пришвина «Кладовая солнца». С. 5.

формой всего произведения, прививающей христианские ценности, в рамках которой следует прочитывать данный рассказ¹⁵⁴³.

Цель детей состояла в нахождении некой «палестинки»¹⁵⁴⁴ — удивительного места, где растет самая крупная и сладкая клюква. Само название топонима приводит на ум Святую Землю — Палестину, место земной проповеди Христа. В контексте повести «палестинка» становится своеобразной «землей обетованной», «раем», куда еще не ступала нога человека. В качестве антитезы автор вводит еще один топоним — «Слепую елань» — страшное топкое место, где погибло много людей желающих попасть на «палестинку»¹⁵⁴⁵. Так, образ слепой елани, связанный с опасностью, множеством смертей, и являющийся фактическим препятствием на пути к «палестинке-раю», может быть прочитан как ад или геенна. На основании этого можно полагать, что конфликт между детьми является не просто ссорой, но более острой проблемой, имеющей под собой духовные причины и непосредственно влияющей на действительную жизнь или смерть героев.

На эту мысль также наводит предваряющее конфликт детей описание деревьев — сосны и ели. Повествователь замечает: «Их корни с малолетства сплелись, их стволы тянулись вверх рядом к свету, стараясь обогнать друг друга. ...они впивались сухими сучьями в живые стволы и местами насквозь прокололи друг друга. <...> ...Деревья стонали и выли на все Блудово болото, как живые существа»¹⁵⁴⁶; «...вдруг ветер рванул, елка нажала на сосну и сосна простонала. Ветер рванул еще раз, и тогда нажала сосна, и ель зарычала»¹⁵⁴⁷. Подобное потенциальное соперничество с обострением конфликта также прослеживается в повести между братом и сестрой. Автор отмечает, что внешняя сторона жизни детей была безупречна: все видели, как они долго и дружно жили друг с другом и всегда были вместе. Однако как между сосной и елью, растущими бок о бок, так и между детьми был острый конфликт, выражающийся в соперничестве и

¹⁵⁴³ См.: Боровская Е. Р. Притча о блудном сыне во внутренней форме «Кладовой солнца» М. М. Пришвина. С. 54.

¹⁵⁴⁴ См.: Пришвин М. М. Кладовая солнца. С. 220.

¹⁵⁴⁵ См.: там же. С. 220.

¹⁵⁴⁶ Там же. С. 224.

¹⁵⁴⁷ Там же. С. 226.

самолюбии. Каждому из них хотелось быть первым: брату хотелось поучать старшую сестру, он злился своим подчиненным положением и часто обращался к сестре со словами претензий, «задрав нос»¹⁵⁴⁸, а сестра считала для себя унижительным и обидным подчиняться младшему брату, игнорируя его советы¹⁵⁴⁹.

М. М. Пришвин также через природу показывает развитие конфликта между детьми с началом их «блуждания» в лесу: «...серая хмарь плотно надвинулась и закрыла все солнце со всеми его живительными лучами. Злой ветер очень резко рванул. Сплетенные корнями деревья, прокалывая друг друга сучьями, на все Блудово болото зарычали, завывали, застонали»¹⁵⁵⁰. Так внутренний потенциальный конфликт детей перерос в открытую явную вражду, кульминацией чего стал разлад между собой, выбор разных путей и обида друг на друга¹⁵⁵¹.

Развитие в детях ослепляющей ум страсти, приводящей их к большому заблуждению и едва не стоившей им жизни, повествователь также показывает через описание природы, аллегорично отражая их внутреннее состояние. Прямая тропа, по которой упорно решил пойти Митраша, скоро привела его к самой слепой елани, месту гибели, однако, будучи ослепленным детской страстью непокорности, мальчик не замечал очевидных признаков надвигающейся смертельной опасности. Автор передает атмосферу следующим образом: «...становится страшно: не соеем ли в пропасть уходит нога? <...> Земля под ногой стала как гамак, подвешенный над тинистой бездной»¹⁵⁵²; «...нога его стала утопать все глубже и глубже... <...> И почувствовал, что он плотно схвачен со всех сторон по самую грудь... при малейшем движении его тянуло вниз...»¹⁵⁵³. Указание на страх, пропасть, бездну семантически наводит на мысль о непосредственной близости «ада»; отсутствие здоровой рефлексии относительно своего положения свидетельствует об изменении сознания, некой духовной слепоте, а дальнейшее введение образов вековых карликовых елок, похожих на

¹⁵⁴⁸ См.: Пришвин М. М. Кладовая солнца. С. 218.

¹⁵⁴⁹ См.: там же. С. 227.

¹⁵⁵⁰ Там же. С. 228.

¹⁵⁵¹ См.: там же. С. 227.

¹⁵⁵² Там же. С. 235–236.

¹⁵⁵³ Там же. С. 238–239.

ведьм, лишь усиливает данную смертельную атмосферу: «...колдунья тянет к тропе костлявую руку. И ждешь... как в сказке, полянка покажется, и на ней избушка колдуньи с мертвыми головами...»¹⁵⁵⁴. Смертельную опасность также подчеркивают образы воронов и сорок, кружащих над героем, подобно демонам, ожидающим его конца¹⁵⁵⁵. В совокупности все это можно трактовать как пример действия в человеке «смертного греха» и эволюции в нем страсти, приводящей к гибели. Об этом также пишут Е. Р. Боровская и С. А. Пошина: «То же касается и Митраши. Гордыня как самый страшный из грехов... приводит мальчика в буквальном смысле в бездну...»¹⁵⁵⁶.

Лишь в последний момент полного бессилия к герою приходит чувство раскаяния и осознания собственной неправоты, признаком чего служат обильные слезы и воспоминание о сестре¹⁵⁵⁷. Признав свою ошибку и испытав горячее желание исправиться, Митраша был спасен собакой, явившейся подобно некоему ангелу-хранителю. Так, автор доступно изложил христианскую истину, что без личного раскаяния и желания изменения спасение невозможно.

Подобное «падение» с последующим раскаянием переживает и Настя. М. М. Пришвин показывает, что путь нравственной деградации был сопряжен с ослепляющей жадностью¹⁵⁵⁸. Данная инволюция девочки показывается через описание природы: «Лось, обирая осинку, с высоты своей спокойно глядит на ползущую девочку, как на всякую ползущую тварь. ...вся мокрая и грязная, прежняя Золотая Курочка на высоких ногах. Лось ее и за человека не считает: у нее все повадки обычных зверей, на каких он смотрит равнодушно...»¹⁵⁵⁹. Движение на четвереньках, звериные повадки, грязь и сравнение с бездушной тварью явно указывают на высокую степень отпадения, чем вызвано полнейшее забвение памяти о брате и о себе самой. Подобно Митраше, Настя тоже чуть не погибла от своей страсти, едва не схватив вместе с клюквой гадюку. Лишь после

¹⁵⁵⁴ Пришвин М. М. Кладовая солнца. С. 236.

¹⁵⁵⁵ См.: там же. С. 237.

¹⁵⁵⁶ Боровская Е. Р., Пошина С. А. Христианские ценности в «Кладовой солнца» М. М. Пришвина. С. 34; См. также: Боровская Е. Р. Притча о блудном сыне во внутренней форме «Кладовой солнца» М. М. Пришвина. С. 56.

¹⁵⁵⁷ См.: Пришвин М. М. Кладовая солнца. С. 239.

¹⁵⁵⁸ См.: там же. С. 241.

¹⁵⁵⁹ Там же. С. 242–243.

того, как змея зашипела на девочку, она очнулась, еще не до конца осознавая бедственность своего положения: «...изумленно смотрела на змею... Насте представилось, будто это она сама осталась там, на пне, и теперь вышла из шкуры змеиной и стоит, не понимая, где она»¹⁵⁶⁰.

Введенный в повесть образ змеи в «палестинке-рае» неслучаен и несет в себе глубокий семантический смысл, подобно искушению Евы, на что также обращает внимание Н. В. Борисова¹⁵⁶¹. Он как бы ставит героиню перед выбором: оставаться дальше в своем животном состоянии и поддаться страсти или же обратиться и вновь стать человеком. В принятии решения девочке помогло нахождение рядом собаки. Благодаря ей Настя вспомнила о брате и, осознав тяжесть своего поступка, зарыдала, окончательно сбросив с себя «змеиную чешую» своей страсти¹⁵⁶². Т. Г. Фирсова и Е. А. Комарова отмечают в данном поступке девочки своеобразное «воскресение» и «возвращение к жизни», что, по их мнению, также символически прочитывается в самом ее имени¹⁵⁶³.

В обоих случаях в критические моменты жизни к детям являлась собака и буквально поднимала их из грязи, вытаскивая из смертельных сетей страсти. Следует заметить, что данная помощь появлялась лишь с началом раскаяния героев, в чем прослеживается вполне христианское учение о покаянии и спасении, повествующее, что Бог не может спасти человека против его воли. В этом смысле явления собаки — друга человека — сравнимо с действием ангела-хранителя.

В качестве антитезы собаке-хранителю выступает образ волка-губителя, семантически связанный с образом дьявола. На данное прочтение образа в повести наводит сам М. М. Пришвин. Так, он наделяет волка свойственными дьяволу качествами: лукавством и хитростью, неистовой злостью и враждой против всего человеческого рода¹⁵⁶⁴.

¹⁵⁶⁰ Пришвин М. М. Кладовая солнца. С. 243.

¹⁵⁶¹ См.: Борисова Н. В. Михаил Пришвин : сотворение мифа. С. 130.

¹⁵⁶² См.: Пришвин М. М. Кладовая солнца. С. 244.

¹⁵⁶³ См.: Фирсова Т. Г., Комарова Е. А. Духовно-нравственные мотивы в произведении «Кладовая солнца» М. М. Пришвина. С. 87.

¹⁵⁶⁴ См.: Пришвин М. М. Кладовая солнца. С. 232.

Так ключевой проблемой произведения становится не собственно конфликт между детьми, едва не приведший их к гибели, но нравственная борьба с самим собой и своими страстями, соответствующая общей воспитательной цели повести. Таким образом, произведение можно считать своеобразной адаптацией евангельской притчи о блудном сыне, где также находим мотивы подверженности страсти, пути, смертельной опасности, раскаяния и возвращения с примирением к родным. По заключению Б. Г. Меркина¹⁵⁶⁵ и Е. А. Федоровой, благодаря обилию аллегорий, образности произведения и притчевому характеру повесть «Кладовая солнца» действительно «восходит к традиции древнерусской словесности с ее духовно-нравственными ценностями»¹⁵⁶⁶.

Подводя **итоги по параграфу**, посвященному представлениям писателя о нравственных категориях добра и зла, можно отметить, что они занимали значимое место в творческом наследии М. М. Пришвина и нашли свое выражение в целом ряде тем, таких как: восприятие милосердия, аскетизма, добродетели, воспитания, убийств, войн, революции, власти, воровства, пьянства и др.

Ключевой особенностью этической системы писателя является то, что она базировалась не на церковных или гражданских поведенческих установках, но на собственном взгляде на мир, независимом от общепринятой общественной традиции. В связи с этим целый ряд аксиологических доминант рассматривался писателем неоднозначно, а некоторые безусловно отрицательные категории, напротив, воспринимались М. М. Пришвиным, как ценности. Данное своеобразие жизненной позиции М. М. Пришвина объясняет К. Н. Давыдов — зоолог-фаунист, долгое время общавшийся с писателем. В своих воспоминаниях ученый пишет: «Он не хотел мириться с прозой жизни, с житейской действительностью»¹⁵⁶⁷; «Он не желал подчиниться общепринятым понятиям, ни в чем не выносил рутины...»¹⁵⁶⁸. В этом «протестантстве» и заключалась главная проблема

¹⁵⁶⁵ См.: Меркин Б. Г. Авторское определение жанра как ключ к пониманию идеи произведения. М. М. Пришвин «Кладовая солнца». С. 51.

¹⁵⁶⁶ См.: Федорова Е. А. Проблема нравственного выбора в сказке-были М. М. Пришвина «Кладовая солнца». С. 5.

¹⁵⁶⁷ Давыдов К. Н. Мои воспоминания о М. М. Пришвине. С. 46.

¹⁵⁶⁸ Там же. С. 44.

этической системы автора. Так, для него единственным достоверным мерилom нравственного и безнравственного было лишь собственное мироощущение, что, разумеется, не спасало его от заблуждений и жизненных ошибок.

По этой причине в число факторов, способствовавших действительной перемене взглядов писателя, следует отнести сферу чувств и эмоций. В этом смысле особенную роль сыграли военные конфликты (Первая мировая война, революция 1917 г., Гражданская война и Великая Отечественная война), прошедшие М. М. Пришвина через состояние катарсиса и каждый раз способствовавшие последующему проведению переоценки ценностей. Так, после 1945 г. писатель все-таки начинает опираться на Православную этическую систему, стараясь согласовывать с нею свою все сферы жизни, за исключением лишь собственного представления о любви. Именно самобытный поиск и собственное понимание автором любви стало тем камнем преткновения, из-за которого он не мог во всей полноте войти в Церковь, а его творческое наследие стало невозможно причислить к православной литературе, но только религиозной.

Нравственная проблематика в равной мере встречается во всех ведущих жанрах творчества писателя с тем лишь отличием, что если дневники отражают преимущественно личные вопросы, то публицистика и художественная литература сосредоточены на решении острых общественных проблем. В числе встречающихся лексических средств выражения авторской проблематики по теме можно отметить: сравнения (революция, как плод действия дьявола; как хула на Бога; как нравственное падение и т. д.). Среди синтаксических средств: антитезу (расслабленный Христос и твердый дьявол; верующая проститутка и обычная брачная пара; Слепая елань (ад) и Палестинка (рай); собавка Травка (Ангел-хранитель) и волк Серый помещик (дьявол, демон) и т. д.), оксюморон (целомудренная блудница, боженька-черт и т. д.). Среди стилистических фигур: риторические вопросы, цитаты, аллюзии и реминисценции на евангельские и библейские сюжеты. Религиозная проблематика также обильно передается на уровне заголовков («Распни!», «Цвет и крест», «Насыщение пятью хлебами»,

«Милость мира», «Поцелуйте боженьку под хвостик!», «Князь тьмы», «Молитва пастуха», «Гробы повапленные», «Красная горка» и др.).

При взгляде на творческое наследие писателя, посвященное нравственной проблематике, можно отметить, что в нем встречаются как отвечающие православной и общественной традициям нормы поведения, так и обратные им. Так, высоконравственными оставались взгляды автора на природу происхождения революции и сопряженными с нею формами зла, а также представления о воспитании детей. В качестве основы, на которой М. М. Пришвин строит свою воспитательную систему, лежат евангельские принципы. Писатель включает в состав своих произведений евангельские аллюзии, а также интерполирует в них евангельские сюжеты. Наиболее показательными являются: миниатюра «Папа-доктор», лейтмотив которой разворачивается вокруг евангельского стиха «будьте как дети» (Мф. 18, 3); миниатюра «Мыши», построенная по мотиву Книги Бытия (Быт. 3, 2–10)¹⁵⁶⁹ и содержащая аллюзию на Ин. 3, 20–21¹⁵⁷⁰; произведение «Козочка», содержащее в себе мотив возвращения в рай. Однако наиболее показательной является повесть «Кладовая солнца», поднимающая тему борьбы со своими страстями и являющаяся своеобразной детской адаптацией евангельской притчи о блудном сыне.

Однако многое во взглядах М. М. Пришвина расходится с традиционными представлениями о нравственности. Так, наиболее критичной является позиция писателя по вопросу понимания супружеской верности, целомудрия, проституции и греха, совершенно не отвечающая церковной морали. Проблема видится в том, что для М. М. Пришвина сами понятия «добро» и «зло» были относительными и не были четко разграничены. Собственные представления об аксиологии нередко конфликтовали с православным учением по причине того, что главным критерием нравственного и безнравственного выступало его собственное мнение, а не

¹⁵⁶⁹ В произведении пересматривается аналогичная ситуация из Книги Бытия с преступлением заповеди Бога о невкушении плодов, однако, в отличие от евангельского сюжета, ребенок показывает пример сиюминутного раскаяния и исправления.

¹⁵⁷⁰ «...ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы, а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге...» (Ин. 3, 20–21).

Церкви. По этой причине процесс воцерковления также проходил с долей условности. Те христианские нравственные категории, которые соответствовали нравственно-этической системе писателя, охотно принимались М. М. Пришвиным, а те, которые начинали конфликтовать с его личной аксиологической системой — нередко подвергались критике или вовсе отвергались.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основная цель исследования стояла в выявлении взаимосвязи творческого наследия писателя с духовно-нравственными ценностями и идеалами Православной культуры. Для достижения этой цели был проведен анализ системы религиозно-философских взглядов и мироощущения М. М. Пришвина (отображенных в его жизни и творчестве) на вопрос поднимаемой им религиозно-нравственной проблематики.

В рамках проблемы богоискательства для М. М. Пришвина основными аксиологическими доминантами выступали: поиск и понимание Бога; молитва, как средство богообщения и вера, как необходимое условие Его обретения.

Особенностью авторской проблемы богоискательства можно определить то, что все магистральные темы, посвященные этому вопросу, объединены общей логикой эволюции мышления писателя, которая проходила через ряд условных вех в его мировоззрении, таких как марксизм, пантеизм, деизм и проч. в сторону православного христианства.

Значимым фактором, во многом определившим авторскую проблему богоискательства, стало то, что у писателя с детства отсутствовал какой-бы то ни было идеологический или религиозный фундамент, на который он мог бы опереться. Православие не было ему хорошо знакомо по той причине, что его мать воспитывалась в старообрядческой среде, с которой она порвала всякие отношения, а отец жил легкой жизнью и умер, когда М. М. Пришвину было всего 7 лет. В этом смысле последующее богоискательство писателя также могло быть обусловлено ранней потерей отца — опоры и примера в жизни. По этой причине его путь ко Христу и Православной вере прокладывался самостоятельно через множество ошибок, заблуждений и сомнений, что нашло свое отражение в творческом наследии автора.

При построении произведений для выражения своих религиозно-нравственных идей М. М. Пришвин задействует глубокую образную систему. Особая роль отводится пейзажу и портрету, через которые автор нередко

отражает религиозную проблематику. Среди вспомогательных средств, подчеркивающих проблематику богоискательства, распространены цитирования книг Священного Писания Ветхого и Нового Заветов, реже — сравнения, олицетворения, эпифора. Среди синтаксических средств автором иногда задействуются антитеза, градация. Среди стилистических фигур встречается обилие риторических вопросов, обращений и аллюзий на евангельские и библейские сюжеты. Важную роль играет цветопись. Также религиозная проблематика передается на уровне заголовков произведений. Однако наиболее употребительным, ведущим средством выражения в тексте являются именно аллюзии и реминисценции на евангельские и библейские сюжеты, встречающиеся на всех уровнях текста.

Воззрения М. М. Пришвина, отраженные в идейно-тематической структуре его произведений, посвященных поиску и пониманию Бога, нельзя считать православными в подлинном смысле этого слова. Если использовать христианскую типологию, то жизненный и творческий путь автора может быть сравнен со скитаниями евангельского блудного сына, который вернулся к истине лишь спустя годы странствий и пережитых страданий. В этом смысле бóльшая часть его идей выраженных в произведениях писателя отражает именно этап «странствий» и потому наполнена заблуждениями в вере, догматическими неточностями и нехристианским учением. Однако несмотря на все это автор оставался ищущим истины человеком, что в конечном счете и привело его к Православию. Так, ряд произведений М. М. Пришвина, поднимающих проблему богоискательства, вполне может быть отнесен в категорию религиозной литературы, особенно такие рассказы и очерки, как: «В краю непуганых птиц» (1907), «За волшебным колобком» (1908), «У стен града невидимого» (1909), «Никон Староколенный» (1912), «Цепочка Иисусова» (1915) и «Журавлиная родина» (1928).

В результате рассмотрения проблем религиозного диссидентства в творчестве М. М. Пришвина, были сделаны следующие выводы. Для писателя

в рамках данного вопроса основными проблемными темами выступали: религия, Православие, Церковь и эсхатология.

В числе главных особенностей во взглядах М. М. Пришвина было то, что все религии для него являлись не более чем инструментами приближения к Богу. Так, автор пытался найти наиболее удобный для себя «инструмент», который отвечал бы именно его целям и задачам. Этим объясняется ранняя религиозная «всеядность» М. М. Пришвина, выраженная интересом к РФО, различным протестантским деноминациям и сектам, что также нашло свое отражение и в его разрозненных представлениях о посмертной участи. При этом само Православие в качестве возможного варианта вероисповедания писатель не воспринимал изначально, считая его уже безжизненным, пустым, с застывшей в веках мертвой формой. Он смотрел на него взглядом этнографа, лишь как на археологическую, культурную ценность и материал для творчества, фактически находясь вне Церкви, функцию которой для него исполняла природа. Коренные изменения во взглядах произошли лишь в последнее десятилетие жизни М. М. Пришвина, когда он сознательно обратился к Православию.

На столь долгий путь к Православной церкви влиял целый ряд факторов. Так, одной из существенных причин было раннее германофильство писателя, нашедшее свое последующее выражение в латентном «протестантстве». В результате этого М. М. Пришвин пренебрежительно относился к институту священства, не признавал икон, симпатизировал идеям реформирования Православия. При этом можно допустить, что решающим фактором перехода именно к Православному христианству стало глубокое разочарование в фашистской, протестантской идеологии в 1941 г., а Победа в Великой Отечественной войне стала поводом и толчком к активному воцерковлению писателя. Также на поздний переход в Православие повлиял неудовлетворительный опыт поиска Бога в рамках прочих вероисповеданий и категоричность Церкви относительно критериев блуда. Невозможность венчания М. М. Пришвина с В. Д. Лиорко по причине канонических препятствий также являлась причиной критического отношения к Православному христианству,

однако это не помешало последующему исповеданию Православия и вхождению писателя в Церковь.

Во всех своих текстах М. М. Пришвин задействует богатую образную систему, подчеркивающую религиозную проблематику. Особое значение как в художественных произведениях, так и в публицистике и эпистолярном наследии несет цитирование книг Священного Писания Ветхого и Нового Заветов, а также аллюзии и реминисценции на евангельские и библейские сюжеты. Поскольку автор затрагивает интимные стороны своей жизни, в ряде произведений он вводит свое *alter ego*, посредством которого получает возможность повествовать о глубоко личных, биографических моментах своей жизни и волнующих его экзистенциальных вопросах, не заявляя о себе прямо.

Религиозный диссидент — выражение, которое как нельзя точнее передает всю сложность и специфичность отношения М. М. Пришвина к религии, Православию, Церкви и эсхатологии на большом протяжении жизни, которое он заключал в своих произведениях. Так, например, автор долгое время игнорировал общепринятые традиции. Как следствие — ему было присуще множество догматических заблуждений, расходящихся с взглядами Православной Церкви. Этот сложный путь от диссидентства к приятию, от заблуждения к истине, от «протестантства» к Православию хорошо виден в его судьбе и творческом наследии. Пусть этот путь далек от идеала, но он безусловно заслуживает внимания, как пример обращения заблудшей души к Богу. Благодаря анализу произведений М. М. Пришвина можно утверждать, что хоть бунтарство и осталось неотъемлемой чертой писателя, он все-таки пришел в Церковь, а его наследие несмотря на всю свою противоречивость является достойным примером религиозной литературы, особенно такие произведения, как: «Сашок» (1906), «Круглый корабль» (1911), «Крутоярский зверь» (1911), «Саморок» (1913), «Спас-Чекряк» (1913), «Астраль» (1914), «Страшный суд» (1917), «Мирская чаша» (1922) и «Слепая Голгофа» (1924).

При исследовании проблемы пришвинской этической системы в его творчестве, были сделаны следующие выводы. Для М. М. Пришвина основными

темами, которые привлекали его внимание, были: понимание любви, восприятие и оценка добра и зла.

Одной из ключевых особенностей во взглядах М. М. Пришвина в рамках указанной проблемы выступал естественный «протестантизм» писателя, который заключался в протесте против господствующих норм и правил. Так, во главе угла его этической системы стояла не Церковь и Евангелие, но личные аксиологические представления. Большую часть жизни автора православное учение оставалось лишь очень ограниченной (как материал для творчества и источник эстетического удовольствия) надстройкой на его собственном идеологическом фундаменте. Часто диссонанс во взглядах между собственным видением и современными общественными (советскими), а также традиционными церковными нормами способствовал поиску истины, который он успешно находил в Православии. Однако, в вопросе понимания венчаного брака и восприятия 7-й заповеди Декалога М. М. Пришвин твердо стоял на собственной позиции вплоть до 1954 г.

Вероятная причина подобной категоричности писателя кроется в его чрезвычайно сложном и драматическом личном любовном опыте, а также в глубоком интересе философией Ф. В. Ницше, З. Фрейда и В. В. Розанова, закрепившей иной взгляд на любовь. Кульминацией любовной проблемы писателя и Рубиконом, после которых расхождение с Церковью стало неизбежным, было знакомство и последующее сожитительство с В. Д. Лиорко. С позиции Церкви их связь однозначно воспринималась, как блуд, поскольку они оба ушли от своих законных супругов и тем самым разрушили свои семьи (по этой причине участие в таинстве брака по каноническим причинам для них было уже невозможно). Однако для М. М. Пришвина обретение любви стояло превыше всего, поэтому в рамках данного вопроса он игнорирует учение Церкви, несмотря на принятие всех прочих этических и вероучительных аспектов. По этой причине он скрывает от всех (в том числе и духовенства) факт того, что не венчался с В. Д. Лиорко и, не считая данный поступок грехом, участвует в таинстве Евхаристии.

Для раскрытия и художественного осмысления этической проблематики писатель задействует в своих произведениях такие средства художественной выразительности, как риторические вопросы, цитаты, сравнения, противопоставления, оксюморон, аллюзии, реминисценции и цитаты на Священное Писание. Также нередко автор указывает на религиозную проблематику при помощи заголовков.

В вопросе богословской оценки взглядов, выраженных в дневниках, публицистике и художественных произведениях писателя на тему нравственности, требуется особый дифференцируемый подход. Так, многие аспекты этической системы М. М. Пришвина (представления о грехе, браке, верности, 7-й заповеди Декалога) продвигают иные, отличные от христианского идеала и общественных норм идеи и потому могут быть признаны, лишь как аморальные. При этом воспитательные детские рассказы и публицистические произведения действительно содержат в себе богатую религиозную тематику и проблематику, отвечающие высоким представлениям Церкви о нравственности. Могут быть рекомендованы в качестве религиозной и даже православной литературы такие труды писателя, как: «Князь тьмы» (1917), «Молитва пастуха» (1917), «В защиту слова» (1917), «Насыщение пятью хлебами» (1918), «Гробы повапленные» (1918), «Тьма-тьмущая» (1918), «Распни!» (1918), «Милость мира» (1923), миниатюры («Папа-доктор», «Мыши») из цикла «Рассказы о ленинградских детях» (1943) и в особенности «Кладовая солнца» (1945), ставшая своеобразным гимном возвращения заблудшей души к Богу.

В настоящем исследовании впервые была предпринята попытка целостного осмысления религиозно-нравственной проблематики в творческом наследии М. М. Пришвина. Были выявлены религиозно-этические взгляды автора и их отражение в творчестве; предложено систематическое изложение и анализ религиозно-нравственной проблематики в художественном наследии писателя.

Проведенная работа дает все основания утверждать, что в своем творческом наследии М. М. Пришвин действительно регулярно поднимает множество религиозных и нравственных тем (восприятие Бога и Христа, молитва, вера,

религия, Православие, Церковь, эсхатология, любовь, добро и зло, грех), которые занимают значимое место в его мировоззренческой системе. Было показано, что тематика произведений напрямую вытекает из религиозно-нравственной проблематики: богоискательства, религиозного диссидентства и этики, волновавших писателя на протяжении всей его жизни.

Так, творчество писателя стало явным отражением глубинных процессов в душе, свидетельством его религиозных поисков, ошибок и прозрений. Для выражения своих взглядов и особого звучания текста автор обильно использует Священное Писание и обращается к православной культуре (текстам богослужений и молитв, описанию быта верующих, христианской символике), однако их применение не всегда соответствует духу и учению Православной Церкви, что особенно заметно на примере авторской апологии супружеской неверности в произведении «Повесть нашего времени» (1946). Динамика изменений религиозных и этических взглядов в творческом наследии писателя выражается как постепенный переход от неверия к вере, от Пана к Христу, от жизни временной к вечной с Богом, что исчерпывающе демонстрируют дневники автора. Подводя итоги работы следует подчеркнуть, что одним из центральных факторов, повлиявших на коренное изменение взглядов писателя и определивших вектор формирования его творчества, стало богоискательство. Так, М. М. Пришвин искал Бога в РФО, сектах, протестантских деноминациях, нехристианских конфессиях, в отношениях с женщинами, творчестве, но закончил свои поиски именно в Православии, в котором, хочется надеяться, действительно обрел Бога не только в жизни временной, но и вечной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**ИСТОЧНИКИ**

1. Пришвин, М. М. Собрание сочинений : в 8 т. / М. М. Пришвин. — Москва : Художественная литература, 1982–1986. — Т. 1–8.
2. Пришвин, М. М. Дневники. 1914–1917. Кн. 1 / М. М. Пришвин; [вступ. ст. В. Д. Пришвиной]. — Москва : Московский рабочий, 1991. — 431 с.
3. Пришвин, М. М. Дневники. 1918–1919. Кн. 2 / М. М. Пришвин; [коммент. Я. З. Гришиной, В. Ю. Гришина]. — Москва : Московский рабочий, 1994. — 382 с.
4. Пришвин, М. М. Цвет и крест / М. М. Пришвин; [сост., вступ. статья, подготовка текста и коммент. В. А. Фатеева]. — Санкт-Петербург : Росток, 2004. — 608 с.
5. Пришвин, М. М. Дневники. 1920–1922. Кн. 3 / М. М. Пришвин; [подгот. текста, коммент. Л. А. Рязанова и др]. — Москва : Московский рабочий, 1995. — 332 с.
6. Гришина, Я. З. Личное дело. Пришвин М. М. Воспоминания современников. Война. Наш Дом / Я. З. Гришина, Л. А. Рязанова. — Санкт-Петербург : Росток, 2005. — 527 с.
7. Пришвин, М. М. Дневники. 1923–1925. Кн. 4 / М. М. Пришвин. — Москва : Русская книга, 1999. — 416 с.
8. Пришвин, М. М. Дневники. 1926–1927. Кн. 5 / М. М. Пришвин. — Москва : Русская книга, 2003. — 592 с.
9. Пришвин, М. М. Дневники. 1928–1929. Кн. 6 / М. М. Пришвин. — Москва : Русская книга, 2004. — 544 с.
10. Пришвин, М. М. Дневники. 1930–1931. Кн. 7 / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : Росток, 2006. — 704 с.
11. Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : Росток, 2007. — 800 с.

12. Пришвин, М. М. Дневники. 1932–1935. Кн. 8 / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : Росток, 2009. — 1008 с.
13. Пришвин, М. М. Дневники. 1936–1937. / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : Росток, 2010. — 992 с.
14. Пришвин, М. М. Дневники. 1938–1939 / М. М. Пришвин; [подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой; статья, коммент. Я. З. Гришиной]. — Санкт-Петербург : Росток, 2010. — 608 с.
15. Пришвин, М. М. Дневники. 1940–1941 / М. М. Пришвин; [подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; статья, коммент. Я. З. Гришиной]. — Москва : Изд-во РОССПЭН, 2012. — 880 с.
16. Пришвин, М. М. Дневники. 1942–1943 / М. М. Пришвин; [подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; статья, коммент. Я. З. Гришиной]. — Москва : Изд-во РОССПЭН, 2012. — 813 с.
17. Пришвин, М. М. Дневники. 1944–1945 / М. М. Пришвин; [подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; статья, коммент. Я. З. Гришиной]. — Москва : Новый хронограф, 2013. — 944 с.
18. Пришвин, М. М. Дневники. 1946–1947 / М. М. Пришвин; [подгот. текста Я. З. Гришиной, Л. А. Рязановой; статья, коммент. Я. З. Гришиной; указат. имен — В. А. Устинов]. — Москва : Новый хронограф, 2013. — 968 с.
19. Пришвин, М. М. Дневники. 1948–1949 / М. М. Пришвин; [подгот. текста Я. З. Гришиной, Л. А. Рязановой; коммент. Я. З. Гришиной; указат. имен — В. А. Устинов]. — Москва : Новый хронограф, 2014. — 824 с.
20. Пришвин, М. М. Дневники. 1950–1951 / М. М. Пришвин; [подгот. текста Я. З. Гришиной, Л. А. Рязановой; коммент. Я. З. Гришиной]. — Санкт-Петербург : Росток, 2016. — 736.
21. Пришвин, М. М. Дневники. 1952–1954 / М. М. Пришвин; [подготовка текста Я. З. Гришиной, Л. А. Рязановой; коммент. Я. З. Гришиной]. — Санкт-Петербург : Росток, 2017. — 832 с.

ЛИТЕРАТУРА

22. Александров, И. Н. Экология природы и «экология души» в рассказах М. М. Пришвина / И. Н. Александров // Теория и практика образования в современном мире. — 2014. — С. 112–113.

23. Александрова, Н. Ф. Значение лирических миниатюр М. Пришвина в духовно-нравственном воспитании обучающихся СПО / Н. Ф. Александрова // Творческое наследие Михаила Пришвина в системе современного гуманитарного знания. — 2018. — С. 13–20.

24. Алексеева, Л. Ф. Противостояние идей, характеры и судьбы мужчин и женщин в «Повести нашего времени» (1944) М. М. Пришвина / Л. Ф. Алексеева. // Вестник Московского государственного обл. университета. — 2023. — № 1. — С. 8–18.

25. Алехина, А. А. Книга рассказов М. М. Пришвина «Лисичкин хлеб»: взгляд на мир ребенка и взрослого / А. А. Алехина // Мировая словесность для детей и о детях. — 2017. — С. 19–24.

26. Алехина, А. А. Особенности мифотворчества М. Пришвина на материале поэмы «Фацелия» / А. А. Алехина // Творческое наследие Михаила Пришвина в системе современного гуманитарного знания. — 2018. — С. 20–24.

27. Атаманова, Е. Т. «Русский сфинкс» в творческом сознании М. Пришвина / Е. Т. Атаманова // Михаил Пришвин и XXI век: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя. — 2013. — С. 60–64.

28. Афанасьев, Ю. Ю. Диалог свободы и необходимости в романе М. Пришвина «Осударева дорога» / Ю. Ю. Афанасьев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2009. — № 117. — С. 181–185.

29. Борисова, Н. В. «Мирская чаша» М. Пришвина: моление о свете / Н. В. Борисова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 8–1 (50). — С. 31–33.

30. Борисова, Н. В. Власть бессознательного в рассказе М. Пришвина «Крутоярский зверь» / Н. В. Борисова // *Филоlogos*. — 2012. — № 12. — С. 10–17.
31. Борисова, Н. В. М. Пришвин «Мирская чаша» цвет и крест России / Н. В. Борисова // *Филоlogos*. — 2007. — № 1–2. — С. 142–152.
32. Борисова, Н. В. Мифопоэтика хронотопа в рассказе М. Пришвина «Крутоярский зверь» / Н. В. Борисова // *Филоlogos*. — 2012. — № 4. — С. 10–16.
33. Борисова, Н. В. Михаил Пришвин от эсхатологии к «Миру преображенному» / Н. В. Борисова // *Филоlogos*. — 2013. — № 3. — С. 15–20.
34. Борисова, Н. В. Михаил Пришвин Россия, 19 год XX столетия (на материале повести «Мирская чаша») / Н. В. Борисова // «Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его» (Мф. 6:33): Материалы XII международного форума. — 2017. — С. 116–118.
35. Борисова, Н. В. Михаил Пришвин : сотворение мифа. / Н. В. Борисова — Елец : Изд-во ЕГУ им. И. А. Бунина, 2017. — 169 с.
36. Борисова, Н. В. Преподобный Амвросий Оптинский и святитель Тихон Задонский в дневниках и прозе М. М. Пришвина / Н. В. Борисова // «Любовью и единением спасемся». — 2015. — С. 36–38.
37. Борисова, Н. В. Художественное бытие мифа в творческом наследии М. М. Пришвина : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / Борисова Наталья Валерьевна. — Елец, 2002. — 34 с.
38. Боровская, Е. Р. Притча о Блудном сыне во внутренней форме «Кладовой солнца» М. М. Пришвина / Е. Р. Боровская // М. М. Пришвин в контексте современного гуманитарного знания : Материалы Всероссийской научной конференции. — 2023. — С. 53–58.
39. Боровская, Е. Р. Христианские ценности в «Кладовой солнца» М. М. Пришвина / Е. Р. Боровская, С. А. Пошина // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. — 2010. — № 19. — С. 26–42.
40. Варламов, А. Н. Жизнь как творчество в дневнике и художественной прозе М. М. Пришвина : автореф. дис. ... доктора филол. наук : 10.01.01 / Варламов Алексей Николаевич. — Москва, 2003. — 42 с.

41. Варламов, А. Н. Пришвин. Серия : ЖЗЛ. / А. Н. Варламов — Москва : Молодая гвардия, 2003. — 547 с.
42. Визгин, В. П. Пришвин и Дурылин о святых местах России / В. П. Визгин // Философские науки. — 2017. — № 4. — С. 117–128.
43. Визгин, В. П. Пришвин и философия / В. П. Визгин // Творческое наследие Михаила Пришвина в системе современного гуманитарного знания. — 2018. — С. 44–61.
44. Воропаева, Н. А. Победа над собой осмысление конфликта между детьми в сказке были М. М. Пришвина «Кладовая солнца» / Н. А. Воропаева // Литература в школе. — 2010. — № 12. — С. 33–34.
45. Гордович, К. Д. Дневники М. Пришвина как универсальный текст / К. Д. Гордович // Михаил Пришвин : актуальные вопросы изучения творческого наследия : Материалы международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения писателя. — 2003. — Вып. 2. — С. 131–137.
46. Горинов, А. Е. К вопросу о жанрово-стилевом своеобразии ранних дневников М. Пришвина (1905–1914) / А. Е. Горинов // Михаил Пришвин : актуальные вопросы изучения творческого наследия : Материалы международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения писателя. — 2003. — Вып. 2. — С. 138–140.
47. Гринфельд-Зингурс, Т. Я. Диалектика души в образах природы «Глаза земли» М. Пришвина / Т. Я. Гринфельд-Зингурс // М. Пришвин и природа. К развитию пейзажа в прозе XX века. — 2017. — С. 8–46.
48. Гринфельд-Зингурс, Т. Я. Ритм прозы «Корабельная чаща» М. Пришвина / Т. Я. Гринфельд-Зингурс // М. Пришвин и природа. К развитию пейзажа в прозе XX века. — 2017. — С. 212–230.
49. Гришина, Я. Дневник как форма самопознания художника / Я. Гришина, В. Гришин. // Человек. — 1995. — № 5. — С. 162–166.
50. Демчева, Е. В. Формирование представления о милосердии у младших школьников на примере творчества М. М. Пришвина / Е. В. Демчева // Седьмые Пюхтицкие чтения. — 2018. — С. 499–503.

51. Денисова, О. Н. Лунарный миф в романе М. М. Пришвина «Кашеева цепь» / О. Н. Денисова // *Philologos*. — 2012. — № 4. — С. 17–22.
52. Денисова, О. Н. Метафизика любви в дневниковом и художественном дискурсе М. М. Пришвина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Денисова Олеся Николаевна. — Елец, 2015. — 21 с.
53. Денисова, О. Н. Эрос и пол в дневниковых книгах М. М. Пришвина / О. Н. Денисова // *Вестник Костромского государственного университета*. — 2014. — Т. 20. — № 2. — С. 127–130.
54. Михайлова, М. В. Цикл очерков М. Пришвина «В краю непуганых птиц» : поиски жанра / М. В. Михайлова, Лили Дин. // *Вестник Московского университета*. — 2021. — Серия 9. — № 2. — С. 122–131.
55. Дунаев, М. М. Православие и русская литература / М. М. Дунаев — Сергиев Посад : Московская духовная академия, 2009. — 512 с.
56. Дырдин, А. А. Русская философская проза после 1917 года : А. П. Платонов, М. М. Пришвин, Л. М. Леонов (символика мысли) : Дис. ... доктора филол. наук : 10.01.01. / Дырдин Александр Александрович. — Ульяновск, 2001. — 407 с.
57. Дюсекенев, Д. Н. «Путешествие из Павлодара в Каркаралинск» М. М. Пришвина в контексте ориентального дискурса / Д. Н. Дюсекенев // *Диалог культур : поэтика локального текста*. — 2018. — С. 40–49.
58. Есаулов, И. А. Пасхальность русской словесности / И. А. Есаулов — Москва : Кругъ, 2004. — 560 с.
59. Есикова, Н. Д. К проблеме народ и интеллигенция (на основе очерка М. Пришвина «Радий») / Н. Д. Есикова // *Материалы областной научной конференции по проблемам гуманитарных наук*. — 2014. — С. 205–208.
60. Есикова, Н. Д. Символические мотивы и образы в цикле М. М. Пришвина «Слепая голгофа» / Н. Д. Есикова // *Творческое наследие Михаила Пришвина в системе современного гуманитарного знания*. — 2018. — С. 89–97.

61. Жабина, Н. Я. Найти свой женьшень (Михаил Пришвин на Дальнем Востоке) / Н. Я. Жабина // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. — 2013. — № 3. — С. 101–106.

62. Зайцева, Н. В. Идея всеобъемлющего гуманизма в рассказах Михаила Пришвина для детей / Н. В. Зайцева // Михаил Пришвин и XXI век : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя. — 2013. — С. 136–139.

63. Зайцева, Н. В. Идея добра в произведениях М. М. Пришвина / Н. В. Зайцева // Творческое наследие Михаила Пришвина в системе современного гуманитарного знания. — 2018. — С. 97–99.

64. Зайцева, Н. В. Этико-гуманистические проблемы творчества М. М. Пришвина для детей / Н. В. Зайцева // Перспективы развития науки и образования. — 2013. — С. 126–127.

65. Зубова, Ж. А. Библейская фразеология в художественных произведениях М. М. Пришвина / Ж. А. Зубова, М. А. Анзина // Вестник Костромского гос. ун-та. — 2015. — Т. 21. — № 3. — С. 137–140.

66. Ибрагимова, П. Б. Концептосфера авторской картины мира (на материале дневников М. М. Пришвина и В. Д. Пришвиной «Мы с тобой дневник любви») : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ибрагимова Патимат Абдулмуминовна. — Махачкала, 2011. — 24 с.

67. Иванов, Н. Н. Мифопоэтика повести М. Пришвина «У стен града невидимого» / Н. Н. Иванов // Ярославский педагогический вестник. — 2010. — Т. 1. — № 4. — С. 255–257.

68. Иванов, Н. Н. Нравственные деформации советской эпохи как предмет художественной рецепции М. Пришвина / Н. Н. Иванов // Наука и общество : проблемы и перспективы развития. — 2018. — С. 89–95.

69. Иванов, Н. Н. Образы Невидимого Града в прозе Михаила Пришвина / Н. Н. Иванов, С. Н. Волкова // Дошкольное и начальное образование : современные методические подходы. — 2015. — С. 245–292.

70. Иванов, Н. Н. У стен града невидимого (мотивы и сюжеты) / Н. Н. Иванов // Философия, эстетика и поэтика творчества Михаила Пришвина. — 2020. — С. 63–71.

71. Иванов, Н. Н. Царство «небесно-земное, духовно-плотское»: рецепция мотивов Гёте в творческой эволюции М. Пришвина / Н. Н. Иванов, Л. И. Зимина // Верхневолжский филологический вестник. — 2020. — № 2. — С. 43–48.

72. Карасева, Е. В. Отражение национального характера в паремиях (на материале произведений М. Пришвина) / Е. В. Карасева // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка. — 2019. — С. 343–348.

73. Карасева, Е. В. Чувство стыда как регулятор поведения человека в обществе (на мат-ле произвед. М. М. Пришвина «Кашеева цепь») / Е. В. Карасева // Филологические науки. — 2018. — № 12–3 (90). — С. 529–532.

74. Карташова, Е. Н. Философские мотивы в поэме М. М. Пришвина «Фацелия» интерпретация, анализ, комментарий / Е. Н. Карташова // Учитель-начало всех начал: школа в совр. России. — 2018. — С. 272–276.

75. Качалова, М. П. Природа в «Дневниках» М. М. Пришвина: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Качалова Марина Павловна. — Магниторск., 2011. — 24 с.

76. Климова, Г. П. Творчество И. А. Бунина и М. М. Пришвина в контексте христианской культуры: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.02 / Климова Галина Павловна. — Москва, 1993. — 53 с.

77. Кнорре, Е. Ю. «Бог есть существо лицеродящее и противозаконное»: концепция «истинной революции» в персонализме М. Пришвина / Е. Ю. Кнорре // Поиск истины как аксиологическая парадигма гуманитарного знания: прошлое, настоящее, будущее: мат-лы по итогам VII Иоанновских науч. чтений. — 2018. — С. 192–198.

78. Кнорре, Е. Ю. Евангельский сюжет о возвращении блудного сына в дневниках М. М. Пришвина 1917–1920 гг. / Е. Ю. Кнорре // Творч. наследие Михаила Пришвина в системе совр. гуманит. знания. — 2018. — С. 130–139.

79. Кнорре, Е. Ю. Идеал нового «Мы» в дневниках и художественных произведениях М. Пришвина 1914–1928-х гг. / Е. Ю. Кнорре // Соловьевские исследования. — 2015. — № 3 (47). — С. 130–142.

80. Кнорре, Е. Ю. Сюжет о благоразумном разбойнике в дневниках М. Пришвина периода революции и гражданской войны в контексте религиозно-философских исканий «китежан» 1920-х гг. (С. Дурылина, П. Флоренского, В. Муравьева) / Е. Ю. Кнорре // Новозаветные образы и сюжеты в культуре русского модернизма. — 2018. — С. 476–491.

81. Кнорре, Е. Ю. Сюжет «пути в невидимый град» в творчестве М. М. Пришвина 1900–1930-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Кнорре Елена Юрьевна. — Москва, 2019. — 46 с.

82. Ковыршин, М. А. Соотношение религиозно-философских взглядов М. Пришвина и Д. Мережковского (к постановке проблемы) / М. А. Ковыршин // Михаил Пришвин : актуальные вопросы изучения творческого наследия : Материалы международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения писателя. — 2003. — Вып. 2. — С. 140–143.

83. Ковыршина, О. А. Время в пространстве всеединства : очерк М. М. Пришвина «За волшебным колобком» / О. А. Ковыршина // Елецкий креатив : жизнь и судьба учащихся и учителей Елецкой мужской гимназии. — 2010. — С. 105–114.

84. Ковыршина, О. А. Личность и историческое время в романе М. Пришвина «Осударева дорога» / О. А. Ковыршина // Творч. наследие Михаила Пришвина в системе современного гуманитарного знания. — 2018. — С. 139–144.

85. Колядина, А. М. Принципы организации текста в дневниках М. Пришвина (диахронический аспект) / А. М. Колядина // Михаил Пришвин : актуальные вопросы изучения творч. Наследия : Мат-лы международной научной конф., посвящ. 130-летию со дня рождения писателя. — 2003. — Вып. 2. — С. 99–103.

86. Колядина, А. М. Специфика дневниковой формы повествования в прозе М. Пришвина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Колядина Анна Михайловна. — Самара, 2006. — 20 с.

87. Константинова, Е. Ю. Идея творческого воздействия на мир в дневниках М. М. Пришвина 1926–1929 гг. в контексте диалога с Н. Фёдоровым и А. Горским / Е. Ю. Константинова // Литературоведческий журнал. — 2011. — № 29. — С. 129–147.

88. Константинова, Е. Ю. Персонализм и космизм в дневниках М. М. Пришвина 1920–1930-х гг. (религиозно-философский контекст) / Е. Ю. Константинова // Булгаковские чтения. — 2014. — № 8. — С. 139–143.

89. Константинова, Е. Ю. Философия творческой личности в дневниках и художественных произведениях М. Пришвина 1920-х годов (религиозно-философский контекст) / Е. Ю. Константинова // Михаил Пришвин и XXI век : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя. — 2013. — С. 75–82.

90. Красников, С. В. Религиозно-нравственная проблематика в дневниках М. М. Пришвина : специальность 48.04.01 «Теология» : магистерская диссертация / Красников Сергей Васильевич; Московская духовная академия. — Сергиев Посад, 2021. — 163 с. — Библиогр. : с. 158–163. — Текст : непосредственный.

91. Криволапова, Е. Поиски Бога в ранних дневниках Михаила Пришвина / Е. Криволапова // Roczniki humanistyczne. — 2022. — Т. LXX. — № 7. — С. 87–100.

92. Криничная, Н. А. Легенды о невидимом граде Китеже : мифологема разыскания сокровенного града в фольклорной и литературной прозе / Н. А. Криничная // Проблемы исторической поэтики. — 2005. — № 7. — С. 53–66.

93. Круглеевская, В. В. Блок в дневнике Пришвина и новонайденное письмо Блока Пришвину / В. В. Круглеевская, Л. А. Рязанова // Литературное наследство. — 1987. — Т. 92. — № 4. — С. 328–336.

94. Кульчицкая, Н. Н. Резерв будущего в растущем человеке («Рассказы о ленинградских детях» М. М. Пришвина) / Н. Н. Кульчицкая // Образ будущего :

Сборник тезисов Второй Международной научно-практической конференции — 2022. — С. 236–240.

95. Лейбниц, Г. В. Анагогический опыт исследования причин. Собр. соч. : в 4 т. / Г. В. Лейбниц — Москва : Мысль, 1984. — Т. 3. — 734 с.

96. Лишова, Н. И. «Можжевеловая тайна» в художественном дискурсе Михаила Пришвина (на материале романа «Кащеева цепь») / Н. И. Лишова // Михаил Пришвин и XXI век : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя. — 2013. — С. 232–235.

97. Лишова, Н. И. Мотив пути в романе М. Пришвина «Кащеева цепь» : композиционно-структурное своеобразие / Н. И. Лишова // Филологос. — 2011. — № 1. — С. 48–54.

98. Лишова, Н. И. Путешествие-странствие в повести М. М. Пришвина «Черный араб» / Н. И. Лишова // Вестник Костромского государственного университета. — 2013. — Т. 19. — № 6. — С. 81–85.

99. Лишова, Н. И. Религиозные поиски народа и интеллигенции в очерке М. М. Пришвина «За волшебным колобком» / Н. И. Лишова // Вестник Челябинского государственного ун-та. — 2010. — № 32. — С. 71–73.

100. Логвиенко, С. В. Леса к роману М. М. Пришвина Осударева дорога / С. В. Логвиенко // Диалог пространства и культуры в национальном самосознании : мат-лы Всероссийской научной конференции — 2014. — С. 39–44.

101. Логвиенко, С. В. Религиозные мотивы в романе М. М. Пришвина Осударева дорога / С. В. Логвиенко // «Любовью и единением спасемся» (Преподобный Сергей Радонежский) : Материалы X Международного форума «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения». — 2015. — С. 139–141.

102. Логвиенко, С. В. «Прощание с детством» как центральный этап инициации в романе М. М. Пришвина «Осударева дорога» / С. В. Логвиенко // Материалы областной науч. конф. по проблемам гуманитарных наук. — 2014. — С. 173–177.

103. Логвиенко, С. В. «Христианский социализм» в романе М. М. Пришвина «Осударева дорога» (на примере образа Волкова) /

С. В. Логвиенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 2–1. — С. 129–131.

104. Логвиненко, С. В. Библейские реминисценции в романе М. М. Пришвина *Осударева дорога* / С. В. Логвиенко // Актуальные направления фундаментальных и прикладных исслед. — 2014. — С. 220–226.

105. Логвиненко, С. В. Диалектика свободы и необходимости в романе М. М. Пришвина *«Осударева дорога»* : путь обретения любви / С. В. Логвиенко // Материалы областного профильного семинара «Школа молодых ученых» по проблемам гуманитарных наук. — 2015. — С. 36–39.

106. Логвиненко, С. В. Дорога к всеединству становление сознания как заключительный этап инициации в романе-мифе М. М. Пришвина *«Осударева дорога»* / С. В. Логвиенко // *Филоlogos*. — 2014. — № 3. — С. 49–53.

107. Логвиненко, С. В. Духовная культура славянского народа в ранних очерках М. М. Пришвина / С. В. Логвиенко // *Елец* в историко-культурном пространстве России. — 2016. — С. 35–39.

108. Логвиненко, С. В. История создания романа М. М. Пришвина *«Осударева дорога»* / С. В. Логвиенко // *Филоlogos*. — 2011. — № 3 (10). — С. 60–66.

109. Логвиненко, С. В. Пространственная модель мира в романе М. М. Пришвина *«Осударева дорога»* / С. В. Логвиенко // *Филоlogos*. — 2013. — № 1. — С. 46–49.

110. Логвиненко, С. В. Пространство «души-сознания» в романе М. М. Пришвина *«Осударева дорога»* / С. В. Логвиенко // *Вестник Челябинского государственного университета*. — 2012. — № 36 (290). — С. 25–30.

111. Логвиненко, С. В. Роман М. М. Пришвина *«Осударева дорога»* как «педагогическая поэма» (на примере образа Куприяныча) / С. В. Логвиенко // *От учительского института — к классическому университету: опыт и перспективы развития системы высшего образования*. — 2014. — С. 114–120.

112. Логвиненко, С. В. Роман Михаила Пришвина *«Осударева дорога»* : философия пространства. — Елец : Изд-во ЕГУ им. И. А. Бунина, 2017. — 151 с.

113. Ломакина, С. А. М. Пришвин и Г. Успенский к проблеме нравственно-этических исканий / С. А. Ломакина // Михаил Пришвин и XXI век : мат-лы Всероссийской науч. конф., посвящ. 140-летию со дня рожд. писателя — 2013. — С. 104–110.

114. Лукинова, А. Р. Образы природы как отражение души в романе М. М. Пришвина «Кашеева цепь» / А. Р. Лукинова // Пушкинские чтения-2019. Художественные стратегии классической и новой словесности : жанр, автор, текст. — 2019. — С. 140–149.

115. Лысюк, Е. А. Черный и белый цвета в творчестве М. М. Пришвина на примере сборника «В краю непуганых птиц» / Е. А. Лысюк // Актуальные проблемы современной филологии : Материалы X Международной научно-практической конференции. — 2020. — С. 73–75.

116. Любомудров, А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья : Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев — Санкт-Петербург : «Дмитрий Буланин», 2003 — 272 с.

117. Матушкина, В. И. Душа природы и человека в философских воззрениях Пришвина и Л. Леонова / В. И. Матушкина // Михаил Пришвин : актуальные вопросы изучения творческого наследия : Материалы МНК, посвященной 130-летию со дня рожд. писателя. — 2003. — Вып. 2. — С. 152–157.

118. Машкина, О. А. Роман М. М. Пришвина «Осударева дорога» в литературно-философском контексте эпохи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Машкина Ольга Александровна. — Томск, 2000. — 22 с.

119. Меркин, Б. Г. Авторское определение жанра как ключ к пониманию идеи произведения. М. М. Пришвин «Кладовая солнца» / Б. Г. Меркин // Известия Смоленского государственного ун-та. — 2016. — № 3. — С. 43–51.

120. Меркурьева, Н. А. Образ «Бедного Евгения» в философской прозе М. М. Пришвина / Н. А. Меркурьева // Славянский сборник. — 2016. — С. 107–112.

121. Меркурьева, Н. А. Тургеневские традиции в изображении праведниц М. М. Пришвина / Н. А. Меркурьева // Ученые записки Орловского государственного университета. — 2016. — № 1 (70). — С. 112–115.

122. Минералова, И. Г. В. В. Розанов и М. М. Пришвин : преемственность размышлений учителя и ученика о русском человеке и России на переломе эпох / И. Г. Минералова // М. М. Пришвин в контексте современного гуманитарного знания : Материалы Всероссийской науч. конф. — 2023. — С. 20–26.

123. Минералова, И. Г. Образ солнца в прозе М. М. Пришвина / И. Г. Минералова // Литература в школе. — 2023. — № 5. — С. 26–36.

124. Михайлов, П. Б. Начала богословского знания / П. Б. Михайлов // Вестник ПСТГУ. — Серия I. — 2011. — № 3 (35). — С. 7–21.

125. Монзина, Р. И. «Если я о природе пишу, то пишу о самом человеке» (изучение «Лесной капли» М. М. Пришвина на уроках литературы в 5–6 классах) / Р. И. Монзина // Филологический класс. — 2003. — № 9. — С. 57–61.

126. Морозова, М. Х. Мифологическая семантика образа озера Светлояр в очерке М. Пришвина «У стен града невидимого» / М. Х. Морозова // Philologos. — 2018. — № 38. — С. 26–30.

127. Мямлина, Л. А. Михаил Пришвин о любви земной и небесной / Л. А. Мямлина // Вестник Костромского государственного университета. — 2007. — Т. 13. — № 4. — С. 190–192.

128. Мямлина, Л. А. Смысл любви в творческом наследии М. Пришвина / Л. А. Мямлина // Вестник Тамбовского ун-та. — 2007. — № 4 (48). — С. 134–138.

129. Никандрова, А. В. Издательская судьба дневников М. М. Пришвина / А. В. Никандрова // Михаил Пришвин : диалоги с эпохой : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 135-летию со дня рождения писателя. — 2008. — С. 138–144.

130. Никифорова, О. В. Мотив движения в дневниковых записях М. М. Пришвина дальневосточного периода / О. В. Никифорова // Литература и культура Сибири, Дальнего Востока и Восточного зарубежья. Проблемы межкультурной коммуникации. — 2018. — С. 13–16.

131. Новикова, Н. В. Забытый Пришвин : журнальные очерки начала 1910-х годов / Н. В. Новикова // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи («Смирновские чтения»). — 2015. — С. 120–130.

132. Новоселова, И. Г. Духовный космос в произведениях М. М. Пришвина начала 1930-х годов / И. Г. Новоселова // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. — 2004. — № 1. — С. 123–137.

133. Овчинникова, Л. В. «Современность в ее высшем смысле» («Корабельная чаща» М. М. Пришвина как сказочно-идеологическая повесть) / Л. В. Овчинникова // Вестник Костромского государственного университета. — 2009. — Т. 15. — № 1. — С. 88–93.

134. Ольховская, Ю. И. Притчевое начало в очерке М. М. Пришвина «Адам и Ева» / Ю. И. Ольховская // Текст как единица филологической интерпретации. — 2015. — С. 249–253.

135. Охотникова, Г. П. Мифическая картина мира в очерковой прозе М. Пришвина / Г. П. Охотникова // Литературоведение на современном этапе : Теория. История литературы. Творч. индивидуальности. — 2014. — С. 304–310.

136. Павлова, А. Ю. Национально-религиозное пространство в «Повести нашего времени» М. М. Пришвина / А. Ю. Павлова // Культурная жизнь Юга России. — 2010. — № 4. — С. 84–87.

137. Павлова, А. Ю. Христианизированный контекст становления личности в романе-сказке М. М. Пришвина «Осударева дорога» / А. Ю. Павлова // Культурная жизнь Юга России. — 2011. — № 1. — С. 83–85.

138. Павлова, А. Ю. Художественная концепция личности и нравственно-философские контексты ее становления в прозе М. М. Пришвина сов. периода : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Павлова Анастасия Юрьевна. — Краснодар, 2011. — 24 с.

139. Подоксенов, А. М. Библиейские мотивы в повести «Мирская чаша» и дневнике М. М. Пришвина / А. М. Подоксенов // Credo new. — 2014. — № 2. — С. 1–2.

140. Подоксенов, А. М. Василий Розанов в жизни, мировоззрении и творчестве Михаила Пришвина / А. М. Подоксенов // Вопросы литературы. — 2016. — № 6. — С. 189–230.

141. Подоксенов, А. М. З. Фрейд в жизни и творчестве М. М. Пришвина / А. М. Подоксенов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. — 2008. — С. 18–29.

142. Подоксенов, А. М. Идеи Ф.М. Достоевского в повести Михаила Пришвина «Мирская чаша» и тайна прототипа огородника Крыскина / А. М. Подоксенов // Credo new. — 2017. — № 2 (90). — С. 1–4.

143. Подоксенов, А. М. Идеи Ф.М. Достоевского в произведении Михаила Пришвина «Повесть нашего времени» / А. М. Подоксенов // Философия и культура. — 2020. — № 2. — С. 34–49.

144. Подоксенов, А. М. Мировоззренческий контекст повести М. М. Пришвина «Мирская чаша» (опыт герменевтич. исследования). — Белгород : БелГУ, 2007. — 326 с.

145. Подоксенов, А. М. Михаил Пришвин «Богоискательский» период в жизни и творчестве / А. М. Подоксенов // Credo new. — 2015. — № 2–1. — С. 1–2.

146. Подоксенов, А. М. Михаил Пришвин и Анри Бергсон философский контекст творч. / А. М. Подоксенов // Философия и культура. — 2019. — № 1. — С. 49–58.

147. Подоксенов, А. М. Михаил Пришвин и Зигмунд Фрейд / А. М. Подоксенов // Philologos. — 2008. — № 1–2 (4). — С. 172–187.

148. Подоксенов, А. М. Михаил Пришвин и Максим Горький : тайна прототипа огородника Крыскина из повести «Мирская чаша» / А. М. Подоксенов // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2011. — Т. 23. — С. 97–105.

149. Подоксенов, А. М. Михаил Пришвин и Николай Лосский / А. М. Подоксенов // Человек. — 2011. — № 5. — С. 143–156.

150. Подоксенов, А. М. Михаил Пришвин и Фридрих Ницше / А. М. Подоксенов // Человек. — 2008. — № 5. — С. 74–89.

151. Подоксенов, А. М. Михаил Пришвин : философско-мировоззренческие контексты творчества / А. М. Подоксенов // Михаил Пришвин и XXI век : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя. — 2013. — С. 3–16.

152. Подоксенов, А. М. Михаил Пришвин художник и время (социокультурные контексты повести «Мирская чаша») / А. М. Подоксенов // Credo new. — 2014. — № 1 (77). — С. 1.

153. Подоксенов, А. М. Мотивы Ф. М. Достоевского в романе Михаила Пришвина «Кашеева цепь» / А. М. Подоксенов // Filologos. — 2017. — № 32. — С. 39–45.

154. Подоксенов, А. М. О проблеме «богоискательства» в мировоззрении и творчестве М. М. Пришвина / А. М. Подоксенов // Религиоведение. — 2007. — № 4. — С. 79–89.

155. Подоксенов, А. М. Образ коммуны в «Мирской чаше» и дневнике М. М. Пришвина / А. М. Подоксенов // Filologos. — 2007. — № 1–2. — С. 243–258.

156. Подоксенов, А. М. Повесть М. М. Пришвина «Мирская чаша» : герменевтика творчества. — Елец : Изд-во ЕГУ им. И. А. Бунина, 2012. — 426 с.

157. Подоксенов, А. М. Пришвин М. М. о большевизме как религиозном сектантстве в Дневниках 1914–1922 годов и в «Мирской чаше» / А. М. Подоксенов // Религиоведение. — 2004. — № 3. — С. 113–124.

158. Подоксенов, А. М. Розановские мотивы в «Мирской чаше», итоговой книге Михаила Пришвина о революции / А. М. Подоксенов // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2012. — Т. 18. — № 25. — С. 75–83.

159. Подоксенов, А. М. Розановские мотивы в повести Михаила Пришвина «Мирская чаша» / А. М. Подоксенов // Credo New. — 2018. — № 3. — С. 1–2.

160. Подоксенов, А. М. Розановский контекст «пути к Богу» в мировоззрении и творчестве М. Пришвина (Ч. 1) / А. М. Подоксенов // *Credo New*. — 2020. — № 4. — С. 1.

161. Подоксенов, А. М. Розановский контекст «пути к Богу» в мировоззрении и творчестве М. Пришвина (Ч. 2) / А. М. Подоксенов // *Credo New*. — 2021. — № 1. — С. 1–2.

162. Подоксенов, А. М. Философские идеи Г.В. Плеханова в мировоззрении и творчестве М. М. Пришвина / А. М. Подоксенов // *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. — 2008. — С. 120–132.

163. Подоксенов, А. М. Философско-мировоззренческий дискурс и культурный контекст творчества М. М. Пришвина : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 24.00.01 / Подоксенов Александр Модестович. — Белгород, 2008. — 36 с.

164. Подоксенов, А. М. Философско-мировоззренческий контекст переключки идей Достоевского, Маркса и Ницше в повести Пришвина «Мирская чаша» / А. М. Подоксенов // *Credo new*. — 2024. — № 1. [Электронный ресурс]. — URL : <https://credo-new.ru/archives/2617> (дата обращения 11.02.2024).

165. Польсков, К. О. О возможности применения богословского метода в социальных исследованиях / К. О. Польсков // *Ученые записки Орловского государственного университета*. — 2012. — С. 458–464.

166. Попова, И. В. Христианский контекст в творчестве М. М. Пришвина / И. В. Попова // *Наука и Образование*. — 2019. — Т. 2. — № 4. — С. 189–193.

167. Попова, И. В. Нравственный идеал милосердия в «Ленинградских рассказах» М. М. Пришвина / И. В. Попова // *Наука и образование*. — 2020. — Т. 3. — № 2. — С. 9. [Электронный ресурс]. URL : <http://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/1941/1939> (дата обращения 12.02.2024)

168. Попова, И. В. Религиозные искания в «Раннем дневнике» (1907–1913) М. М. Пришвина / И. В. Попова // *Духовно-нравственные основы русской литературы*. — 2014. — С. 146–151.

169. Пчелкина, Т. Р. Нравственно-этическая основа философии М. Пришвина (на материале лирико-философских миниатюр «Лесная капля» и

«Фацелия») / Т. Р. Пчелкина, Б. М. Байтов // Останай мемлекеттік педагогикалы институтыны. — 2013. — С. 52–55.

170. Розанов, В. В. Темный Лик. Метафизика христианства / В. В. Розанов. — Санкт-Петербург : типография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1911. — 285 с.

171. Розанов, Ю. В. Дневники М. М. Пришвина в контексте дневниковой прозы писателей первой половины XX века / Ю. В. Розанов, Н. В. Попова // Родная словесность. — 2015. — Вып. 5 (11). — С. 60–66.

172. Сапрыкина, М. В. Символика названия книги М. М. Пришвина «Незабудки» / М. В. Сапрыкина // Международный академический вестник. — 2015. — № 2. — С. 38–40.

173. Сарычев, Я. В. «Новое религиозное сознание» и М. Пришвин / Я. В. Сарычев // Михаил Пришвин : актуальные вопросы изучения творческого наследия : Материалы международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения писателя. — 2003. — Вып. 2. — С. 175–183.

174. Сарычев, Я. В. «У стен града невидимого» : метафизические резиньяции по поводу сюжета / Я. В. Сарычев // Творческое наследие Михаила Пришвина в системе современного гуманитарного знания. — 2018. — С. 238–247.

175. Святославский, А. В. Творческая личность на рубеже эпох к дискуссии вокруг повести М. Пришвина «Мирская чаша» / А. В. Святославский, А. А. Алехина // Ярославский педагогический вестник. — 2018. — № 1. — С. 234–238.

176. Сова, М. Н. Дневники М. М. Пришвина в современных исследованиях / М. Н. Сова // Вестник ТвГУ. — 2015. — № 1. — С. 361–366.

177. Соколова, Р. А. «Дневники» М. Пришвина / Р. А. Соколова // Вековая история как фундамент дальнейшего развития : материалы научно-практической конференции преподавателей РГУ имени С. А. Есенина. — 2015. — С. 744–748.

178. Соколова, Р. А. Нравственные аспекты взаимодействия человека с природой в творчестве А. Солженицына и М. Пришвина / Р. А. Соколова // Наследие А. И. Солженицына в современном культурном пространстве России и зарубежья. — 2014. — С. 148–154.

179. Сомова, Н. А. Мотив природы как зеркала авторского «я» в книге М. М. Пришвина «Глаза земли» / Н. А. Сомова, Н. П. Хрящева // Филологический класс. — 2017. — № 1 (47). — С. 68–73.

180. Сомова, Н. А. Черты притчи в лирических миниатюрах М. М. Пришвина / Н. А. Сомова // Уральский филол. вестник. — 2016. — № 5. — С. 122–130.

181. Телкова, В. А. Воспитательный потенциал произведений М. Пришвина в процессе обучения русскому языку младших школьников / В. А. Телкова // Гражданское воспитание младших школьников в условиях культурно-образовательной среды региона. — 2014. — С. 393–398.

182. Терешкина, Д. Б. Традиции русской словесности в повести М. М. Пришвина «Никон староколенный» / Д. Б. Терешкина // Национальный стиль Русской литературной классики. — 2021. — С. 54–62.

183. Трубицина, Н. А. Культурный неомиф Михаила Пришвина (на материале повести «Жень-шень») / Н. А. Трубицина // Philologos. — 2011. — № 2 (9). — С. 78–89.

184. Трубицина, Н. А. Православная символика в романе М. М. Пришвина «Кашеева цепь» / Н. А. Трубицина // «Любовью и единением спасемся» (Преподобный Сергей Радонежский). — 2015. — С. 137–137.

185. Трубицина, Н. А. Провинциальный текст Елец в романе М. Пришвина «Кашеева цепь» / Н. А. Трубицина // Вестник Пермского университета. — 2012. — № 2. — С. 156–163.

186. Трубицина, Н. А. Художественный образ Франции в романе Михаила Пришвина «Кашеева цепь» / Н. А. Трубицина // Вестник Воронежского государственного университета. — 2017. — № 3. — С. 80–83.

187. Трубицина, Н. А. Водная стихия как доминанта «Карельского текста» в книге Михаила Пришвина «В краю непуганых птиц» / Н. А. Трубицина // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. — 2013. — № 3 (132). — С. 74–77.

188. Трубицына, Н. А. Диалог петербургского и крымского текстов в повести Михаила Пришвина «Славны бубны» / Н. А. Трубицына // Пушкинские чтения. — 2012. — № XVII. — С. 88–93.

189. Урюпин, И. С. Библейский миф об Адаме и Еве в романе М. М. Пришвина «Кащеева цепь» / И. С. Урюпин // Михаил Пришвин и XXI век : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя. — 2013. — С. 54–60.

190. Урюпин, И. С. Ветхозаветный контекст и метатекст повести М. М. Пришвина «Мирская чаша» / И. С. Урюпин // Балтийский гуманитарный журнал. — 2018. — Т. 7. — № 2 (23). — С. 157–160.

191. Фатеев, В. А. Христианские мотивы в «Дневниках» М. М. Пришвина / В. А. Фатеев // Актуальные вопросы современного богословия и церковной науки. — 2018. — С. 277–282.

192. Фёдорова, Е. А. Проблема нравственного выбора в сказке-были М. М. Пришвина «Кладовая солнца» / Е. А. Фёдорова // Литература в школе. — 2017. — № 3. — С. 2–5.

193. Фирсова, Т. Г. Духовно-нравственные мотивы в произведении «Кладовая солнца» М. М. Пришвина / Т. Г. Фирсова, Е. А. Комарова // Проблемы филологического образования. — 2018. — С. 83–92.

194. Фокеев, А. Л. Документально-художественная специфика очерков М. М. Пришвина (В краю непуганых птиц) / А. Л. Фокеев // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук и образования : сущность, концепции, перспективы. — 2019. — С. 335–339.

195. Фролова, Е. А. Семантические трансформации в поэме М. Пришвина «Фацелия» / Е. А. Фролова // Русский яз. в школе. — 2018. — № 2. — С. 47–51.

196. Фролова, Е. В. Генезис религиозной мысли М. Пришвина / Е. В. Фролова // Труды Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета (Сибстрин). — 2007. — Т. 10. — № 1. — С. 161–168.

197. Фролова, Е. В. Категория духовности в творчестве М. Пришвина / Е. В. Фролова // Труды Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета (Сибстрин). — 2000. — Т. 3. — № 3. — С. 201–209.

198. Фролова, Е. В. М. М. Пришвин. Идейные и художественные искания. — Новосибирск : Изд-во НГАСУ, 2007. — 172 с.

199. Фролова, Е. В. Образная символика в повести М. Пришвина «Мирская чаша» / Е. В. Фролова // Труды Новосибирского государственного архитектурно-строительного ун-та (Сибстрин). — 2004. — Т. 7. — № 2. — С. 149–153.

200. Фролова, Е. В. Человек и война в дореволюционных текстах М. М. Пришвина / Е. В. Фролова // Актуальные проблемы философского и филологического знания. — 2013. — С. 86–91.

201. Фролова, Л. В. Структура синкретичных концептов в тексте романа М. М. Пришвина «Кашеева цепь» / Л. В. Фролова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2011. — Т. 1. — № 2. — С. 158–161.

202. Фролова, Л. В. Художественный концепт «воздух» в романе М. М. Пришвина «Кашеева цепь» / Л. В. Фролова // Известия Российского государственного педагогического ун-та им. А. И. Герцена. — 2008. — № 76–1. — С. 356–359.

203. Холодова, З. Синтетизм художественного наследия М. Пришвина / З. Холодова // Русская словесность. — 2018. — № 3. — С. 3–9.

204. Худенко, Е. А. Игровой роман М. Пришвина «Журавлиная родина» / Е. А. Худенко // Культура и текст. — 1998. — № 4. — С. 101–108.

205. Худенко, Е. А. Псалом 138 Давида в идейно-философской структуре романа М. М. Пришвина «Осударева дорога» / Е. А. Худенко // Евангельский текст — 2020. — С. 368–370.

206. Шустов, М. П. Дневники М. Пришвина как разновидность худ. Творчества / М. П. Шустов // Михаил Пришвин : диалоги с эпохой. — 2008. — С. 172–176.

207. Шмеман, А., прот. Дневники. 1973–1983. / прот. А. Шмеман. — Москва : Русский путь, 2005. — 720 с.

208. Юрченко, Л. Н. Дневник как жанровая форма у И. А. Бунина и М. М. Пришвина / Л. Н. Юрченко // Михаил Пришвин : диалоги с эпохой. — Елец : Изд-во ЕГУ им. И. А. Бунина, 2008. — С. 80–88.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Иллюстрация 1.